

ISSN 2221-2698

сетевой научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 41
2020**

Архангельск

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2020

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2020

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 г. Ранее журнал был зарегистрирован как электронное периодическое издание, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R (2011); научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: EBSCO Publishing, США (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 раз в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике размещены на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология. Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor (Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications) as an online media published in Russian and English: Registration certificate Эл No. ФС77- 78458, issued on the 8th of June 2020. Earlier, the journal was registered as an electronic periodical, certificate Эл No. ФС77-42809 dated November 26, 2010; at the system of eLIBRARY, license contract no. 96-04/2011R (2011); Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (2016). And in the catalogs of international databases: EBSCO Publishing, USA (2012), Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal publishes the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in the Arctic and North journal and be placed in the databases that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

БАДЫЛЕВИЧ Р.В., ВЕРБИНЕНКО Е.А. Анализ участия банковских структур в реализации стратегических программ развития российской Арктики	5
BADYLEVICH R.V., VERBINENKO E.A. Analysis of Participation of Banking Institutions in the Strategic Development Programs of the Russian Arctic	
ВАСИЛЬЕВ А.М. Особенности кластеризации в рыбном хозяйстве на примере рыбного хозяйства Северного бассейна и Мурманской области	21
VASILYEV A.M. Features of Clustering in Fisheries by the Example of Fisheries in the Northern Basin and the Murmansk Oblast	
ДЯДИК Н.В., ЧАПАРГИНА А.Н. Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике	38
DYADIK N.V., CHAPARGINA A.N. Business and State: Environmental and Economic Responsibility in the Russian Arctic	
ЕГОРОВ Н.Е., КОВРОВ Г.С. Сравнительная оценка инновационного развития регионов Крайнего Севера	62
EGOROV N.E., KOVROV G.S. Comparative Assessment of Innovative Development of the Far North Regions	
РОДНИНА Н.В. Проблемы традиционных отраслей АПК Арктики в Якутии	75
RODNINA N.V. Problems of the Arctic Traditional Industries in Yakutia	
СКУФЬИНА Т.П., МИТРОШИНА М.Н. Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития	87
SKUFINA T.P., MITROSHINA M.N. Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development	

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ГАГИЕВ Н.Н., ГОНЧАРЕНКО Л.П., СЫБАЧИН С.А., ШЕСТАКОВА А.А. Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации	113
GAGIEV N.N., GONCHARENKO L.P., SYBACHIN S.A., SHESTAKOVA A.A. National Projects in the Arctic Zone of the Russian Federation	
ГУДЕВ П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2)	130
GUDEV P.A. The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part II	
КРАСНОПОЛЬСКИЙ Б.Х. Координация международных организаций северо-арктических регионов: к программе председательства Российской Федерации в Арктическом совете	148
KRASNOPOLSKIY B.Kh. Coordination of International Organizations of the North-Arctic Regions: to the Program of the Presidency of the Russian Federation in the Arctic Council	

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

НЕДОСЕКА Е.В., КАРБАИНОВ Н.И. «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России)	163
NEDOSEKA E.V., KARBAINOV N.I. “Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia)	
ПАТОНЯ А. Доверие в Ultima Thules: развитие социального капитала и возобновляемых источников энергии в Исландии и Гренландии: часть I	182
PATONIA A. Trust in Ultima Thules: Social Capital and Renewable Energy Development in Iceland and Greenland. Part I	
ПИТУХИНА М.А. Интернационализация профессионального образования в университетах стран-членов Арктического Совета	220
PITUKHINA M.A. Internationalization of Vocational Education in the Arctic Council Member-States’ Universities	
РУССОВА О.Н., СМАК Т.С., ТАРАСОВ И.А. Оценка комфортности городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области	236
RUSSOVA O.N., SMAK T.S., TARASOV I.A. Assessment of the Comfort of the Urban Environment as a Factor in the Social Well-being of Citizens of the Arkhangelsk Oblast	
СУВОРОВА И.М. Аксиологические предпочтения жителей карельской Арктики в современной социокультурной ситуации	248
SUVOROVA I.M. Axiological Preferences of Residents of the Karelian Arctic in the Modern Sociocultural Situation	
ТЕРЕЩЕНКО Е.Ю. Восточный Мурман: социальные аспекты колонизации в материалах экспедиций и путевых заметок II половины XIX — начала XX вв.	261
TERESHCHENKO E.Yu. Eastern Murman: Social Aspects of Colonization in the Materials of Expeditions and Travel Notes of the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries	
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal	277
Благодарности Acknowledgments	279
Выходные данные Output data	280

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 332.146.2(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.5

Анализ участия банковских структур в реализации стратегических программ развития российской Арктики *

© **БАДЫЛЕВИЧ Роман Викторович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

E-mail: ramapatit@rambler.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

© **ВЕРБИНЕНКО Елена Александровна**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: everbinenko@yandex.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

Аннотация. В статье исследуются вопросы организации финансирования развития территорий российской Арктики и участия в данном процессе банковских структур. Рассмотрен комплекс стратегических документов развития Арктической зоны РФ, проанализирована динамика утверждённых объёмов финансирования программ развития Арктики, исследована структура источников финансирования инвестиций в основной капитал в регионах, чья территория относится к Арктической зоне РФ. Сделан вывод о недостаточном участии банков в инвестиционной деятельности в большинстве арктических регионов (за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, где активная роль банковских структур обусловлена участием в финансировании крупных газо- и нефтедобывающих проектов в северной части региона) и снижение инвестиционной активности иностранных банковских структур в последние годы. Дана характеристика перспектив участия крупнейших российских банковских структур в реализации крупномасштабных проектов в Арктике, таких как банк «ВТБ», Сбербанк России, «Газпромбанк». Проведён анализ возможностей концентрации банковского капитала, а также использования механизмов государственно-частного партнёрства на базе создания единого финансового института с государственным участием. Показано, что наиболее эффективной формой повышения эффективности управления финансовыми потоками в рамках стратегического развития арктических территорий может стать создание Банка развития Арктики.

Ключевые слова: российская Арктика, регионы Арктической зоны РФ, стратегические программы развития, структура инвестиций, банковское финансирование, Банк развития Арктики.

Analysis of Participation of Banking Institutions in the Strategic Development Programs of the Russian Arctic

Roman V. BADYLEVICH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

E-mail: ramapatit@rambler.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Elena A. VERBINENKO, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher

E-mail: everbinenko@yandex.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

* Для цитирования: Бадылевич Р.В., Вербиненко Е.А. Анализ участия банковских структур в реализации стратегических программ развития российской Арктики // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 5–20. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.5

For citation: Badylevich R.V., Verbinenko E.A. Analysis of Participation of Banking Institutions in the Strategic Development Programs of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 5–20. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.5

Abstract. The article examines the issues of financing the development of the Russian Arctic territories and the participation of banking structures in this process. A set of strategic documents for the development of the Arctic zone of the Russian Federation is considered, the dynamics of approved amounts of funding for Arctic development programs are analyzed, and the structure of sources of financing for investment in fixed assets in regions whose territory belongs to the Arctic zone of the Russian Federation is studied. It is concluded that banks are not sufficiently involved in investment activities in most of the Arctic regions (except the Yamal-Nenets Autonomous district, where the active role of banking institutions is due to participation in the financing of large gas and oil production projects in the Northern part of the region), and in recent years, foreign banking structures decline investment activity. The article describes the prospects of participation of the largest Russian banking structures in implementing large-scale projects in the Arctic, such as VTB Bank, Sberbank of Russia, and Gazprombank. The analysis of the possibilities of concentration of banking capital, as well as the use of mechanisms of public-private partnership based on the creation of a single financial institution with state participation is performed. The most effective form of improving the efficiency of financial flows management in the framework of strategic development of the Arctic territories can be the creation of The Bank for reconstruction and development of the Arctic.

Keywords: *Russian Arctic, regions of the Russian Federation's Arctic zone, strategic development program, investment structure, bank financing, Bank for reconstruction and development of the Arctic.*

Арктика — один из ключевых стратегических приоритетов развития в нашей стране за последнее десятилетие. Природные ресурсы Арктики, особенно ресурсы континентального шельфа, являются стратегическим резервом общенационального значения. Сухопутная граница арктических регионов России достаточно протяжённая — около 22 600 км. Территории значительно различаются по изученности и освоению, заселению и уровню социально-экономического развития. Поэтому обеспечение устойчивого режима функционирования экономики арктических регионов требует государственного регулирования и поддержки. В условиях повышения внимания к ресурсам и возможностям Арктики со стороны ведущих держав, таких как США, Канада, Китай, в России в последние годы по инициативе Президента РФ формируется отдельное направление государственной политики — развитие Арктической зоны РФ.

Только за последние годы было принято несколько ключевых стратегических документов, направленных на развитие этого региона (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года, Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года), активно формируется система государственных органов реализации такой политики — создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики при Правительстве РФ, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока перепрофилировано в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Ведущие исследователи связывают развитие Арктической зоны РФ с выполнением крупных инфраструктурных проектов [1, Borisov V.N., Pochukaeva O.V.], реализацией сложных технологических решений на арктическом шельфе и в труднодоступной местности [2, Val-

ashova E.S., Gromova E.A.], необходимостью модернизации функционирующих производственных объектов [3, Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F.], реализацией крупных международных инновационных проектов [4, Skvortsova I., Latyshev R., Oskolkova M.], формированием новых арктических кластеров [5, Afonichkina E.A., Afonichkin A.I.]. В основе данных направлений развития лежит потребность в значительных финансовых ресурсах, которая не может быть удовлетворена только за счёт внутренних источников хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в арктических регионах, или государственных вложений. В связи с этим изучение возможностей привлечения средств финансовой сферы (одним из основных звеньев которой выступает банковская система) для формирования достаточного финансового потенциала развития этих регионов является важным условием обеспечения необходимых темпов экономического роста данных территорий.

Стратегические документы, направленные на развитие арктических территорий России

В конце прошлого десятилетия и начале этого были сформированы масштабные проекты, направленные на всестороннее развитие российской Арктики. Предполагалось направить значительные средства на их реализацию. Но с возникновением кризисных явлений в экономике, наложением санкций на Россию в 2014–2015 гг. финансирование большинства проектов было заметно сокращено. В полном объёме и в установленные сроки в последние годы продолжали реализовываться только проекты военного назначения и сопутствующие проекты. При этом даже изначально экономически привлекательные проекты в области разведки и добычи сырьевых ресурсов Арктики были отложены до лучших времен или финансировались в весьма ограниченном объёме. Также не были реализованы проекты по созданию территориальных кластеров (за исключением судоремонтного инновационного кластера в Архангельской области), особых экономических зон (за исключением Мурманской портовой зоны).

В 2017 г. в Государственную программу РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» были внесены изменения, важнейшим из которых стал расчёт потребности в финансировании предлагаемых мероприятий, направленных на развитие Арктической зоны РФ, которое, по предложению Правительства РФ, должно было составить до 2025 г. около 210 млрд рублей¹, а ключевым направлением развития российской Арктики было решено сделать процесс создания опорных зон (предполагалось сформировать опорные зоны по всему маршруту Северного морского пути во всех регионах, чья территория полностью или частично относится к Арктической зоне РФ). Впрочем, в сложных современных экономических условиях рассчитывать на полное выполнение установленных обязательств не приходится. В частности, в феврале 2020 г. было принято решение о со-

¹ Финансирование госпрограммы развития Арктики оценивается в 210 млрд. руб. Материал аналитического агентства «Финмаркет». URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/4476418> (дата обращения: 01.06.2020).

кращении мероприятий Государственной программы на 50 млрд рублей в 2020–2022 г. (с 190 млрд руб. до 140 млрд руб.)². По сути, дальнейшее финансирование предполагается только по ключевым направлениям программы — созданию опорных зон в Арктике и развитию человеческого капитала. Все остальные направления и мероприятия в программе останутся лишь в виде перечислений, а их реализация будет осуществляться в рамках отраслевых программ. При этом, учитывая возникшую объективную реальность, связанную с объявлением пандемии новой коронавирусной инфекции в мире, и гигантские усилия органов власти на всех уровнях по сдерживанию и противодействию инфекции, требующие значительных финансовых затрат, следует ожидать уже в этом 2020 г. дальнейшего сокращения финансирования отраслевых и территориальных программ развития, в том числе и государственной программы развития Арктики.

Одним из шагов, направленных на повышение эффективности усилий Правительства РФ в области развития арктических территорий России, должно стать принятие Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Задача скорейшего принятия данного стратегического документа обозначена в принятых в марте 2020 г. Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года³. Непосредственно задача принятия такой стратегии была обозначена Президентом РФ ещё в апреле 2019 г. в ходе выступления на V Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога», который проходил в городе Санкт-Петербурге. Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики к концу 2019 г. разработало проект такой стратегии. К формированию проекта были привлечены научное сообщество, эксперты, региональные органы власти, общественность. На май 2020 г. продолжается корректировка содержания Стратегии, в частности, проект отправлен в федеральные органы власти, осуществляется согласование документа с региональными стратегиями субъектов РФ, входящих в Арктическую зону РФ. Ещё в конце января планировалось, что до конца марта 2020 г. откорректированный проект стратегии будет представлен в Совет Безопасности РФ, а уже в июне он будет представлен на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге⁴, но новая экономическая реальность и сосредоточение усилий Правительства на борьбе с коронавирусной инфекцией отодвинули эти планы.

На данный момент комплекс стратегических документов, направленных на развитие российской Арктики, представлен на рис. 1. Следует отметить, что в настоящее время стратегическая основа развития Арктической зоны РФ находится в стадии активного формирования и изменения.

² Арктика поделится деньгами. Минвостокразвития упрощает госпрограмму её развития. Материал газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4269792> (дата обращения: 01.06.2020).

³ Основы государственной государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года // Утверждены указом Президента РФ от 05.03.2020 № 164.

⁴ Стратегия развития Арктической зоны России будет готова к 20 марта. Материал Пресс-службы Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/24231/> (дата обращения: 03.06.2020).

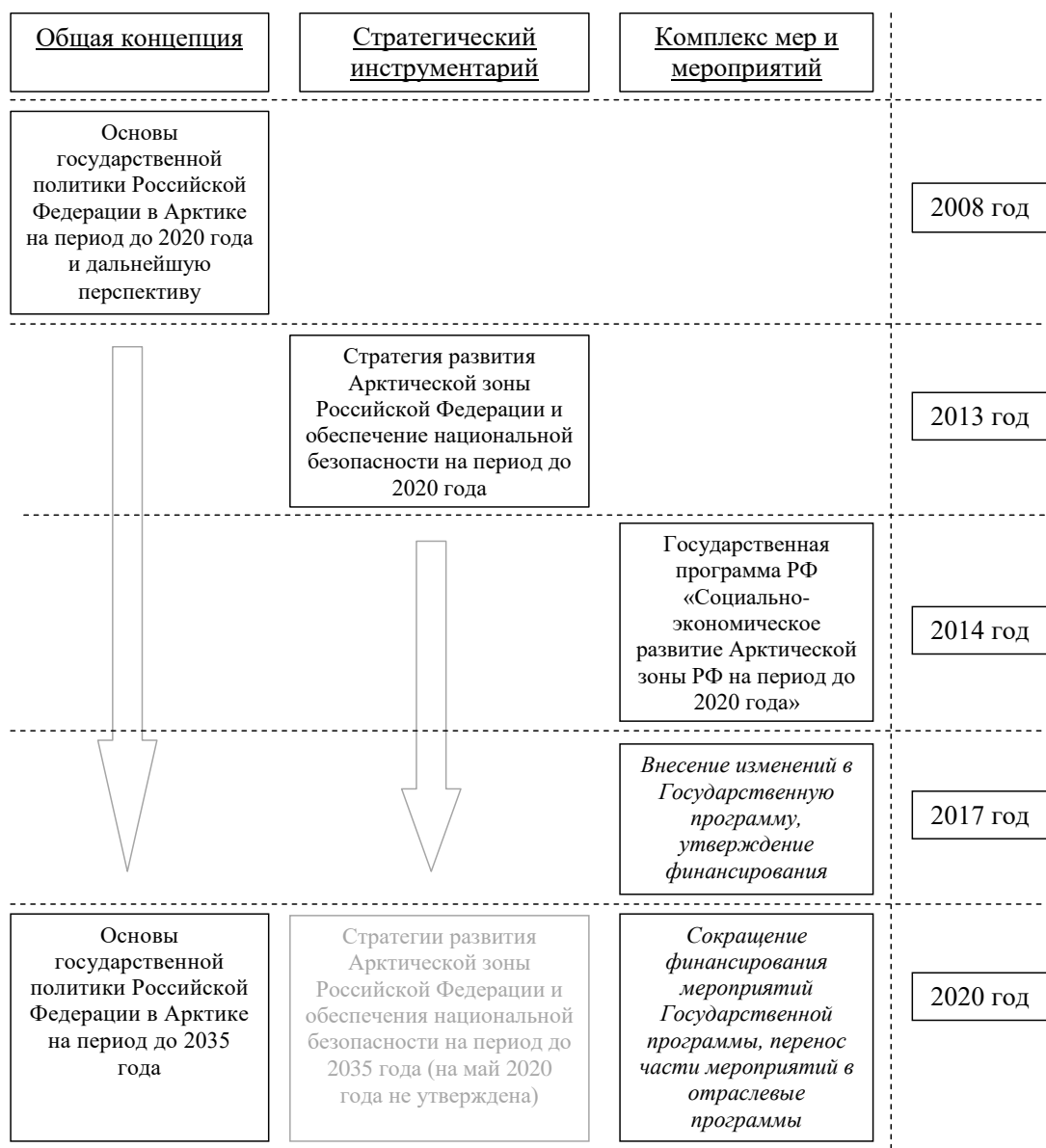

Рис. 1. Комплекс стратегических документов развития Арктической зоны РФ (составлено авторами).

Рассмотрим основные источники и формы предполагаемого финансирования мероприятий, заложенных в стратегических документах и направленных на развитие Арктики.

Как уже отмечалось выше, общий объём финансовых ресурсов, которые планировалось направить на развитие российской Арктики до 2025 г., в 2017 г. оценивался на уровне 210 млрд рублей. Из этих ресурсов планировалось более 90% (более 190 млрд рублей) выделить за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета. Уже сейчас понятно, что найти бюджетные ассигнования в достаточном объёме не представляется возможным. Поэтому государству приходится искать альтернативные способы привлечения финансирования для обеспечения развития российской Арктики. Так, финансировать многие проекты по развитию Арктики предполагается с привлечением внебюджетных источников.

Проанализируем участие внебюджетных источников в финансировании инвестиций в основной капитал в регионах, чья территория относится к Арктической зоне РФ. На графике представлена структура источников финансирования инвестиций в основной капитал в 2019 г.

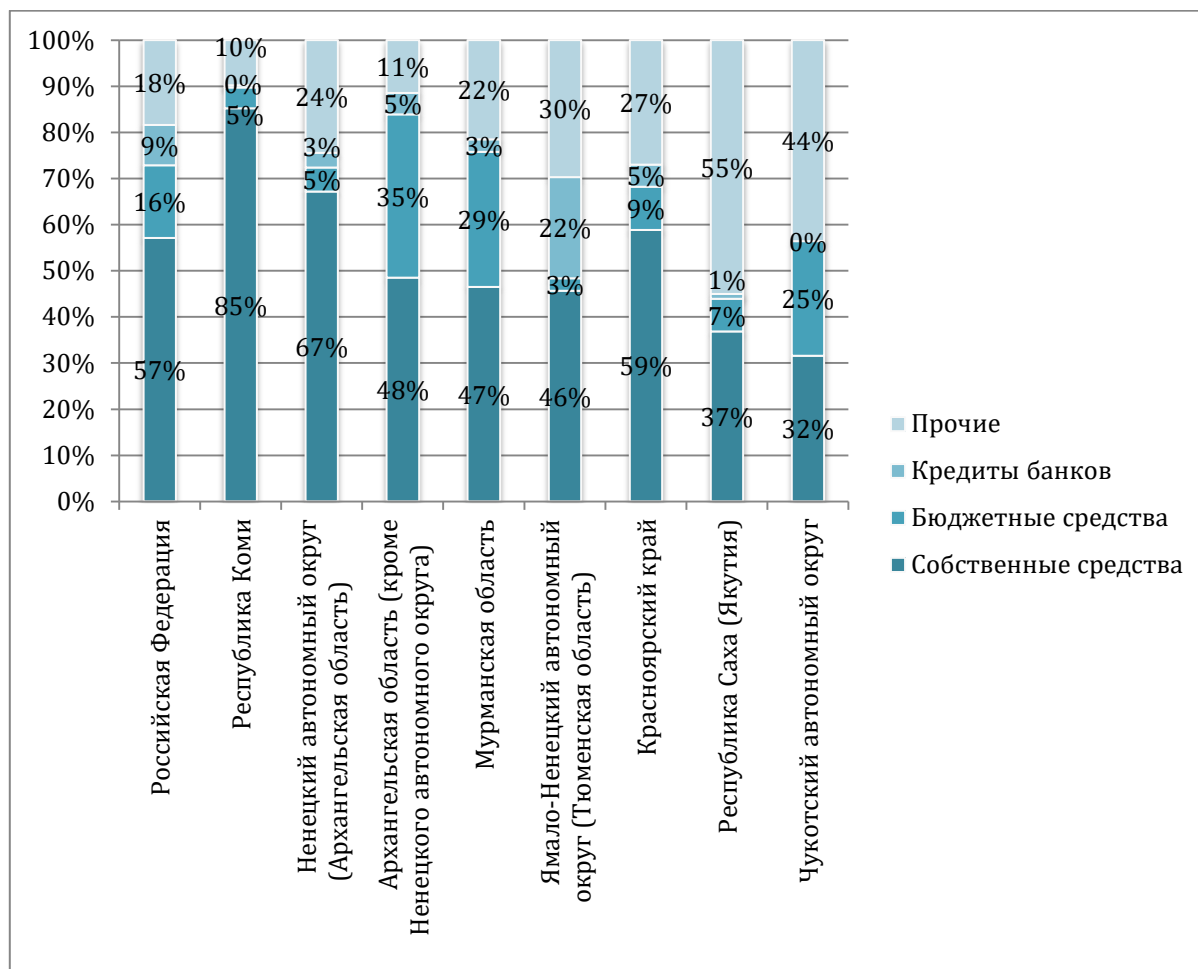

Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в 2019 г., % (по данным системы ЕМИСС)⁵.

Согласно представленным данным, структура источников финансирования инвестиций в основной капитал по субъектам Арктической зоны РФ существенно отличается. Так, например, в республике Коми и Ненецком автономном округе преобладают в структуре источников собственные средства предприятий (85% и 67% от общего объема инвестиций). Доля бюджетных средств в структуре источников значительно превышает среднероссийский уровень (16%) в Архангельской области (35%) и Мурманской области (29%). В условиях сокращения финансирования Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ», а также снижения показателей деловой активности и рентабельности деятельности крупных промышленных предприятий в условиях кризиса 2020 г. следует ожидать снижения инвестирования в реальные инвестиционные проекты в Арктике.

⁵ Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования в 2019 году. Данные системы ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33644#> (дата обращения: 03.06.2020).

Место банковского кредитования в структуре источников финансирования мероприятий по развитию Арктики

Банковское кредитование в абсолютном числе арктических регионов занимает в структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал гораздо меньшую долю по сравнению с общероссийскими данными (в России в 2019 г. доля банковского кредитования в инвестициях в основной капитал составляла около 9%). Исключением является Ямало-Ненецкий автономный округ, где в последние годы удельный вес банковских кредитов превышает 20% (в 2019 г. значение данного показателя составило 22%). При этом из 188 млрд рублей банковских кредитов, направленных на финансирование инвестиций в нефинансовые активы в Ямало-Ненецком автономном округе, 140 млрд рублей пришлось на кредиты иностранных банков. Основной объём инвестиций в основной капитал в ЯНАО приходится на разработку и формирование инфраструктуры крупных газо- и нефтедобывающих проектов в северной части региона. В частности, это Бованенковский, Тамбейский и Каменномысский участки по добыче газа и Новопортовский и Мессояхский нефтедобывающие участки.

Следует отметить, что банковские структуры в целом в России достаточно удалены от процессов реального инвестирования. На протяжении 2016–2018 гг. доля кредитов банков в структуре источников финансирования находилась на уровне 10%–11%, а по предварительным данным, в 2019 г. этот показатель снизился до 9%. При этом аналогичный показатель в развитых странах составляет не менее 35% (в США данный показатель находится на уровне 40%, в странах Европы в среднем — 45%, в Японии — около 65%) [6, Урманчеев И.Ш.]. Доля же участия иностранных банков в финансировании инвестиций в основной капитал за последние годы снизилась с 5,4% в 2017 г. до 2% в 2019 г. По данным 2018 г., лишь в семи российских регионах (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, которые входят одновременно и в состав Тюменской области) на финансирование инвестиций в нефинансовые активы были направлены кредиты иностранных банков. Ямало-Ненецкий автономный округ стал единственным таким регионом среди всех арктических субъектов РФ. В последние годы иностранные кредитные институты предпочитают инвестировать лишь в крупные нефтегазовые проекты со значительным запасом финансовой прочности и высокой рентабельностью.

Кроме структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования достаточно показательным является отношение банковских кредитов, направляемых на цели реального инвестирования, на тысячу рублей валового регионального продукта. Данный показатель по арктическим регионам приведён на рис. 3.

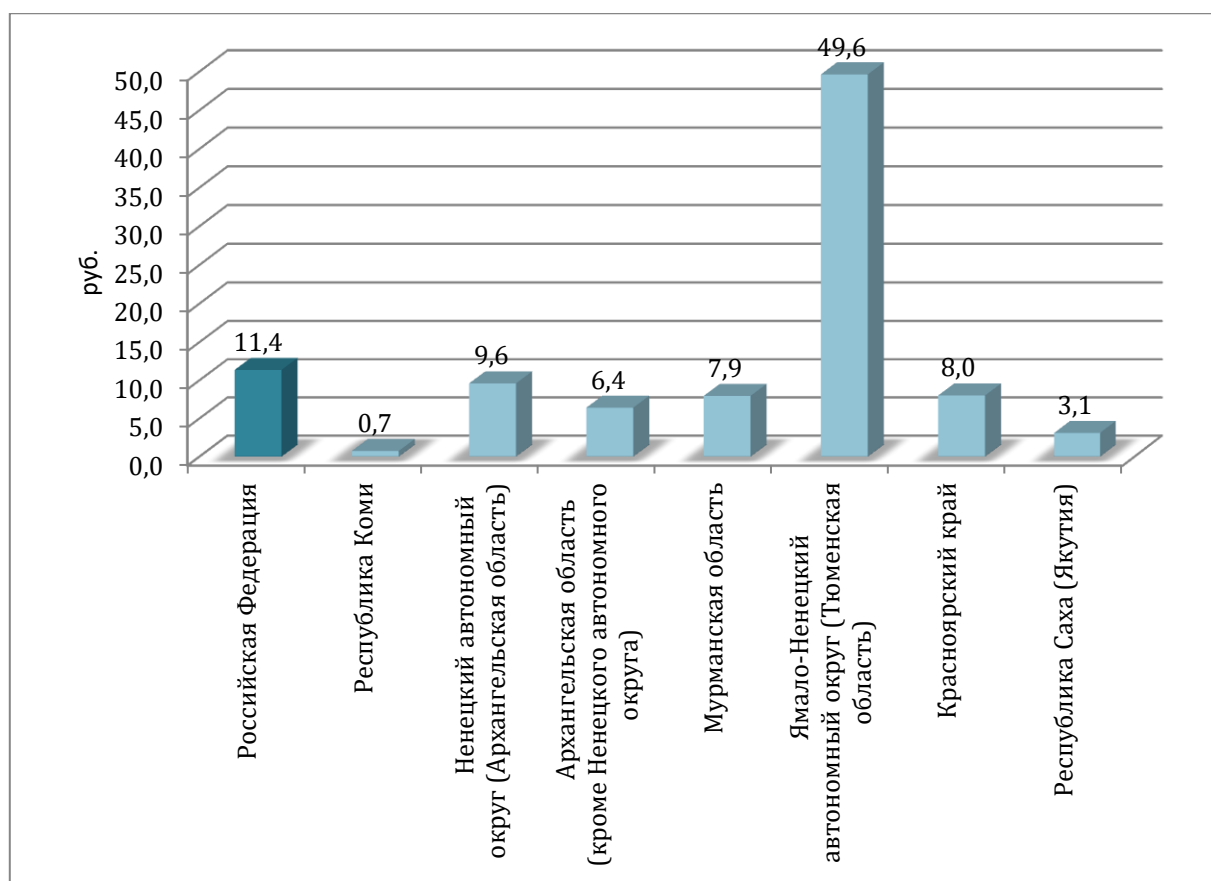

Рис. 3. Относительный объём банковских кредитов, направленный на финансирование инвестиций в основной капитал, в расчёте на 1 тыс. руб. ВРП⁶ по субъектам Арктической зоны РФ, руб.⁷

Согласно данным графика, единственным регионом Арктической зоны РФ, где объём банковских кредитов, направленных на финансирование инвестиций в основной капитал, значителен (более чем в четыре раза превышает среднероссийский уровень), является Ямало-Ненецкий автономный округ. Этот же регион, как было установлено авторами в ранее опубликованных работах [7, Verbinenko E., Badylevich R.], является лидером среди арктических субъектов РФ по показателю объёмов инвестиций в основной капитал, профинансированных за счёт банковского кредитования на душу населения. Несмотря на некоторое снижение инвестиционной деятельности в ЯНАО в 2017–2019 гг., прогнозы региональных органов власти, согласно которым только для реализации крупных инвестиционных проектов на севере региона планируется привлечь до 9 трлн рублей до 2050 г.⁸, позволяют с уверенностью говорить о дальнейшей активной роли банковских структур в инвестиционной деятельности в этом регионе. Во всех остальных арктических регионах участие банков в инвестиционной деятельности недостаточно.

Банковские ресурсы, согласно видению федеральных органов власти, — один из основных источников финансирования реализации крупных инвестиционных проектов в Арктике. В условиях, когда сокращаются объёмы выделяемых бюджетных ассигнований на реа-

⁶ Предварительные данные ВРП субъектов РФ за 2019 год.

⁷ По Чукотскому автономному округу данные отсутствуют.

⁸ Инвестиции в освоение севера ЯНАО могут достичь 9 трлн. рублей до 2050 года. Материалы информационного агентства «Тасс». URL: <https://tass.ru/ekonomika/6341024> (дата обращения: 03.06.2020).

лизацию основных направлений развития арктической зоны РФ, а конъюнктура на мировых сырьевых рынках и усиливающийся экономический кризис в связи с пандемией коронавируса в мире не позволяют надеяться на повышение инвестиционных возможностей государства, крупные финансовые институты могут стать значимым участником реализации государственной политики в Арктике. Способствовать этому может наличие крупных пакетов акций самых влиятельных российских банков в государственной собственности (в настоящее время, по официальным данным, более 50% акций Сбербанка РФ и почти 100% акций банка «Открытие» принадлежит Центральному Банку РФ, Росимущество владеет более чем 60% акций банка «ВТБ» и 100% акций «Россельхозбанка» и «Промсвязьбанка» и так далее) и присутствие лояльных руководителей, которые фактически назначаются при участии высших лиц государства.

Катализатором привлечения банковских структур к финансированию крупных проектов развития российской Арктики должна стать позиция Президента РФ. Уже сегодня многие крупные финансовые институты подключаются к процессу реализации арктических мегапроектов.

С 2019 г. активизирует свое участие Банк «ВТБ»⁹. На конец 2019 г. участие «ВТБ» в арктических проектах составляет порядка 500 млрд рублей (80% от этой суммы — это кредитование инвестиционных проектов, оставшиеся 20% приходятся на финансовые гарантии). В 2020–2021 гг. банк планирует увеличить свое участие в развитии Арктики как минимум в два раза — до 1 трлн рублей. Планируется это сделать за счёт участия банка в проекте создания ледокольного флота, работу по которому сейчас осуществляет корпорация «Росатом». В 2019 г. общая сумма участия «ВТБ» в этом проекте оценивалась на уровне 150 млрд рублей. Дополнительно в планах банка участие в реализации инвестиционного проекта по разработке Баимского медно-золотого месторождения, которое располагается на юго-западе Чукотского автономного округа и является, по оценкам, одним из самых больших месторождений медно-золотых руд в мире. На эти цели может быть выделено до 270 млрд рублей. Непосредственно строительство и запуск в эксплуатацию ГОК Баимский сейчас реализует казахстанская компания KAZ Minerals. Ещё один проект, в который хочет инвестировать Банк «ВТБ», — это проект по добыче платиноидных руд на Таймырском полуострове Красноярского края. Конкретные суммы участия «ВТБ» в данном проекте, принадлежащем «Норильскому Никелю», руководителями банка не озвучивались, но известно, что общая сумма инвестиций, необходимых для реализации проекта на Таймыре, составляет около 15 млрд долларов.

С 2019 г. активно подключиться к кредитованию крупных инвестиционных проектов в российской Арктике планировал и Сбербанк. В частности, в апреле 2019 г. была достигнута договорённость между Сбербанком и корпорацией AEON о финансировании двух масштаб-

⁹ Бурмистрова С. ВТБ предоставит 1 трлн руб. на проекты в Арктике. Материал портала «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/business/22/11/2019/5dd79bfc9a7947f3f95d6b05> (дата обращения: 03.06.2020).

ных проектов: первый — разработка крупного угольного месторождения в Красноярском крае (на полуострове Таймыр) и второй — создание порта с сопутствующей инфраструктурой в Ненецком автономном округе в посёлке Индига, который станет важным звеном в развитии Северного морского пути. Общий объём инвестиций, необходимый для реализации данных двух проектов, по оценкам, составляет около 35 и 120 млрд рублей¹⁰. Ещё одна инициатива Сбербанка связана с предполагаемым финансированием компании «Северная звезда», которая в ближайшие годы планирует осуществлять перевозки угля по Северному морскому пути.

Третий по размеру активов «Газпромбанк» также активно включился в работу по кредитованию проектов развития Арктики в 2019 г. В рамках Петербургского международного экономического форума банк подписал соглашение по созданию портовой инфраструктуры в городе Мурманск. Проект предусматривает строительство угольного терминала «Лавна», работы по углублению акватории порта, развитие портовой инфраструктуры¹¹. Планируемое участие Газпромбанка в проекте составляет свыше 30 млрд рублей. Кроме того, банк поддерживает многие проекты в рамках развития кластера судостроения и производства морской техники Архангельской области, активно участвует в развитии транспортной и социальной инфраструктуры в Ямало-Ненецком автономном округе (в настоящее время банк реализует проект строительства моста через реку Пур, осуществляет инвестиции в реконструкцию аэропорта в городе Новый Уренгой¹²).

Одновременно в последние годы Правительству РФ всё труднее рассчитывать на участие в проектах крупных зарубежных банков, которые до 2014 г. активно инвестировали в российские арктические проекты. Это связано, как минимум, с двумя причинами. Во-первых, западные санкции с 2014 г. серьёзно осложнили участие крупных международных финансовых структур в реализации добывающих и инфраструктурных российских проектов, которые составляют основу развития российской Арктики (так, европейским компаниям запрещено кредитовать и инвестировать в проекты, связанные с разработкой и освоением шельфовых проектов). А во-вторых, всё больше крупных банков отказывается от кредитования проектов в Арктике и Антарктике по имиджевым соображениям. Реализация газо- и нефтедобывающих проектов на территории Арктики и Антарктики в настоящее время противоречит многим основополагающим международным документам в области экологии, в частности, Парижскому климатическому соглашению. По этой причине от инвестирования в проекты по добыче нефти и газа в Арктике и Антарктике в начале 2020 г. отказались два крупнейших между-

¹⁰ Сбербанк подписал соглашения с Троицким по проектам в Арктике. Аналитический материал агентства «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/business/10/04/2019/5cadaf719a79473966e49ee8> (дата обращения: 04.06.2020).

¹¹ Газпромбанк поможет созданию новой инфраструктуры порта Мурманска. Аналитический материал агентства «Известия». URL: <https://iz.ru/886518/2019-06-07/gazprombank-pomozhet-sozdaniiu-novoi-infrastruktury-porta-murmanska> (дата обращения: 04.06.2020).

¹² Ямал и Газпромбанк наметили дальнейшее сотрудничество. Информационные материалы агентства «Север-пресс». URL: <https://sever-press.ru/2019/05/31/jamal-i-gazprombank-nametili-dalnejshhee-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 04.06.2020).

народных банка: британская банковская группа Lloyds и американский JPMorgan Chase¹³. А ранее об отказе от финансового участия в подобных проектах объявили ABN Amro, Societe Generale и Goldman Sacs.

Предложения по повышению устойчивости финансового развития Арктической зоны РФ

В сложившихся условиях, когда, с одной стороны, снижается государственное участие в реализации различных направлений развития Арктики, а с другой стороны, усиливается роль отдельных банковских структур в финансировании отдельных крупных проектов в регионах Арктической зоны РФ, имеет смысл вернуться к рассмотрению возможности создания единого финансового института для концентрации и централизации финансовых возможностей и повышения эффективности управления инвестиционными потоками.

О возможности создания такого института в последние годы в своих научных работах рассуждали многие авторитетные учёные и исследователи. В частности, изложены предложения о создании Банка развития Арктики. Об эффективности организации такого института высказывались за последние годы Президент Санкт-Петербургской арктической общественной академии наук В.Б. Митько [8, Зимин Н.С., Минина М.В., Митько А.В., Митько В.Б.], вице-губернатор города Санкт-Петербург И.Н. Албин¹⁴, действительный член (академик) общественной Российской Академии социальных наук и Академии геополитических проблем Ю.Ф. Лукин [9] и многие другие. Данная структура должна представлять собой национальный инвестиционно-кредитный институт смешанного типа, который создается для реализации крупных инвестиционных проектов на территории российской Арктики, а также обеспечения формирования необходимой инфраструктуры на этой территории. В целом создание такого института предполагает централизацию принятия решений по вопросам выделения финансирования по направлениям, представленным в Государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ». Важной особенностью такого банка является то, что его ресурсная база может формироваться не только за счёт бюджетных ассигнований, но и за счёт привлечения финансовых ресурсов крупных коммерческих банков.

В качестве альтернативы создания Банка развития Арктики в научной литературе достаточно часто высказывается предложение о формировании Фонда развития Арктики. В частности, предложение о создании такого инструмента развития арктических территорий встречается в трудах А.И. Татаркина, В.Г. Логинова, Е.А. Захарчук [10, Татаркин А.И., Логинов В.Г., Захарчук Е.А.], А.Ф. Пасынкова, [11, Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф.]. Основным отличием

¹³ Сидорович В. Международные банки отказываются от финансирования нефтегазовых проектов в Арктике. Материал портала RenEn. URL: <https://renen.ru/mezhdunarodnye-banki-otkazyvayutsya-ot-finansirovaniya-neftegazovyh-proektov-v-arktike/> (дата обращения: 04.06.2020).

¹⁴ Выступление вице-губернатора города Санкт-Петербург И.Н. Албина на V международном форуме «Арктика: настоящее и будущее». 7-8 декабря 2015 г. Санкт-Петербург. URL: <https://ru.arctic.ru/economics/20151207/249338.html> (дата обращения: 05.06.2020).

такого института от банковской структуры является механизм формирования ресурсной базы. Исследователями предлагается формировать ресурсы фонда главным образом за счёт отчислений от налога на добычу полезных ископаемых, которые уплачивают в бюджет крупные хозяйствующие субъекты, ведущие свою деятельность на территории Арктической зоны РФ. При использовании компаниями схем льготного налогообложения возможно перечисление в фонд части добавленной стоимости. Также исследователями предлагается перечислять в фонд вывозные таможенные пошлины на «углеводороды» и платежи за пользование природными ресурсами, поступившие от арктических регионов, а сам фонд по аналогии с дорожным фондом включать в состав государственного бюджета [12, Никулкина И.В., Романова Е.В.]. Управление деятельности фонда должно быть возложено на государственную комиссию по вопросам развития Арктики. Использовать ресурсы фонда предлагается на условиях государственно-частного партнёрства на развитие социальной, транспортной, энергетической инфраструктуры арктических регионов.

При всей привлекательности идеи создания Арктического фонда на данный момент в условиях развития беспрецедентного мирового финансового кризиса, существенного сокращения валового внутреннего продукта и вероятной рецессии в России в 2020 году, падения мировых цен на сырьевые ресурсы возможности формирования ресурсов фонда в достаточном объёме за счёт отчислений от НДС представляются весьма сомнительными. Поэтому создание Банка развития Арктики с привлечением для реализации развития Арктики частного капитала, в том числе банковского, видится в современных условиях более эффективным. При этом отдельные механизмы формирования Арктического фонда могут быть использованы и при создании Банка развития Арктики.

Перспективная схема создания и функционирования Банка развития Арктики, согласно мнению авторов, представлена на рис. 4.

В определённой степени при реализации проекта создания Банка развития Арктики возможно использовать опыт создания Фонда развития Дальнего Востока, который был сформирован Внешэкономбанком в 2011 г. На протяжении почти десятилетия данный фонд активно участвует в проектах, направленных на развитие дальневосточного и байкальского макрорегионов России, привлекая для этих целей средства частных инвесторов и ресурсы Внешэкономбанка¹⁵. С 2015 г. Фонд инвестировал в 17 проектов (среди которых такие крупные, как строительство ГОК Инаглинский (Южная Якутия), создание газохимического комплекса по производству метанола на экспорт в ТОО «Нефтехимический» (Приморский край), запуск горно-обогатительного комбината на базе месторождения Малмыжское (Хабаровский край) и ряд других) около 60 млрд рублей, а общий объём инвестирования в поддер-

¹⁵ Развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. Материал Внешэкономбанка. URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/regionam/razvitiye-dalnego-vostoka-i-baykalskogo-region/> (дата обращения: 06.06.2020).

живаемые Фондом проекты составил более 477 млрд рублей¹⁶. Софинансируя проекты, Фонд позволяет значительно удешевлять кредитные ресурсы, направляемые в приоритетные проекты, так как на цели инвестирования предоставляются ресурсы, полученные за счёт субсидий из федерального бюджета. Ещё одно преимущество участия Фонда в реализации проектов — это привлечение экспертов Фонда для работы над проектами, что позволяет снижать управленческие затраты на стадии проектирования, строительства и ввода в эксплуатацию.

Рис. 4. Схема создания и функционирования Банка развития Арктики.

С 2019 г., согласно поручению Президента РФ, деятельность Фонда развития Дальнего Востока может быть расширена и на территорию Арктической зоны РФ¹⁷. Однако данный шаг, по мнению авторов, может быть менее эффективным по сравнению с созданием от-

¹⁶ ФРДВ в 2019 году увеличил объём инвестиций в проекты на Дальнем Востоке на 54%. Информационный материал агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/7427119> (дата обращения: 06.06.2020).

¹⁷ «В Арктике целесообразно начинать с проектов, связанных с развитием транспортных узлов». Интервью с главой Фонда развития Дальнего Востока. Материал портала «Про-Арктик». URL: <http://pro-arctic.ru/05/06/2019/expert/36837> (дата обращения: 07.06.2020).

дельного Института, специализацией которого являлась бы реализация государственной политики, направленной на развитие российской Арктики, с привлечением средств не только Внешэкономбанка, но и других крупных банковских структур.

Заключение

Российская Арктика — важнейший стратегический макрорегион России, развитию которого в силу экономического, хозяйственного и геополитического значения в последние годы уделяется пристальное внимание. Изучение процессов финансового обеспечения достижения стратегических целей развития Арктической зоны РФ имеет важное значение в системе государственной арктической политики. Поиск эффективных путей формирования достаточной финансовой базы, а также оптимизация процессов управления финансовыми потоками — неотъемлемые элементы своевременного и полного выполнения мероприятий государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», реализации крупных коммерческих и инфраструктурных проектов, сохранения и развития трудового потенциала в Арктике.

В настоящее время в условиях снижения возможностей выделения государственных ресурсов на развитие российской Арктики особенно актуальным становится привлечение внебюджетного финансирования, в частности, ресурсов банковской системы. При этом проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что банковское кредитование в большинстве арктических регионов занимает в структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал гораздо меньшую долю по сравнению со средними показателями по России. Также в последние годы в арктических регионах снизилась кредитная активность иностранных институтов, что связано, прежде всего, с введением санкций против РФ в 2014 г. Единственным арктическим регионом, где показатели банковского кредитования инвестиций намного превышают среднероссийские значения, является Ямало-Ненецкий автономный округ.

Оптимистично смотреть на активизацию участия крупнейших банковских структур позволяет позиция Президента РФ, который призвал усилить участие в реализации арктических проектов ведущие российские банки. В 2019–2020 гг. с намерением участвовать в финансировании развития Арктики выступили такие банки, как «ВТБ», Сбербанк России, «Газпромбанк».

Систематизировать участие крупнейших банков в реализации государственной политики развития арктических территорий может создание Банка развития Арктики. Создание подобной структуры, позволит решить следующие задачи:

- В условиях дефицита бюджетных ресурсов привлечь к финансированию государственной политики развития Арктики ресурсы крупнейших банковских структур;
- Сконцентрировать ограниченные финансовые ресурсы на наиболее приоритетных проектах развития Арктической зоны РФ;

- Активнее использовать механизмы государственно-частного партнёрства в целях реализации общественно-значимых проектов и программ в широком спектре сфер деятельности (от базовых отраслей промышленности и НИОКР до оказания общественных услуг), способствующих развитию арктических территорий;
- Систематизировать работу в области финансирования проектов, включённых в Государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ»;
- Привлечь к реализации крупных промышленных и инфраструктурных проектов в Арктике ресурсы Внешэкономбанка, которые в настоящий момент в основном задействованы для развития дальневосточного и байкальского макрорегионов.

Литература

1. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Relationships Between Development Factors of the Arctic Zone of the Russian Federation // Studies on Russian Economic Development. 2016. No. 27 (2). Pp. 159–165. DOI: 10.1134/S1075700716020040
2. Balashova E.S., Gromova E.A. Arctic Shelf Development as a Driver of the Progress of the Russian Energy System / MATEC Web of Conferences. 2016. Pp. 06008. DOI: 10.1051/mateconf/201710606008
3. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socioeconomic Modernization of Russia and Its Arctic Regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. No. 1. Pp. 22–30. DOI: 10.1134/S1075700717010105
4. Skvortsova I., Latyshev R., Oskolkova M. Cluster as a Form of International Cooperation in the Development of the Arctic Region in the Framework of the International Innovation System / MATEC Web of Conferences. 2018. Pp. 04020. DOI: 10.1051/mateconf/20182390402
5. Afonichkina E.A., Afonichkin A.I. Synergies of the Economic Development of the Arctic Cluster System / IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. Vol. 180. Iss. 1. P. 1. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012011
6. Урманчеев И.Ш. Повышение роли российских банков в инвестиционной деятельности реального сектора экономики // Проблемы современной экономики. 2017. № 2 (62). С. 151–156.
7. Verbinenko E., Badylevich R. Effect of the Banking System on the Economic Development of the Russian Arctic Regions / IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012140
8. Зимин Н.С., Минина М.В., Митько А.В., Митько В.Б. Технологии структурного комплексирования средств мониторинга для арктического пространственного планирования // Инженерный вестник Дона. 2015. № 4–2 (39). С. 36.
9. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика прирастает островами // Арктика и Север. 2015. № 18. С. 61–80.
10. Татаркин А.И., Логинов В.Г., Захарчук Е.А. Социально-экономические проблемы освоения и развития российской арктической зоны // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С. 99–109. DOI: 10.7868/S086958731701011X
11. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Российская Арктика: оценка и возможности финансового развития // ЭКО. 2016. № 5 (503). С. 107–119.
12. Никулкина И.В., Романова Е.В. Новые финансовые институты развития арктических территорий как инструмент реализации государственной финансовой политики в Арктической зоне Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 3. С. 106–117.

References

1. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Relationships between Development Factors of the Arctic Zone of the Russian Federation. *Studies on Russian Economic Development*, 2016, no. 27 (2), pp. 159–165. DOI: 10.1134/S1075700716020040
2. Balashova E.S., Gromova E.A. Arctic Shelf Development as a Driver of the Progress of the Russian Energy System. *MATEC Web of Conferences*, 2016, pp. 06008. DOI: 10.1051/mateconf/201710606008
3. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socioeconomic Modernization of Russia and Its Arctic Regions. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, vol. 28, no. 1, pp. 22–30. DOI: 10.1134/S1075700717010105
4. Skvortsova I., Latyshev R., Oskolkova M. Cluster as a Form of International Cooperation in the Development of the Arctic Region in the Framework of the International Innovation System. *MATEC Web of Conferences*, 2018, pp. 04020. DOI: 10.1051/mateconf/20182390402
5. Afonichkina E.A., Afonichkin A.I. Synergies of the Economic Development of the Arctic Cluster System. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2018, vol. 180, iss. 1, p. 1. DOI: 10.1088/1755-1315/180/1/012011
6. Urmancheev I.Sh. Povyshenie roli rossiyskikh bankov v investitsionnoy deyatelnosti real'nogo sektora ekonomiki [Increasing the Role of Russian Banks in The Investment Activity of the Real Sector of the Economy]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2017, no. 2 (62), pp. 151–156.
7. Verbinenko E., Badylevich R. Effect of the Banking System on the Economic Development of the Russian Arctic Regions. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012140
8. Zimin N.S., Minina M.V., Mit'ko A.V., Mit'ko V.B. Tekhnologii strukturnogo kompleksirovaniya sredstv monitoringa dlya arkticheskogo prostranstvennogo planirovaniya [Technologies of Structural Integration of Monitoring Tools for Arctic Spatial Planning]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Don Engineering Bulletin], 2015, no. 4–2 (39). p. 36.
9. Lukin Yu.F. Rossiyskaya Arktika prirastaet ostrovami [Russian Arctic Increases with Islands]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 18, pp. 61–80.
10. Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A. Sotsial'no-ekonomicheskie problemy osvoeniya i razvitiya rossiyskoy arkticheskoy zony [Socio-economic Problems in Development of the Russian Arctic Zone]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 87, no. 2, pp. 99–109. DOI: 10.7868/S086958731701011X
11. Zakharchuk E.A., Pasyukov A.F. Rossiyskaya Arktika: otsenka i vozmozhnosti finansovogo razvitiya [Russian Arctic: Assessment and Opportunities for Financial Development]. *EKO*, 2010, no. 5 (503), pp. 107–119.
12. Nikulkina I.V., Romanova E.V. Novye finansovye instituty razvitiya arkticheskikh territoriy kak instrument realizatsii gosudarstvennoy finansovoy politiki v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [New Financial Institutions for the Development of the Arctic Territories as a Tool for the Implementation of State Financial Policy in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics. Taxes. Law], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 106–117.

Статья принята 10.06.2020.

УДК 338.43-025.27(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.21

Особенности кластеризации в рыбном хозяйстве на примере рыбного хозяйства Северного бассейна и Мурманской области *

© **ВАСИЛЬЕВ Анатолий Михайлович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: vasiliev@pgi.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

Аннотация. Цель исследования — обоснование создания рыбохозяйственного кластера на Северном бассейне. Выполнен анализ создания классических кластеров в зарубежных странах, приведены сведения об ограниченном использовании этих структур в рыболовстве. Рассмотрены этапы кластеризации рыбной отрасли России. Выявлены причины отсутствия реализации многочисленных кластерных проектов. Основная из них — отказ промысловых флотов входить в кластер. Приведены результаты успешного функционирования рыбохозяйственного комплекса в Северном бассейне в дорыночном периоде. Выявлены причины его разрушения и стагнации экономики предприятий и организаций, обслуживающих основные структуры морехозяйственной деятельности рыболовного флота. Они обусловлены изменением структуры добывающих флотов, развитием неконтролируемого экспорта рыбной продукции прямо с моря, с уходом промысловых судов на ремонт и обслуживание в зарубежные порты. Обоснована целесообразность создания локального рыбного кластера, ядро которого будет состоять из промысловых судов с незаконченным циклом переработки водных биологических ресурсов (ВБР) и береговых предприятий по переработке рыбы. Предложены меры, стимулирующие вступление в кластер. Практическая значимость исследования заключается в создании условий для глубокой переработки ВБР и выпуска инновационной рыбной продукции, а также для развития судоремонта и других предприятий, обслуживающих промысловый флот.

Ключевые слова: *Западная Арктика, кластер, промысел рыбы и морепродуктов, переработка, инновации.*

Features of Clustering in Fisheries by the Example of Fisheries in the Northern Basin and the Murmansk Oblast

© **Anatoly M.Vasilyev**, Doc. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

E-mail: vasiliev@pgi.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Abstract. The purpose of the study is the rationale for creating a fisheries cluster in the Northern Basin. The analysis of the creation of classical clusters in foreign countries is carried out, information on the limited use of these structures is provided. The stages of clusterization of the fishing industry in Russia are considered. The reasons for the lack of implementation of numerous cluster projects are clarified. The main one is the refusal of fishing fleets to enter the cluster. The successful functioning of the fishery complex in the Northern Basin in the pre-market period is presented. The reasons for its destruction and the stagnation of enterprises and organizations' economies serving the main structures of the marine economic activity of fishing fleets are clarified. They are caused by a change in the structure of mining fleets, the development of uncontrolled export of fish products directly from the sea, with the departure of fishing vessels for re-

* Для цитирования: Васильев А.М. Особенности кластеризации в рыбном хозяйстве на примере рыбного хозяйства Северного бассейна и Мурманской области // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 21–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.21

For citation: Vasiliev A.M. Features of clustering in fisheries by the example of fisheries in the Northern basin and the Murmansk region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 21–37. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.21

pairs and maintenance to foreign ports. The practicality of creating a local fish cluster, the core of which will consist of fishing vessels with an incomplete cycle of processing aquatic biological resources and coastal fish processing enterprises, is justified. The proposed measures stimulate entry into the cluster. The study's practical significance lies in the creation of conditions for the deep processing of aquatic biological resources and the release of innovative fish products, as well as for the development of ship repair and other enterprises serving the fishing fleet.

Keywords: *Western Arctic, cluster, fishery of seafood, processing, innovation.*

Введение

Цели и задачи, стоящие перед рыбным хозяйством страны, приведены в государственной программе Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса»¹.

Одним из экономических инструментов достижения целей, поставленных перед рыбным хозяйством Президентом и Правительством Российской Федерации, многие отечественные учёные считают создание кластеров в приморских регионах, ссылаясь при этом и на зарубежный опыт [1–5].

Однако проведённый анализ кластеризации экономики за рубежом, включая страны с развитым рыболовством, показал, что там не развита практика формализации имеющихся рыбохозяйственных комплексов в кластеры [6, 7]. Только в Исландии в 2011 г. создан океанический кластер ICELAND. Он работает уже более шести лет. «Миссия Исландского океанического кластера заключается в создании стоимости путём объединения предпринимателей, бизнеса и знаний в морской отрасли. Для выполнения этой миссии мы предоставляем широкий спектр услуг и инвестируем наши ресурсы в новые побочные проекты и проекты в области морских перевозок. В настоящее время в кластер входит более 120 компаний и ускоритель на площади 3 000 кв. Компании, входящие в сеть, представляют все части цепочки создания стоимости в океане, уделяя основное внимание морепродуктам. Филиал этого кластера основан и успешно функционирует в Новой Англии (США). Двенадцать компаний были созданы как дочерние компании кластера» [8]. В Норвегии успешно функционирует Aquaculture Cluster. Он является одним из локомотивов не только в сфере аквакультуры, но и инноваций в стране в целом².

Кластерные структуры сформированы также в секторе товарного выращивания рыбы и морепродуктов в странах-лидерах (Чили, Исландия, Франция, Вьетнам). В Азиатских странах (Япония, Южная Корея, Китай) имеются развитые портовые комплексы, включая холодильники по приёму и хранению рыбопродукции, рыбоперерабатывающие предприятия, технические центры по обслуживанию и ремонту судов, а также транспортно-логистические сети по доставке и реализации товарной продукции. Дополнительным стимулом развития этих комплексов служат импортируемые из России сырьевые ресурсы^{3, 4, 5} [9].

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса»: утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 314 (в ред. постановления Правительства РФ от 27 марта 2019 г. № 324) // СЗ РФ. 2014. Ст. 2160.

² Кластеры Норвегии. URL: <https://1neof.ru/klastery-norvegii/> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Korea Industrial Complex Corporation: Official web-site. URL: <http://www.kicoh.or.kr/home/eng/> (дата обращения 03.01.2020).

Деятельность государственных органов по кластеризации рыбного хозяйства

Необходимость и направления развития кластеризации «рыбной» экономики в России (в отраслевом, территориальном или инновационном аспектах) были неоднократно отражены и продекларированы в официальных программных и директивных документах. В одном из них, на первоначальном этапе (2008 г.), предусматривалось формирование сети территориально-производственных кластеров с учётом региональной отраслевой специализации. Для приморских регионов Дальнего Востока предусматривалось создание и биоресурсного кластера, основу которого составят добыча и переработка водных биологических ресурсов и марикультура⁶.

Следующим основополагающим документом в отношении рыбопромышленной деятельности следует считать поручение Президента Российской Федерации от 21.03.2013 Пр-б13 о создании на Дальнем Востоке рыбоперерабатывающего кластера с современной портовой инфраструктурой и холодильными мощностями, реализация которого позволит реорганизовать рыбное хозяйство Дальнего Востока в единый высокотехнологичный комплекс. За прошедший период было разработано несколько проектов дальневосточного рыбопромышленного кластера, в том числе японским институтом «Номура». Все они остались нереализованными⁷.

Очередное поручение Президента России В.В. Путина о создании «рыбного» кластера на Дальнем Востоке последовало после заседания президиума Государственного Совета по развитию рыбного хозяйства 19 октября 2015 г. Реакцией на него Правительства России было решение о создании 4-х региональных кластеров в Приморском крае, на Камчатке, Сахалине и Курилах. Один из них в составе Министерства рыбного хозяйства Камчатского края, Агентства инвестиций и предпринимательства, АО «Корпорация развития Камчатки», Союза рыбопромышленников и предпринимателей Камчатки, Союза «Торговая промышленная палата» Камчатского края, а также 49 предприятий крупного, среднего и малого бизнеса был организован в июне 2018 г. в Камчатском крае. Кластер должен стать основным поставщиком рыбной продукции в европейскую часть России по Северному морскому пути.

Аналогичная ситуация складывается и в приморских регионах Северо-Запада России. В 2016–2017 гг. были приняты решения о создании кластеров в сфере рыбопромысловой деятельности в Архангельской, Калининградской и Мурманской областях и рыбководства в Республике Карелия. Инициаторами создания этих кластеров выступали Административные органы регионов, получившие поддержку на отраслевом уровне.

⁴ Maritime culture of China. URL: www.cseac.com (дата обращения: 03.01.2020).

⁵ Фучжоу намерен построить крупнейший оффшорный рыболовецкий кластер в Китае. URL: <http://news.wenweipo.com/2014/01/07/NN1401070006.html> (дата обращения: 03.10.2019).

⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. N 1662-р) // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁷ Рыбный кластер растащили по Дальнему Востоку. URL: <https://primamedia.ru/news/486698/> (дата обращения: 09.01.2020).

Решение о создании и развитии рыбохозяйственного кластера в Мурманской области было утверждено губернатором региона в 2016 г. в составе Государственной программы Мурманской области «Развитие рыбного и сельского хозяйства, регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»⁸. В дальнейшем, в связи с отсутствием поддержки и положительного решения по этому вопросу основных потенциальных участников (промысловых организаций и Мурманского морского рыбного порта), положение о создании рыбохозяйственного кластера из программы было исключено⁹.

В ноябре 2017 г. распоряжением Министерства агропромышленного комплекса и торговли Архангельской области № 356-р была образована рабочая группа по созданию кластера, которая завершила свою деятельность в мае 2019 г. подписанием документов об образовании «Арктического рыбопромышленного кластера». Он рассматривается как межрегиональный, с привлечением к участию предприятий СЗФО. Планируется создание в Архангельске в рамках кластера многофункционального берегового комплекса, ориентированного на приёмку и глубокую переработку рыбы, поставляемой по СМП, а также поставки её в регионы Центрального Федерального округа (ЦФО). Это подкрепляется вводом дополнительных мощностей по береговой переработке в рамках реализации механизма инвестиционных квот.

Следует отметить, что, несмотря на официальное вхождение в кластер Архангельского тралового флота, участие рыбаков в его деятельности, по нашему мнению, не будет активным. В первую очередь это связано с наличием незаходных промысловых судов. Сказывается и приоритетность поставок рыбной продукции за рубеж. Поэтому ориентирование на поставки дальневосточной рыбы как для переработки, так и для снабжения рыбной продукцией регионов ЦФО следует считать правильным.

Говоря о развитии Арктического кластера как межрегионального, по нашему мнению, следует иметь в виду сохранившуюся судоремонтную базу. Этот фактор будет способствовать межрегиональному сотрудничеству. В то же время руководство соседних с Архангельской областью регионов ревностно относится к лидерству в развитии Арктики. Поэтому оно, предположительно, может сдерживать межрегиональное сотрудничество.

Материалы и методы исследования

В теоретических работах авторов, названных в начале статьи, рассматриваются вопросы возможностей создания рыбохозяйственных кластеров с точки зрения детерминирующих

⁸ Государственная программа Мурманской области «Развитие рыбного и сельского хозяйства, регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (утв. постановлением Правительства Мурманской области от 11.11.2016 № 561-ПП). URL: https://mrcx.gov-murman.ru/activities/RHK/rpu1-docs/561_pp.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

⁹ Приложение к постановлению Правительства Мурманской области от 05.07.2017 №340-ПП «Изменения в государственную программу Мурманской области «Развитие рыбного и сельского хозяйства, регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/450257674> (дата обращения: 10.11.2019).

факторов. Декларируется увеличение производства продукции глубокой переработки, снижение цен на рыбную продукцию, рост экспорта и увеличение наполнения внутреннего рынка.

Однако не исследуются проблемы привлечения рыбного сырья на береговые перерабатывающие центры, снижение цен на рыбу с первых рук. При этом известно, что экспорт рыбы и так чрезмерно велик и не эффективен с государственной точки зрения. Внутренний рынок не получает рыбное сырьё и готовую продукцию морского изготовления в необходимых объёмах, обеспечивающих доступность её населению. Например, в Мурманской области экспортируется до 80% улова [10].

В целях актуализации вопроса о необходимости создания рыбохозяйственного кластера в Мурманской области (или, наоборот, об отсутствии такой проблемы) выполнен анализ состояния РХК.

Рыбное хозяйство Северного бассейна к 1990 г. прошлого века представляло мощный промыслово-перерабатывающий комплекс. Промысловый флот состоял из 434 судов, в том числе 181 ед. крупных и больших, и 216 ед. среднетоннажных. Общий вылов рыбы и морепродуктов достигал 1 593 тыс. т, выпуск рыбной продукции — 1 299,2 тыс. т, в том числе береговыми заводами — 141 тыс. т. Грузооборот Мурманского морского рыбного порта достигал 1 166,2 тыс. т. Судоремонт полностью обеспечивался Мурманской судовой верфью и мастерскими добывающих предприятий. Необходимое промысловое снаряжение изготавливала Мурманская фабрика орудий лова, разнообразную тару — тарный комбинат. Проектно-конструкторские организации выполняли заказы судов и береговых предприятий по разработке и изготовлению новых технологий рыбной продукции, различной техники и оборудования. Полярный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии им. Книповича (ПИНРО) и Северная промысловая разведка (Севрыбпромразведка) обеспечивали флоты сырьевой базой, а различные училища — кадрами. Можно сказать, что это был директивно созданный эффективный рыбохозяйственный кластер¹⁰.

В 90-х гг. прошлого века в процессе приватизации, дробления старых и возникновения новых предприятий, обособления хозяйствующих субъектов по видам деятельности и специализации произошёл распад общекорпоративной структуры, ослабление взаимодействия в единой производственной цепочке. Снижение уровня взаимодействия было дифференцированным, но в большинстве случаев имело критический характер.

Так, в 1988–1990 гг. общая доля продукции и услуг обслуживающих производств в суммарной себестоимости добывающих флотов и плавбаз составляла 45,0–46,0 %. А в 1992 г. она уже снизилась до 18,0%. Здесь следует учесть, что в этот период на изменение значимости отдельных видов затрат, формирующих себестоимость продукции промысловых органи-

¹⁰ Разработка основных положений долгосрочной программы освоения био- и углеводородных ресурсов Западно-Арктических шельфовых акваторий: отчет о НИР (заключ.): 3-96-4006 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Остистый Б.К.; отв. исполн.: Остистый Б.К., Васильев А.М. Апатиты, 1998. С. 290.

заций, значительное влияние оказали и ценовые факторы. Это выразилось, прежде всего, в более динамичном росте цен на продукцию основного производства рыбной отрасли [11].

Наблюдались количественные и структурные изменения в составе промыслового флота, снижение вылова рыбы и морепродуктов.

Численность и структура промыслового флота, сформировавшаяся в рыночных условиях с учётом сырьевой базы, имеющейся в ближних промысловых районах, показана в табл. 1.

Таблица 1

Динамика промыслового флота Северного бассейна^{11,12}

Показатели	1990	2000	2010	2017	Отношение 2017 г. к 1990 г., %
Промысловые суда, ед.	416	423	287	224	53,8
Крупные и большие, ед.	183	72	31	18	9,8
Средние, ед.	221	318	174	136	61,5
Малые и маломерные, ед.	14	33	31	70	500,0
Общий вылов, тыс. т	1593	648	824,4	569,2	35,7
Примечание: по данным реестров Мурманского морского рыбного порта					

В 2017 г. промысловую деятельность осуществляли 177 судов приписки портов Северного бассейна и находящихся в лизинге у предприятий бассейна (80,0 % реестрового состава). Доставку и выгрузку рыбопродукции непосредственно из районов промысла осуществляли 107 рыболовных судов: 1 крупное, 2 больших, 55 средних, 49 малых и маломерных.

Образовалась группа «незаходных» в российские порты судов. В 2017 г. она составляли 70 единиц: 57 средних, 4 больших и 9 крупных. В составе последних 6–7 траулеров имеют постоянную дислокацию в Южной части Атлантики в экономических зонах Африканских государств. Остальная часть «незаходных» траулеров принадлежит мурманским предприятиям и ведет промысловую деятельность в ближних районах Атлантики, Норвежском и Баренцевом морях.

Основную часть донных видов рыб (55,0–60,0 %) в настоящее время осваивают средние несерийные траулеры, приобретённые за рубежом (бывшие в эксплуатации) и новые (постройки после 1995 г.). В их составе находятся суда, оснащённые филетировочным оборудованием, производительность которых на промысле примерно в два раза превышает показатели серийной группы судов. Они же определяют и основной состав «незаходных» судов.

¹¹ Концептуальные направления инновационного развития морехозяйственного комплекса Европейского Севера России: отчет о НИР (промежут.): 3-10-4002 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Куранов Ю.Ф., Грушенко Э.Б. [и др.]. Апатиты, 2011. 97 с.

¹² Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части арктической зоны Российской Федерации: отчет о НИР (промежут.): 0226-2018-0006 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Куранов Ю.Ф., Фадеев А.М. [и др.]. Апатиты, 2018. 115 с.

Физически и морально устаревшие средние морозильные траулеры серийной (дореформенной) постройки, добывающие до 25% донных рыб, используются в основном в ближних промысловых районах. Они производят рыбную продукцию только первичной разделки. Все отходы выбрасывают за борт.

Малые и маломерные суда, осваивая 7–8% ВБР в режиме «прибрежного» рыболовства, являются основными поставщиками охлаждённой рыбопродукции первичной переработки (полуфабриката — рыбы потрошёной с головой или без головы).

Благоприятная ситуация на донном промысле способствовала росту выработки филе в море. Его объёмы в 2008–2013 гг. увеличились втрое и сохранялись до 2016 года на уровне 28,0–29,0 тыс. т. На выработку филе направлялось 25,0–28,0% общего вылова (сырца) трески и пикши. В дальнейшем производство филе на судах под влиянием конъюнктуры цен на международных рынках снижалось и в 2018 г. составило 19,5 тыс. т с использованием одной пятой сырца от общего вылова¹³.

Последнее десятилетие характеризуется ростом финансовых показателей промысловых организаций Мурманской области. В 2009–2016 гг. общий рост рентабельности промысловых организаций Мурманской области вырос в 3,3 раза (с 22,4 до 73,9). В 2017 г. он был несколько ниже (69,5 %) (табл. 2).

Таблица 2

Производственные показатели добывающих предприятий Мурманской области

Показатели	2005	2009	2013	2015	2016	2017
1. Вылов, тыс. т	579,0	609	696	681	644	698
1.1 Удельный вес трески и пикши в структуре вылова, %	29,5	33,3	47,4	44,6	49,5	47,0
2. Производство рыбопродукции, тыс. т	480,0	504,0	564,4	538,0	508,9	546,7
2.1 Мороженая (включая сельдь)	424,7	442,0	479,7	461,5	425,6	451,5
2.2 Филе	8,1	12,2	28,4	28,8	28,2	25,7
2.3 Прочая пищевая и консервированная продукция	38,2	41,8	50,8	43,9	50,5	65,2
2.4 Непищевая продукция	9,0	8,0	5,5	3,8	4,6	4,3
3. Экспорт рыбопродукции промысловых и береговых предприятий, тыс. т	225	212	304	314	332	346
3.1 Удельный вес мороженой рыбопродукции (неразделанная и полуфабрикат), %	84,4	92,2	87,2	85,0	88,0	84,5
4. Рентабельность реализованной продукции промысловых организаций, %*	0,1	22,4	37,0	67,3	73,9	69,5
Примечание: *отношение прибыли (убытка) от продаж к себестоимости проданных товаров (продукции, работ, услуг) с учётом коммерческих и управленческих расходов						

Вместе с тем следует отметить, что рентабельность пелагического промысла в Северной Атлантике в последние годы не превышала 20,0–25,0%. Аналогичная ситуация и у предприятий, осваивающих пелагические виды рыб в экономических зонах Африканских государств. С учётом этого рентабельность реализованной продукции на промысле донных видов рыб была выше усреднённых показателей и находилась на уровне 85,0–90,0%, а воз-

¹³ Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части арктической зоны Российской Федерации: отчет о НИР (промежут.): 0226-2018-0006 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Куранов Ю.Ф., Фадеев А.М. [и др.]. Апатиты, 2018. 115 с.

можно и выше. Это подтверждают результаты анализа финансовых показателей предприятий Северного бассейна на промысле донных видов рыб, где основную долю (87,0–90,0%) составляют треска и пикша.

Устойчивое увеличение производственной рентабельности было обусловлено влиянием следующих основных факторов:

- роста эффективности промысловой деятельности. Это происходило под воздействием повышения технического уровня используемого промыслового флота, оптимизации его структуры и улучшения состояния сырьевой базы на донном промысле (треска, пикша);
- активизации экспортной деятельности, подкреплённой девальвацией рубля в 2014 г. и обнулением вывозных экспортных пошлин на рыбопродукцию в период 2013–2017 гг.;
- предоставленных (с 2009 г.) льгот по налогообложению.

Рыболовство на Северном бассейне характеризуется высоким уровнем экспортной деятельности, что предопределяет высокую зависимость промысловых предприятий от конъюнктуры внешнего рынка.

В условиях неограниченной либерализации экспортной деятельности частные интересы рыболовных компаний превалируют над государственными. Это подтверждается игнорированием декларируемых на государственном уровне требований по обеспечению утверждённых директивных положений продовольственной безопасности и принятых решений по импортозамещению¹⁴.

Изменение рыболовной политики и сокращение рыбодобывающего потенциала, обусловленные рыночными преобразованиями, привели к уменьшению вылова и потребностей в услугах предприятий и организаций, обслуживающих флот. В табл. 3 приведены данные по некоторым показателям предприятий и организаций Мурманской области, характеризующие направления происходящих процессов.

Согласно данным, приведённым в табл. 3, грузооборот порта по рыбной продукции сократился в 5,6 раза, численность работающих — в 9,9 раза.

Таблица 3

Динамика производственных показателей и численности работников инфраструктурных предприятий рыбохозяйственного комплекса Мурманской области

Показатели	1990	2000	2008	2017	Отношение показателей 2017 г. к 1990 г., %
1. Общий морской грузооборот рыбного порта (без	1412,9	396,3	254,9	319,3	22,6

¹⁴ Стенограмма: Заседание президиума Госсовета по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса. URL: <http://открытаяотрасль.рф/articles/679> (дата обращения: 19.11.2019).

нефтебазы), тыс. т					
1.1. Грузооборот рыбной продукции	1166,2	383,4	189,7	207,4	17,8
1.2. Выгрузка рыбопродукции	1142,4	370,8	185,7	165,6	14,5
2. Тарный комбинат					
2.1. Выпуск жестянобаночной тары для судов, муб	227,7	30,2	24,4	по заказу	10,7
2.2. Производство гофротары для судов, м.кв.	14,3	11,8	7,9	по заказу	55,2
3. Численность работников, чел.					
3.1. Судоремонтное производство	9088	2230	1750	600-700	7,1
3.2. Промвооружение (орудия лова)	363	175	80-90	85-90	24,1
3.3. Тарный комбинат	1383	737	452	340	24,6
3.4. Рыбный порт	5049	1943	1440	511	10,0
3.5. Транспортные суда	6295	н/д	н/д	250-300	4,4
3.6. Научно-поисковые, конструкторские, технологические	5424	н/д	н/д	500-550	9,7
Примечание: по данным, полученным у предприятий					

Судоремонтная деятельность в составе 30–35 небольших организаций ограничивается обслуживанием малых, маломерных и, в незначительных количествах, средних промысловых судов. Часть из них проходит ремонтные работы и докование на сохранившихся комплексных мощностях предприятий в г. Архангельске. Немаловажным фактором является и то, что для малых судоремонтных предприятий Мурманской области отсутствует устойчивая перспектива их развития по причине неопределённости возможностей взаимодействия морских и береговых предприятий. Для увеличения объёмов судоремонта на российских предприятиях давно необходимо было решить проблему незаходных судов, которые в настоящее время осуществляют ремонт за рубежом. По данным РК-Профи № 47 (733), промысловые организации ежегодно тратят на эти цели около 2 млрд руб.

Сложилась устойчивая практика формирования выездных групп для осуществления ремонтных работ на российских судах в Норвегии [12].

Банкотара для консервов и пресервов в Мурманской области не производится, завозится из Санкт-Петербурга. Выпуск гофротары осуществляется в ограниченных объёмах по заказу предприятий. Относительное сохранение численности работников Мурманского тарного комбината обусловлено диверсификацией его деятельности в жестянобаночном производстве, не связанной с промысловой деятельностью и рыбопереработкой.

Производство орудий лова и обеспечение промысловым снаряжением рыбодобывающих организаций более дифференцировано и осуществляется 6–7 микропредприятиями.

В Мурманске имеется несколько предприятий, оказывающих сервисные услуги по судовому снабжению, включая: продукты питания, запчасти для судовых механизмов, пожарное имущество и аварийные спасательные средства, оснащение радиооборудованием, средствами спутниковой связи, навигации и рыбопоисковой техники.

Существенное сокращение численности работающих произошло в составе отраслевых НИИ и проектно-конструкторских организаций. При этом уменьшение научно-технического персонала в значительной мере было связано со снижением объёмов рыбопереработки и

судоремонтного производства, включая модернизацию и переоборудование судов, с уменьшением финансирования.

В настоящее время научные разработки (технической и технологической направленности) выполняются в Мурманском государственном техническом университете и ПИНРО. Последнее осуществляет и научно-поисковую деятельность по определению состояния сырьевых запасов водных биологических ресурсов (ВБР) на акватории Северной Атлантики и Арктических морей. Эти работы выполняются в ограниченных размерах по причине недофинансирования и отсутствия современных научно-исследовательских судов. Информационную поддержку промысловой деятельности оказывает и частное предприятие НПК «Моринфо».

В Мурманске действуют 2–3 небольшие проектно-конструкторские организации, разрабатывающие техническую документацию, связанную с эксплуатацией судов (приобретаемых, проходящих ремонт или модернизацию).

Активизация внешнеэкономической деятельности промысловых организаций Мурманской области, экспорт не менее 80,0–85,0% наиболее массовых и ликвидных объектов донного промысла (трески, пикши и др.), ограничивает возможности внутреннего рынка. В системе оптовой реализации этой группы товаров доминирует «рынок продавца» с ценами на уровне экспортных. Высокий уровень оптовых цен на рыбопродукцию оказывает дополнительное ограничительное влияние как в розничной системе продаж, так и при использовании в производственных целях для более глубокой переработки и расширения ассортимента продукции. Последнее в наибольшей степени связано с деятельностью мурманских береговых предприятий, специализирующихся на переработке тресковых видов рыб, у которых стоимость сырья (полуфабриката) в структуре затрат достигает 65,0–70,0%. Продукция, получаемая при переработке трески и пикши, формирует 66,0–71,0% общего натурального объема продукции мурманских береговых предприятий. Исходной сырьевой базой этого развивающегося производства являются поставки мороженого и охлажденного полуфабриката океанического и прибрежного промысла в Баренцевом и Норвежском морях (табл. 4).

Таблица 4

Производственные показатели береговых рыбоперерабатывающих предприятий Мурманской области

Показатели	2005	2009	2013	2015	2016	2017	Отношение показателей 2017 г. к 2005 г., %
1. Общий выпуск рыбопродукции, тыс. т	31,1	27,4	29,8	20,7	27,0	31,7	101,9
1.1 Пищевая продукция	30,4	27,4	23,9	16,0	19,9	26,3	86,5
1.1.1 Мороженая (заморозка охлажденной продукции из сырца и полуфабриката)	12,6	11,6	6,5	2,0	1,9	4,5	35,7
1.1.2 Продукция из тресковых видов рыб (филе, клипфиск, фарш и др.)	9,3	8,1	14,1	11,7	15,9	18,2	195,7
1.1.3 Прочая пищевая продукция (соленая, копченая, кулинария и др.)	2,0	2,3	3,3	2,3	2,1	3,6	180,0
1.2 Консервы, пресервы	6,5	5,4	3,9	3,1	5,0	3,7	56,9

2. Пищевая продукция, включая консервы и пресервы (без рыбы мороженой), тыс. т	17,8	15,8	21,3	17,1	23,0	27,3	153,4
2.1 Удельный вес продукции из тресковых видов рыб, %	52,2	51,3	66,2	68,4	69,1	71,4	136,8
3. Рентабельность реализованной продукции береговых предприятий, %	-3,3	-2,5	0,5	2,7	7,0	-2,3	69,7
4. Выгрузки охлаждённой рыбопродукции	14,1	7,2	32,6	28,1	27,8	38,7	274,5
- треска, пикша	12,5	6,1	27,4	22,7	21,2	30,4	243,2

Следует отметить, что среднегодовая загрузка основного производства (производство филе и клипфиска) предприятий не превышает 40,0–45,0%. На филе и клипфиск направляется не более 7,0% общего вылова трески и пикши. Недостаточная загруженность основных мощностей и высокая стоимость сырья определяют в целом устойчиво низкие показатели экономической эффективности береговой рыбопереработки. Убыточность предприятий береговой переработки тресковых видов рыб компенсируется возможностями возврата НДС при экспорте рыбопродукции (до 70,0% основных видов вырабатываемой продукции).

Увеличение выпуска филе с 2016 г. в значительной мере было обусловлено вводом в эксплуатацию нового завода «Полярное море +» в составе холдинга «Норebo» с гарантированными поставками охлаждённого сырья. Эта тенденция сохранилась и в 2017 г.

Использование охлаждённого сырья при производстве филе из тресковых видов рыб наиболее перспективный вариант развития береговых предприятий, поскольку это повышает качество и стоимость выпускаемой продукции, возможности её реализации на западных рынках. В итоге повышается конкурентоспособность и финансовые результаты.

При оценке перспектив развития береговых предприятий к наиболее существенным проблемам относится отсутствие гарантированных поставок рыбного сырья для переработки, что оказывает негативное влияние на загрузку мощностей и ритмичность производственной деятельности, сдерживает объёмы выпуска и увеличение положительных финансовых результатов. Наличие существенной сырьевой составляющей экспорта и незагруженных мощностей береговых предприятий подтверждает необходимость повышения масштабно-сти береговой глубокой переработки и, соответственно, увеличения выгрузок охлаждённого полуфабриката.

Потенциальной базой увеличения поставок охлаждённого рыбного сырья для береговой переработки можно рассматривать экспортируемый промысловыми предприятиями мороженный полуфабрикат (рыба потрошёная без головы). Это касается, прежде всего, продукции, вырабатываемой средними судами серийной постройки в Российской экономической зоне.

Результаты и их обсуждение

Приведённые выше данные свидетельствуют, что в сложившихся условиях у основной части промысловых организаций Мурманской области отсутствуют стимулы к созданию дополнительной объединяющей организационной системы в форме кластера. Она рассматри-

вается ими как дополнительная надстройка, ограничивающая их возможности. Такое же отрицательное отношение было и к предложениям (февраль 2019 г.) об участии в межрегиональном «Арктическом рыбопромышленном кластере» Архангельской области.

В мировой практике образование кластеров с участие морских рыбодобывающих компаний не получило широкого развития, что, по нашему мнению, связано с использованием маломерного промыслового флота, объединённого в различных юридических формах с береговыми предприятиями, перерабатывающими уловы и торгующими рыбой¹⁵. В российском рыболовстве преобладает океанический промысел. Владельцы траулеров присваивают значительные рентные доходы. По нашим расчётам, до 40% от величины экономического оборота [13]. Экспорт рыбной продукции прямо с моря контролируется слабо. Имеются возможности получения неучтённых доходов¹⁶. В Мурманской и Архангельской областях эти факторы способствует обособлению промысловых предприятий особенно сильно, так как более половины добываемых гидробионтов составляют валютоёмкие: треска, пикша, палтус и краб с высокой рентной составляющей [13]. Подобное положение и в Дальневосточном промысловом бассейне.

Проведённый анализ Мурманского рыбохозяйственного комплекса показал:

- возрастающий потенциал океанического промыслового блока и отчуждение его основной части от взаимосвязи с инфраструктурной береговой базой России (Северного бассейна);
- стагнацию береговой рыбопереработки, а также инфраструктурного сектора, который обслуживает в ограниченных объёмах средние, малые и маломерные суда, базирующиеся в Мурманском морском порту.
- невозможность создания регионального кластера на классических условиях вследствие отказа добровольно входить в него океанического промыслового флота, являющегося ядром потенциального кластера.

В то же время можно утверждать, что эффективное преодоление большинства негативных явлений, отмеченных выше в функционировании рыбного хозяйства Мурманской области, возможно в объединении. Основой этого являются богатый ресурсный потенциал морей Западной Арктики, который должен использоваться в интересах общества и государства, а также эффективный промысловый флот и строящиеся новые высокотехнологичные береговые предприятия по переработке рыбы и морепродуктов.

Как известно, Мурманская область названа пилотным регионом развития Арктической зоны Российской Федерации, где создаётся Кольская опорная зона, которая должна ба-

¹⁵ Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части арктической зоны Российской Федерации: отчет о НИР (промежут.): 0226-2019-0022 / Институт экономических проблем Кольского научного центра Российской Академии наук; науч. рук. Васильев А.М.; отв. исполн.: Васильев А.М., Куранов Ю.Ф., Фадеев А.М. [и др.]. Апатиты, 2019. 120 с.

¹⁶ Пресс-конференция руководителя Федерального агентства по рыболовству Андрея Крайнего 25.12.2012 г. URL: <http://presscentr.rbc.ru/pressconf/2012/12/25/837697/> (дата обращения 21.12.2020).

зироваться на семи отраслевых и межотраслевых кластерах, в том числе — рыбном. Также, согласно Прогнозу социально-экономического развития Мурманской области на период до 2035 г., наибольшую долю в структуре ВРП будут занимать ключевые отрасли экономической специализации региона: обрабатывающая, добывающая промышленность и рыболовство, каждая из которых составит порядка 10–12 % в ВРП. Их предполагается объединить в 7 кластеров, структура которых охватывает практически все предприятия в Мурманской области¹⁷.

В качестве основного экономического механизма формирования кластеров предполагается использовать «Проектный подход»¹⁸.

Каким образом будет преодолено отрицательное отношение к вхождению в кластер океанического промыслового флота, в Прогнозе не говорится. По нашему мнению, в этом случае не обойтись без решений федеральных властей. Например, могут быть изменены правила наделения промысловых организаций квотами биоресурсов или экспортная политика, а также возможно принятие Закона «О связи промыслового флота с прибрежным сообществом».

Заключение

В статье, с одной стороны, показана маловероятность создания рыбохозяйственного классического кластера при существующих организационных условиях, с другой — целесообразность его формирования. Предложены направления деятельности федеральных и региональных органов в целях стимулирования хозяйствующих субъектов рыболовства к вхождению в классический рыбохозяйственный кластер.

Исходя из реального состояния рыбохозяйственного комплекса Мурманской области, можно заключить, что потенциальные возможности формирования кластера в настоящее время перспективны, по нашему мнению, на основе и в масштабах взаимодействия прибрежного рыболовства, береговых заводов, перерабатывающих рыбу, и других предприятий и организаций, обслуживающих промысловую деятельность. Предлагаемый вариант обладает четырьмя свойствами — детерминантами модели по Портеру: необходимыми производственными факторами, спросом на рыбную продукцию на внутреннем и внешнем рынках, наличием смежных и обслуживающих отраслей (в г. Полярном и в г. Мурманске), а также внутриотраслевой конкуренцией. Инициатором рыбного пищевого кластера может выступить (при поддержке «Центра кластерного развития Мурманской области») Мурманское отделение общероссийского «Рыбного союза». Оно преимущественно объединяет предприятия, которые осуществляют переработку тресковых видов рыб. Активное участие необходимо и со стороны предприятий прибрежного промысла (НО АПРФХМ) с привлечением заинтересованного в этом процессе руководства Судоремонтного завода в г. Полярном.

¹⁷ Прогноз социально-экономического развития Мурманской области на период до 2035 года. URL: <https://minec.gov-murman.ru/activities/forecasts/sub02/> (дата обращения: 10.01.2020).

¹⁸ Там же.

В 2018 г. в Федеральном исследовательском центре КНЦ РАН решением руководства образована группа для осуществления научно-производственной деятельности по развитию биотехнологий. Цель проекта — создание научно-производственного кластера биотехнологий по переработке фармакологически-ценного сырья, включая водоросли, ракообразные и отходы рыбного производства. Привлечение этой группы в состав создаваемого рыбного пищевого кластера усилит его инновационную направленность.

Стратегической целью создания территориально-локального рыбного кластера Мурманской области является формирование эффективной системы взаимодействия и кооперации участников — компаний рыбохозяйственного комплекса (системообразующих и инфраструктурных) и научно-образовательного сектора для обеспечения продовольственной безопасности, насыщение внутреннего рынка качественной и доступной для населения рыбопродукцией, повышение эффективности и конкурентоспособности предприятий и экономики региона в целом, его экспортного потенциала. Для достижения стратегической целевой установки взаимодействие охватывает все заинтересованные стороны, включая объединения участников кластера, некоммерческие и общественные организации, инвесторов, органы государственной власти и местного самоуправления

Локальный проект создания рыбохозяйственного кластера в г. Полярном на базе судоремонтного завода АО «10 СРЗ» поддерживается его руководством. В составе кластера предусматривается выгрузка рыбопродукции, межрейсовые ремонты судов, подготовка к выходу в море на промысел, полная переработка продукции, ее транспортировка до потребителя и строительство малого и среднетоннажного рыбопромыслового флота.

Основные цели и функции кластерной структуры могут быть представлены следующим образом:

- координация совместных действий по расширению масштабов промысловой и береговой производственной деятельности;
- разработка мероприятий по повышению эффективности освоения ВБР и их переработке;
- разработка и внедрение новых технологий рыбопереработки, менеджмента и маркетинга;
- подготовка, переподготовка и привлечение квалифицированных специалистов;
- реализация совместных инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры;
- укрепление устойчивости и предсказуемости долговременных договорных отношений по поставкам сырья на береговые предприятия, выполнению работ и оказанию услуг между участниками кластера;
- согласование с компетентными органами предложений, направленных на снижение административных барьеров по доставке и выгрузке рыбопродукции с промысла.

Рассматриваемый рыбный кластер характеризуется общностью деятельности участников (системообразующих и инфраструктурных) по созданию конечной рыбопродукции разной степени переработки (пищевой, консервированной, технической, кормовой).

Долговременное и устойчивое функционирование создаваемого рыбного кластера возможно только при реализации действенных стимулирующих мер, прежде всего, для промысловых организаций. В этих целях, помимо привлечения общегосударственных программных мероприятий и поддержки институтов развития, должна быть разработана и использована комплексная система сырьевой и финансовой поддержки участников на отраслевом (ведомственном) и региональном уровнях. Так, например, в перечне потенциально действенных стимулирующих мер можно рассматривать гарантированное увеличение объёмов прибрежного промысла за счёт изменения статуса промысловых судов, производящих в море из донных рыб продукцию первичной разделки, а также за счёт передачи прибрежному флоту нереализованных научных квот и квот третьих стран.

Одним из основных направлений достижения целей создания и развития кластера выступает реализация совместных проектов. Для этого необходимо, в соответствии с утверждёнными директивными положениями, определить механизмы и инструменты бюджетной, информационной и консультативной поддержки реализации этих проектов.

Проблемным вопросом в Мурманской области является отсутствие мощностей для утилизации возрастающих непищевых отходов на береговых и рыбоводных предприятиях. В этих целях необходимо строительство, как инфраструктурной составляющей, завода по жирымучному производству. Не менее актуально в условиях ограниченных возможностей докования судов и неблагоприятных климатических условий строительство крытого эллинга.

Для придания кластеру инновационной направленности необходимо рассмотреть возможности финансовой поддержки разработок биотехнологий (на сырьевой основе малоиспользуемых ВБР и отходов действующих предприятий) с их последующей коммерциализацией. Последнее также потребует инвестиционных вложений в развитие нового производства в рамках государственно-частного партнёрства.

В Мурманской области в период 2019–2021 гг. планируется увеличение мощностей (в 1,5–2,0 раза) по рыбпереработке, в том числе и производству филе, на основе строительства заводов в рамках госпрограммы ресурсной поддержки, с выделением на эти цели инвестиционных квот трески и пикши. Это обстоятельство при прочих равных условиях усилит конкуренцию береговых предприятий за привлечение охлаждённого сырья.

Литература

1. Титова Н.Ю., Ворожбит О.Ю. Развитие рыбопромышленных кластеров в странах Азиатско-тихоокеанского региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 342–346.
2. Ворожбит О.Ю. Рыбная промышленность Дальнего Востока России: современное состояние, проблемы и перспективы развития: монография / О.Ю. Ворожбит, Т.Е. Даниловских, И.А. Кузьмичева, Н.Ю. Титова, Н.В. Шашло. Под общей научной редакцией О.Ю. Ворожбит.

- Владивосток: ВГУЭС, 2015. 135 с.
3. Черемисин В.В. Опыт и практика организации и управления кластерами в условиях рыбной отрасли приморского края // Вестник Дальрыбвтуза. 2015. № 6. С. 17–21.
 4. Смирнова С.М., Богданов Д.Д. Развитие промышленных кластеров в развивающихся странах: на примере кластера рыбного кластера Чили // Крымский научный вестник. 2016. № 4 (10). С. 140–154.
 5. Киселева Н.Н., Чунина А.Е. Формирование и развитие региональных рыбопромышленных кластеров России // Государственное и муниципальное управление // Учёные записки. 2018. № 3. С. 146–151. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-3-146-151
 6. Зиланов В.К., Борисов В.М., Лука Г.И. Рыбное хозяйство Норвегии. Москва: Издательство ВНИРО, 2017. 296 с.
 7. Страна технологий. В поисках технологического будущего Великобритании за пределами Лондона. Санкт-Петербург: РАВИ, 2014. 105 с.
 8. Сифусон Т. Стратегия кластера «Исландский океан» // Кластеры. Исследования и разработки. 2017. Т. 3. № 3 (8). С. 48–54. DOI: 10.12737/article_5a70e08bc3d6c2.12818580
 9. Berghin A. Japan's Tuna Fishing industry: a Setting Sun or New Dawn / A. Berghin, M.G. Harward. New York: Nova Publishers, 1996. 170 p.
 10. Васильев А.М. Рыбное хозяйство Мурманской области: успехи за счёт экспорта и роста цен // Рыбное хозяйство. 2019. № 3. С. 34–40.
 11. Анализ и оценка современного состояния рыбной промышленности Северного бассейна. Мурманск: НТФ «Комплексные системы», 1993. 179 с.
 12. Храпов В.Е., Турчанинова Т.В. Механизмы пространственного взаимодействия предприятий с единичным и мелкосерийным производством в приморском регионе: монография / В.Е. Храпов, Т.В. Турчанинова. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 105 с.
 13. Александрова М.А., Васильев А.М., Карташов М.В. Оценка морских экосистемных услуг на базе основных промысловых биоресурсов как основа устойчивого состояния большой морской экосистемы и сохранения биоразнообразия // Вода и экология: проблемы и решения. 2018. № 2. С. 70–86. DOI: 10.23968/2305-3488.2018.20.2.70-86

References

1. Titova N.Yu., Vorozhbit O.YU. Razvitie rybopromyshlennykh klasterov v stranakh Aziatsko-tihookeanskogo regiona [Development of Fishery Clusters in Countries on the Pacific Rim]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* [ASR: Economics and Management], 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 342–345.
2. Vorozhbit O.Yu., ed. *Rybnaya promyshlennost' Dal'nego Vostoka Rossii: sovremennoe sostoyanie, problem i perspektivy razvitiya* [The Fishing Industry of the Russian Far East: Current Status, Problems and Development Prospects]. Vladivostok, VGUES Publ., 2015, 135 p. (In Russ.)
3. Cheremisin V.V. Opyt i praktika organizatsiii upravleniya klasterami v usloviyakh rybnoy otrasli primorskogo kraya [Experience and Practice Organization and Management of a Cluster in the Fishing Industry of Primorye]. *Vestnik Dal'rybvтуza* [Bulletin of Dalrybvтуz], 2015, no. 6, pp. 17–21.
4. Smirnova S.M., Bogdanov D.D. Razvitie promyshlennykh klasterov v razvivayushchikhsya stranakh: na primere klastera rybnogo klastera Chili [Industrial Clusters in the Developing Countries: a Case Study of the Chile Fish Cluster]. *Krymskiy nauchnyy vestnik* [The Crimean Scientific Bulletin], 2016, no. 4 (10), pp. 140–154.
5. Kiseleva N.N., Chunina A.E. Formirovanie i razvitie regional'nykh rybopromyshlennykh klasterov Rossii [Creation and Development of Fish Industry Clusters in Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2018, no. 3, pp. 146–151.
6. Zilanov V.K., Borisov V.M., Luka G.I. *Rybnoe khozyaystvo Norvegii* [Fisheries of Norway]. Moscow, VNIRO Publ., 2017, 296 p.
7. *Strana tekhnologiy v poiskakh tekhnologicheskogo budushchego Velikobritanii za predelami Londona* [Country of Technology. Looking for Britain's Technological Future Outside of London]. St. Petersburg, RAVI Publ., 2014, 105 p.

8. Sifuson T. Strategiya klastera «Islandskiy okean» [The Cluster Strategy “Icelandic Ocean”]. *Klaster. Issledovaniya i razrabotki* [Clusters. Research and Development], 2017, vol. 3, no. 3 (8), pp. 48–54.
9. Berghin A. *Japan’s Tuna Fishing Industry: a Setting Sun or New Dawn*. Harvard. New York, Nova Publishers, 1996, 170 p.
10. Vasilyev A.M. Rybnoe khozyaystvo Murmanskoy oblasti: uspekhi za shchyt eksporta i rosta tsen [Fisheries of the Murmansk Region: Successes at the Expense of Export and Growth of Prices]. *Rybnoe khozyaystvo* [Fisheries], 2019, no. 3, pp. 34–40.
11. *Analiz i otsenka sovremennogo sostoyaniya rybnoy promyshlennosti Severnogo basseyna* [Analysis and Assessment of the Current State of the Fishing Industry of the Northern Basin]. Murmansk, NTF Integrated Systems Publ., 1993, 179 p.
12. Khrapov V.E., Turchaninova T.V. *Mekhanizmy prostranstvennogo vzaimodeystviya predpriyatiy s edinichnym i melkoseriynym proizvodstvom v primorskoy regione* [The Mechanisms of Spatial Interaction of Enterprises with Single and Small-Scale Production in the Coastal Region]. Apatity, KSC RAS Publ., 2015, 105 p.
13. Aleksandrova M.A., Vasilyev A.M., Kartashov M.V. Otsenka morskikh ekosistemnykh uslug na baze osnovnykh promyslovykh bioresursov kak osnova ustoychivogo sostoyaniya bol'shoy morskoy ekosistemy i sokhraneniya bioraznoobraziya [Estimation of Marine Ecosystem Services Based on The Main Commercial Bioresources as a Basis for the Sustainable Status of the Large Marine Ecosystem and Biodiversity Conservation]. *Voda i ekologiya: problem i resheniya* [Water and Ecology], 2018, no. 2, pp. 70–86.

Статья принята 06.05.2020.

УДК: [338.4:504.5](985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38

Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике *

© **ДЯДИК Наталья Викторовна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

E-mail: ndyadik@mail.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

© **ЧАПАРГИНА Анастасия Николаевна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

E-mail: achapargina@yandex.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

Аннотация. Усиливающийся интерес к проблемам экологии со стороны общества ведёт к тому, что уделяется всё больше внимания деятельности предприятий, а критерии экологизации их производства ужесточаются. С ростом промышленного производства увеличиваются масштабы негативного воздействия на окружающую среду, поэтому просто обсуждение экологических проблем становится недостаточным, возникает потребность в комплексном учёте экологической результативности деятельности организаций и разработке мер по компенсации возникшего экологического ущерба. В статье рассматриваются вопросы эколого-экономических отношений бизнеса и власти в условиях российской Арктики. Целью данного исследования является формирование теоретического подхода к решению проблемы экологизации арктических регионов на основе анализа эколого-экономических взаимоотношений власти и бизнеса. Проанализированы правовые и экономические инструменты регулирования природоохранной деятельности в России, а также стратегические документы развития Арктики РФ в сфере экологии. Проведена оценка эколого-экономической ответственности компаний, работающих в российской Арктике на основе данных нефинансовой отчётности. Результаты анализа показали, что представляемая нефинансовая информация недостаточно прозрачна, а уровень ответственности бизнеса достаточно низкий. Для решения поставленной проблемы авторами предложен теоретический подход к построению «зелёного» партнёрства, позволяющий найти компромисс интересов государства и бизнеса. Формирование комплексного эколого-экономического подхода в государственном регулировании природоохранной деятельности позволит достичь точки бифуркации во взаимоотношениях власти и бизнеса и тем самым нивелировать техногенную нагрузку на экосистему территории.

Ключевые слова: экология, власть, бизнес, нефинансовая отчётность, «зелёное» партнёрство, российская Арктика.

Business and Government: Environmental and Economic Responsibility in the Russian Arctic

© **Natalya V. DYADIK**, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

E-mail: ndyadik@mail.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

© **Anastasiya N. CHAPARGINA**, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

E-mail: ndyadik@mail.ru

* Для цитирования: Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 38–61. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38

For citation: Dyadik N.V., Chapargina A.N. Business and Government: Environmental and Economic Responsibility in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 38–61. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.38

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Abstract The growing interest in environmental problems on the part of society leads to the fact that more and more attention is paid to the activities of enterprises, and the criteria for the greening of their production are becoming more stringent. With the growth of industrial production, the scale of the negative impact on the environment increases, so simply discussing environmental problems becomes insufficient. There is a need for a comprehensive accounting of the environmental performance of organizations and the development of measures to compensate for the resulting environmental damage. The article examines the issues of environmental and economic relations between business and government in the Russian Arctic. The purpose of this study is to form a theoretical approach to solving the problem of greening the Arctic regions based on the analysis of the ecological and economic relations between government and business. Legal and economic instruments for regulating environmental protection in Russia, as well as strategic documents for the development of the Russian Arctic in the field of ecology are analyzed. An assessment of the environmental and economic responsibility of companies operating in the Russian Arctic is carried out on the basis of non-financial reporting data. The results of the analysis show that the presented non-financial information is not transparent enough, and the level of business responsibility is rather low. To solve the problem posed, the authors propose a theoretical approach to building a "green" partnership, which allows finding a compromise between the interests of the state and business. The formation of an integrated ecological and economic approach in the state regulation of environmental protection activities will allow reaching a point of bifurcation in the relationship between government and business and thereby leveling the anthropogenic load on the ecosystem of the territory.

Keywords: *ecology, state, business, non-financial reporting, "green" partnership, Russian Arctic.*

Введение

Проблема влияния сырьевой специализации страны на её социально-экономическое развитие неоднократно поднималась отечественными и зарубежными учёными. Взаимосвязь между изобилием природных ресурсов и экономическим развитием страны («проблема ресурсного проклятия») учёные рассматривают с двух позиций. Одни считают, что страны, богатые природными ресурсами, развиваются медленнее, чем страны с менее богатыми ресурсами [1, Auty R.M, 2, Sachs J.D., 3, Полтерович В.М., 4, Varma N.]. Другие связывают проблемы в развитии экономики страны, обладающей богатым природно-ресурсным потенциалом, с эффективностью управления данным ресурсом [5, Torvik R., 6, Mehlum H.]. В частности, Э. Райнерт в своей работе «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» делает вывод, что порочный круг бедности стран, даже обладающих богатыми ресурсами, связан не самими ресурсами, а с концентрацией на монопроизводстве в отраслях с убывающей отдачей и со злоупотреблением теорией сравнительных преимуществ [7, Райнерт Э.С.].

Российская Арктика представляет собой геостратегическую территорию РФ и имеет огромное хозяйственное, военно-стратегическое и транспортно-логистическое значение. В Арктике сосредоточены огромные запасы природных ископаемых, в том числе энергетические ресурсы [8, Исайцева Д.Н., 9, Кижяева А.В.], где ведут свою деятельность основные холдинги по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов. На её территории находится треть разведанных мировых запасов никеля и платиноидов, а также значительная часть мировых запасов кобальта и практически весь добываемый объем (80%) нефти и газа, свыше

90% олова, алмазов, золота, слюды, апатит и множество других видов сырья¹ [10, Ларичкин Ф.Д.]. Арктическая зона России занимает 1/5 части территории страны и включает в себя Мурманскую область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, северные районы Карелии, Коми, Якутии, Архангельской области и Красноярского края². По мнению учёных [11, Венцюлис Л.С., 12, Акимов В.А., 13, Иванова Л.В.], экологическое состояние Арктики характеризуется множеством проблем (обращение с отходами, загрязнение атмосферы, загрязнение сточных вод, изменение климата и другие), которые требуют эффективных путей решения. Поэтому объектом данного исследования являются российские предприятия промышленного комплекса арктических регионов России. На сегодняшний день к наиболее обсуждаемым дискурсам в области экономики природопользования относятся вопросы государственного регулирования природоохранной деятельности, эколого-экономических взаимоотношений с заинтересованными сторонами, оценки негативного воздействия компаний промышленного комплекса на окружающую среду. Так, в настоящее время формируется определённый экономический механизм регулирования взаимоотношений государства и бизнеса по устранению негативного воздействия предприятий на окружающую среду. В работах российских учёных экономический механизм природопользования предполагает использование системы экологического менеджмента и её внедрение в общую систему управления предприятием [14, Кочемасова Е.Ю., 15, Оргадулова Г.А., 16, Потрубач Н.Н., 17, Коваленко К.О.]. Кроме того, также разработаны инструменты эколого-экономического стимулирования природопользователей направленные на регулирование природоохранной деятельности предприятий, в частности определены меры позитивного и негативного стимулирования.

Однако государственное экономическое регулирование процессами природопользования и природоохранной деятельности в России на сегодняшний день не имеет достаточно развитой законодательной базы. Баркан М., Березовский П. и Борзенков В. считают, что в России не создан реально действующий механизм экономического стимулирования охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, который отражал бы вред от загрязнения окружающей среды в деятельности предприятий [18]. Коллектив авторов из Государственного регионального Центра стандартизации, метрологии и испытаний утверждает, что отсутствует комплексный подход к разработке и принятию нормативов, стандартов и регламентов, ограничивающих негативное воздействие на окружающую среду. Т. Седаш отмечает, что в настоящее время законодательный механизм экологического страхования, экологического аудита, внедрения наилучших доступных технологий требует существенной доработки [19]. Т. Алиева полагает, что замещение государственного экологическо-

¹ Макурин А. Лёд тронулся. Зачем Россия вкладывается в Арктику? Еженедельник «Аргументы и Факты». № 50. 12 декабря 2018. URL: https://aif.ru/money/economy/lyod_tronulsya_zachem_rossiya_vkladyvaetsya_v_arktiku (дата обращения: 15.05.2020).

² Проект Закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects?type=Grid> (дата обращения: 15.05.2020).

го надзора экологическим аудитом повысит концентрацию внимания на наиболее важных экологических проблемах [20].

При этом достаточное внимание уделено вопросам экологизации налогообложения как основному экономическому регулятору природоохранной деятельности. В основе экологизации налогообложения лежит теория А. Пигу «экстернальных или внешних издержек». Проявлением положительных экстернальных эффектов является распространение новых экологически чистых технологий, а отрицательных — загрязнение окружающей среды [21, Чужмарова С.И.]. И.А. Майбуров и Ю.Б. Иванов особое внимание уделяют развитию теоретических основ экологического налогообложения [22]. Другие экономисты-экологи определяют налоги в качестве важных механизмов государственной экологической политики [23, Шувалова Е.Б., 24, Bazin D., 25, Howarth R.B.]. Кроме того, в научном сообществе активно дискутируют на тему экологизации территорий Севера и Арктики [26, Глазьев С.Ю., 27, Громов В.В.].

В современных исследованиях рассматриваются вопросы сбалансированного взаимодействия власти и бизнеса в качестве базы для конструктивного диалога. Так, например, эффективным механизмом реализации «сопряжённых активностей» государства и бизнеса при решении экологических проблем может выступать государственно-частное партнёрство, а сообщества, которые вырабатывают определённые правила владения и хозяйственного использования общих ресурсов» и способны обеспечивать длительное их сохранение и воспроизводство играют ведущую роль в рамках природоохранных мероприятий [28, Медяник Н., 29, Остром Э.]. В целом происходит повсеместная трансформация отношений человека к экологическим проблемам, общество всё больше осознаёт свою ответственность за разрушение биосистемы и готово объединить усилия в борьбе с проблемами окружающей среды [30, Алимов А.А.].

В развитии отношений человека с окружающей средой можно выделить несколько этапов:

- I этап — до 60-х гг. XX в. — осознание негативного антропогенного воздействия на окружающую среду
- II этап — 70-е гг. XX в. — понимание того, что интенсивное природопользование и неизбирательное использование природных ресурсов подрывает экономику и снижает благополучие будущих поколений.
- III этап — 80-е гг. XX в. можно охарактеризовать активным внедрением «зелёных» технологий. Этот период взаимосвязан с формированием концепции устойчивого развития.
- IV этап — 2000-е гг. — «закрепление» в международном и национальном законодательстве, в бизнесе и обществе концепции устойчивого развития.

Уязвимость природной среды арктических регионов предопределяет необходимость включения экологической составляющей в качестве основного вектора развития. Сегодня

повышенное внимание к проблемам сохранения экосистем, снижению техногенного негативного воздействия и развитию зелёной экономики — общемировая тенденция, которой следуют и российские арктические регионы.

В настоящее время для оценки техногенного и антропогенного воздействия на экосистемы регионов применяются различные государственные инструменты. Однако этих мер недостаточно для нивелирования негативного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду. В связи с этим целью данного исследования является формирование теоретического подхода к решению проблемы экологизации арктических регионов на основе анализа эколого-экономических взаимоотношений власти и бизнеса.

В рамках поставленной цели выдвигается две гипотезы:

- Гипотеза 1 — Существующая экологическая ответственность бизнеса в России недостаточно прозрачна, а механизмы государственного регулирования не позволяют компенсировать экологический ущерб.
- Гипотеза 2 — Формирование комплексного эколого-экономического подхода в государственном регулировании природоохранной деятельности позволит достичь точки бифуркации во взаимоотношениях власти и бизнеса и тем самым нивелировать техногенную нагрузку на экосистему территории.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области экономики природопользования, региональной и пространственной экономики; учёных, занимающихся исследованиями проблем Севера и Арктики.

Для достижения поставленной цели применялись методы экономического и статистического анализа. Проведён контент-анализ существующей нормативно-законодательной базы, проанализированы применяемые в России механизмы и инструменты регулирования взаимоотношений власти и бизнеса в рамках экологизации территорий в сравнении, построена теоретическая модель сбалансированных «зелёных» взаимоотношений власти и бизнеса.

Анализ конфликта интересов и построение теоретической модели сбалансированных взаимоотношений власти и бизнеса по вопросам экологизации базировались на сопоставлении эколого-экономической ответственности компаний и государственных регуляторов.

Для выявления и структурирования экологической ответственности российской компании на конкретной территории или в регионе авторами предлагается методика, основанная на сборе и обработке эмпирического материала и экспертных оценок. Качественная оценка экологической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики производилась на основе 7 критериев. Каждому критерию присвоен цветовой уровень в зависимости от степени выполнения: зелёный, красный и жёлтый:

- Критерий 1: «Вид независимой оценки»: зелёный — есть профессиональное заверение и заверение с учётом мнения заинтересованных сторон, жёлтый — частич-

ное профессиональное заверение или заверение с учётом мнения заинтересованных сторон (включая общественное заверение), красный — внешнее заверение отсутствует или отсутствует отчётность в соответствии с требованиями международных организаций.

- Критерий 2: «Наличие в системе экологического менеджмента количественных показателей, мероприятия по снижению воздействия»: зелёный — введён экологический менеджмент на всех дочерних предприятиях Группы (Компании), жёлтый — хотя бы на одном и более, красный — отсутствует.
- Критерий 3: «Мероприятия по снижению воздействия на окружающую среду»: зелёный — есть, красный — нет.
- Критерий 4: «Взаимодействие с местным населением (сообществом) по вопросам экологизации территории»: зелёный — есть отдельный документ, жёлтый — нет отдельного документа, но работа ведётся, красный — не ведётся работа и отсутствует отдельный документ.
- Критерий 5: «Программа по энергоэффективности»: зелёный — количественные показатели результативности имеют положительный тренд с предыдущим периодом, жёлтый — есть количественные показатели, но не отражён тренд, красный — отсутствуют количественные показатели энергоэффективности.
- Критерий 6: «Программа по сохранению биоразнообразия»: зелёный — есть, жёлтый — частично (по отдельным проектам компании), красный — нет.
- Критерий 7: «Добровольное страхование экологических рисков»: зелёный — есть, красный — нет.

Количественная оценка эколого-экономических показателей осуществлялась на основании показателей, отражённых в нефинансовой отчётности компаний.

Анализ и результаты

Прежде чем говорить об оценке экологической и экономической ответственности компаний, следует остановиться на основных и стратегических документах, регулирующих природоохранную деятельность в российской Арктике.

Основным документом для формирования государственной экологической политики в Арктике, как и на всей территории Российской Федерации, является Федеральный закон №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»³. Но также существует пакет документов, который направлен на регулирование деятельности исключительно на территории российской Арктики, а именно: Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года⁴; Государственная программа Российской Федерации «Социально-

³ Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об охране окружающей среды» // Консультант Плюс.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»⁵; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года РФ⁶. Например, «Основы государственной политики...» отражают экологическую специфику Арктики, акцентируя внимание на нивелировании экологических последствий хозяйствующей деятельности в Арктике. Основные аспекты социально-экономического развития, экологии, достижения стратегических интересов и обеспечения национальной безопасности в российской Арктике отражены в Госпрограмме и в Стратегии развития Арктической зоны РФ.

Кроме того, АСПОЛ и другие международные ассоциации разработали различные стандарты: Национальный общественный стандарт «Экологическая безопасность Арктики», Арктические стандарты OCS (Outer Continental Shelf); стандарты ISO; «Руководство по эксплуатации судов в полярных водах» (Guidelines for ships operating in polar waters); Полярный кодекс и другие. Введение стандартов позволяет определить специфические правила хозяйственной деятельности организаций в существующем правовом поле. Так, например, стандарт «Экологическая безопасность Арктики» был разработан с целью обеспечения общеприемлемых форматов хозяйственной деятельности в арктических российских регионах, поскольку существующая нормативная база не отражает все аспекты природопользования в арктической зоне⁷.

Любые компании, ведущие экономическую деятельность в Арктике, должны стремиться обеспечивать достижение целей устойчивого развития в регионе присутствия, сохранять природное и культурное наследие для будущих поколений⁸. Это возможно благодаря реализации практик КСО, активному взаимодействию с заинтересованными сторонами, грамотному управлению социальными и экологическими рисками, и соответственно ведению публичной нефинансовой отчетности.

Публичная нефинансовая отчетность представляет собой совокупность сведений и показателей, отражающих цели, подходы и результаты деятельности организаций по всем

⁵ Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 N 366 (ред. от 31.08.2017) Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

⁶ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года РФ. Сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 05.07.2019).

⁷ Национальный общественный стандарт «Экологическая безопасность Арктики». URL: http://arcticas.ru/docs/2016/Broshura_Arctica.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

⁸ Призыв к осуществлению ответственной экономической деятельности в Арктическом регионе также был объявлен Арктическим советом, а именно Рабочей группой по устойчивому развитию в Арктике (Sustainable Development Working Group, SDWG, <http://www.sdwg.org/>). Так, в 2012 г. была создана Инициатива по корпоративной социальной ответственности (Initiative on Corporate Social Responsibility) и открыта платформа для постоянного диалога представителей бизнес-сообществ, действующих в Арктическом регионе, которая носит название «Арктический экономический совет» (<http://arcticeconomiccouncil.com/>). Инициатива Арктического совета по КСО создана для объединения компаний различных отраслей с целью вовлечения их в диалог для достижения устойчивого развития и ответственного использования природных ресурсов в Арктике. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_39168-1522-2-30.pdf?141112150837 (дата обращения: 15.05.2020).

существенным вопросам социальной ответственности и устойчивого развития, минимальный перечень обязательно раскрываемых показателей⁹. Существуют разные стандарты предоставления нефинансовой информации GRI, SASB. В условиях интеграции России в мировой рынок и с переходом на международные стандарты учёта и отчётности многие крупные российские холдинги практикуют разработку экологической политики на основе стандарта GRI, несмотря на то что не всегда можно определить по данным стандартам заявленные цели компании [31, Borgstedt P., 32, Heflin F.].

Рассмотрим нефинансовую отчётность крупных российских холдингов, реализующих проекты по разведке и разработке ресурсов в арктических регионах России. К ним относятся ФОСАГРО, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ, НОВАТЭК, ЕВРОХИМ, СЕВЕРСТАЛЬ, АКРОН, ЛУКОЙЛ, ГАЗПРОМ, РОСНЕФТЬ, АЛРОС¹⁰. Анализ деятельности компаний, с точки зрения обеспечения экологической ответственности, основывается на официальной публичной годовой нефинансовой отчётности компаний за 2018 г.¹¹ Необходимо отметить, что активность российских компаний в отношении размещения как экологических, так и других нефинансовых отчётов достаточно низкая. Так, по состоянию на январь 2019 г., в Национальном Регистре зарегистрировано 176 компаний и 924 отчёта — (нарастающим итогом с 2001 г.). В их числе: экологические отчёты (ЭО) — 82, социальные отчёты (СО) — 326, отчёты в области устойчивого развития (ОУР) — 314, интегрированные отчёты — 174, отраслевые отчёты — 27¹². На мировом фоне развития и активизации процесса публичной нефинансовой отчётности Россия занимает пока последние позиции (рис. 1).

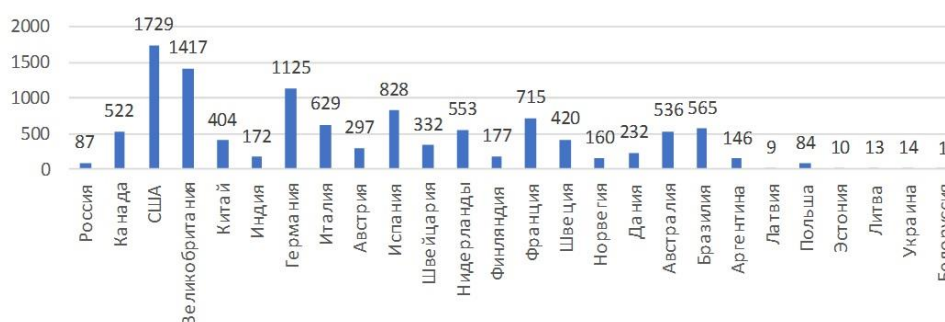

Рис. 1. Количество компаний, публикующих нефинансовую отчётность (по разным странам), 2018 г.¹³

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 N 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчётности и плана мероприятий по её реализации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216631/ (дата обращения: 15.05.2020).

¹⁰ Перечень ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodateli/>, Обзор устойчивого развития арктических компаний (декабрь 2019). URL: <https://goarctic.ru/news/obzor-ustoychivogo-razvitiya-kompaniy-rabotayushchikh-v-rossiyskoj-arktike-za-period-15-sentyabrya-1/>, «Сибур», «Норникель» и «Лукойл» — в тройке лидеров по устойчивому развитию Арктики. URL: <https://porarctic.ru/blog/2019/06/07/sibur-nornikel-i-lukojl-v-trojke-liderov-ro-ustojchivomu-razvitiyu-arktiki/> (дата обращения: 15.05.2020).

¹¹ В работе используется годовая нефинансовая отчётность российских компаний за 2018 г. из-за наличия наиболее актуальной информации на момент проведения исследования, поскольку нефинансовый отчёт компаний за прошлый год как правило публикуется во второй половине текущего года.

¹² Нефинансовая отчётность в России и мире: цели устойчивого развития — в фокусе внимания / Аналитический обзор, Москва, 2019.

¹³ На основе данных URL: www.corporateregister.com (дата обращения: 15.05.2020).

В 2018 г. практически все вышеперечисленные компании представили Отчёт об устойчивом развитии. Исключение составили ЕВРОХИМ и АКРОН, которые отразили свою экологическую ответственность в общем годовом отчёте компании. Для раскрытия своей нефинансовой деятельности 9 из 10 компаний использовали В/С GRI (основной вид стандарта), НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ использовал А GRI (расширенный вид стандарта).

Результаты качественной оценки экологической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики за 2018 г. согласно предложенной авторами методологии представлены в табл. 1.

Таблица 1

Качественная оценка экологической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики за 2018 г.¹⁴

Название компании	Тип отчёта	Вид используемого стандарта GRI	Вид независимой оценки	Наличие в системе экологического менеджмента количественных показателей	Мероприятия по снижению воздействия на окружающую среду	Взаимодействие с местным населением (сообществом) по вопросам экологизации территории	Программы по энергоэффективности	Программы по сохранению биоразнообразия	Добровольное страхование экологических рисков
ФОСАГРО	ОУР ¹⁵	В	Жёлтый	Жёлтый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Красный	Красный
НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ	ОУР	А	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Зеленый	Красный
ЕВРОХИМ	ГО	В	Красный	Зеленый	Зеленый	Красный	Зеленый	Красный	Красный
СЕВЕРСТАЛЬ	ОУР	В	Жёлтый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Красный	Красный
АКРОН	ГО	В	Красный	Красный	Зеленый	Жёлтый	Красный	Красный	Красный
ЛУКОЙЛ	ОУР	В	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый
ГАЗПРОМ	ОУР	В	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Жёлтый	Зеленый
НОВАТЭК	ОУР	В	Жёлтый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Зеленый
РОСНЕФТЬ	ОУР	В	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Зеленый	Зеленый
АЛРОС	ОУР	В	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Жёлтый	Жёлтый	Зеленый

Все исследуемые компании проводят мероприятия по снижению воздействия на окружающую среду. Практически все компании (8 из 10) публикуют сведения о количественных показателях в системе экологического менеджмента. Система экологического ме-

¹⁴ Перечень ведущих компаний-работодателей, осуществляющих деятельность на территории Арктической зоны РФ. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodately/>, «Сибур», «Норникель» и «Лукойл» – в тройке лидеров по устойчивому развитию Арктики. URL: <https://porarctic.ru/blog/2019/06/07/sibur-nornikel-i-lukoil-v-trojke-liderov-po-ustojchivomu-razvitiyu-arktiki/> (дата обращения: 15.05.2020).

¹⁵ ОУР — отчёт об устойчивом развитии.

неджмента не внедрена в основных производственных дочерних обществах компании АКРОН, и частично внедрена в компании ФОСАГРО (в 2018 г. АО «Апатит» и БФ АО «Апатит» успешно прошли инспекционные аудиты на соответствие требованиям международным стандартам ISO 9001:2015, ISO 14001:2015).

Критерий «взаимодействие с местным населением (сообществом) по вопросам экологизации территории» также практически у всех компаний «зелёный». Как правило, компании заключают соглашения о сотрудничестве с регионами своего присутствия и оказывают им значительную помощь по экономическому и социальному развитию местных сообществ, а также сохранению экологической безопасности проживания и национальной самобытности коренных народов. Отметим, что у компании ЕВРОХИМ в отчёте нет чёткой информации о населении, ведущем традиционный образ жизни, поэтому критерию присвоен красный цвет.

Только половина компаний, включенных в анализ, имеют программы по энергоэффективности, и количественные показатели результативности имеют положительный тренд с предыдущим периодом.

У компании АКРОН отсутствуют количественные показатели энергоэффективности, но компания утверждает в отчёте, что её показатели энергоэффективности выражены в экономии денежных средств.

Хуже обстоят дела с программами по сохранению биоразнообразия. У 4 компаний — ФОСАГРО, ЕВРОХИМ, СЕВЕРСТАЛЬ, АКРОН — программ по биоразнообразию нет. А у 3 компаний — ГАЗПРОМ, НОВАТЭК, АЛРОС — критерий выполняется частично по одному или нескольким (но не одновременно по всем) из следующих направлений: есть объём финансирования на сохранение биоразнообразия; наличие утверждённого списка видов-индикаторов в регионах присутствия / деятельности компании; наличие программ исследования и / или мониторинга видов-индикаторов; доступность результатов научных исследований и работ в области сохранения биоразнообразия в публичном пространстве; механизмы участия заинтересованных сторон в обсуждении программ сохранения биоразнообразия.

Наличие добровольного страхования экологических рисков свидетельствует о понимании важности управления данными рисками руководством компании. Например, компания НОВАТЭК с целью снижения риска финансовых потерь осуществляет следующие виды добровольного страхования: страхование имущества на случай утраты (гибели) и / или повреждения; страхование убытков от перерыва в производстве (предпринимательских рисков); страхование строительно-монтажных рисков; страхование рисков при поиске, разведке и разработке месторождений (рисков потери контроля над скважиной); страхование ответственности органов управления.

В целом по этому критерию компании разделились на две группы:

- имеющие добровольное страхование экологических рисков — ЛУКОЙЛ, ГАЗПРОМ, НОВАТЭК, РОСНЕФТЬ, АЛРОС;

- не имеющие добровольного страхования экологических рисков — ФОСАГРО, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ, ЕВРОХИМ, СЕВЕРСТАЛЬ, АКРОН.

Таким образом, в результате сравнительного анализа представленной в нефинансовой отчётности информации по предложенным критериям можно выделить лидера в области экологической ответственности — это ЛУКОЙЛ. Компания публично декларирует, что в своей деятельности она руководствуется принципами устойчивого развития и старается достичь равновесия между социально-экономическим и природно-экологическим развитием. Значителен вклад ЛУКОЙЛа в экологическую безопасность добычи, хранения и транспортировки нефтепродуктов в арктических условиях. Компания первой в России применила технологию нулевого сброса при работе на шельфовых проектах. ЛУКОЙЛ обладает полным арсеналом средств ликвидации разлива нефти в арктических водах, включая инфраструктуру и обученных специалистов¹⁶.

В рамках концепции устойчивого развития важна сбалансированность между экологической и экономической ответственностью, поскольку долгосрочное планирование невозможно без эффективного, рационального использования природных ресурсов. Опираясь только на качественные показатели компаний, нельзя судить в целом об их эколого-экономической ответственности. Правильно их дополнить оценкой количественных показателей.

Количественные показатели, как и качественные, характеризующие эколого-экономическую ответственность компаний, не имеют достаточной прозрачности для проведения их комплексной оценки.

Таблица 2

Количественная оценка экономической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики за 2018 г.

¹⁶ Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в российской Арктике, 2018. URL: <https://porarctic.ru/wp-content/uploads/2018/09/Polyarnyj-indeks.-Versiya-1.0.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

Название компании	затраты на охрану окружающей среды, млн руб.	Экологические платежи за сверхнормативные выбросы, размещение отходов, млн руб.	Экологические платежи за нормативные выбросы, всего, млн руб.	Доля сверхнормативных платежей в общем объеме экологических платежей, %	Штрафы за несоблюдение экологического законодательства, млн руб.	Выручка компании, млрд руб.	Доля экологических платежей за сверхнормативные выбросы в общем объеме выручки компании, %	Доля валовых экологических платежей за нормативные выбросы в общем объеме выручки компании, %	Удельная доля затрат на охрану окружающей среды к выручке компании, %
ФОСАГРО	8053,1	2,901	153,4	1,89	0,6	233,4	0,001	0,07	3,5
НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ	31768	695,2		н/д	3,2	728,9	0,001		4,4
ЕВРОХИМ	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	349,8	н/д	н/д	р/д
СЕВЕРСТАЛЬ	3436	н/д	н/д	31,6	н/д	457,5	н/д	н/д	0,8
АКРОН	686	н/д	10,8	н/д	н/д	108,1	н/д	0,0001	0,6
ЛУКОЙЛ	35528	н/д	н/д	23	0	8058,3	н/д	н/д	0,4
ГАЗПРОМ	39154	197,04	615,8	32	10,2	8126	0,002	0,01	0,5
НОВАТЭК	2384	8,5		н/д	1,1	832	0,001		0,3
РОСНЕФТЬ	31 697	1040	1159	22	290	8200	0,012	0,014	0,4
АЛРОС	5 221	н/д	н/д	н/д	н/д	282,6	н/д	н/д	1,8

Из табл. 2 видно, что практически ни одна компания (исключение составляет ФОСАГРО, ГАЗПРОМ и РОСНЕФТЬ) не предоставляет данных об объеме уплаченных экологических платежей, о размерах штрафов за несоблюдение экологического законодательства, что существенно затрудняет проведение адекватного анализа показателей нефинансовой отчетности и не позволяет дать точную оценку экологической ответственности компаний. Тем не менее, на основании представленных данных попробуем проанализировать деятельность промышленных компаний в отношении мер по экологизации территорий их присутствия. Наиболее активны в осуществлении природоохранных мероприятий в регионах Арктики (по абсолютным значениям) в основном компании нефтегазового комплекса — ЛУКОЙЛ, ГАЗПРОМ, РОСНЕФТЬ и одно предприятие металлургической отрасли — НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ. Так, например, тройка лидеров инвестирует в природоохранные мероприятия около 30–40 млн руб. Однако, если сравнивать их по удельному объему затрат на охрану окружающей среды к выручке компании, картина значительно меняется. Лидерство в природоохранных мероприятиях, направленных на сохранение природных экосистем, наблюдается в основном у предприятий химической и металлургической отрасли. Например, ФОСАГРО тратит на

экологизацию примерно 3,5% от своей выручки, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ и АЛРОС — 4,4% и 1,8% соответственно, у остальных предприятий экологические затраты составляют менее 1%. Анализ отчётов об устойчивом развитии компаний показал, что основной объём финансирования направлен на мероприятия по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, рекультивацию земель и очистку сточных вод.

Сопоставим ли ущерб от загрязнения территорий присутствия компаний с объёмом финансирования на его устранения? Вопрос достаточно сложный и многогранный. Для ответа на данный вопрос попробуем проанализировать данные табл. 3 и сопоставить их с данными предыдущих табл. 1 и 2.

Таблица 3

Количественная оценка экологической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики за 2018 г.

Название компании	Валовые выбросы в атмосферу SO ₂ , тыс. т	Выбросы других значимых загрязняющих веществ в атмосферу, тыс. т	Валовые выбросы парниковых газов, тыс. т	Водопотребление на собственные нужды компании, тыс. м ³	Отходы, всего, тыс. т	Кол-во аварий с негативными последствиями для окружающей среды, шт.	Объём потребляемой энергии из возобновляемых источников, тыс. кВт/ч	Удельный вес выбросов в атмосферу, кг/т ¹⁷
ФОСАГРО	11,36	16,55	451,2	97369	99125	0	н/д	161,94
НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ	1869,6	57,0	10000	1412,1	30720	0	4132,5	33242
ЕВРОХИМ	н/д	0,027	204,5	72100	н/д	0	н/д	43,5
СЕВЕРСТАЛЬ	96,5	43,6	22,1	149530	н/д	0	н/д	1054
АКРОН	н/д	н/д	н/д	н/д	43,1	0	45,0	н/д
ЛУКОЙЛ	25,1	408,2	30,0	428,5	2963	43	1 365,3	340
ГАЗПРОМ	276,2	2617,86	120,1	4280,2	180,74	917	459 666,3	248
НОВАТЭК	33	51,3	7936,8	2 993	71,2	1	987777 8	0,075 ¹⁸
РОСНЕФТЬ	86	1749	76,4	2 153,5	14 064	0	н/д	573
АЛРОС	219,1	н/д	550,8	8,1	15 933	1	н/д	1,626 ¹⁹

Следует отметить, что разброс данных по некоторым показателям (по валовым выбросам парниковых газов, отходам, водопотреблению) между компаниями в 2018 г. состав-

¹⁷ Отчёты об устойчивом развитии компаний промышленного комплекса Арктики РФ за 2018 г.

¹⁸ *Рассчитано только по выбросам парниковых газов, поскольку остальные данные отсутствуют.

¹⁹ Рассчитано относительно выручки компании из-за сложности пересчёта на единицу готовой продукции (единица измерения готовой продукции карат).

ляет несколько порядков. При этом одни компании в результате своей деятельности накапливают значительные объёмы отходов (ФОСАГРО, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ), другие активно потребляют воду для собственных нужд (СЕВЕРСТАЛЬ) или являются основными «загрязнителями» атмосферного воздуха (НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ, СЕВЕРСТАЛЬ, АЛРОС, ГАЗПРОМ).

Например, компания НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ (цветная металлургия) тратит на экологизацию 4,4 % своей выручки и является лидером по выбросам в атмосферу CO₂ и SO₂: примерно 33 т на 1 т готовой продукции, в то время как Газпром с большими объёмами выбросов тратит менее 1% выручки.

Таким образом, сопоставление данных о затратах на экологизацию с количественными показателями экологической ответственности компаний промышленного комплекса российской Арктики за 2018 г. позволяет сделать вывод, что далеко не у всех предприятий объёмы затрат на экологию сопоставимы с объёмами нанесённого экологического ущерба. Компаниям необходимо больше внимания уделять эффективному использованию энергоресурсов, снижению выбросов и утилизации отходов.

Обобщая анализ нефинансовой отчётности российских холдингов, работающих в арктических регионах, можно сделать вывод, что их уровень ответственности сейчас недостаточен и непрозрачен, что подтверждает ранее выдвинутую гипотезу 1. Тем не менее, значимость вопросов экологизации территорий присутствия нарастает, особенно среди компаний промышленного сектора, даже несмотря на то, что деятельность в Арктике регулируют отдельные (специфические) нормативно-правовые документы и существуют различные экономические регуляторы. Однако усиливающаяся острота экологических проблем требует совершенствования иной системы мер охраны окружающей среды в Арктике, возможно, через принятие специального законодательства в области охраны окружающей среды Арктической зоны.

Обсуждение

Действующее законодательство в области регулирования природоохранной деятельности не направлено на построение симметричных отношений между властью и бизнесом и не способствует снижению негативного воздействия деятельности предприятий на окружающую среду. Анализ существующих экономических механизмов и правовых мер показал, что использование только директивных методов управления неэффективно и не приводит к значительному улучшению состояния экосистем. Так, например, произошедшая 29 мая 2020 г. экологическая катастрофа в г. Норильске является тому подтверждением. Отметим, что Норильск и ранее оказывался в центре внимания экологов по причине аварий на Норникеле. В 2016 г. река Далдыкан окрасилась в красный цвет из-за выбросов Надеждинского металлургического завода. По оценке бывшего заместителя руководителя Росприроднадзора Олега Митволя, ущерб от разлива дизельного топлива в Норильске может достичь 100 млрд

рублей, а на работы по восстановлению природной среды потребуется до 10 лет²⁰. При этом рост грузопотока в Арктике приводит к росту потребляемого топлива, что, безусловно, оказывает большое влияние на экологическое состояние атмосферного воздуха в регионе, повышает риски разлива топлива²¹. Недавно принятая подпрограмма «Развитие рынка газомоторного топлива»²² позволит снизить, а возможно даже уйти от аварийных разливов нефтепродуктов. К сожалению, в настоящее время действующие экономические механизмы направлены лишь на устранение чрезвычайных ситуаций (штрафы и т.п), а не на их предотвращение. При этом крайняя изношенность оборудования и недостаточность средств, выделяемых на его ремонт, существенно повышает вероятность возникновения подобных экологических катастроф.

Для определения экономического эффекта, сравним затраты бизнеса и государства на природоохранную деятельность. В качестве издержек бизнеса выступают платежи за негативное воздействие на окружающую среду, а государственных затрат — расходы государства на охрану окружающей среды (рис. 2).

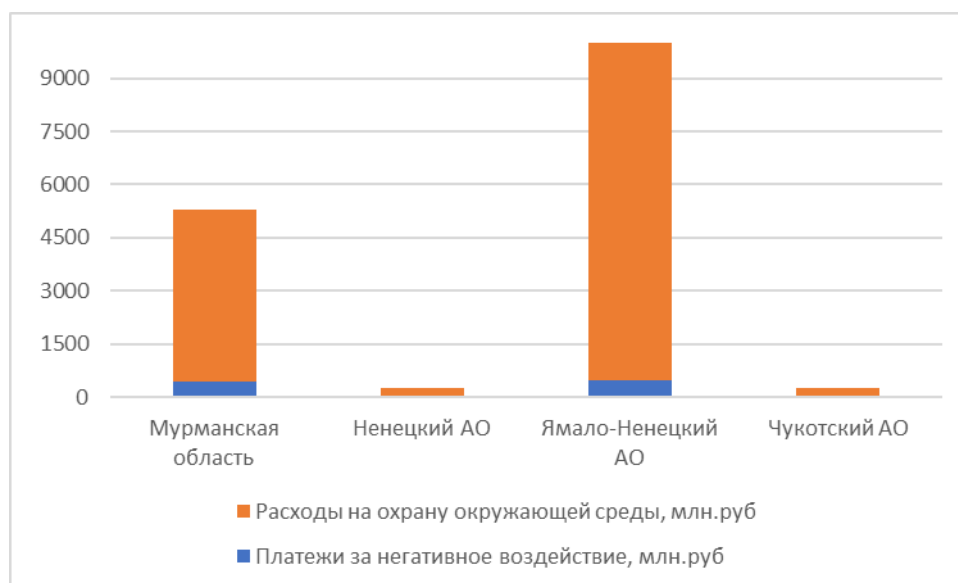

Рис. 2. Сопоставление затрат бизнеса и государства на экологические цели за 2018 г. по регионам Арктики РФ^{23, 24}.

Из проведённого анализа следует, что компенсационные платежи бизнеса за негативное воздействие на экосистемы, установленные государством, несопоставимы с затратами государства на финансирование программ по охране и восстановлению окружающей

²⁰ «В Арктической зоне такой аварии не было никогда»: оценён ущерб от разлива дизтоплива в Норильске. URL: <https://www.infox.ru/news/283/236801-v-arkticeskoj-zone-takoj-avarii-ne-bylo-nikогда-ocen-en-userb-ot-razliva-diztopliva-v-norilске> (дата обращения: 15.05.2020).

²¹ Перевод арктического флота с мазута на сжиженный природный газ (СПГ). Россия в окружающем мире. Алексей Книжников, Александр Климентьев Дискуссионные материалы к международной конференции «Судостроение в Арктике», июнь 2019 г., Архангельск. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/629/rabochie_materialy_po_spg_forum_sudostroenie_iyun_2019.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

²² Постановление Правительства РФ от 02.03.2020 N 221.

²³ В качестве примера приведены данные по регионам, полностью включенным в Арктическую зону РФ.

²⁴ Примечание: приведены данные за один год, поскольку существенных изменений за предыдущие периоды не выявлено. Источник: расчёты авторов по данным Росстата.

среды. Заметим, что во всех регионах Арктики — регионах со значительным уровнем воздействия предприятий на экосистемы и предельным порогом экологической уязвимости, наблюдается выраженный отрицательный эффект.

Таким образом, необходимо разрабатывать такую систему регуляторов, которая позволит не просто минимизировать уровень затрат, связанных с экологизацией территорий, а сформировать симметричные взаимоотношения власти и бизнеса при одновременном снижении уровня техногенной нагрузки на экосистему. Для снижения экономического ущерба от загрязнений окружающей среды необходимо совершенствовать микроэкономические показатели (экологические издержки предприятия, а именно отрегулировать прибыль при расчёте на сумму экологических обязательств компании по компенсации экологического ущерба). Такие действия «переведут» экономический ущерб во внутренние издержки компании, отражаясь непосредственно на их коммерческой деятельности и одновременно стимулируя к внедрению наилучших доступных технологий.

В современных условиях, на взгляд авторов, действенным механизмом может выступить модель «зелёного» партнёрства, которая позволит достичь сбалансированных взаимоотношений между властью и бизнесом в контексте природоохранной деятельности [33, Чапаргина А.Н.] (рис. 2).

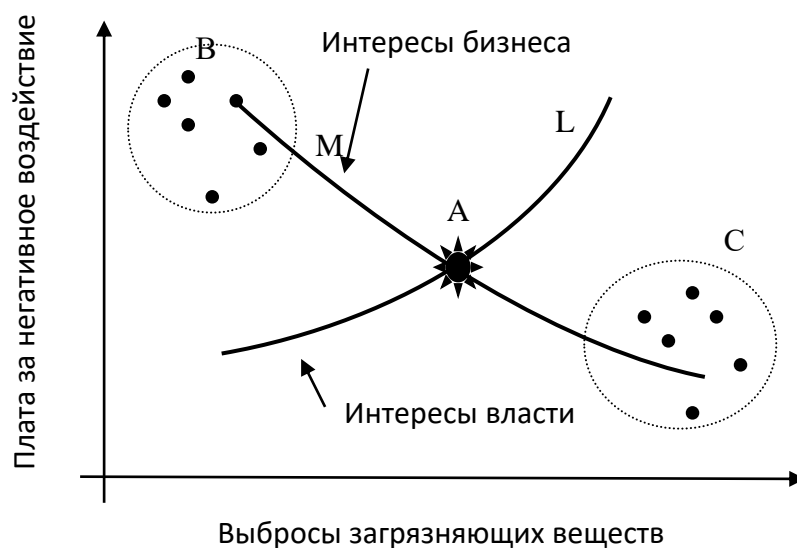

Рис. 2. Модель «зелёного» партнёрства бизнеса и государства²⁵.

В представленной модели множество точек В — это интересы власти, то есть, когда компенсация экологического вреда значительно выше, чем вредные выбросы. Множество точек С, наоборот, отражают интересы бизнеса, которые сосредоточены на минимизации экологических издержек при значительном объёме выбросов загрязняющих веществ. Налицо конфликт интересов власти и бизнеса. В то же время данная ситуация вызывает дисбаланс и ведет к асимметричным взаимоотношениям и, как следствие, к отрицательным экономическим эффектам. Актуальность проблемы вызывает необходимость поиска такой точ-

²⁵ Источник: составлено авторами.

ки, в которой взаимодействие бизнеса и власти по вопросам экологизации перейдёт на качественно новый уровень их отношений.

Совмещение интересов может быть представлено графически. Кривая L на рис. 2 отражает интересы государства, а кривая M — интересы бизнеса. На пересечении кривых в точке A возникают новые взаимоотношения между заинтересованными группами (власть-бизнес). Точка A — это точка бифуркации²⁶, характеризующая момент формирования *нового качественного порядка* сбалансированного взаимодействия между бизнесом и властью. При этом экологическая ответственность бизнеса наступит именно в этой точке — точке бифуркации, поскольку максимальные предельные экологические платежи будут сильно убыточными для бизнеса и тем самым простимулируют их «добровольно» инвестировать в модернизацию технологий для снижения техногенного воздействия на экосистемы. При этом уровень корпоративной экологической ответственности бизнеса значительно возрастет.

Сегодня отношения между бизнесом и властью по экологическим вопросам в контексте представленной модели можно условно охарактеризовать множеством точек C (рис. 2), то есть при незначительном уровне платежей за негативное воздействие на экосистему характерен высокий уровень вредных выбросов (табл. 4).

Таблица 4
Индикаторы, отражающие взаимоотношения власти и бизнеса в Арктике (доля единиц)²⁷

	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Мурманская область</i>					
Платежи за негативное воздействие к ВРП	0,0002	0,0013	0,0010	н/д	н/д
Доля выбросов загрязняющих веществ в ВРП	1,1100	1,0700	0,8700	0,2363	0,1610
<i>Ненецкий автономный округ</i>					
Платежи за негативное воздействие к ВРП	0,0017	0,0002	0,0001	н/д	н/д
Доля выбросов загрязняющих веществ в ВРП	0,6100	0,7100	0,5500	1,1656	0,9020
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>					
Платежи за негативное воздействие к ВРП	0,0008	0,0004	0,0002	н/д	н/д
Доля выбросов загрязняющих веществ в ВРП	0,4700	0,5300	0,6100	0,3536	0,2660
<i>Чукотский автономный округ</i>					
Платежи за негативное воздействие к ВРП	0,0009	0,0009	0,0006	н/д	н/д
Доля выбросов загрязняющих веществ в ВРП	0,4100	0,5000	0,5100	0,3663	0,3609
<i>Российская Федерация</i>					
Платежи за негативное воздей-	0,0004	0,0004	0,0002	н/д	н/д

²⁶ Важно разграничить понятия бифуркация и оптимум. В рамках данного исследования, авторы, для характеристики новых взаимоотношений отношений власти и бизнеса применяют понятие бифуркации, поскольку бифуркация — это критическое состояние системы, при котором происходит качественный скачок и переход системы в новое состояние устойчивости. А точка оптимума лишь характеризует взаимную экономическую выгоду в результате определенных отношений и не отражает их качественно новый уровень.

²⁷ Источник: расчёты авторов на основании данных Росстата.

Доля выбросов загрязняющих веществ к ВРП					
Доля выбросов загрязняющих веществ в ВРП	0,3900	0,4000	0,4000	0,4287	0,3804

Несмотря на устойчивый тренд снижения доли выбросов к ВРП, вызванный в основном стагнацией экономики региона, экологическая обстановка в арктических регионах остаётся напряжённой. Экологические платежи, установленные для предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности (основные загрязнители), выступают сегодня лишь минимальными требованиями законодательства по возмещению причинённого вреда, не учитывая будущее развитие регионов, в которых ведут свою деятельность предприятия-загрязнители.

Представленная выше модель «зелёного» партнёрства указывает, что достичь компромиссного решения проблемы возможно только, если векторы интересов власти и бизнеса будут сонаправленными. Так, например, в 2014 г. компания НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ заключила соглашение с Правительством России²⁸, составной частью которого являлось закрытие Никелевого завода в г. Норильске (одно из самых грязных производств Арктики²⁹), в котором предусматривалась не ликвидация производства никеля и меди как такового, а «перевод» производства в регионы с более благоприятной экологической обстановкой по сравнению с городом Норильск (Свердловская область — плавка концентрата, Мурманская область — переработка концентрата)³⁰.

Такие соглашения хоть и показывают в какой-то мере конструктивный диалог и согласованность действий бизнеса и власти, но всё же не отражают достижение так называемой точки бифуркации, демонстрируя лишь крайние меры по предупреждению экологической катастрофы в регионе. Такого вида меры не должны носить системный характер, иначе со временем потребуется повсеместное закрытие предприятий.

Вред обществу, наносимый в результате техногенного воздействия предприятий на окружающую среду, необходимо, безусловно, компенсировать. Одним из способов может выступить введение корректирующих налогов, позволяющих в какой-то мере возместить потери общества от рассогласованности интересов государства и бизнеса. Известный экономист А. Пигу предложил ввести специальный налог для разрешения конфликтов, вызываемых экстерналиями (внешними эффектами), базирующийся на условии бинарных отношений между социальным ущербом от вредных выбросов и предельными социальными издержками на снижение данного ущерба.

²⁸ Так закрытие самого старого актива компании Никелевого завода, а также модернизация и реконструкция действующего производства позволили снизить выбросы SO₂ (оксида серы) в городе Норильске на 30%.

²⁹ Предприятие ежегодно выбрасывало в воздух около 400 000 т диоксида серы. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/28/647054-nornikel-zakrivaet-nikelevii-zavod> (дата обращения: 15.05.2020).

³⁰ Директор заполярного филиала «Норильского никеля» — о модернизации производства и закрытии Никелевого завода, 2 мая 2015. URL: www.trk7.ru (дата обращения: 15.05.2020).

В России экспертным сообществом активно поднимается и обсуждается вопрос введения экологического налога³¹. Эксперты отмечают, что его введение необходимо для финансового обеспечения деятельности Правительства РФ по направлению экологизации регионов и обеспечения на территории страны условий для реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. При этом государственная экологическая политика не предусматривает компромиссного решения проблем между государством и бизнесом.

Таким образом, необходимо разрабатывать такую «теорию реализации» экономических механизмов, которая, с одной стороны, позволит обеспечить государство финансовыми ресурсами для реализации государственных экологических программ, с другой — вызовет интерес бизнеса к созданию эффективного экологосбалансированного поведения при инвестировании в природоохранные технологии. Предложенный теоретический подход (модель) к формированию конструктивного партнёрства позволит достичь точку бифуркации во взаимоотношениях власти и бизнеса и тем самым нивелировать техногенную нагрузку на экосистему арктических территорий, что подтверждает ранее выдвинутую гипотезу 2.

Заключение

Теоретические постулаты говорят о том, что государственная экологическая политика строится на следующих основных принципах: внедрение наилучших доступных технологий, возмещение экологического вреда и научно обоснованное сочетание триады (экология — экономика — социум) интересов человека, общества и государства.

Сегодня достижение симметричных отношений между бизнесом и властью должно строиться на «партнёрских» взаимодействиях, позволяющих учитывать интересы противоположных сторон. К сожалению, на практике отмечается асимметричность их интересов: узко прагматическое отношение бизнеса к природе и неспособность власти сохранить природную среду для будущих поколений, что вызывает необходимость изменения форм и методов государственной политики в сфере природоохранных мероприятий. Основная идея трансформаций — это не «прессинг» на бизнес, а исключение существующего конфликта интересов посредством перехода на новый качественный уровень взаимодействий власти и бизнеса.

В условиях Арктики поиск симметричных отношений между властью и бизнесом приобретает ещё большую актуальность в силу ресурсно-сырьевой направленности и монопрофильности экономик арктических регионов. Данную специфику и особенности социально-экономического развития этих регионов необходимо учитывать при разработке механизмов и инструментов регулирования взаимоотношений «власть-бизнес».

³¹ Оставляем за рамками внимания оценку эффективности введения нового налога, поскольку это не являлось предметом исследования.

Отметим, что у экономистов нет единого подхода к моделированию конструктивного партнёрского взаимодействия власти и бизнеса в области экологии. Мы полагаем, что необходимо:

- во-первых, развивать симметричность во взаимоотношениях, причём сотрудничество в данном случае должно носить двухсторонний взаимозависимый характер при решении важных экологических вопросов. А именно, со стороны власти – формирование таких правовых инициатив, которые позволят развивать и стимулировать экологическую ответственность бизнеса и создадут благоприятные условия для развития предпринимательства. Со стороны бизнес-структур — стремление к прозрачности и открытости в отражении нефинансовой экологической информации и соблюдению норм стандартов экологического менеджмента, а также совершенствование условий партнёрства в экологической сфере;
- во-вторых, реконструировать экологическое налогообложение по принципу «не потребитель платит», а «загрязнитель платит», тем самым смещая налоговое бремя на предприятия, деятельность которых наносит непоправимый вред окружающей среде. Кроме того, необходимо разработать систему налоговых льгот (налоговые кредиты, отмены уплаты определённых платежей и тому подобное) для предприятий, внедряющих наилучшие доступные технологии, но не в рамках общего налогообложения, а в системе экологических платежей;
- в-третьих, следовать принципам вышепредставленной модели «зелёного» партнёрства (достижение точки бифуркации), позволяющей качественно преобразовать систему государственного регулирования природопользования, что в будущем даст возможность достичь эффекта декаплинга.

Остановить дальнейшую деградацию биосферы, по мнению авторов, можно только совместными усилиями всех участников партнёрства и на всех уровнях организации общества.

Литература

1. Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993. 288 p.
2. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. 1995. No. 5398. 49 p.
3. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» / Доклад к VIII международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 98 с.
4. Barma N., Kaiser K., le Minh T., Vicuela L. Rents to Riches? The Political Economy of Natural Resource Led Development. Washington: The World Bank, 2012. 276 p.
5. Torvik R. Natural Resources, Rent Seeking and Welfare // Journal of Development Economics. 2002. Vol. 67. No. 2. Pp. 455–470.
6. Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse / Memorandum. Department of Economics University of Oslo. 2002. No. 29. 24 p.

7. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Москва: Высшая школа экономики, 2011. 384 с.
8. Исайцев Д.Н., Чеботаева М.В. Оценка сточных вод в горнодобывающей промышленности // Экология производства. 2012. № 6. С. 44–45
9. Кижяева А.В. Обеспечение экологической безопасности арктических регионов как важный вектор российской политики // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 7. С. 53–60.
10. Ларичкин Ф.Д., Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Шишкин А.И. Экологический менеджмент при освоении морских месторождений углеводородов в Арктике // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2001. № 1 (38). С. 126–133.
11. Венцюлис Л.С., Быстрова Н.Ю. Экологические проблемы Арктики // Региональная экология. 2018. № 2 (52). С. 29–32. DOI: 10.30694/1026-5600-2018-2-29-32
12. Акимов В.А., Козлов К.А., Косоруков О.А. Современные проблемы Арктической зоны Российской Федерации. Москва: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2014. 308 с.
13. Иванова Л.В., Соколов К.М., Харитонов Г.Н. Тенденции загрязнения пластиком акваторий и побережья Баренцева моря и сопредельных вод в условиях изменения климата // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 121–145. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.121
14. Кочемасова Е.Ю., Седова Н.Б. Актуальные вопросы экологического обеспечения рационального природопользования в Арктике // Проблемы региональной экологии. 2017. № 1. С. 33–37.
15. Оргадулова Г.А. Региональные проблемы экономического регулирования и финансирования природоохранных мероприятий (на материалах Республики Калмыкия) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2007. Т. 3. № 31. С. 114–118.
16. Потрубач Н.Н., Смекалин Д.И. Актуальные проблемы государственной экологической политики // Микроэкономика. 2008. № 8. С. 21–30
17. Коваленко К.О. Применение системы экологического менеджмента в Российской Федерации // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 5–1 (82). С. 107–109.
18. Баркан М.Ш., Березовский П.В., Борзенков В.Т. Опыт государственного правового и экономического регулирования природопользования и природоохранной деятельности в странах-членах ЕС // Экология и промышленность России. 2008. № 12. С. 30–33.
19. Седаш Т.Н. Экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности: анализ зарубежного опыта // Финансы и кредит. 2015. № 7. С. 54–64.
20. Алиева Т.Е. Экономические аспекты экологической деятельности предприятий Кольского горнопромышленного комплекса // Экология промышленного производства. 2012. № 1. С. 67–73.
21. Чужмарова С.И. Обеспечение социально-экономического развития северных регионов в условиях реформирования налогообложения природопользования // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 9 (102). С. 21–27.
22. Экологическое налогообложение. Теория и мировые тренды: монография для магистрантов / Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 359 с.
23. Шувалова Е.Б., Гордиенко М.С., Сибатулина Н.В. Эволюция системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации // Экономическая статистика. 2017. № 6. Т. 14. С. 32–38.
24. Bazin D., Ballet J., Touahri D. Environmental Responsibility Versus Taxation // Ecological Economic. 2004. No. 49. Pp. 129–134.
25. Howarth R.B., Norgaard R.B. Environmental Valuation Under Sustainable Development // American Economic Review. 1992. No. 2. Pp. 473–477.
26. Волконский В.А., Глазьев С.Ю., Кузовкин А.И., Мудрецов А.Ф. Оценка природной ренты и её роль в экономике России. Москва: ИНЭС, 2003. 140 с.
27. Громов В.В., Малинина Т.А. Перспективы экологизации налоговой системы Российской Федерации. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 84 с.
28. Медяник Н.В. Теория и практика конструктивного партнёрства государства, бизнеса, общества в природохозяйственной сфере // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192). Вып. 32 / 1. С. 59–69.

29. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективных действий. Москва: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
30. Алимов А.А., Шестакова А.И. Экологическая дипломатия в XXI веке // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 97–101.
31. Borgstedt P., Nienaber A.M., Liesenkotter B., Schewe G. Legitimacy Strategies in Corporate Environmental Reporting: A Longitudinal Analysis of German DAX Companies' Disclosed Objectives // Journal of Business Ethics. 2019. No. 158 (1). Pp. 177–200. DOI: 10.1007/s10551-017-3708-y
32. Heflin F., Wallace D. The BP Oil Spill: Shareholder Wealth Effects and Environmental Disclosures // Journal of Business Finance & Accounting. 2017. Vol. 44. Iss. 3. Pp. 337–374.
33. Чапаргина А.Н., Дядик Н.В. К вопросу о «зелёной дипломатии» в российской Арктике // Научные исследования и разработки. 2019. № 7 (5). С. 27–36. DOI: 10.12737/article_5dad9a01ad4141.25731015

References

1. Auty R.M. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London, Routledge, 1993. 288 p.
2. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. *NBER Working Paper*, 1995, no. 5398, 49 p.
3. Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A. S. Ekonomicheskaya politika, kachestvo institutov i mekhanizmy «resurnogo proklyatiya». *Doklad k VIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Modernizatsiya ekonomiki i obshchestvennoe razvitie»* [Economic Policy, the Quality of Institutions and Mechanisms of the “Resource Curse”. Report to the 8th Int. Sci. Conf. “Modernization of the Economy and Social Development”]. Moscow, HSE Publ., 2007. 98 p.
4. Barma N., Kaiser K., le Minh T., Visuela L. *Rents to Riches? The Political Economy of Natural Resource Led Development*. Washington, The World Bank, 2012, 276 p.
5. Torvik R. Natural Resources Rent Seeking and Welfare. *Journal of Development Economics*, 2002, vol. 67, no. 2, pp. 455–470.
6. Mehlum H., Moene K., Torvik R. *Institutions and the resource curse. Memorandum*. Department of Economics University of Oslo, 2002, no. 29, 24 p.
7. Raynert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich, and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, HSE Publ., 2011, 384 p.
8. Isaytsev D.N., Chebotaeva M.V. Otsenka stochnykh vod v gornodobyvayushchey promyshlennosti [Evaluation of Wastewater in the Mining Industry]. *Ekologiya proizvodstva* [Ecology of Production], 2012, no. 6, pp. 44–45.
9. Kizhaeva A.V. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti arkticheskikh regionov kak vazhnyy vektor rossiyskoy politiki [Environmental security in the Arctic as an Important Vector of Russian Policy]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy* [Actual Problems of Modern International Relations], 2016, no. 7, pp. 53–60.
10. Larichkin F.D., Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Shishkin A.I. Ekologicheskiy menedzhment pri osvoenii morskikh mestorozhdeniy uglevodorodov v Arktike [Environmental Management in the Development of Offshore Hydrocarbon Deposits in the Arctic]. *Sever i ryok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [North and Market: Formation of the Economic Order], 2001, no. 1 (38), pp. 126–133.
11. Ventsyulis L.S., Bystrova N.Yu. Ekologicheskie problemy Arktiki [Ecological Problems of the Arctic]. *Regional'naya ekologiya* [Regional ecology], 2018, no. 2 (52), pp. 29–32. DOI: 10.30694/1026-5600-2018-2-29-32
12. Akimov V.A., Kozlov K.A., Kosorukov O.A. *Sovremennye problemy Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [Modern Problems of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Moscow, All-Russian Research Institute on Civil Defense Problems and Emergency Situations Emercom of Russia, 2014, 308 p.
13. Ivanova L.V., Sokolov K.M., Kharitonova G.N. Tendentsii zagryazneniya plastikom akvatoriy i poberezhya Barentseva morya i sopredel'nykh vod v usloviyakh izmeneniya klimata [Plastic Pollution Tendencies of the Barents Sea and Adjacent Waters]. *Arktika i Sever* [Arctic and North],

- 2018, no. 32, pp. 121–145. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.121
14. Kochemasova E.Yu., Sedova N.B. Aktual'nye voprosy ekologicheskogo obespecheniya ratsional'nogo prirodopol'zovaniya v Arktike [Topical Issues of ecological Maintenance of Environmental Management in the Arctic Region]. *Problemy regional'noy ekologii* [Regional Environmental Issues], 2017, no. 1, pp. 33–37.
 15. Orgadulova G.A. Regional'nye problemy ekonomicheskogo regulirovaniya i finansirovaniya prirodookhrannykh meropriyatiy (na materialakh Respubliki Kalmykiya) [Regional Problems of Economic Regulation and Financing of Environmental Protection Measures (Based on the Materials of the Republic of Kalmykia)]. *Ekonomika. Predprinimatel'stvo. Okruzhayushchaya sreda* [Economy. Entrepreneurship. Environment], 2007, vol. 3, no. 31, pp. 114–118.
 16. Potrubach N.N., Smekalin D.I. Aktual'nye problemy gosudarstvennoy ekologicheskoy politiki [Actual Problems of State Environmental Policy]. *Mikroekonomika* [Microeconomics], 2008, no. 8, pp. 21–30.
 17. Kovalenko K.O. Primenenie sistemy ekologicheskogo menedzhmenta v Rossiyskoy Federatsii [Application of the Environmental Management System in the Russian Federation]. *Novaya nauka: Strategii i vektory razvitiya* [New science: Strategies and Vectors of Development], 2016, no. 5–1 (82), pp. 107–109.
 18. Barkan M.Sh., Berezovskiy P.V., Borzenkov V.T. Opyt gosudarstvennogo pravovogo i ekonomicheskogo regulirovaniya prirodopol'zovaniya i prirodookhrannoy deyatel'nosti v stranakh-chlenakh ES [Experience of State Legal and Economic Regulation of Nature Management and Environmental Activities in the EU Member States]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia], 2008, no. 12, pp. 30–33.
 19. Sedash T.N. Ekonomicheskie instrumenty stimulirovaniya prirodookhrannoy deyatel'nosti: analiz zarubezhnogo opyta [Economic Tools of Creating Incentives for Environment-Related Activity: Analysis of Foreign Experience]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2015, no. 7, pp. 54–64.
 20. Alieva T.E. Ekonomicheskie aspekty ekologicheskoy deyatel'nosti predpriyatiy Kol'skogo gornopromyshlennogo kompleksa [Economic Aspects of Environmental Activity at the Enterprises of the Kola Mining Complex]. *Ekologiya promyshlennogo proizvodstva* [Industrial Ecology], 2012, no. 1, pp. 67–73.
 21. Chuzhmarova S.I. Obespechenie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya severnykh regionov v usloviyakh reformirovaniya nalogooblozheniya prirodopol'zovaniya [Promotion of the Social and Economic Development of the Northern Regions in Terms of Reformation of Nature Management Taxation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2009, no. 9 (102), pp. 21–27.
 22. Mayburov I.A., Ivanov Yu.B., eds. *Ekologicheskoe nalogooblozhenie. Teoriya i mirovye trendy: monografiya dlya magistrantov* [Environmental Taxation. Theory and World Trends]. Moscow, YuNITI-DANA, 2018, 359 p.
 23. Shuvalova E.B., Gordienko M.S., Sibatulina N.V. Evolyutsiya sistemy ekologicheskikh nalogov, sborov i platezhey v Rossiyskoy Federatsii [Evolution of the System of Environmental Taxes, Fees and Charges in the Russian Federation]. *Ekonomicheskaya statistika* [Economic statistics], 2017, no. 6, vol. 14, pp. 32–38.
 24. Bazin D., Ballet J., Touahri D. Environmental Responsibility Versus Taxation. *Ecological Economic*, 2004, no. 49, pp. 129–134.
 25. Howarth R.B., Norgaard R.B. Environmental Valuation Under Sustainable Development. *American Economic Review*, 1992, no. 2, pp. 473–477.
 26. Volkonskiy V.A., Glaz'ev S.Yu., Kuzovkin A.I., Mudretsov A.F. *Otsenka prirodnoy renty i ee rol' v ekonomike Rossii* [Assessment of Natural Rent and Its Role in the Russian Economy]. Moscow, INES Publ., 2003, 140 p.
 27. Gromov V.V., Malinina T.A. *Perspektivy ekologizatsii nalogovoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Prospects for the Greening of the Tax System of the Russian Federation]. Moscow, Delo Publ. RANEP, 2015, 84 p.
 28. Medyanik N.V. Teoriya i praktika konstruktivnogo partnerstva gosudarstva, biznesa, obshchestva v prirodokhozyaystvennoy sfere [Theory and Practice of Constructive Partnership Between the State, Business, Society in the Natural Economy]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya*.

- Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin. Series History. Political Science. Economy. Informatics], 2014, no. 21 (192), iss. 32/1, pp. 59–69.
29. Ostrom E. *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnykh deystviy* [Managing the Common: the Evolution of Collective Action Institutions]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, 447p.
30. Alimov A.A., Shestakova A.I. *Ekologicheskaya diplomatiya v XXI veke* [Ecological Diplomacy in the 21st Century]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2017, no. 2, pp. 97–101.
31. Borgstedt P., Nienaber A.M., Liesenkotter B., Schewe. G. Legitimacy Strategies in Corporate Environmental Reporting: A Longitudinal Analysis of German DAX Companies' Disclosed Objectives. *Journal of business of ethics*, 2019, no. 158 (1), pp. 177–200. DOI: 10.1007/s10551-017-3708-y
32. Heflin F., Wallace D. The BP Oil Spill: Shareholder Wealth Effects and Environmental Disclosures. *Journal of Business Finance & Accounting*, 2017, vol. 44, iss. 3, pp. 337–374.
33. Chapargina A.N., Dyadik N.V. K voprosu o «zelenoy diplomatii» v rossiyskoy Arktike [On “Green Diplomacy” in the Russian Arctic]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki* [Scientific Research and Development. Economics], 2019, no. 7 (5), pp. 27–36. DOI: 10.12737/article_5dad9a01ad4141.25731015

Статья принята 15.05.2020.

УДК 332.122(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62

Сравнительная оценка инновационного развития регионов Крайнего Севера *

© **ЕГОРОВ Николай Егорович**, кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: ene01@ya.ru

Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

© **КОВРОВ Григорий Сидорович**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: kgs02@yandex.ru

Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы оценки уровня инновационного развития северных регионов. На основе данных ежегодного рейтинга инновационных экономик, выполненных Агентством Bloomberg, приведены результаты сравнительного анализа рейтинга инновационных экономик северных стран мира. Отмечено, что Россия в последние четыре года стабильно занимает 25–27 позиции, хотя в 2016 г. она находилась на 12 месте. Проведён обзорный анализ методологических подходов и методов оценки уровня инновационного развития региона в России. На основе статистических данных по сводному интегральному индексу выполнена сравнительная оценка уровня инновационного развития 17 регионов Крайнего Севера Российской Федерации (КСРФ) за 2017 г., а также отдельно проанализированы соответствующие ранги по 5 субиндексам тематических блоков: социально-экономические условия, научно-технический потенциал, инновационная деятельность, экспортная активность и качество региональной инновационной политики. Проведённое исследование показало существенное различие регионов КСРФ по уровню инновационного развития. В пяти субъектах КСРФ значения сводного инновационного индекса выше среднего по РФ. Различные положения занимаемых позиций регионами наблюдаются и в рейтинге по отдельным субиндексам. Результаты подобных рейтинговых оценок позволяют оценить сравнительные преимущества и недостатки конкретных регионов для дальнейшего учёта в программных документах по их инновационному развитию.

Ключевые слова: Крайний Север, субъект, инновационное развитие региона, рейтинг, индикаторы, субиндекс.

Comparative Assessment of Innovative Development of the Far North Regions

© **Nikolay E. EGOROV**, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Leading Researcher

E-mail: ene01@ya.ru

Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

© **Grigoriy S. KOVROV**, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher

E-mail: kgs02@yandex.ru

Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The paper deals with the assessment of the level of innovative development of the Northern regions. Based on the data of the annual rating of innovative economies, performed by Bloomberg, a comparative analysis of the rating of innovative economies in the Nordic countries is presented. It is noted that Russia has been consistently ranked 25–27 in the last four years, although in 2016, it was in the 12th place.

* Для цитирования: Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Сравнительная оценка инновационного развития регионов Крайнего Севера // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62

For citation: Egorov N.E., Kovrov G.S. Comparative Assessment of Innovative Development of the Far North Regions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62

An overview analysis of methodological approaches and methods for assessing the level of innovative development of a region in Russia is carried out. On the basis of statistical data on the composite integral index, a comparative assessment of the level of innovative development of 17 regions of the Far North of the Russian Federation for 2017 is carried out, and the corresponding ranks are analyzed separately for 5 sub-indices of thematic blocks: socio-economic conditions, scientific and technical potential, innovation activity, export activity and the quality of regional innovation policy. The study shows a significant difference between the regions of the Far North of the Russian Federation in terms of the level of innovative development. In five subjects of the Far North of the Russian Federation, the values of the composite innovation index are higher than the average for the Russian Federation. Different positions occupied by regions are also observed in the rankings for individual sub-indices. The results of such ratings make it possible to assess the comparative advantages and disadvantages of specific regions for further consideration in the program documents on their innovative development.

Keywords: *Far North, subject, innovative development of the region, rating, indicator, subindex.*

Введение

На сегодняшний день экономики многих стран и России ориентированы на инновационное развитие и актуальными являются вопросы оценки уровня инновационного развития регионов. Оценка инновационного потенциала региона на основе постоянного мониторинга изменения его индикаторов является необходимым инструментом для определения уровня развития инновационной составляющей региональной экономики и принятия различных организационно-управленческих решений местными органами государственной власти.

В настоящее время в России предлагаются различные методы и модели оценки уровня инновационного развития региона (ИРР) [1–9]. Несмотря на многочисленные исследования в данной области, не существует единообразного подхода к оценке инновационного индекса [9, Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А., с. 97]. Одним из инструментов управления инновационной активностью является своевременный и качественный мониторинг, позволяющий оперативно принимать решения, препятствующие сбою в реализации проектов полного инновационного цикла. В качестве индикаторов ИРР выступают ключевые показатели эффективности, зафиксированные в стратегических региональных документах [5, Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Агамирова Е.В. Каменский А.С., с. 232]. Например, Институтом инновационной экономики Финансового университета при Правительстве РФ разработана Концепция формирования индекса ИРР России¹. Индекс представляет собой комплексную оценку потенциала ИРР с учётом вероятной успешности и эффективности реализации новых инновационных проектов на основе совокупного анализа потенциала региона. Важным аспектом определения сложившихся условий, имеющегося потенциала и перспектив инновационного развития отдельного региона является выявление и закрепление конкретных социально-экономических параметров, регистрируемых официальной статистикой и доступных к использованию при расчете отдельных показателей [4, Дрошнев В.В., Дрошнева М.Д., с. 75].

¹ Концепция формирования Индекса инновационного развития регионов России. URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/read/31819701/> (дата обращения: 03.05.2020).

По мнению авторов [1, Баринаева В.А., Земцов С.П., с. 116], оценка уровня инновационного развития региона может осуществляться только через оценку вклада научно-технологической составляющей в прирост валового регионального продукта, иные оценки предполагают лишь определение потенциала региона к созданию и внедрению новых знаний и технологий.

Как считает А.Н. Лисина [6, с. 115], главной проблемой при определении уровня инновационного развития региона является отсутствие научно обоснованного, необходимого и достаточного числа показателей для оценки результативности региональных инновационных процессов. Анализ требований к управлению показывает, что для повышения эффективности принимаемых управленческих решений в инновационной сфере необходимо выявить 15–20 показателей, на основе которых проводится расчет ИРР. Имеется также авторская методика экспресс-оценки ИРР на основе модели Тройной спирали, позволяющая выполнить сравнительную эконометрическую оценку уровня ИРР, а также вклада научно-образовательного комплекса, бизнеса и государства в общее инновационное развитие субъекта экономики по их минимальным ключевым статистическим показателям в сфере научно-инновационной деятельности [10, Egorov N.E.; 11, Egorov N., Pospelova T., Yarygina A., Klochkova E.].

В настоящее время составлением рейтинговых оценок ИРР в основном занимаются Ассоциация инновационных регионов России (АИРР) и Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Так, АИРР совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации при участии представителей региональных администраций и ведущих экспертов страны разработан рейтинг ИИР для целей мониторинга и управления². Рейтинг представляет актуальные результаты инновационного развития всех субъектов РФ, при этом особое внимание уделяется анализу позиций регионов-членов Ассоциации, причинам их перемещения в итоговом рейтинге и составляющих его подрейтингах. В рейтинг инновационных регионов России 2018 г. входят 29 индикаторов. Разработанная аналитическая система рейтинга позволяет наглядно показывать региональным властям сильные и слабые стороны, направления для дальнейшего развития и совершенствования инновационных систем, а также динамику изменений по всем отражаемым индикаторами направлениям.

ИСИЭЗ НИУ ВШЭ с 2012 г. на регулярной основе выпускает рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации³. В основе рейтинговых оценок лежит оригинальная система количественных и качественных показателей инновационного развития регионов, которая опирается на результаты многолетних исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и от-

² Рейтинг инновационного развития регионов России. Версия 2017. Ассоциация инновационных регионов России. URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/document/2018/02/documents/airr17.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

³ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

вечает современным статистическим стандартам, применяемым как в российской государственной статистике, так и в практике ведущих стран и международных организаций (ОЭСР, Евростата и др.). В её состав также интегрированы индикаторы, используемые в аналогичных разработках Европейской комиссии (Regional Innovation Scoreboard)⁴. Разработанный рейтинг представляет собой результат ранжирования субъектов в порядке убывания значений российского регионального инновационного индекса (РРИИ). В рейтинговании рассматриваются ключевые составляющие инновационного развития регионов по 53 показателям, сгруппированным в пять тематических блоков: социально-экономические условия (А), научно-технический потенциал (В), инновационная деятельность (С), экспортная активность (Д) и качество региональной инновационной политики (Е), по каждой из которых составляется свой субрейтинг. Итоговый индекс РРИИ формируется как среднее арифметическое нормализованных значений всех включённых в рейтинг показателей. Все регионы распределены по четырём группам исходя из величины отставания значений интегрального показателя индекса РРИИ от результата региона-лидера. Следует отметить, что в списке регионов данные по Архангельской и Тюменской областям приводятся без учёта информации по автономным округам, расположенным на их территориях. Главная ценность данного рейтинга — индивидуальные профили 85 субъектов Российской Федерации, детализирующие результаты по всем показателям инновационного развития и позволяющие выявить особенности инновационной системы каждого региона.

Для сравнительной оценки инновационного развития северных стран мира за основу принимается понятие «Крайний Север». Крайний Север — эта часть территории Земли, расположенная главным образом к северу от Северного полярного круга⁵. Несмотря на то, что страны северной Европы занимают 20% территории всей северной части земного шара, их население малочисленное и составляет лишь 4% от количества всех проживающих в этой части света. Традиционно к северным странам мира относятся Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Россия (Европа) и страны Северной Америки — Канада, США⁶.

По результатам рейтинга инновационных экономик, ежегодно выполняемых Агентством Bloomberg, **пятерку стран-лидеров возглавляют Германия, Южная Корея, Сингапур, Швейцария и Швеция**⁷. Данный рейтинг показывает общую способность к развитию инновационных технологий в каждом государстве по результатам анализа десятки критериев по семи категориям: исследования и разработка, производство добавленной стоимости, производительность, плотность высоких технологий, эффективность высшего образования, концентрация исследователей, патентная активность. Из числа северных стран в ТОП-10 инно-

⁴ European Commission (2019) Regional Innovation Scoreboard 2019. URL: <https://ec.europa.eu/growth/sites/growth/files/ris2019.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

⁵ Крайний Север. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.06.2020).

⁶ Северные страны мира. URL: <http://severnyestrany.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

⁷ Рейтинг инновационных экономик-2020. URL: <https://theworldonly.org/rejting-innovatsionnyh-ekonomik-2020> (дата обращения: 03.05.2020).

вационных экономик мира в 2020 г. включены Швеция, Дания, Финляндия и США (табл. 1). Россия последние четыре года стабильно занимает 25–27 позиции, хотя в 2016 г. она находилась на 12 месте.

Таблица 1

Рейтинг инновационных экономик северных стран мира⁷

Страна	2020	2019	2018	2017	2016
Швеция	5	7	2	2	3
Финляндия	7	3	7	5	7
Дания	8	11	8	8	9
США	9	8	11	9	8
Норвегия	17	17	15	14	14
Канада	22	20	22	20	19
Исландия	23	23	24	25	28
Россия	26	27	25	26	12

Как известно, ключевым индикатором результативности инновационной деятельности субъекта экономики является показатель «Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг». Динамика изменения данного показателя среди северных стран Европы за 2007–2017 гг. показана на рис. 1.

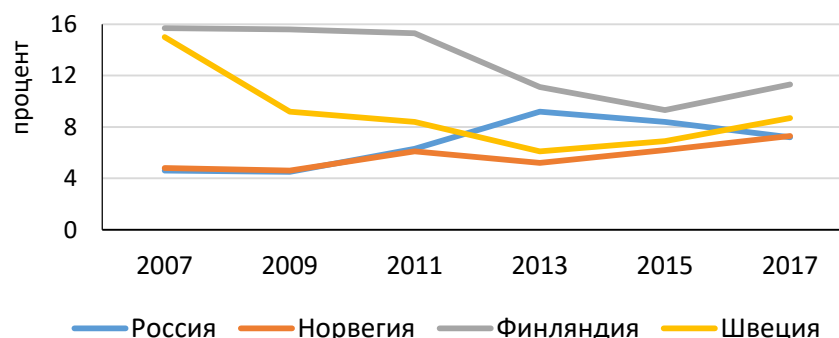

Рис. 1. Динамика изменения показателя «Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг»⁸.

Как видно из представленной иллюстрации, по данному показателю лидирующее положение среди северных стран занимает Финляндия, хотя в период 2011–2015 гг. наблюдается спад его уровня на 39,2%. Похожая ситуация наблюдается и у Швеции, у которой за 2007–2013 гг. показатель уменьшился на 59,3%. У Норвегии за весь рассматриваемый период времени наблюдается постепенное повышение его значения на 28,0%. С 2013 г. Швеция и

⁸ Источник: Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, И.А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 376 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

Норвегия показывают одинаково стабильную динамику повышения показателя на 29,9% и 28,8%, соответственно.

У России после достижения в 2013 г. двухразового повышения уровня показателя по сравнению с 2007 г., наблюдается его постоянная отрицательная динамика, достигнувшая в 2017 г. значения 7,2%, что составляет величину уменьшения на 21,7% по сравнению с 2013 г. Надо отметить, что, в соответствии с утвержденными целевыми индикаторами реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года⁹, величина показателя «Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства» в 2020 г. должна увеличиться в 3,5 раза по сравнению с 2013 г., достигнув значения 25%.

Также одним из основных индикаторов развития инновационной экономики страны является показатель «Интенсивность затрат на технологические инновации» (*удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг*). По данному показателю среди стран Северной Европы лидирующее положение занимает Швеция, Россия находится на 4 месте со значением 2,44% (рис. 2), показывая уверенную динамику по достижению к 2020 г. планового показателя 2,5% согласно целевым индикаторам Стратегии¹⁰.

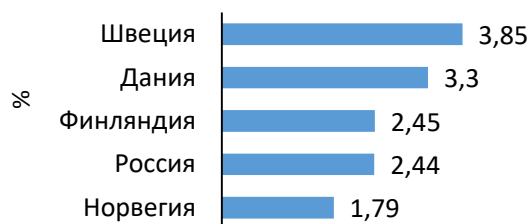

Рис. 2. Интенсивность затрат на технологические инновации, 2017 г.¹¹

Понятие «Крайний Север» в России представляет собой группу концепций с размытой пространственной локализацией, зависящей от цели рассмотрения. Например, в целях нормативного регулирования льгот и компенсаций работникам, живущим в местностях с суровым климатом, выделяется определённая территория Крайнего Севера (и приравненных местностей). В то же время в целях регулирования северного завоза территория Крайнего Севера определяется «Перечнем районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции)» и не совпадает с вышеуказанной территорией: существуют районы и местности, входящие только в один из этих перечней¹².

Список районов Крайнего Севера (РКС) впервые был определён ещё в СССР — Постановлениями Совмина СССР от 10.11.1967 № 1029 и от 03.01.1983 № 12. Затем в 1983 г. этим

⁹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-pravitelstva-rf-ot-08122011-n-2227-r/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹² Крайний Север. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.06.2020).

же органом было издано новое постановление, которым внесены значительные изменения¹³. Этот правовой акт появился, поскольку разнообразных законов, регулирующих различные сферы жизни проживающих в РКС, стало слишком много. Постановление ещё раз изменилось в 2012 г., когда некоторые населенные пункты ХМАО стали относиться к РКС. В целом этот нормативный акт до сих пор действует, хотя и туда вносятся поправки в виде новых населенных пунктов, в которых есть проблемы с обеспечением продуктами и транспортной сетью. В 2019 году в перечень районов Крайнего Севера включаются следующие территории (табл. 2).

Таблица 2

Перечень районов Крайнего Севера¹⁴

Область	Край	Республика	Автономный округ
Мурманская	Красноярский	Коми	Ненецкий
Архангельская	Камчатский	Саха (Якутия)	Ханты-Мансийский
Иркутская	Хабаровский	Карелия	Ямало-Ненецкий
Тюменская		Тыва	Чукотский
Магаданская			
Сахалинская			

Таким образом, в настоящее время к районам Крайнего Севера Российской Федерации (КСРФ) относятся 17 регионов из 4 федеральных округов: Северо-Западный — 5 (Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ (НАО)); Уральский — 3 (Тюменская область, Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа); Сибирский — 3 (Красноярский край, Иркутская область, республика Тыва); Дальневосточный — 6 (Хабаровский и Камчатский края, Магаданская и Сахалинская области; Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ (ЧАО).

Результаты и обсуждение

Результаты рейтинга инновационного развития регионов КСРФ за 2017 г. представлены в табл. 3.

Таблица 3

Рейтинг регионов КСРФ по уровню сводного инновационного индекса (СИИ), 2017 г.¹⁵

Регионы	СИИ	Субиндексы				
		А	В	С	Д	Е
Красноярский край	12	14	29	28	22	13
Хабаровский край	16	6	32	15	43	18
Тюменская область	25	11	11	21	33	67
Иркутская область	33	24	18	47	27	43

¹³ О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/ (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁴ Районы, приравненные к Крайнему Северу: перечень-2019. URL: <https://blogkadrovika.ru/rajony-priravnennye-k-krajnemu-severu-perечen-2019> (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

Мурманская область	36	37	63	38	6	46
Ханты-Мансийский АО	44	10	54	53	61	44
Архангельская область	45	29	43	14	46	71
Республика Саха (Якутия)	55	15	55	55	57	53
Республика Коми	57	55	14	79	44	56
Камчатский край	58	28	49	49	62	57
Ямало-Ненецкий АО	59	8	50	52	70	69
Республика Карелия	60	65	25	59	50	58
Сахалинская область	65	44	75	58	36	78
Магаданская область	70	47	74	50	75	73
Республика Тыва	78	52	81	84	84	54
Ненецкий АО	84	84	84	69	72	84
Чукотский АО	85	81	85	67	77	85

Согласно методике расчёта НИУ ВШЭ, регионы, занимающие 12–45 ранг (7 субъектов), находятся в составе группы 2, уступающей лидеру рейтинга — Москве — по значению РРИИ более чем на 20%, но не более чем на 40%. В третьей группе отстающих по величине СИИ от первого в рейтинге региона более чем на 40%, но не более чем на 60%, оказались 8 субъектов (55–78 ранги). В последнюю группу 4 входят два региона-аутсайдера из 85 субъектов России, в которых значения РРИИ ниже, чем у Москвы, более чем на 60%. Таким образом, из 85 субъектов РФ только 5 регионов КСРФ, занимающие с 12 по 36 места по рейтингу, имеют значения СИИ выше его среднего по РФ (0,3349) (рис. 3). Это Красноярский (0,4424) и Хабаровский (0,4077) края, Тюменская (0,3739), Иркутская (0,3551) и Мурманская (0,3521) области, которые в основном занимают относительно высокие места по субиндексу «Социально-экономические условия» (см. табл. 3).

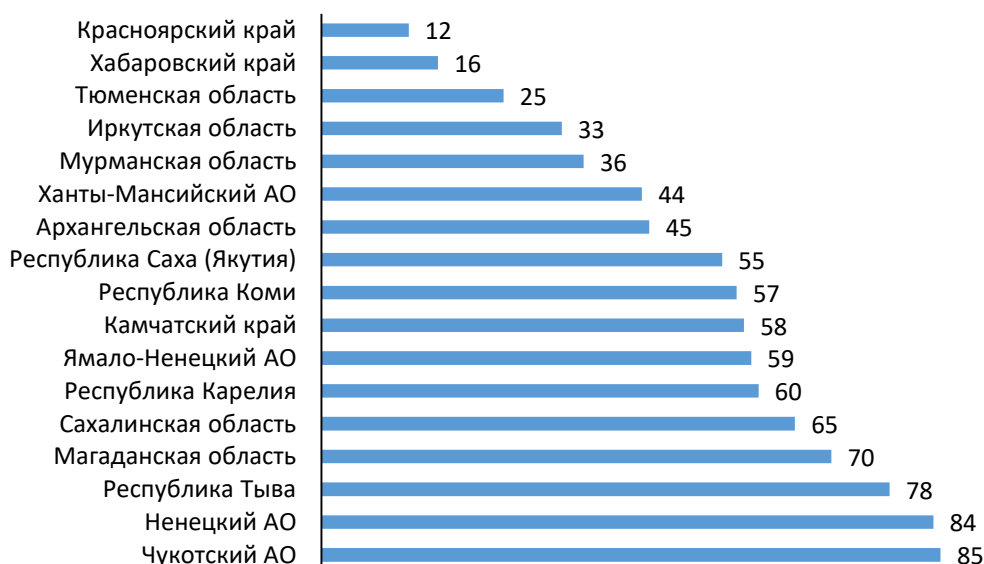

Рис. 3. Рейтинг СИИ регионов КСРФ, 2017 г. ¹⁶

Если проанализировать соответствующие ранги по 5 субиндексам тематических блоков, то наблюдается различные положения занимаемых позиций лидерами-регионами. Так, по блоку «Социально-экономические условия» выше его среднего значения по РФ (0,414)

¹⁶ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

расположены 6 регионов КСРФ, которые занимают 6–15 места среди 85 субъектов, что показывает наличие хороших социально-экономических условий для развития инновационной деятельности в этих субъектах. Субиндекс включает основные макроэкономические показатели, образовательный потенциал населения и потенциал цифровизации региона. По данному субиндексу тройку лидеров-регионов КСРФ возглавляют Хабаровский край, Ямало-Ненецкий (ЯНАО) и Ханты-Мансийский автономные округа (ХМАО), Тюменская область, которые входят в ТОП-10 регионов РФ по образовательному потенциалу (Хабаровск –2 место, ХМАО – 8) и потенциалу цифровизации (ЯНАО – 5, ХМАО – 4) (рис. 4).

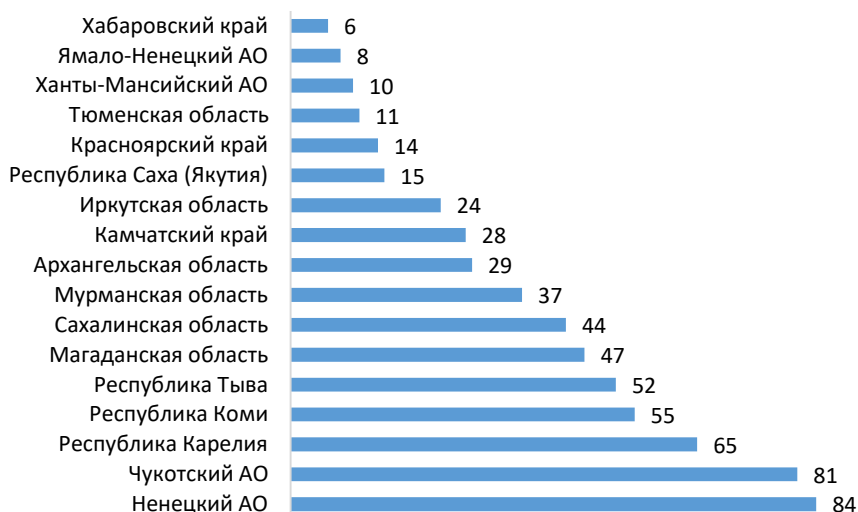

Рис. 4. Рейтинг регионов КСРФ по субиндексу «Социально-экономические условия».

По показателю субиндекса «Научно-технический потенциал» выше среднего значения по РФ (0,4305) находятся только 2 региона: Тюменская область (0,4888) и Республика Коми (0,4632), которые занимают 11 и 14 места среди 85 субъектов РФ (рис. 5). Этот факт свидетельствует об относительно низких показателях в сфере подготовки кадров, финансирования и результативности научных исследований и разработок в регионах КСРФ. Отметим, что Тюменская область находится на 4 месте среди субъектов РФ по объёму финансирования науки и там зафиксирована самая конкурентоспособная зарплата в науке по показателю «Отношение среднемесячной заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками, к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в регионе»².

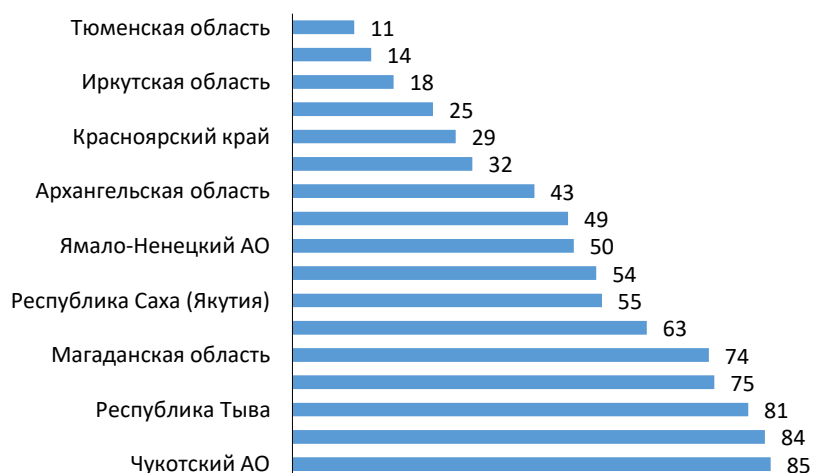

Рис. 5. Рейтинг регионов КСРФ по субиндексу «Научно-технический потенциал».

Также у регионов КСРФ наблюдаются низкие показатели по субиндексу «Инновационная деятельность»: только 3 лидера-региона расположены выше среднего значения данного индекса по РФ (0,3096): Архангельская область (0,3897), Хабаровский край (0,3853) и Тюменская область (0,3540) (рис. 6). Лидирующее положение Архангельской области в основном обусловлено достижением высоких показателей по результативности инновационной деятельности, а Хабаровского края — по показателю «Затраты на технологические инновации».

Рис. 6. Рейтинг регионов КСРФ по субиндексу «Инновационная деятельность».

В рейтинге по показателю субиндекса «Экспортная активность» с большим отрывом от других регионов лидирует Мурманская область (0,4647), занимая 6 место в общем рейтинге субъектов РФ. Выше среднего значения данного индекса по РФ (0,2935) также расположены Красноярский край (0,3975), Иркутская (0,3707), Тюменская (0,3428) и Сахалинская (0,3151) области (рис. 7). Следует отметить, что Мурманская область по показателю «Экспорт товаров и услуг» занимает третью позицию и входит в ТОП-10 успешных регионов первой группы регионов. Основной вклад в его рейтинговый успех внёс несырьевой экспорт в сфере инновационной деятельности.

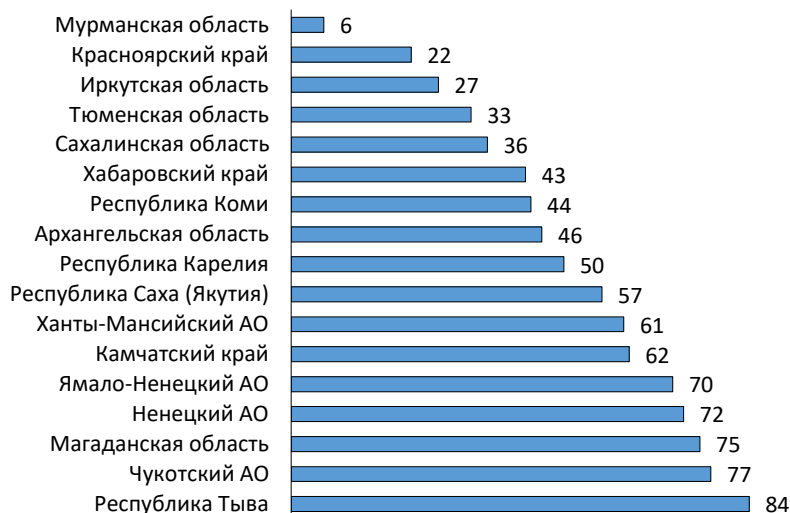

Рис. 7. Рейтинг регионов КСРФ по субиндексу «Экспортная активность».

Субиндекс «Качество региональной инновационной политики» комплексно отражает позиции регионов по следующим параметрам: проработанность нормативного правового регулирования инновационной деятельности, наличие специализированных координационных органов и институтов развития в сфере инноваций, объёмы бюджетной поддержки гражданской науки и технологических инноваций, вовлечённость регионов в научно-техническую и инновационную политику федерального уровня¹⁷. По данному субиндексу в список регионов, имеющих величину выше среднего значения по РФ (0,33), попали только Красноярский (0,49) и Хабаровский (0,493) края, которые занимают 13 и 18 рейтинговые места соответственно среди 85 субъектов РФ (рис. 8). Красноярский край по всем показателям субиндекса стабильно входит во вторую группу регионов, а Хабаровский край — в группу 1 по разработке нормативно-правовых документов в сфере инновационной политики и группу 2 по её организационному обеспечению.

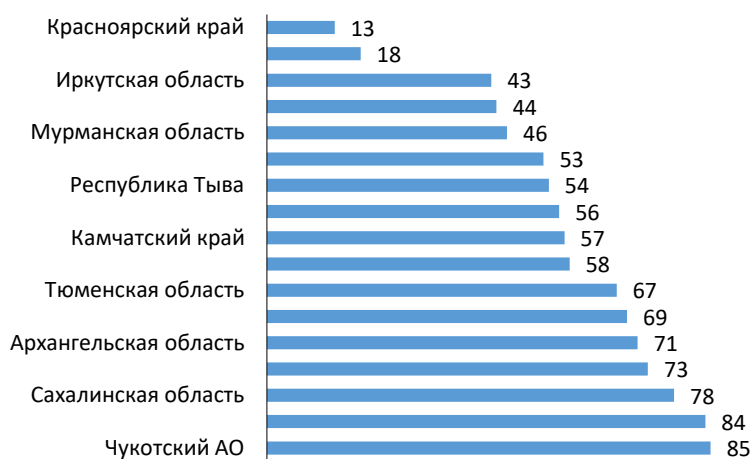

Рис. 8. Рейтинг регионов КСРФ по субиндексу «Качество региональной инновационной политики».

Заключение

Проведённое исследование показало существенное различие регионов КСРФ по уровню инновационного развития: только 5 регионов КСРФ имеют значения сводного инновационного индекса выше его среднего по РФ. Различные положения занимаемых позиций регионами наблюдается и в рейтинге по отдельным субиндексам.

В целом проведение подобных рейтинговых оценок инновационного развития для каждого региона весьма полезно и позволяет оценить сравнительные преимущества и недостатки регионов для дальнейшего учёта в программных документах по их инновационному развитию.

Таким образом, в связи с существующими социально-экономическими условиями регионов Крайнего Севера, а также с учётом перспектив дальнейшего развития, повышение уровня инновационного развития региона необходимо и возможно только при проведении структурной перестройки всей системы экономики этих территорий на основе широкого внед-

¹⁷ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. URL: <https://issek.hse.ru/> (дата обращения: 03.05.2020).

рения современных инновационных технологий (цифровизация, дополненная реальность, интернет вещей и прочие технологии) в отрасли экономики и социальной сферы.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России по проекту № FSRG-2020-0010 «Закономерности пространственной организации и пространственного развития социально-экономических систем северного региона ресурсного типа».

Литература

1. Баринаева В.А., Земцов С.П. Рейтинги инновационного развития регионов: зачем нужна новая методика в России? // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 110–116.
2. Белякова Г.Я., Батукова Л.Р. Инструменты оценки инновационного развития региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (10). С. 2190–2193.
3. Бортник И.М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. 2013. № 11. С. 21–32.
4. Дрошнев В.В., Дрошнева М.Д. Современные подходы к оценке инновационного потенциала региона и предприятия // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. Вып. 10. Ч. 1. С. 75–81.
5. Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Агамирова Е.В., Каменский А.С. Инновационное развитие регионов России // Регионология. 2018. Т. 26. № 2. С. 230–255. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255
6. Лисина А.Н. Методика оценки уровня инновационного развития региона // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 115–126.
7. Макарук О.Е. Комплексный индекс инновационного развития регионов // Наука и инновации. 2017. № 1(167). С. 38–42.
8. Мамаева З.М. Оценка инновационного развития регионов: эконометрический подход // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (2). С. 202–208.
9. Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования // Инновации. 2017. № 9. С. 97–104.
10. Egorov N.E. Method of Express Assessment of Innovative Development of Region Based on Triple Helix Model // AEBMR-Advances in Economics Business and Management Research. 2017. Vol. 38. Pp. 139–143. DOI: 10.2991/ttiess-17.2017.24
11. Egorov N., Pospelova T., Yarygina A., Klochkova E. The Assessment of Innovation Development in the Arctic Regions of Russia Based on the Triple Helix Model // Resources. 2019. No. 8 (2). Pp. 72. DOI: 10.3390/resources8020072

References

1. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Reytynghi innovatsionnogo razvitiya regionov: zchem nuzhna novaya metodika v Rossii? [Rating the Innovative Development of the Russian Regions: Why Does Russia Need a New Method?]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2016, no. 6(57), pp. 110–116.
2. Belyakova G.Ya., Batukova L.R. Instrumenty otsenki innovatsionnogo razvitiya regiona [Tools for Assessment of Innovation Development of the Region]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 2(10), pp. 2190–2193.
3. Bortnik I.M., Zinov V.G., Kotsyubinskiy V.A., Sorokina A.V. Indikatory innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii dlya tseley monitoringa i upravleniya [Indicators of Innovative Development of Russian Regions for the Purposes of Monitoring and Control]. *Innovatsii* [Innovations], 2013, no. 11, pp. 21–32.
4. Droshnev V.V., Droshneva M.D. Sovremennyye podkhody k otsenke innovatsionnogo potentsiala regiona i predpriyatiya [Modern Approaches to Assessing the Innovative Potential of the Region and the Enterprise]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Development Trends and Prospects], 2015, iss. 10, part 1, pp. 75–81.

5. Ilyina I.E., Zharova E.N., Agamirova E.V. Kamenskiy A.S. Innovatsionnoe razvitie regionov Rossii [Innovative Development of the Regions of Russia]. *Regionologiya* [Regionology], 2018, vol. 26, no. 2, pp. 230–255. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.230-255
6. Lisina A.N. Metodika otsenki urovnya innovatsionnogo razvitiya regiona [Method of Assessment of the Level of Innovation Development of the Region]. *Vestnik NGU Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of NSU. Series: Social and Economic Sciences], 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 115–126.
7. Makaruk O.E. Kompleksnyy indeks innovatsionnogo razvitiya regionov [The Experience and Problems of Construction Regions' Integrated Index of Innovative Development]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2017, no. 1 (167), pp. 38–42.
8. Mamaeva Z.M. Otsenka innovatsionnogo razvitiya regionov: ekonometricheskiiy podkhod [Evaluation of Innovative Development of the Regions: Econometric Approach]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, no. 2 (2), pp. 202–208.
9. Mityakov S.N., Mityakova O.I., Murashova N.A. Innovatsionnoe razvitie regionov Rossii: metodika reytingovaniya [Innovative Development of the Regions of Russia: Methodology of Rating]. *Innovatsii* [Innovations], 2017, no. 9, pp. 97–104.
10. Egorov N.E. Method of Express Assessment of Innovative Development of Region Based on Triple Helix Model. *AEBMR-Advances in Economics Business and Management Research*, 2017, vol. 38, pp. 139–143. DOI: 10.2991/ttiess-17.2017.24
11. Egorov N., Pospelova T., Yarygina A., Klochkova E. The Assessment of Innovation Development in the Arctic Regions of Russia Based on the Triple Helix Model. *Resources*, 2019, no. 8(2), pp. 72. DOI: 10.3390/resources8020072

Статья принята 04.05.2020.

УДК 332.1(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.75

Проблемы традиционных отраслей АПК Арктики в Якутии *

© РОДНИНА Наталья Владимировна, доктор экономических наук

E-mail: rodninanv@gmail.com

Арктический государственный агротехнологический университет, Якутск, Россия

Аннотация. Преобразования, происходящие в России начиная с 90-х гг., изменили как политическую, так и экономическую и социальную систему страны. Приватизация привела к потере управляемости всем сельским хозяйством, но особенно негативно отразилась на традиционных отраслях сельского хозяйства Якутии. Трансформация организационно-правовых форм и переход на мелкотоварное производство негативно отразились на животноводстве как на основном занятии коренного населения республики. Несмотря на государственную поддержку традиционных отраслей, позитивных изменений не происходит. Особую озабоченность вызывает реализация крупных промышленных проектов в Арктике. Предметом исследования явились факторы и тенденции, влияющие на социально-экономическое положение и развитие традиционных отраслей. Цель — определение особенностей и закономерностей развития традиционных отраслей и оценка влияния осуществляемых преобразований в Арктике на их состояние. Гипотеза исследований состоит в предположении недостаточности мер государственного регулирования и взаимовыгодных экономических отношений с бизнесом при промышленном освоении Арктики. Результаты исследований показали необходимость повышения внимания со стороны всех уровней власти при принятии решения по освоению той или иной территории Арктики и определению для компаний таких правил и механизмов, которые должны не только обеспечить сохранение сельскохозяйственных отраслей, но и улучшить качество и повысить уровень жизни населения. Методология исследования базировалась на системном анализе с применением экономико-статистических методов, аналитико-вычислительных алгоритмов обработки информации по развитию АПК и изменению динамики, включая контент-анализ.

Ключевые слова: традиционные отрасли, Арктика, государственная поддержка, бизнес, социальная ответственность, северное оленеводство, табунное коневодство, экономический потенциал.

Problems of the Arctic Traditional Industries in Yakutia

© Natalya V. RODNINA, Dr. Sci. (Econ.)

E-mail: rodninanv@gmail.com

Arctic State Agrotechnological University, Yakutsk, Russia

Abstract. The transformations taking place in Russia since the 90s have changed both the political and economic and social systems of the country. Privatization led to a loss of manageability of all agriculture, but significantly negatively affected the traditional agricultural sectors of Yakutia. The transformation of organizational and legal forms and the transition to small-scale production negatively affected animal husbandry as the main occupation of the republic's indigenous population. Despite government support for traditional industries, there has been no positive change. Of particular concern is the implementation of large industrial projects in the Arctic. The subject of the study is factors and trends affecting the socio-economic situation and the development of traditional industries. The goal is to determine the features and patterns of the development of traditional industries and assess the impact of ongoing transformations in the Arctic on their condition. The research hypothesis is the assumption of insufficient state regulation measures and

* Для цитирования: Роднина Н.В. Проблемы традиционных отраслей АПК Арктики в Якутии // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 75–86. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.75

For citation: Rodnina N.V. Problems of the Arctic Traditional Industries in Yakutia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 75–86. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.75

mutually beneficial economic relations with business in the industrial development of the Arctic. The results of the studies showed the need to increase the attention of all levels of government in deciding on the development of a particular territory of the Arctic and identifying such rules and mechanisms for companies that should not only ensure the preservation of agricultural industries, but also improve the quality and standard of living of the population. The research methodology is based on system analysis using economic and statistical methods, analytical and computational algorithms for processing information on the development of agro-industrial complex and changing dynamics, including content analysis.

Keywords: *Traditional industries, Arctic, state support, business, social responsibility, reindeer herding, herding horse breeding, economic potential.*

Введение

На протяжении нескольких столетий в России существовал интерес к Крайнему Северу и Арктике. Арктические территории, в связи с наличием природных и экономических условий для хозяйственной деятельности, играют важную роль с позиции национальной безопасности и социально-экономического развития страны в целом [1].

Наибольшая доля запасов углеводородного сырья непосредственно сосредоточена в российском секторе Арктики (табл. 1) [2].

Таблица 1

Запасы углеводородного сырья в разрезе стран, в %

Страна	Нефть	Природный газ
Россия	41	70
США (Аляска)	28	14
Канада	9	4
Гренландия	18	8
Норвегия	4	4

В связи с этим дальнейшее пространственное развитие новой России неизбежно связано с её Арктической зоной. Значение Арктики для экономики и будущего России огромно. В Арктике находятся практически все виды природных ресурсов, и их добыча может уже сейчас пойти ускоренными темпами.

Признание Арктики не просто сырьевым придатком, а зоной стратегических интересов, обуславливает возрастание роли социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ).

Вместе с тем процесс освоения ресурсов должен учитывать не только интересы компаний, осуществляющих производственную деятельность на данной территории, но и интересы региона, в котором ведётся разработка месторождений.

Это касается и Республики Саха (Якутия). Арктика Якутии является территорией традиционного природопользования и сельскохозяйственного производства, представленного традиционными отраслями, такими как оленеводство, табунное коневодство, охотпромысел и другие. Социально-экономическое развитие Арктики Якутии невозможно без сохранения этих важных отраслей как с позиции защиты интересов коренных малочисленных народов Севера, так и с позиции обеспечения продовольственного самообеспечения самого региона.

Требуется комплексный и системный подход к определению мер государственного регулирования дальнейшего развития Арктической зоны Якутии.

Значение Арктики Якутии для России

На территории Арктической зоны Республики Саха (Якутия) находится более 100 видов полезных ископаемых: редкоземельные металлы, алмазы, нефть, газ, вольфрам, медь, сурьма, золото, серебро и другие природные ресурсы, в том числе россыпи алмазов на реках Анабар, Оленек, Молодо, Моторчуна, месторождение редкоземельных металлов Томтор, месторождение олова Депутатское, золоторудное месторождение Кючус и другие [3].

Проект развития Северо-Якутской опорной зоны предусматривает в период с 2017 по 2030 гг. инвестиции в объёмах около 360 млрд рублей. Развитие добывающей промышленности будет способствовать реализации крупных инфраструктурных проектов и увеличению грузопотока до 0,7 млн тонн [4].

Арктическая зона Республика Саха (Якутия) — одна из приоритетных геостратегических территорий России, которая расположена в Восточной Арктике. Площадь территории арктической Якутии составляет 1 608,8 тыс. кв. км, или более половины всей территории республики (3 083,5 тыс. кв. км). На севере её естественные рубежи образуют моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. Общая протяжённость морской береговой линии превышает 4,5 тыс. км. На западе граничит с Красноярским краем, на востоке — с Чукотским автономным округом, на юге — с муниципальными районами республики: Мирнинским, Нюрбинским, Вилюйским, Кобяйским, Томпонским и Оймяконским. К Арктической зоне Республики Саха (Якутия) отнесены: — 13 районов, в том числе 4 национальных; — 84 муниципальных образования поселенческого уровня, в том числе 29 национальных; — 119 населённых пунктов: 2 города, 10 посёлков городского типа и 107 сельских населённых пунктов, 22 из которых без постоянного населения.

По предварительной оценке, численность населения 13 арктических районов республики на 1 января 2019 года составляет около 68 тысяч человек с удельным весом в общей численности населения республики лишь 7,0%. При этом по занимаемой площади — 52,2%. Плотность населения составляет 0,04 человека на 1 кв. км. Наиболее многочисленное население проживает в Верхоянском районе — 11,1 тыс. чел. (16,5% от населения АЗ), а наименьшая численность — в Аллаиховском районе — 2,7 тыс. чел. (4,0%).

Более 60% населения Арктической зоны республики — это сельские жители. Доля сельского хозяйства в валовом муниципальном продукте АЗ РС(Я) занимает около 4% (РС(Я) — 1,8%). Среди районов наибольший вклад в отрасль вносят Верхоянский район (26,8% от всей валовой продукции сельского хозяйства), Анабарский (17,6%), Среднеколымский (12,3%) и Эвено-Бытантайский (9,3%) районы, которые преимущественно занимаются разведением крупного рогатого скота и мясных табунных лошадей.

В то же время Арктическая зона характеризуется непростой социальной ситуацией: по итогам 2018 г., доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 19,6%, уровень регистрируемой безработицы составил 4,9%, что в 2,9 раза превышает среднереспубликанский уровень (1,7%), зафиксирован уровень смертности выше среднереспубликанского уровня (9,9‰ против 7,8‰), коэффициент миграционной убыли населения за 2018 г. составил (-) 11,5 на 1 тыс. человек населения, что более чем в 3,5 раза превышает среднереспубликанский показатель (- 3,0‰).

На совещании в Санкт-Петербурге Президентом России было отмечено, что сейчас, «...когда Арктическая зона России переживает новый этап промышленного, социально-экономического, инфраструктурного возрождения, особенно важно предельно сконцентрироваться на теме природосбережения. Повторю, при вовлечении этого региона в хозяйственный оборот мы обязаны придерживаться тщательно выверенного, взвешенного подхода. В его основе, во-первых, точное знание ресурсного, природного потенциала Арктики и объективная оценка целесообразности тех или иных действий, развитие собственных научно-технологических возможностей по освоению Севера; во-вторых, чёткое, обязательное следование самым строгим экологическим стандартам, безусловный приоритет природоохранных мероприятий; в-третьих, предельная прозрачность хозяйственной деятельности в Арктике, а это в том числе предполагает постоянный диалог с институтами гражданского общества, с природоохранными и экологическими организациями — естественно, прежде всего с теми, кто преследует искренне благородные цели, а не спекулирует на экологических проблемах, не превращает их в предмет торга, собственного пиара или бизнеса»¹.

Таким образом, президентом страны даны чёткие установки по сохранению природы Арктики как общенациональных интересов, что, конечно же, даст возможность соблюдения интересов северных народов и сохранения их жизнедеятельности.

«Стране удалось установить курс на комплексное развитие северных территорий <...> Наша цель — сохранить ресурсы и человека в Арктике, выстроить для людей видимые, долгосрочные жизненные перспективы», — отметил Рогозин².

Главной целью государства является повышение качества и уровня жизни человека. В Арктике развитие агропромышленного производства является важнейшей экономической и социальной задачей.

Состояние традиционных отраслей Арктической зоны Якутии

Основой экономики сельских территорий Арктики Якутии являются традиционные формы природопользования. Республика Саха (Якутия) относится к одному из основных оле-

¹ Совещание по вопросу эффективного и безопасного освоения Арктики, состоявшееся 5 июня 2014 г. в Санкт-Петербурге. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/45856> (дата обращения: 02.06.2020).

² Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» в Санкт-Петербурге. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/456782-rossiya-arktika-razvitiye> (дата обращения: 29.05.2020).

неводческих регионов России, в котором оленеводство является отраслью традиционного хозяйства, определяющего уклад жизни и быта коренных народов Севера.

Северное домашнее оленеводство развито в Усть-Янском, Нижнеколымском, Эвено-Бытантайском, Анабарском, Булунском, Момском районах. К основным отраслям животноводства (преимущественно Верхоянского, Среднеколымского, Эвено-Бытантайского, Момского, Абыйского районов) также относится табунное коневодство [5].

Устойчивое развитие региональной аграрной экономики зависит от влияния внутренних и внешних факторов. Организационно-экономические изменения 90-х гг. коснулись всех отраслей сельского хозяйства, но особенно традиционных отраслей Севера.

В отрасли оленеводства основными проблемами, сдерживающими её переход на качественно новый уровень развития, сохраняются:

1. Земельные:

- отсутствие землеустроительных работ и необходимость проведения дорогостоящего мониторинга состояния оленьих пастбищ;
- до конца не решённые вопросы землепользования;

2. Экономические:

- отсутствие разработанной системы показателей оценки экономики оленеводства;
- отсутствие организационно-экономических мероприятий ведения отрасли;
- слабое материально-техническое и кадровое обеспечение;
- низкий уровень кадрового потенциала [6].

Табунное коневодство является также отраслью, наиболее соответствующей местным природно-климатическим условиям, трудовым навыкам и традициям коренного населения республики, дающего возможность производить наибольшее количество продукции при наименьших затратах труда и средств.

Ретроспективный анализ указывает на наличие признаков цикличности в развитии этих отраслей, равных примерно 8–12-летним периодам (рис. 1).

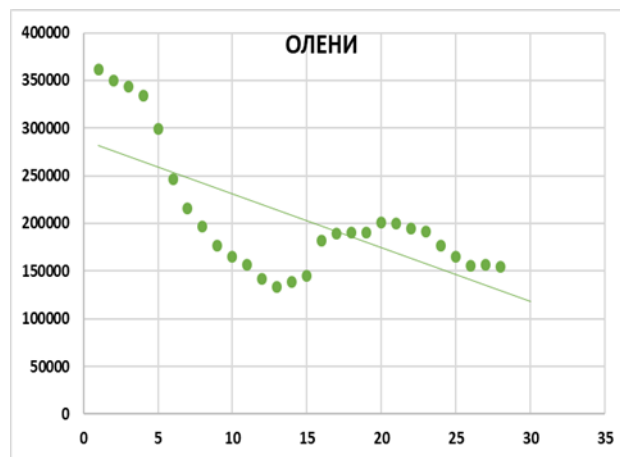
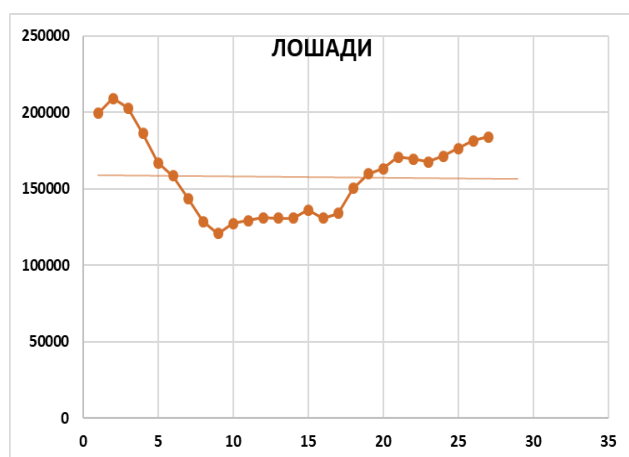

Рис. 1. Динамика изменения поголовья оленей и лошадей в Республике Саха (Якутия) за период с 1990 по 2017 гг.

При учёте этих особенностей и принятии соответствующих мер, отдельных негативных тенденций в развитии оленеводства и табунного коневодства можно было избежать. В результате ежегодного сокращения поголовья домашнего северного оленя и лошадей по состоянию на 1 января 2018 г. их численность составила 154,6 и 184,2 тысяч голов соответственно (рис. 2). Справочно: численность оленепоголовья в 1985 г. составляла в целом по республике 369,5 тысяч голов, а табунных лошадей в 1990 г. — 199,5 тыс. голов. При этих показателях Якутия занимает второе место в России по поголовью табунных лошадей и пятое место по численности северных домашних оленей.

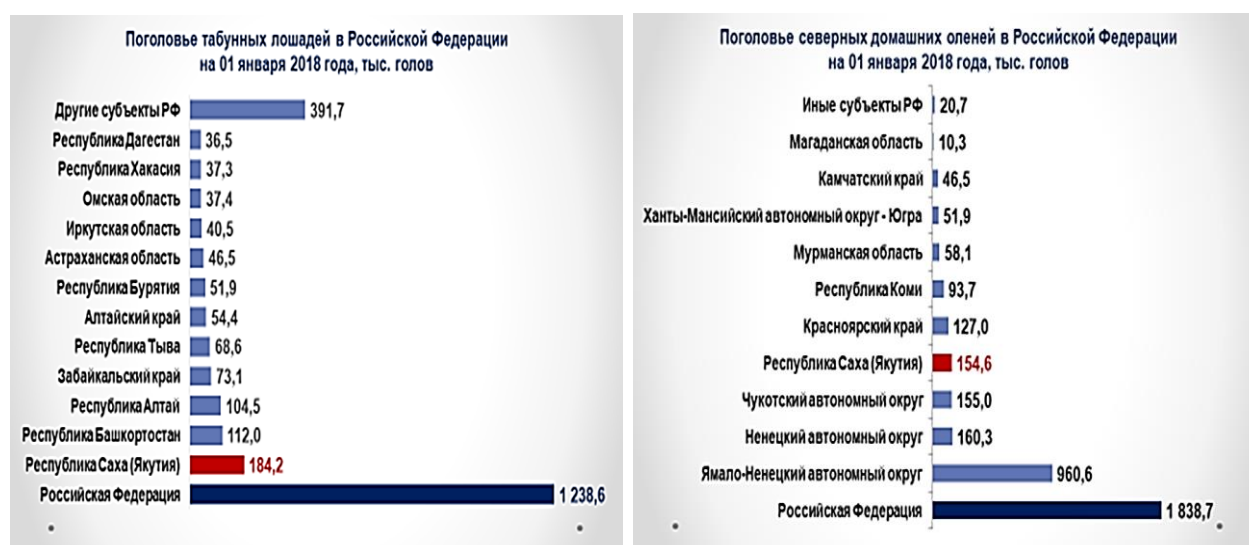

Рис. 2. Доля Республики Саха (Якутия) в общем поголовье оленей и лошадей Российской Федерации на 1 января 2018 г.

В советский период функционировала достаточно интенсивная государственная поддержка, создающая платформу для развития Арктики. Предусматривались меры поддержки в виде северного и районного коэффициентов к заработной плате, гарантированные льготы и компенсация расходов при выезде на лечение, хорошее продовольственное и материальное обеспечение.

Сегодня также осуществляется государственная поддержка. Так, основой арктической политики России определена модель устойчивого развития арктических территорий и комплексный подход в решении проблем социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, основными составляющими которого являются: социальная, т.е. создание условий для саморазвития и самообеспечения коренных малочисленных народов Севера, экономическая (устойчивая эксплуатация ресурсов, развитие инфраструктуры региона и обеспечение участия общин коренных малочисленных народов в реализации крупномасштабных проектов) и экологическая, обеспечивающая защиту окружающей среды, ограниче-

ние негативного воздействия промышленной деятельности на территории природопользования коренных малочисленных народов Севера, сохранение биоразнообразия региона [7].

Республика Саха (Якутия) активно участвует в реализации аграрной политики Российской Федерации и реализации основных целей и задач федеральных государственных программ. Этому способствует принятый в 2016 г. республиканский закон о развитии сельского хозяйства. Кроме этого, избранный в 2018 г. Глава Республики Саха (Якутия) одним из 5 стратегических указов утвердил приоритетную цель развития сельского хозяйства — рост уровня обеспеченности населения качественными продовольственными товарами местного производства.

Между тем, несмотря на меры государственной поддержки, оказываемые в последние годы, сельское хозяйство на Крайнем Севере и в Арктике, испытывает трудности.

Невысокие результаты развития отраслей свидетельствуют о неполноте используемых государством рычагов. Несмотря на программно-целевой метод управления сельским хозяйством, для которого является характерным строгая ориентация программы на достижение запланированного результата, выделение под программы необходимых финансовых, материальных и других ресурсов не достигается [8].

Снижаются качественные показатели в оленеводстве и табунном коневодстве. Из года в год уменьшается выход приплода и растёт падеж (табл. 2)

Таблица 2

Выход приплода и падеж оленей и лошадей в сельскохозяйственных предприятиях Республики Саха (Якутия)³

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Выход приплода в расчете на 100 маток						
жеребят	39	56	61	64	61	40
тугутов	57	54	46	49	46	44
Падеж скота, процентов к обороту стада						
лошадей	4,9	3,1	2,3	2,1	2,5	3,6
оленей	12,6	15,6	19	16	17	22

Одной из проблем арктических территорий в настоящее время считается нарушение и деградация пастбищ, уничтожение лишайников и кустарников. Серьёзные проблемы оленьим пастбищам наносят вездеходы и тракторы, иная тяжёлая техника, которая, как правило, движется не по дорогам, а по растительному покрову [9].

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) (САХА(ЯКУТИЯ)СТАТ). Статистический сборник № 4/441. Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) за 2005, 2010, 2015-2018 годы. С. 63.

Поэтому к проблемам низких показателей воспроизводства, обусловленных незначительной степенью охвата племенной работой и сложного финансового состояния хозяйств, добавляются и такие, как слабая кормовая база в результате нарушений использования арктических земель.

Традиционные отрасли практически не развиваются. Инвестиционный потенциал за исследуемый период не претерпел никаких позитивных и кардинальных изменений, инвестиционная активность у большинства сельхозтоваропроизводителей полностью отсутствует. Это в первую очередь относится к оленеводству и табунному коневодству. Как видно из табл. 3, никаких инвестиционных вложений и, соответственно, ввода производственных фондов этих отраслях не было.

Таблица 3

*Ввод в действие производственных отраслей сельского хозяйства Республики Саха (Якутия)*⁴

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Введены						
Животноводческие помещения, тыс. мест:						
Для крупного рогатого скота	1,2	-	0,7	2,4	3,0	0,6
Для свиней	1,2	0,05	-	0,3	0,2	-
Мощности по производству цельномолочной продукции, тонн в смену	10	-	-	-	-	5,0
Мощности по производству хлебобулочных изделий, тонн в сутки	-	-	-	-	-	5,0
Хранилища для картофеля, овощей, тыс. т	0,4	-	-	-	-	-
ЛЭП для электрификации сельского хозяйства	28,9	3,13	62,4	11,4	7,1	9,4

Что непосредственно касается Арктической зоны Республики Саха (Якутия), то по состоянию на 1 января 2019 г. на этой территории содержится 106,3 тыс. голов оленей, или 72,5% от общего поголовья. Основная доля оленепоголовья содержится в хозяйствах Усть-Янского (22,8%), Анабарского (16,6%), Булунского (13,3%), Эвено-Бытантайского (12,4%), Нижнеколымского (12,3%), Момского (10,3%) районов. Несмотря на государственную поддержку, ежегодно наблюдается сокращение поголовья оленей, а в Абыйском и Аллаиховском улусах (Индигирская группа) отрасль северного домашнего оленеводства полностью исчезла.

Разведением лошадей занимаются во всех районах Арктической зоны Республики Саха (Якутия), но и здесь по отношению даже к 2010 г. наблюдается спад на 26,2% до 14 312 голов. Что касается категорий хозяйств, то произошло смещение в сторону малых форм хозяйствования и доля СХО снизилась с 42% до 26%. В свою очередь, малые предприятия очень сильно

⁴ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) (САХА(ЯКУТИЯ)СТАТ). Статистический сборник № 4/441. Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) за 2005, 2010, 2015-2018 годы. С. 39.

зависят и привязаны к территории, на которой они находятся, так как сфера их деятельности практически не выходит за пределы этого региона [10].

В связи с этим неблагоприятная ситуация, в случае непродуманного промышленного освоения Арктической зоны Якутии, может и дальше осложнять положение в традиционных отраслях. Для изменения негативных тенденций необходимо переосмысление текущей политики и изменение мер не только государственного регулирования, но и отношения крупного бизнеса к проблемам традиционных отраслей АПК, включая необходимость перехода к комплексному и неразрывному развитию традиционных отраслей и сельских территорий.

Главным приоритетом АПК является обеспечение продовольственной безопасности. В Арктической зоне также необходимо формировать агропродовольственную систему, которая должна соответствовать стратегическим планам России с учётом инновационного развития [11]. В ходе исследования автор определил значение инвестиционно-инновационного потенциала традиционных отраслей в качестве объективной основы для формирования стратегических решений по обеспечению их устойчивого развития.

Для арктических территорий социальная ответственность становится частью социального партнёрства государства, бизнеса и общества и требует выработки целой системы совместных решений. Масштабы и комплексность проектов освоения естественных производительных сил Севера России требуют партнёрских отношений и использования опыта Канады, Норвегии, Аляски (США) [12]. Реализация государственной политики в области освоения и использования природных и минерально-сырьевых ресурсов должна иметь в том числе научное сопровождение. Решение задач стратегического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) должно способствовать росту качества жизни человека за счёт создания инфраструктуры и наращивания экономического потенциала региона. Изучение социальной роли бизнеса, его ответственности, включая увеличение социальных инвестиций, становится на сегодня одним из его обязательств в Арктической зоне. В качестве примера можно взять Норвегию, которая стремится не столько к увеличению (или сдерживанию темпов снижения) добычи углеводородов, сколько к определённому высокому уровню «социальной ценности» извлекаемого сырья [13]. При этом эти механизмы необходимо эффективно комбинировать с механизмами государственного регулирования развития агропромышленного комплекса.

Процесс государственного управления такой отраслью, как АПК, сложен. Здесь переплетаются и правовые основы, и отраслевая специфика, и проблемы регионального уровня. В то же время автор отмечает, что решение проблемы с наращиванием объёмов производства в традиционных отраслях за счёт увеличения выделяемых финансовых средств — это только частичное решение. Укрепление экономического потенциала с целью увеличения их доли на товарном рынке может обеспечить только внедрение современных инновационных мер. Так, в оленеводстве необходимо внедрение новейших технологий выпаса оленей с формированием рациональных размеров стад и электронной паспортизации оленепоголовья, требуется пол-

ная модернизация материально-технической базы и пересмотр мотивационных стимулов для работников и ряд других. Для табунного коневодства следует применить меры, обеспечивающие восстановление системы селекционно-племенной работы и создание высокопродуктивных стад. Среднеколымский район является местом разведения колымского типа якутских лошадей, а Верхоянский район — янского типа. Учитывая эти факторы, данные районы имеют стратегическое значение для сохранения и развития в республике якутской породы лошадей. Значительные площади естественных угодий арктических районов являются основным потенциалом для дальнейшего наращивания поголовья табунных лошадей в республике. Строительство конебаз малого размера и их механизация, создание опорных узловых комплексов по глубокой переработке продукции животноводства позволят создать условия для трансформации аграрного производства и обеспечить повышение уровня продовольственного самообеспечения Якутии, как это определено Доктриной продовольственной безопасности.

Заключение

Активизация деятельности государства в арктических регионах Дальнего Востока стимулирует развитие Северо-Якутской опорной зоны социально-экономического развития. Вместе с тем недостаточное внимание уделяется сохранению системы арктического сельского хозяйства.

Изучая процессы, происходящие в традиционных отраслях сельского хозяйства Арктической зоны Якутии при учёте значимости развития Арктических территорий для страны, автор пришёл к заключению о необходимости комплексного подхода к дальнейшему регулированию экономических отношений.

В статье на основе аналитических данных обосновывается вывод о том, что развитие традиционных отраслей зависит от консолидации усилий государства и бизнеса, в частности промышленных и транспортных компаний, осуществляющих освоение арктической зоны.

Для предотвращения и снижения отрицательного воздействия регулирование должно быть научно обоснованным и своевременным. При выборе методов и инструментов регулирования следует основываться на текущем состоянии отраслей для определения чётких генерирующих мер. Важной является реализация комплекса мер по укреплению финансово-экономических основ традиционных отраслей, для чего в систему регулирования должен быть внедрён механизм обратной связи на основе надёжной информационной базы данных. Выбор регулирующих воздействий должен соответствовать особенностям и характеру отрасли. Крупный бизнес должен нести определённую социальную ответственность за возможное вмешательство и внесение нарушений в состояние традиционных отраслей на принципах партнёрства.

Литература

1. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Липина С.А., Бочарова Л.К. Организационные механизмы реализации политики России в Арктике в XXI в. // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 75–109. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.75
2. Lindholt L., Glomsrød S. The Role of the Arctic in Future Global Petroleum Supply // Statistics Norway, Research Department. Discussion Papers. 2011. No. 645. Pp. 1–35.
3. Слепцов А.Н. Региональные аспекты развития Российской Арктики на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. 2015. № 19. С. 115–133.
4. Дмитриева М.А. Формирование грузовых потоков и транспортное обеспечение завоза грузов // Проблемные аспекты развития транспортной системы: Материалы научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Г.В. Давыдовой, Г.Н. Войниковой, А.И. Бирюковой. Иркутск, 2015. С. 57–65.
5. Пахомов А.А., Черноградский В.Н., Федорова Е.Я. О проблемах разработки стратегии социально-экономического развития Арктической зоны РФ на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (20). С. 3–20.
6. Малышева М.С., Самсонова И.В. Проблемы традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). Пути их решения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9. С. 89–94. DOI: 10.17513/vaael.703
7. Корчак Е.А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 390.
8. Марецкая В.Н., Тополева Н.О. Программно-целевой метод управления сельским хозяйством региона // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы». Апатиты, 2013. 304 с.
9. Степанько Н.Г. Структура природопользования на Арктических территориях Российского Дальнего Востока // Арктика: экология и экономика. 2019. № 2 (34). С. 18–30. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-18-30
10. Тутьгин А.Г., Чижова Л.А., Регета А.И. Малый бизнес в Арктике: предпосылки для смены парадигмы управления // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37
11. Татаркин А.И., Литовский В.В. Россия в Арктике: стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17 (3). С. 573–587.
12. Кулешов В.В. Северные и арктические проекты в России: генезис и проблемы // Материалы Международной конференции «Сибирский Север и Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века». Красноярск, 2011. 61 с.
13. An Industry for the Future — Norway's Petroleum Activities / Report to the Storting (white paper). Oslo, Norwegian Ministry of Petroleum and Energy. 2011. 173 p.

References

1. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Lipina S.A., Bocharova L.K. Organizatsionnye mekhanizmy realizatsii politiki Rossii v Arktike v XXI v. [Organizational Mechanisms for Implementing Russia's Arctic Strategy in the 21st Century. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 75–109. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.75
2. Lindholt L., Glomsrød S. The Role of the Arctic in Future Global Petroleum Supply. Statistics Norway, Research Department. *Discussion Papers*, 2011, no. 645, pp. 1–35.
3. Sleptsov A.N. Regional'nye aspekty razvitiya Rossiyskoy Arktiki na primere Respubliki Sakha (Yakutiya) [Russian Arctic Regional Development Aspects by the Example of the Republic of Sakha (Yakutiya)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 19, pp. 115–133.
4. Dmitrieva M.A. Formirovanie gruzovykh potokov i transportnoe obespechenie zavoza gruzov [Formation of Freight Flows and Transport Support for the Delivery of Goods]. *Problemnye aspekty razvitiya transportnoy sistemy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym*

- uchastiem* [Transport System Development Issues: Proc. Sci. Practical Conf. with Intern. Participation]. Irkutsk, 2015, pp. 57–65.
5. Pakhomov A.A., Chernogradskiy V.N., Fedorova E.Ya. O problemakh razrabotki strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Arkticheskoy zony RF na primere Respubliki Sakha (Yakutiya) [On the Problems of Developing a Strategy for Social and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [The Arctic 21st Century. Humanitarian sciences], 2019, no. 4 (20), pp. 3–20.
 6. Malysheva M.S., Samsonova I.V. Problemy traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti korennykh malochislennykh narodov severa Respubliki Sakha (Yakutiya). Puti ikh resheniya [Problems of Traditional Economic Activity of the Indigenous Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia). Ways to Solve Them]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, no. 9, pp. 89–94. DOI: 10.17513/vaael.703
 7. Korchak E.A. Korennyye narody Severa v gosudarstvennykh arkticheskikh strategiyyakh [Indigenous People of the North in National Arctic Strategies]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 5, p. 390.
 8. Maretskaya V.N., Topoleva N.O., Programmno-tselevoy metod upravleniya sel'skim khozyaystvom regiona [Program-Target Method of Management of the Rural Economy of the Region]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Razvitie Severa i Arktiki: problemy i perspektivy»* [Proc. All-Russ. Sci.-Practical Conf. "Development of the North and the Arctic: Problems and Prospects"]. Apatity, 2013. 304 p.
 9. Stepan'ko N.G. Struktura prirodopol'zovaniya na Arkticheskikh territoriyakh Rossiyskogo Dal'nego Vostoka [The Structure of Nature Management in the Arctic Territories of the Russian Far East]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2019, no. 2 (34), pp. 18–30. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-2-18-30
 10. Tutygin A.G., Chizhova L.A., Regeta A.I. Malyy biznes v Arktike: predposylki dlya smeny paradigmy upravleniya [Small Business in the Arctic: Background for Changing the Management Paradigm]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37
 11. Tatar'kin A.I., Litovskiy V.V. Rossiya v Arktike: strategicheskie priority kompleksnogo osvoeniya i infrastrukturnoy politiki [Russia in Arctic: Strategic Priorities for Integrated Development and Infrastructure Policy]. *Vestnik MGTU* [Vestnik of MSTU], 2014, vol. 17 (3), pp. 573–587.
 12. Kuleshov V.V. Severnyye i arkticheskie proekty v Rossii: genesis i problemy [Northern and Arctic Projects in Russia: Genesis and Problems]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Sibirskiy Sever i Arktika v usloviyakh global'nykh vyzovov XXI veka»* [Proc. Intern. Conf. "Siberian North and Arctic in the Context of Global Challenges of the 21st Century"]. Krasnoyarsk, 2011, 61 p.
 13. An industry for the future — Norway's petroleum activities. *Report to the Storting (white paper)*. Oslo, Norwegian Ministry of Petroleum and Energy. 2011. 173 p.

Статья принята 05.06.2020.

УДК 316.42(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития *

© СКУФЬИНА Татьяна Петровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: skufina@gmail.com

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

© МИТРОШИНА Марина Николаевна, аспирант

E-mail: fridma@mail.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

Аннотация. Цель статьи — обзорное представление о трансформации социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, учёта влияния внутри-региональных факторов развития. Принципиальная важность представленного обзора определена серией фундаментальных проблем, сопровождающих процессы освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), и одновременным нарастанием значимости этой территории для национальной экономики. Подтверждена объективность этих противоречий, которые закономерно обозначили недостаточность экономической теории в их разрешении. Например, противоречие между высокими издержками функционирования экономики, социальной сферы и необходимостью повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ, между задачами усиления эксплуатации ресурсов и требованиями экологии и т.д., то есть того, что объективно затрудняет решение задачи устойчивого развития Арктики. Однако вскрытый масштабный пласт научных разработок, соотнесённый с трансформациями в политике, экономике, демографии, позволил утверждать, что идеи имеют собственную движущую силу, влияют на трансформационные процессы в Арктике. Выявлена специфика и определяющий характер воздействия геополитики и потребностей национальной экономики на социально-экономические трансформации в российской Арктике, но одновременно подчёркнута и значимость проявления экспансионизма как внутренней потребности человека к расселению, славе, богатству, также обеспечившая освоение арктических пространств. Выявлены системные изменения, представлены социально-экономические тенденции российской Арктики, которые позволили установить позитивное влияние современной политики на развитие АЗРФ, что наметило тенденцию снижения демографических потерь. Рассмотрены перспективы социально-экономического развития АЗРФ с учётом современной ситуации коронакризиса, внутренних трансформационных процессов, влияния политики.

Ключевые слова: экспансия, Арктика, трансформационные процессы, социально-экономическое пространство, регулирование, геополитика, макроэкономика, региональные факторы.

Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development

* Для цитирования: Скуфьина Т.П., Митрошина М.Н. Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 87–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

For citation: Skufina T.P., Mitroshina M.N. Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 87–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

© **Tatiana P. SKUFINA**, Doc. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

E-mail: skufina@gmail.com

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

© **Marina N. MITROSHINA**, Postgraduate

E-mail: fridma@mail.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Abstract. The purpose of the article is to review scientific ideas about the transformation of the Russian Arctic's socio-economic space in the context of geopolitics, macroeconomics, and intraregional factors of development. This review's significance is determined by the fundamental problems that accompany the development of the Russian Arctic, the growing importance of this territory for the national economy. These contradictions' objectivity is confirmed, which naturally indicated the shortcomings of economic theory, which does not allow us to solve these contradictions. For example, the contradiction between the high costs of functioning of the economy, social sphere and the need to raise the level of socio-economic development of the Russian Arctic; between the tasks of increasing the exploitation of resources and the requirements of the environment, etc., that is, what objectively makes it challenging to solve the problem of sustainable development of the Arctic. However, the numerous scientific studies considered, correlated with transformations in politics, economy, and demography, allowed us to assert that ideas have their driving force, influence, and provide transformational processes in the Arctic. The specificity and the strong influence of geopolitics on socio-economic transformations in the Russian Arctic are identified, but at the same time, the significance of the manifestation of expansionism as an internal human need for settlement, fame, and wealth is emphasized, which also ensures the development of the Arctic. Systemic changes are identified, socio-economic trends in the Russian Arctic are presented, which allowed us to establish the positive impact of modern policy on the development of the Russian Arctic, which marks a trend of reducing demographic losses. The prospects for the socio-economic development of the Russian Arctic are considered, taking into account the current situation of the coronary crisis, internal transformation processes, the influence of politics.

Keywords: *expansion, Arctic, transformation process, socio-economic space, regulation, geopolitics, macroeconomics, regional factors.*

Введение

Данная статья отличается не только внешними массивными характеристиками (значительным объёмом, количеством источников научной литературы, комплексностью представленного обзора и т.д.), но также специфичностью генезиса и функциональной ориентацией на экспансию представлений о трансформациях в Арктике, предполагая и экспансию самого журнала «Арктика и Север» в мировом информационном пространстве. Статья выполнена в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» в части реализации системообразующего мероприятия «Поддержка экспансии и укрепления международного авторитета национальных баз (банков) знаний, включая журналы и их коллекции», в данном случае за счёт финансовой поддержки по конкурсу РФФИ «Экспансия».

Подчеркнём внутреннюю логику, структуру и объяснительную ценность семантики «экспансия» для изложения и развития арктической проблематики. Напомним, что в общем смысле экспансия в русском языке традиционно связана с логикой развития живых организмов, характеризуя их способность к распространению в пространстве за первоначальный ареал обитания. Однако это понятие чаще используется не в биологии, а в общественных

науках, экстраполируя исходную сущность и стремление распространения живого в пространстве на общественные процессы. В последние годы мировая наука рассматривает феномен экспансии гораздо шире традиционного представления общественных наук, то есть больше некой, пусть и значимой, но всего лишь составляющей политики стран, регионов, общественных групп и т.д. Экспансию теперь представляют как самостоятельный общественный феномен, который определяет ход истории, специфику цивилизационной динамики, развитие отдельных территорий, в частности — территории Арктики [1, Шапталов Б.Н., с. 18–29].

Характерным для политики экспансионизма является сочетание стихийных, естественных процессов с целенаправленными, сознательными действиями распространения смыслов, символов, ценностных ориентаций и т.д. на основе выверенной, научно обоснованной технологии такого распространения. Во многом история развития экономической мысли связана именно с формированием теории, обеспечивающей действенную технологию такого распространения. В связи с этим стоит упомянуть работу Марка Блауга, которую следует читать с особым вниманием, т.к. она содержит не только выверенную историю экономической мысли, но и важный контекст — крепкую хватку критического осмысления теории с позиций меняющихся представлений политики, рассмотренных на основе тщательного экономического анализа данных [2, Blaug M., с. 200–206, 444–445, 549–552]. Отдельный интерес представляет обособление теоретических подходов и даже школ к исследованию проявления экспансионизма в Арктике средствами массовой информации [3, Padrtovaab B., с. 37].

Социально-экономическое пространство Арктики — это мир экспансионизма, в какой-то мере даже больше, чем остальные территории: в силу определяющего воздействия политики на общественную жизнедеятельность из-за очевидных ограничений реализации потенциала внутреннего саморазвития на фоне геополитического значения Арктики. Таким образом, социальное и экономическое развитие в Арктике немислимо вне контекста политики экспансионизма. Именно поэтому ключевое место в тематическом журнале «Арктика и Север» занимают вопросы расселенческих процессов на Севере и в Арктике, иллюстрирующих процессы биологической, социальной и культурной экспансии, вопросы экономического роста, политики и управления, иллюстрирующих экономико-политическую экспансию.

Отражение результатов проявления экспансионизма — в трансформационной динамике. Цель данного исследования — обзорное представление о трансформации социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, учёта влияния внутрирегиональных факторов развития.

Принципиальная научная значимость и одновременно практическая актуальность предлагаемого обзора определяется фундаментальностью проблемы, состоящей в противоречии между усилением геополитического, экономического значения Арктической зоны

Российской Федерации (АЗРФ) и одновременным нарастанием социально-экономических проблем этих территорий, сопровождающихся усилением структурных диспропорций экономики, отсталостью характеристик качества жизни населения в сравнении с несевверными территориями, объективными факторами, выталкивающими население и бизнес с арктических территорий [4, Баранов С.В., с. 46–48; 5, Социально-экономическая проблематика...; 6, Крюков В.А., Крюков Я.В., с. 26; 7, Skuf'ina T.P., Baranov S.V., с. 66–68; 8, Регионы Севера и Арктики Российской Федерации..., с. 18–34, 76–79; 9, Экономика современной Арктики..., с. 27–39, 56–62, 144–149, 154–185].

Достижение цели предполагает ответы на три вопроса, которые представлены как задачи исследования.

Первый вопрос (первая задача): каково воздействие геополитики, внутренних факторов развития на социально-экономические процессы в Арктике? Научная новизна этого результата определяется уточнением представлений об отражении геополитики и внутренних факторов в реальных трансформационных процессах развития российской Арктики периода начала 20-го века до наших дней. Ключевой вопрос: действительно ли геополитика определяет реальные социально-экономические трансформации российской Арктики и если да, то в какой мере?

Второй вопрос (вторая задача): выявление системных изменений, представление оценки социально-экономических тенденций российской Арктики, которые были прерваны, а также новых тенденций, которые получили развитие в постсоветский период, включая анализ воздействия макроэкономики и внутрорегиональных факторов развития. Научная новизна этого результата представляется в комплексной диагностике трансформационных изменений, осуществляемой на базе междисциплинарного инструментария.

Третий вопрос (третья задача): каковы перспективы социально-экономического развития АЗРФ с учётом представленной диагностики современной ситуации, генетики трансформационных процессов, влияния геополитики. Научная новизна этого результата определяется комплексностью представлений о вероятных процессах развития АЗРФ.

Обзор состояния современных исследований вопросов трансформационной динамики в Арктике

Вопросы, посвящённые социально-экономическим, политическим трансформациям, управлению в Арктике, в настоящее время во всём мире находятся в фокусе обсуждений политиков, государственного управления, учёных, бизнес-структур. Это обусловлено усиливающимся стратегическим значением Арктики, что обозначило чёткую тенденцию трансформации политических и сопряжённых экономических отношений в Арктике. Возможно даже говорить о том, что трансформации политических и экономических отношений в Арктике являются определённого рода показателем изменений в мировой политике. Так, в последнее

время в мировых исследованиях значительное место отводится анализу перехода власти, интересов, возможностей реализации задач в Арктике странами и регионами мира, в том числе и теми, которые не являются традиционными «арктическими» державами. Исследователи из стран Европы делают акцент на необходимости «коллективного управления» Арктикой. «В данный момент нам необходимо сосредоточиться на важности международных геополитических отношений, нацеленных на всестороннее сотрудничество в Европейском союзе, которое позволит осуществлять коллективное управление Арктикой» [10, Danilo V., с. 50]. Повышенное внимание уделяется обсуждению внимания к Арктике активно развивающихся стран Азии с упором на китайско-российские отношения. Отмечается, что мощный фактор экономического роста обозначил переход политической и экономической силы к Китаю. Соответственно, изменилась и риторика. Так, ранее Китай позиционировал Арктику как общее достояние человечества, а в настоящее время называет себя «почти арктической» страной [11, Gjedssø B., Galluccib V., с. 240; 12, Аносова Л.А., Тригубенко М.Е., Леженина Т.В., Нгуен К.Х., Яковлев А.А., с. 12-36]. Очевидно, что современные условия пандемии существенно изменят расстановку мировых сил и существенно усилят притязания Китая на Арктику, включая продолжение активных инвестиционных вливаний в крупнейшие российские арктические проекты.

Пока никто не может достоверно оценить, насколько глубоки будут изменения глобальной расстановки сил, насколько велики будут притязания Китая на Арктику, какова роль в этом российско-китайских отношений и как именно трансформируется арктическое пространство в этой обновлённой реальности. Однако то, что эти изменения самым существенным образом отразятся на политике и национальной экономике России, не вызывает сомнений. Так, Россия характеризуется самой длинной береговой линией в Арктике среди всех пяти прибрежных государств, имеющих в своём составе арктические территории. Арктика является геостратегической территорией для России в силу огромных запасов полезных ископаемых, что усиливает её стратегическое значение и в долгосрочном периоде. В России приумноженное значение арктической проблематики закономерно отражается декларированными приоритетами обеспечения процессов устойчивого социально-экономического развития, закреплёнными в формируемой нормативно-правовой литературе, с целью решения геополитических, экономических, взаимосвязанных социальных задач развития Российской Федерации [13, Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A., с. 39–42; 14, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И., с. 5–7]. При этом отмечается некоторая противоречивость научного базиса, сопровождающего управление трансформационной динамикой Арктики.

Полагаем, эта противоречивость объясняется двумя основными факторами. Первый фактор назван академиком П.А. Минакиром «стратегическими тупиками». Сущность тупика — конфликт целей, задач, механизмов, декларированных в национальной стратегии про-

пространственного развития Российской Федерации с постулатами теории пространственного развития и региональными стратегиям [15, с. 967]. В результате макроэкономическая ситуация не способствует уверенному развитию индустриального сектора, что особенно проблематично для старопромышленных регионов Севера [16, Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G., с. 63, 70]. Второй фактор — противоречивость теории развития и управления социально-экономическим пространством российской Арктики. Именно эта противоречивость обуславливает особую значимость рассмотрения современных теоретических воззрений на трансформации в Арктике.

Отметим, что анализ исследований невозможно сконцентрировать именно на АЗРФ в силу того, что как объект управления эта зона фактически выделилась только в 2016 г., но значительно более широкая зона — Север России как объект исследования и управления, включающая и территорию современной АЗРФ, имеет длительную историю трансформационной динамики, включая систему управления и соответствующую политику [17, Скуфьина Т.П., с. 17–19]. Именно эта политика смогла обеспечить в период СССР развитие не только экономики, но и высоких стандартов качества жизни населения относительно лучших зарубежных аналогов [18, Самарин А.В., с. 450–455].

Среди достаточно обширной литературы, подробно освещающей позитивные, негативные факты и трансформации на Севере, а также специфику научного сопровождения, особенно следует выделить обобщающее монографическое произведение под научной редакцией академика Б.Н. Порфирьева «Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы» [5]. Очевидно, что искусственно вырывать исследования по АЗРФ из этого массива фундаментальных данных по Северу не представляется целесообразным.

Итак, состояние современных исследований представляет собой огромный и разнородный пласт информации, включающей теоретический и научно-практический задел СССР по теории управления, политике, экономике освоения и обживания территорий Севера и его арктической составляющей; современные разработки, порождающие достаточно противоречивые представления отечественных учёных о перспективах, приоритетах и политике Севера и АЗРФ; а также зарубежные исследования, ориентированные преимущественно на формирование такой политики, которая акцентирует внимание не на концептуальных приоритетах, а на решении задач практического свойства по формированию факторов устойчивого развития конкретных территорий циркумполярного Севера с отдельным выделением вопросов экологической политики [19, McCannon J.; 20, Гутнев М.Ю., Конышев В.Н., Сергунин А.А., с. 108]. Все эти и множество других аспектов определяют свой взгляд на проблематику формирования современной государственной политики и соответствующих трансформаций в Арктике.

Современный массив информации можно условно разделить на три составляющие. Условность этого деления определяется как обозначенной многоаспектностью, так и взаимопроникновением выделенных направлений.

Во-первых, это исследования, направленные на изучение внутренних свойств, связей, отношений функционирования социально-экономического пространства Севера и Арктики, включая прогностические разработки. Многочисленные работы этой группы возможно классифицировать с позиций методологических различий преобладания способа получения информации. Так, возможна трёхкомпонентная группировка на исследования, базирующиеся на статистических разработках, на анализе институциональной среды, а также на анализе социологическими методами (включая наблюдение, включённые интервью, анкетирование и т.д.).

Авторские наблюдения показывают, что приоритет статистике отдаётся в исследованиях США, Канады, значительное внимание уделяется таким исследованиям и в России [21, Корчак Е.А., с. 141; 22, Скуфьина Т.П., Баранов С.В., с. 52–54, 60–62; 23, Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А., с. 25–27]. Как правило, эти исследования не только определяют какие-то количественные зависимости и закономерности, но и выделяют перспективные направления, конкретные конкурентные преимущества определенных северных территорий, способных обеспечить экономическое и социальное развитие, нередко, с учётом экологического контекста [24, Nealy A., с. 29–31].

Приоритет социологическим подходам и методам исследования северных территорий отдаётся в работах учёных из стран Скандинавии [25, Markkula I., Turunen M., Rasmus S., с. 1070]. При этом общий контекст «скандинавской» составляющей исследований, как правило, — приоритет «социальности» над экономическими ограничениями развития, особенно активное среди остальных работ обоснование необходимости повышенных трат на социальную сферу северных поселений. Часто в этих исследованиях рассматриваются мировоззренческие вопросы восприятия реальности коренными народами, мигрантами, адаптантами, обсуждается культурное и духовное значение экосистем и т.д. Среди отечественных исследований перспективным направлением является соединение математического моделирования с социологическими методами исследования социально-экономической динамики Севера. В частности, авторы статьи являются приверженцами этого подхода, дающего уникальное сочетание количественных характеристик объективной реальности и отражение этой реальности в сознании населения, социальных групп [26, Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A.; 27, Скуфьина Т.П., Бажутова Е.А., Самарина В.П., с. 51].

Институциональные исследования характерны больше для российских работ. Однако следует отметить, что в основе этих работ лежит не типовое понимание институционального анализа (традиционно основанного на мощном математическом аппарате, теории игр, исследовании институтов социологическими выверенными методами и т.д.), а только узкая

часть методологии институционализма, захватывающая анализ законодательного обеспечения функционирования социально-экономической и экологической среды Севера и АЗРФ. Поясним, предвидя возможные возражения, речь идёт именно о «преимуществах» исследований, что не означает отсутствия, например, в исследованиях работ, базирующихся на социологическом подходе к изучению формальных и неформальных институтов функционирования управления и формирования политики Севера, традиционном использовании типового математического инструментария институционализма. Но во всех этих исследованиях подчёркивается эффект северного удорожания, порождающий требования протекционизма и компенсационности функционирования экономики и социальной сферы. Вместе с тем мера протекционизма и компенсационности обосновывается различная. Этому посвящена вторая часть работ — работ по формированию политики.

Итак, во-вторых, это исследования, ориентированные на формирование политики, определяющей специфику жизнедеятельности экономики и социальной сферы Севера и Арктики.

Повышенное геополитическое внимание к северным территориям, а также развитый характер экономики всех зарубежных приполярных стран (то есть достаточные экономические возможности) предопределяют относительную общность стратегических приоритетов, направленных на формирование политики, обеспечивающей устойчивое развитие. Модель этого устойчивого развития понимается многогранно, включая рациональное природопользование, защиту окружающей среды, человеческое измерение и международное сотрудничество на региональном и глобальном уровнях [21, Корчак Е.А., с. 124]. Определённый интерес представляет тот факт, что несмотря на многообразие трактовки модели устойчивого развития, страны мира демонстрируют одинаковые подходы к финансированию такого развития [28, Аносова Л.А., Кабир Л.С., с. 20–22]. С позиций управления среди зарубежных исследований четко выделяется два рода работ. Работы первого рода — исключительно практического свойства. Так, значимое количество исследований направлено на оптимизацию расходов для обеспечения экономических и социальных эффектов в местных сообществах Севера, а также нормативно-правового обеспечения протекционных экономических условий функционирования северных поселений, включая вопросы компенсаций от эксплуатации природной среды [29, Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J., с. 832–834]. Работы второго рода имеют междисциплинарный характер и связывают сразу несколько аспектов обеспечения модели устойчивого развития, но тоже, как правило, с явным практическим смыслом: например, особенно актуальным направлением является разработка рекомендаций политикам и управлению на основе связи климатических изменений и ожидаемых изменений жизнедеятельности северных народов [30, O’Faircheallaigh C., с. 102; 31, Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B., с. 79–82; 32, Karen K., Ljubicic G., с. 47]. Для зарубежных исследований в сфере обоснования политики по отноше-

нию к социально-экономическому пространству Севера и его арктической составляющей характерно два свойства. Во-первых, относительная теоретико-методологическая общность представлений о политике обеспечения социально-экономической жизнедеятельности северных территорий [33, Serova N., Korchak E., Skufina T., с. 6]. Во-вторых, как правило, большая ориентация на решение текущих практических задач, что, возможно, объясняется именно отсутствием теоретико-методологических противоречий. Следует отметить, что специалисты по арктической проблематике в России справедливо полагают, что зарубежный опыт затруднён к применению в российской практике управления в силу существенных отличий институциональной среды, экономического значения ресурсов Арктики, управленческих отношений и т.д. Вместе с тем зачастую зарубежный опыт даёт некоторые новые идеи, ориентиры развития, актуализирует необходимость пересмотра ряда составляющих политики на Севере и в АЗРФ.

Что касается отечественных работ, авторские обобщающие исследования показывают, что на протяжении ряда лет для них характерно меньшее единство ориентиров при формировании политики управления Севером и Арктикой [34, Скуфьина Т.; 35, Скуфьина Т.П., с. 25–27]. Часть исследователей до сих пор обсуждает целесообразность комплексного социально-экономического развития, генерируя противоречивые мнения, вплоть до ориентации на преимущественно вахтовый способ освоения АЗРФ [36, Козлов А.В., Гутман С.С., Рытова Е.В., Захаров А.Н., с. 19–23].

Но всё-таки подавляющая часть исследователей стоит на прагматической позиции — обеспечить научное сопровождение реализации государственной политики для достижения декларированной задачи комплексного социально-экономического развития АЗРФ как единого макропроекта как единого объекта планирования. Значение этой задачи связано с национальной безопасностью, что определено как минимум двумя факторами: во-первых, ресурсы российской Арктики являются основным источником наполнения бюджета страны; во-вторых, задача комплексного социально-экономического развития АЗРФ не может быть поставлена как базисный ориентир политики в Арктике в силу необходимого обеспечения синхронизации с общемировыми процессами. Такая прагматичная позиция обеспечения научного сопровождения управления АЗРФ реализуется активно и масштабно, характеризуясь комплексностью и междисциплинарностью [37, Лаверов Н.П.; 38, Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., с. 12–14].

Итак, задачи политики конкретизировались до реализации мегапроекта Арктика, идёт формирование опорных зон развития, реализация которых определяет не только экономическое развитие, но и повышение качества жизни населения АЗРФ. При этом, как справедливо отмечает академик В.А. Крюков, формирование эффективной политики (как долгосрочной, так и антикризисной) должно включать учёт исторических особенностей формирования промышленности и инфраструктуры на Севере и его арктической составляющей, а также

сложившийся мировой тренд изменения общественных взаимоотношений [9, Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками, с. 8–19]. Обобщая, В.А. Крюков отмечает: «А в основе формирования взаимоотношений в меняющейся экономике должно быть понимание того факта, что экономика не сводится к достижению коммерческой эффективности, к сравнению затрат и результатов в денежной форме. Изменения в экономике в мире все больше оценивают по социальным метрикам» [39, Механик А., с. 46]. Это подтверждает целесообразность и значимость рассмотрения третьей составляющей арктических исследований — контекста качества жизни населения Арктики.

Итак, третья составляющая — исследования, посвящённые вопросам качества жизни — категории, характеризующей существенные обстоятельства общественной жизни населения. Социолого-философский взгляд на категорию качества определяет значение качества жизни как способность конкретно задаваемой нормы для определённой личности (общности) выступать формой представления и обеспечения потребностей людей. В этой связи исследователи отмечают «смещение акцента исследования на субъективные параметры жизни, а обобщающей категорией для описания субъективных условий формирования психологического благополучия становится понятие субъективного качества жизни» [40, Лебедева А.А., с. 4].

Такой подход к качеству жизни даёт большие возможности для изучения. Однако большинство экономических исследований и фундаментального, и практического свойства, при всём их многообразии стоит на иной позиции и фактически изучает структуру потребностей и возможности удовлетворения. При этом традиционно наблюдается два типа работ: либо с уклоном в сторону восприятия качества жизни как своеобразного интегрированного социального показателя [41, Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C., с. 149–153], либо определяющее значение даёт материальной обеспеченности жизни, экономической стороне общественной жизнедеятельности [42, Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E. & Yakovchuk A.A., с. 3–4; 43, Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V., с. 490–492].

В российских исследованиях качества жизни, как правило, основное внимание уделяется экономической стороне жизнедеятельности. Полагаем, это объясняется целой серией причин объективного и субъективного свойства. Так, это обусловлено актуальностью рассмотрения влияния кризисных процессов на развитие определённых регионов и пространственное развитие страны в целом, что требует изучения количественных составляющих качества жизни, основанных на формальных статистических показателях. Также различия экономической специализации и иные многочисленные факты разнообразия регионов Российской Федерации определяют не только теоретическую, но и практическую значимость изучения межрегиональной дифференциации параметров качества жизни, что тоже требует соотношения выверенных показателей категории «качества жизни», а это ориентирует на ста-

статистические показатели, которые характеризуют именно экономическую сторону категории «качество жизни».

Дополнительно к исследованию динамики статистических показателей в контексте проблематики качества жизни в ряде исследований добавляются социологические методы. На основе совмещения опросов населения с анализом статистических данных изучаются причины различий в уровне оплаты труда, денежных доходах населения по регионам, исследуются вопросы восприятия населением составляющих условий жизни северных и арктических территорий [44, Римашевская Н.М.; 45, Гущина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А., с. 502]. Определённая специфика исследований Кольского, Карельского, Вологодского научных центров РАН, традиционно исследующих вопросы качества жизни населения Севера и Арктики на основе детализированных опросов населения, заключается в определении особенностей отражения деятельности органов власти и проводимой политики по составляющим качества жизни в сознании населения. Появляется доказательная база не только сильных и слабых сторон управления, но и того, что социально-культурные факторы являются недоиспользованным резервом экономического роста территорий [46, Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A., с. 162–164, 176].

Основа вовлечения этого резерва — социальные инновации. Определённый интерес, заставляющий задуматься об имеющихся резервах участия исследовательских центров в процессе развития социальных инноваций, представляют работы, свидетельствующие об эмпирически подтверждённых фактах отрыва учёных от создания успешных практик социальных инноваций при одновременном активном производстве технологических инноваций. По мнению коллег из развитых стран, это качественно отличает функциональную направленность российских научных центров для территории от ситуации в развитых странах мира [47, Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development..., с. 219–221]. Однако для нас наиболее важным является факт недоиспользованности возможностей научных центров в производстве социальных инноваций, который намечает возможности дальнейшего развития сопряжения науки с территориальными потребностями.

Подводя итоги, можно ещё раз отметить разнообразие, неоднозначность, дискуссионность результатов исследований, касающихся социально-экономических трансформаций, политики и управления в АЗРФ. Однако возможно выделить и общие тезисы управления и геополитики, касающиеся приоритетов сохранения геополитической стабильности, декларации приоритетов устойчивого развития, реагирования на вызовы климатических изменений, обеспечение международного сотрудничества, востребованность научного сопровождения социальных и экономических процессов в Арктике. Вместе с тем эти тезисы разбиваются о «политическую неспособность» в терминах Хайнинена Ласси [48, с. 195]. Поэтому для уточнения ответов на поставленные нами вопросы предлагаем рассмотреть социально-экономические трансформации в российской Арктике в контексте декларированной полити-

ки, отражающей геополитическую ситуацию, макроэкономические задачи, региональные условия развития.

Трансформации социально-экономического развития российской Арктики через призму политики

Рассмотрение многочисленных исследований, посвящённых истории проявления экспансионизма в Арктике, подтверждает приоритетное влияние двух взаимопроникающих процессов на социально-экономические трансформации в Арктике [19, McCannon J.; 33, Serova N., Korchak E., Skufina T., с. 6].

Во-первых, это стихийное освоение арктического пространства за счёт неизбежной потребности человека к расселению, познанию неизведанного, стремлению к славе и богатству. Вспоминается тезис великого полярного исследователя Руаля Энгельбрегта Гравнинга Амундсена, удачно завершившего практически все свои тяжелейшие экспедиции и потерявшего жизнь при спасении арктической экспедиции на дирижабле Умберто Нобиле: «Человек может привыкнуть ко всему, кроме холода». Значительный объём страниц в летописи Севера и Арктики принадлежит России. Так, даже в исследованиях явно антироссийского толка подчёркивается значимость российских полярных исследований и освоения северного пространства царского и советского периода, выполненных силами арктических энтузиастов с риском для жизни — граф Фёдор Литке, промышленник Михаил Сидоров, пилот Ян Нагурский и многие другие [19, McCannon, с. 34–82, 118–126].

Во-вторых, это планомерные шаги по развитию северных окраин под давлением факторов геополитики, порождающей государственную целесообразность освоения пространства Севера и Арктики. На протяжении более четырёхсот лет российское государство вкладывало людские ресурсы и деньги в формирование опорных точек и инфраструктурное обустройство России на северных территориях. Например, под давлением геополитики и внутренних интересов, в противовес англичанам и голландцам, в 1584 г. основан арктический порт Архангельск. В 1600 г. для продвижения русских вглубь Сибири и сбора ясака создан укреплённый центр Мангазеи. Удачные примеры геополитически значимых решений «приближения пространства» Тихого океана к Европейской России за счёт строительства Великой Сибирской железной дороги, попытки имперской России связать Мурманск с Владивостоком прокладкой Северного морского пути, впоследствии обеспечивших развитие отдалённых территорий, приведены в коллективной монографии академиком В.А. Крюковым [9, Экономика современной Арктики..., с. 5–6].

Наиболее мощный импульс трансформациям на Севере и в Арктике обеспечил период СССР [49, Фаузер В.В., Смирнов А.В., с. 112]. Обобщая, известный северовед Е.А. Корчак определяет интенсивное и целенаправленное освоение Севера и Арктики в советский период за счёт геополитической составляющей и значения ресурсов, отмечает масштабную моти-

вационную составляющую советской пропаганды освоения арктических территорий, направленной на привлечение квалифицированных кадров [21, с. 121–125]. Это обеспечило создание промышленных центров, разветвленной сети монопоселений, инфраструктурное обустройство, включая развитие Севморпути. Трансформации малообжитых территорий российского Севера и Арктики характеризует резкий рост численности населения в период СССР и его сокращение в постсоветский период.

Периодизация политики на Севере в контексте общероссийской политики и воздействия внешнеполитических факторов в постсоветский период, как правило, содержит 3 основных этапа. 1-й этап — ситуационная политика (1991–2000 гг.), характеризовалась обвальными социально-экономическими характеристиками по регионам Севера, что коррелировало с общероссийской ситуацией, но ряд действующих в советский период компенсационных и протекционистских мер подтверждён специализированным законодательством (например, в 1993 г. принят ФЗ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», в 1996 г. принят ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2005), устанавливающий принцип протекционизма и основные направления государственной политики на Севере). 2 этап (2000–2005) — политика, декларированно направленная на снижение межрегиональной дифференциации, усиление протекционизма для Севера, но фактически ряд льгот бизнесу и населению сокращен, что зафиксировано законодательно. 3 этап (2005–2008) — этап политики поляризованного развития, постепенный отказ от признания Севера особым объектом государственной политики и управления, что фиксируется отсутствием специализированной нормативно закреплённой политики по отношению к Северу как единой территории [21, Корчак Е.А., с. 125–129; 34, Скуфьина Т., с. 148–150; 35, Скуфьина Т.П., с. 25].

В дальнейшем фактически необходимость учёта специфики Севера в региональной политике подменяется политикой развития АЗРФ. Так, государственная программа Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», утвержденная в 2013 г., уже не содержит слова «Север», акцентируется только на АЗРФ. Напомним, что уже в 2008 г. Президентом Российской Федерации утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в 2013 г. утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», сейчас идёт активный нормотворческий процесс формирования специализированных нормативно-правовых актов, касающихся АЗРФ.

Трансформация политики закономерно привела и к социально-экономическим трансформациям на Севере России. Так, в 1991 г. (впервые с 1959 г.) стало наблюдаться сокращение населения Севера. В 1991 г. население Севера сократилось на 1,5 млн. чел, в 1992

г. — на 0,4 млн чел., в 1993 г. — на 0,2 млн чел., в 1994 г. — на 0,2 млн чел. К 2010 г. совокупные потери северных территорий составили более 1,6 млн чел.

Полагаем, причины человеческих потерь Севера и Арктики различны, но в целом объясняются тремя фактами, которые в определённой мере сохраняют своё значение до настоящего времени.

Первый фактор — установленные государством льготы, надбавки к заработной плате (особенно в условиях значительной инфляции) потеряли свою стимулирующую роль. Так, среднемесячная заработная плата в руб. в зоне Севера составляла в 1990 г. — 471 руб. (в среднем по России — 311 руб.), в 1991 г. — 889 руб. (в среднем по России — 611 руб.) и т.д. Очевидно, что превышение заработной платы в зоне Севера за анализируемый период в условиях значительной инфляции не компенсировало проживание в неблагоприятных условиях, вызванных особыми объективными факторами «северности».

Второй фактор — малообустроенность Севера. Например, обеспеченность населения жильём в районах Севера на начало рыночных преобразований существенно отставала от среднероссийских показателей. Так, на начало 1991 г., если в среднем по России на каждого жителя приходилось по 11 кв. м жилой площади (при норме 12 кв. м), то на Севере — по 9 кв. м. При этом в Бурятии — лишь по 4,5 кв. м, в Читинской области — по 6 кв. м. В 1991 г. около 1 110 тыс. семей Севера (36 % всех семей) стояло в очереди на получение нового благоустроенного жилья. На начало 1991 г. почти 3,5 млн кв. м жилья, или 2,4 %, в регионах Севера находилось в ветхом или аварийном состоянии (в целом по России — 1,3%), причём в Читинской области доля такого жилья составляла 8%, в Коми ССР — 6%, в Сахалинской области — 4%, в Магаданской области — 3,5%. При этом на начало 1991 г. в приспособленных помещениях (балках, вагончиках), например, в Якутии, проживало 5% всего населения, в Магаданской области — 3%, в Камчатской — 1% (в целом по России — 0,6%). Отметим, что сокращение строительства жилья в регионах Севера характеризовалось более быстрыми темпами, чем в среднем по стране. Так, в период 1990–2004 гг. ввод в действие жилых домов по зоне Севера уменьшился более чем в 4 раза, тогда как в целом по России — менее чем в 2 раза. Основная причина очевидна — резкое сокращение государственных инвестиций в строительство и некоторое ослабление остроты потребности в жилье в связи с миграционным оттоком населения с Севера.

Третий фактор — ограниченная вероятность найти работу в условиях моноструктурной экономики. Так, среднегодовая численность занятых в отраслях экономики в 1990 г. составляла 6 153 тыс. чел., в 1991 г. — 6 098 тыс. чел., в 1992 — 6 008 тыс. чел. (всего по России 72 071 тыс. чел.), 1993 г. — 5 597 тыс. чел. (всего по России — 70 851 тыс. чел.), 1994 г. — 5 414 тыс. чел. (всего по России — 68 484 тыс. чел.). Эти данные свидетельствуют том, что темпы падения занятых в экономике Севера и России в целом одинаковы. Однако моноструктурная

экономика Севера предоставляла меньшие возможности по трудоустройству безработному населению [8, Регионы Севера и Арктики Российской Федерации..., с. 36–39].

Акцент на АЗРФ как на особом объекте государственной политики в целом позитивно сказался на регионах Арктики. Активизация инвестиционных процессов привела к разработке новых месторождений, оживлению производства, развитию инфраструктуры, обеспечила сохранение научных организаций и систему высшего образования, что замедлило миграционные потери регионов Арктики (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения регионов, территории которых полностью включены в АЗРФ, тыс. чел.¹

Регион	1925	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	37	39	47	52	44	41	42	42	43	44
Мурманская область	23	202	337	606	799	665	1191	1067	941	857	800	766	741
Ямало-Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	64	80	158	489	478	496	515	524	540	544
Чукотский автономный округ	н/д	н/д	н/д	47	101	133	162	96	62	51	49	51	50

Вместе с тем наши исследования свидетельствуют о достаточно высокой распространённости миграционных настроений у населения арктических территорий. Причём исследования показывают, что это следствие недостаточного учёта арктической специфики при формировании общероссийской социальной политики. Например, при формировании изменений пенсионной реформы были недостаточно учтены демографические риски для Арктики [26, Varanov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A., с. 160]. Так, при ответе на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?» задумались о переезде в более комфортные климатические условия и уже изменили планы дальнейшего проживания наиболее значимые группы населения для экономики Арктики — молодёжь и население среднего возраста (табл. 2). Очевидно, что уже в ближайшем будущем это создаёт значительные риски устойчивости экономики арктического региона — Мурманской области (табл. 2).

¹ Составлено автором. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.06.2020).

Таблица 2

Распределение вариантов ответов жителей о миграционных настроениях в связи с изменением возраста выхода на пенсию с учётом пола и возраста, в % от совокупности опрошенных²

Варианты ответов	Мужчины				Женщины			
	18–29	30–49	50–64	65+	18–29	30–49	50–64	65+
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	46,6%	50,7%	54,9%	71,0%	41,8%	40,0%	58,0%	67,0%
Скорее, изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	21,2%	27,8%	18,8%	9,7%	30,6%	40,8%	20,2%	12,5%
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	15,3%	9,5%	4,9%	0,0%	11,2%	6,5%	5,2%	4,5%
Затрудняюсь ответить	16,9%	12,0%	21,5%	19,4%	16,3%	12,7%	16,6%	16,1%

В настоящее время продолжается формирование законодательства, направленного на повышение инвестиционных вливаний в АЗРФ и формирование новых механизмов развития³. Формирование механизмов развития в целом идёт на основе современной геоэкономической парадигмы, основанной на совмещении государственных материальных и финансовых ресурсов с бизнес-ресурсами при институциональной поддержке, направленной на создание комфортной среды для регионального воспроизводства эндогенного типа. Отметим, что детальный анализ откликов региональной экономики на воздействия экономического, политического, институционального, военно-политического свойства с позиций современной геополитической парадигмы приведён в работе [50, Minakir P.A., Prokaralo O.M.]. По мнению североведов, недостатком формируемого механизма развития Арктики является то, что «решение проблем социально-экономического развития Арктической зоны России имеет пока что исключительно «проектный акцент» — кооперация и интеграция усилий остаются при этом «в тени» [50, Minakir P.A., Prokaralo O.M., с. 9].

Однако потребности практики трансформируют этот подход, включая необходимую интеграцию. Например, кооперация интересов и возможностей по разработке минерально-сырьевого сектора АЗРФ, характеризующегося ухудшением условий добычи, разработкой всё более сложных и всё более высокорисковых месторождений. Так, в работах В.А. Крюкова приводятся многочисленные примеры и условия кооперации: совместные проекты ПАО «Новатэк» по сжижению природного газа (на основе привлечения в качестве соинвесторов крупных зарубежных финансовых и нефтегазовых компаний Total, CNPC и Фонд Шелкового Пути); долгосрочный договор «Газпром нефти» с «Газпромом» на разработку трудноизвлекаемых ачимовских нефтяных залежей Ямбургского месторождения в Ямало-Ненецком автономном округе и др. [10, Экономика современной Арктики..., с. 9–14]. Необходимость ин-

² Источник: опросы авторов [26, Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A., с. 170].

³ Следует отметить актуальную и профессиональную работу Центра экономики Севера и Арктики АНО «Института регионального консалтинга» под руководством А.Н. Пилясова в подготовке информационного бюллетеня «Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России», на страницах которого размещается комплексная информация о новейших процессах в АЗРФ.

теграции с зарубежными партнёрами определяется как потребностью в финансовых ресурсах, так и потребностью в технологиях в связи с недостаточностью собственных технологий для обеспечения разработки арктических проектов, особенно в шельфовой зоне. Это является основным риском реализации модели устойчивого развития Арктики, что обуславливает целесообразность рассмотрения перспектив социально-экономического развития АЗРФ с учётом представленной современной ситуации, генетики трансформационных процессов, влияния геополитики.

О перспективах развития АЗРФ

Перспективы развития АЗРФ невозможно рассматривать вне контекста сегодняшней реальности — кризиса, который впервые в новейшей истории имеет внеэкономическую природу. Глубина, продолжительность и сила воздействия этого кризиса во многом определяется не результатами взаимодействия основных финансовых и экономических факторов, поддающихся анализу и прогнозу, а фактически основными двумя: 1) как быстро и с какими потерями удастся справиться с распространением коронавируса; 2) какая именно будет сформирована политика: ориентированная на формирование в сознании бизнеса и населения идеи о том, что кризис имеет краткосрочный характер или ориентация на долгосрочный и глубокий характер кризиса.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что специфика кризиса определяет объективные проблемы прогнозирования его развития в силу невозможности предсказать поведение именно этих двух основных параметров, уточним: невозможности на современном этапе. Так, 1-й параметр: как быстро и с какими потерями удастся справиться с распространением COVID-19 — неизвестно. Поясним, что все прогнозы солидных организаций дают разброс прогнозных данных по COVID-19 в порядки, что делает их неприменимыми. Соответственно, прогнозы развития кризиса фактически отсутствуют, заменяясь прогнозами вероятных трендов без традиционного для прогнозов приведения детальных исходных и прогнозируемых данных. 2-й параметр тоже достоверно не прогнозируется в силу огромного разброса политик и практик развитых стран как относительно карантинных мер в частности, так и установок на периоды восстановления. Отметим, что эти политики не всегда объясняются экономическими возможностями борьбы с вирусом и поиском баланса между потерями экономики и карантинными мерами безопасности.

В связи с этим никакие предположения о развитии АЗРФ не являются верными и никакие теоретические заключения о вероятном развитии Арктики не могут являться действительными. Однако будет ли кто-нибудь всерьёз отрицать необходимость наличия определённых ориентиров для развития, невысказанных без предсказания и предугадывания будущего? Мы предлагаем рассмотреть два возможных сценария развития.

Первый — сохранение действующего вектора, основанного на декларированной цели повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ за счёт обеспечения роста экономики регионов Арктики. В его основе — реализация политики, направленной создание институциональной среды и управленческих мер, обеспечивающих развитие добычи полезных ископаемых (включая добычу в труднодоступных районах, на шельфе, освоение трудноизвлекаемых запасов), сопряжённое развитие промышленности, в том числе на базе комплексного использования сырья, развитие рыболовства, рыбоводства и т.д., согласованное инфраструктурное развитие и повышение качества жизни населения. Одновременно значительные ресурсы направляются на поддержку секторов экономики, способных усилить развитие арктических регионов по основным видам экономической деятельности и обеспечить диверсификацию (цифровизация, развитие туризма, поддержка научной и образовательной деятельности в Арктике и т.д.). Значительное внимание уделяется обеспечению устойчивого развития коренных малочисленных народов, проживающих на территории АЗРФ.

Отметим, что современные процессы институционализации развития АЗРФ отвечают логике этого вектора развития. Так, повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ является нормативно закреплённой целью управления. Продолжает развиваться система нормативно-правового регулирования, определяющего развитие АЗРФ как специфического объекта государственного планирования и управления. Так, в мае 2020 г. в Правительство Российской Федерации внесён проект Стратегии развития Арктики до 2035 года, разработанный в соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утверждёнными 5 марта 2020 г. Стратегия определяет задачи развития, увязанные по этапам реализации, срокам, результатам, обеспеченные чётко прописанным механизмом реализации. В процессе разработки находится новая государственная программа социально-экономического развития АЗРФ, планируемая к принятию до конца 2020 г. Совершенствуется система привлечения инвестиционных ресурсов. Например, в июне 2020 г. утверждено десятикратное снижение порога инвестиций для получения преференций и статуса резидента Арктической зоны (до 1 млн руб.), что расширит возможности инвестиционного доступа в экономику Арктики даже для небольших предприятий. Предусмотрены существенные льготы для разработчиков шельфовых месторождений и производства сжиженного газа. Продолжается работа по облегчению доступа коренных малочисленных народов, проживающих в АЗРФ, к водным и охотничьим биоресурсам. Значительное внимание уделяется развитию науки и образования, как непосредственно в АЗРФ, так и на приарктических территориях для обеспечения экономики кадрами, в том числе высококвалифицированными.

Второй сценарий — сокращение экономической активности в АЗРФ в силу внешней конъюнктуры цен на основные продукты экспорта этой территории, либо в силу введения дополнительных санкций, ограничивающих возможности разработки месторождений и их экономическую целесообразность, свёртывание планируемых объектов в сфере переработки, ту-

ризма и т.д. В этом случае ожидается усиление миграционного оттока экономически активного населения, соответствующее сокращение научной и образовательной инфраструктуры. Политика направлена на усиление роли государства в оказании помощи организациям и гражданам в адаптации к негативным долговременным последствиям. Отдельная задача — обеспечение возрастающих социальных проблем, в том числе монопоселений Арктики, меньшими финансовыми ресурсами.

Очевидно, что представленные два вектора — полярны, учитывая многовариантность, в чистом виде навряд ли реализуются на практике. Однако именно в силу полярности в той или иной мере они будут присутствовать в будущем.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что изложенное обзорное исследование позволило достичь цели и получить обоснованные ответы на поставленные вопросы. Так, подтверждена серия противоречий, касающихся развития Арктики. Например, противоречие, обеспеченное недостаточностью арктической политики — удачно названное Хайнинен Ласси «политической неспособностью» всякий раз, когда требуется, найти компромисс между требованиями экологии и экономики, между требованиями устойчивого развития сопредельной территории и собственными задачами национального развития и т.д. Другой пример — противоречие, характерное для экономики капитализма, затрудняющее задачу обеспечения социально-экономического развития российской Арктики в условиях повышенных издержек функционирования экономики и социальной сферы Арктики, но одновременно — необходимость разработки природных ресурсов Арктики для национальной экономики, причём с одновременным решением задачи повышения уровня социально-экономического развития этой территории.

Объективный характер противоречий ограничивает развитие экономической теории, объясняющей развитие и управление Арктикой. Однако рассмотрение научных и политических воззрений по Арктике, в том числе экспансионистского характера, позволяет утверждать, что идеи имеют собственную движущую силу, влияют и обеспечивают трансформационные процессы в Арктике. Соотнесение этих идей с трансформациями позволило ответить нам на поставленные вопросы. Геополитика в значительной мере определяет и отражает реальные социально-экономические трансформации российской Арктики. Отметим также, что определённое влияние на освоение Арктики имеет и экспансионизм, свойственный человеку как потребность расселения, жажда познания, славы, богатства и т.д. Во многом именно акцент в научных исследованиях и политике на задачах обеспечения устойчивого развития, представленный в позициях арктических стран и надстановых организаций, обеспечил в России возврат к задачам повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ. Это позволило замедлить системные изменения постсоветского периода, характерные для Севера (которые закономерно привели к демографическим потерям), обеспечить инвестиционный рост и посте-

пенное инфраструктурное обустройство территории АЗРФ. Однако ряд объективных проблем, в том числе недоучёт специфики проживания и функционирования в Арктике продолжает выталкивать население и бизнес с этой территории. Перспективы развития АЗРФ связаны с двумя факторами. Во-первых, с тем, насколько удачно справится с этими объективными проблемами формируемое законодательство, направленное на повышение уровня социально-экономического развития Арктики. Во-вторых, с тем, насколько коронакризис исказит пока ещё действующие прогнозы и планы развития АЗРФ. Ответ на этот вопрос неизвестен. Но именно от него может зависеть будущее Арктики.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-110-50269.

Литература

1. Шапталов Б.Н. Теория и практика экспансионизма: опыт сильных держав: монография. Москва: URSS. 2015. 384 с.
2. Blaug M. Economic Theory in Retrospect. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 595 p. DOI: 10.1017/CBO9780511805639
3. Padrtovaab B. Frozen narratives: How media present security in the Arctic // Polar Science. 2019. Vol. 21. Pp. 37–46. DOI: 10.1016/j.polar.2019.05.006
4. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несеверной части РФ // Вопросы статистики. 2010. № 4. С. 44–49.
5. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы. Коллективная монография / Под общей редакцией Б.Н. Порфирьева. Москва: «Научный консультант», 2018. 802 с.
6. Крюков В.А., Крюков Я.В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 5. С. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52
7. Skuff'ina T.P., Baranov S.V. The phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. № 5 (53). Pp. 66–82. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.5
8. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития. Коллективная монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 171 с.
9. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: коллективная монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2019. 245 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7
10. Danilo V. European Cooperation: How Important Country is Poland to Ensure the Arctic Governance? // Polar Science. 2019. Vol. 21. Pp. 47–51. DOI: 10.1016/j.polar.2018.10.007
11. Gjedssø B., Galluccib V. The Return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at Sea // Marine Policy. 2016. Vol. 72. Pp. 240–245. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.034Get
12. Аносова Л.А., Тригубенко М.Е., Леженина Т.В., Нгуен К.Х., Яковлев А.А. Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство Китая с Россией: монография. Москва: Эдитус. 2017. 136 с.
13. Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-Border Investment Cooperation in the Arctic Region: Challenges and Opportunities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.

2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 39–52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2
14. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
 15. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. № 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1
 16. Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 62–77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3
 17. Скуфьина Т.П. Многофакторные вызовы развития Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 17–22.
 18. Самарин А.В. Управление сетью региональных академических учреждений АН СССР в 1930–1960-е гг. // Вестник РАН. 2014. № 5 (84). С. 448–456. DOI: 10.7868/80869587314040124
 19. McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. Oxford University Press, 1998. 256 p.
 20. Гутнев М.Ю., Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктический вектор Норвегии: преемственность и новации // Современная Европа. 2019. № 4. С. 108–118. DOI: 10.15211/soveurope42019108118.
 21. Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
 22. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Математико-статистическое моделирование динамики производства ВРП регионов Севера и Арктики: в поисках лучшей модели // Вопросы статистики. 2017. № 7. С. 52–64.
 23. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А. Оценка влияния динамики инвестиций на рост валового регионального продукта в регионах Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 6. С. 25–35.
 24. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization // The Northern Review. 2017. Vol. 45. Pp. 11–32. DOI: 10.22584/nr45.2017.002
 25. Markkula I., Turunen M., Rasmus S. A Review of Climate Change Impacts on the Ecosystem Services in the Saami Homeland in Finland // Science of The Total Environment. 2019. Vol. 692. Pp. 1070–1085. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.07.272
 26. Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9
 27. Скуфьина Т.П., Бажутова Е.А., Самарина В.П. Предпринимательская активность в сравнении с общероссийской ситуацией // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51
 28. Аносова Л.А., Кабир Л.С. Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения // Экономика и управление. 2019. № 11. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-11-20-32>
 29. Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J. Mining in the Arctic Environment — A Review from Ecological, Socioeconomic and Legal Perspectives // Journal of Environmental Management. 2019. Vol. 233. Pp. 832–844. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.11.124
 30. O'Faircheallaigh C. Using Revenues from Indigenous Impact and Benefit Agreements: Building Theoretical Insights // Canadian Journal of Development Studies / Revue canadienne d'études du développement. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 101–118. DOI: 10.1080/02255189.2017.1391068
 31. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic River Discharge: Prioritizing Monitoring of Future Climate Change Hot Spots // Earths Future. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 79–92.
 32. Karen K., Ljubicic G. Policies and Practicalities of Shipping in Arctic Waters: Inuit Perspectives from Cape Dorset, Nunavut // Polar Geography. 2012. Vol. 35. No. 1. Pp. 19–49.

33. Serova N., Korchak E., Skufina T. The Arctic: Strategic Priorities of Circumpolar Countries // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 753. Iss. 7. Pp. 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/753/7/072022
34. Скуфьина Т. Перспективы развития Севера России // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 148–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-8-148-151>
35. Скуфьина Т.П. Новая региональная политика в контексте проблемы сбалансированного развития северных территорий России // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 29 (404). С. 25–34.
36. Козлов А.В., Гутман С.С., Рытова Е.В., Захаров А.Н. Проблема выбора технологий освоения Арктических территорий: опыт России и Норвегии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 19–28. DOI:10.18184/2079-4665.2015.6.4.19.28
37. Лаверов Н.П. О вкладе Российской академии наук в современное освоение и развитие Арктики // Арктика: экология и экономика. 2014. № 1. С. 4–9.
38. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий рационального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. № 5. С. 12–24.
39. Механик А. Наше руководство не знает российской экономики // Эксперт. 2020. № 12. С. 45–49.
40. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2 (9). С. 3–19.
41. Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C. Measuring Social Inequality in Health Amongst Indigenous Peoples in the Arctic. A Comparison of Different Indicators of Social Disparity Among the Inuit in Greenland // SSM — Population Health. 2018. Vol. 6. Pp. 149–157. DOI: 10.1016/j.ssmph.2018.08.010
42. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
43. Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V. Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business // Potential Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. No. 5. С. 490–496. DOI: 10.1134/S1075700718050131
44. Римащевская Н.М. Региональные особенности уровня и качества жизни: монография. ИСЭПН РАН. Москва: М-Студио, 2012. 392 с.
45. Гущина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А. Актуальность использования социологических методов в определении эффективности деятельности властных структур в регионах российского Севера и Арктики (на примере модельного региона — Мурманской области) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 502.
46. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. № 4. Pp. 162–179. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.9
47. Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Т. 11. № 1. С. 216–222. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.15
48. Хайнинен Л. Обзор арктической политики и стратегий // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
49. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7 (529), С. 112–130.
50. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and Autonomation as the Drivers of Socio-Economic Development of the Russian Far East // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

References

1. Shaptalov B.N. *Teoriya i praktika ekspansionizma: opyt sil'nykh derzhav* [Theory and Practice of Expansionism: the Experience of Strong Powers]. Moscow, URSS, 2015, 384 p. (In Russ.)
2. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th edition. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 595 p. DOI: 10.1017/CBO9780511805639
3. Padrtovaab B. Frozen Narratives: How Media Present Security in the Arctic. *Polar Science*, 2019, vol. 21, pp. 37–46. DOI: 10.1016/j.polar.2019.05.006
4. Baranov S.V. Statisticheskaya otsenka asimmetrichnosti ekonomicheskogo razvitiya Severa i nesevernoy chasti RF [Statistical Evaluation of the Asymmetry of Economic Development of the North and Nonpolar Regions of Russia]. *Voprosy statistiki*, 2010, no. 4, pp. 44–49.
5. Porfir'ev B.N., ed. *Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika Rossiyskoy Arktiki v issledovaniyakh institutov Rossiyskoy akademii nauk: istoriya, sovremennost', perspektivy*: kollektivnaya monografiya [Socio-Economic Problems of the Russian Arctic in the Research of the Institutes of the Russian Academy of Sciences: History, Modernity, Prospects]. Moscow, Nauchnyy konsul'tant Publ., 2018, 802 p. (In Russ.)
6. Kryukov V.A., Kryukov Ya.V. *Ekonomika Arktiki v sovremennoy sisteme koordinat* [The Economy of the Arctic in the Modern Coordinate System]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, no. 5, pp. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52
7. Skuf'ina T.P., Baranov S.V. The Phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, no. 5 (53), pp. 66–82. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.5
8. *Regiony Severa i Arktiki Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: Current Trends and Development Prospects]. Apatity, KNTs RAN, 2017, 171 p. (In Russ.)
9. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspekhov effektivnoe vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [Economy of the Modern Arctic: the Basis of Success is Effective Interaction and Management of Integral Risks]. Apatity, KNTs RAN, 2019, 245 p. DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7 (In Russ.)
10. Danilo V. European Cooperation: How Important Country is Poland to Ensure the Arctic Governance? *Polar Science*, 2019, vol. 21, pp. 47–51. DOI: 10.1016/j.polar.2018.10.007
11. Gjedssø B., Galluccib V. The return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at Sea. *Marine Policy*, 2016, vol. 72, pp. 240–245. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.034Get
12. Anosova L.A., Trigubenko M.E., Lezhenina T.V., Nguen K.Kh., Yakovlev A.A. *Globalizatsiya ekonomiki Kitaya. Vseob'emlyushchee strategicheskoe partnerstvo Kitaya s Rossiei* [The Globalization of China's Economy. Comprehensive Strategic Partnership between China and Russia], Moscow, Editus Publ., 2007, 136 p. (In Russ.)
13. Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-Border Investment Cooperation in the Arctic Region: Challenges and Opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 39–52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2
14. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Stsenarii razvitiya arkticheskogo regiona (2020–2035 gg.) [Scenarios for the Development of the Arctic Region (2020–2035)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
15. Minakir P.A. Rossiyskoe ekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian Economic Space: Strategic Impasses]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, no. 4, pp. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1
16. Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 62–77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3
17. Skuf'ina T.P. Mnogofaktornyye vyzovy razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Multifactorial Challenges Associated with the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2019, no. 3 (161), pp. 17–22.

18. Samarin A.V. Upravlenie set'yu regional'nykh akademicheskikh uchrezhdeniy AN SSSR v 1930–1960-e gg. [Management of the Network of Regional Academic Institutions of the Academy of Sciences of the USSR in the 1930-1960s]. *Vestnik RAN*, 2014, no. 5 (84), pp. 448–456. DOI: 10.7868/80869587314040124
19. McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. Oxford University Press, 1998. 256 p.
20. Gutnev M.Yu., Konyshv V.N., Sergunin A.A. Arkticheskiy vektor Norvegii: preemstvennost' i novatsii [Arctic Vector of Norway: Continuity and Innovation]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2019, no. 4, pp. 108–118. DOI: 10.15211/soveurope42019108118.
21. Korchak E.A. Dolgosrochnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva arkticheskikh territoriy Rossii [The Arctic Territories of Russia: Long-Term Dynamics of the Social Space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
22. Skuf'ina T.P., Baranov S.V. Matematiko-statisticheskoe modelirovanie dinamiki proizvodstva VPR regionov Severa i Arktiki: v poiskakh luchshey modeli [Mathematical and Statistical Modeling of the GRP Production Dynamics in the Regions of the North and the Arctic: in Search of a Better Model]. *Voprosy statistiki*, 2017, no. 7, pp. 52–64.
23. Skuf'ina T.P., Baranov S.V., Korchak E.A. Otsenka vliyaniya dinamiki investitsiy na rost valovogo regional'nogo produkta v regionakh Severa i Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Impact Assessment of Investment Dynamics on the Growth of the Gross Regional Product in the Regions of the North and the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Voprosy statistiki*, 2018, vol. 25, no. 6, pp. 25–35.
24. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization. *The Northern Review*, 2017, vol. 45, pp. 11–32. DOI: 10.22584/nr45.2017.002
25. Markkula I., Turunen M., Rasmus S. A Review of Climate Change Impacts on the Ecosystem Services in the Saami Homeland in Finland. *Science of the Total Environment*, 2019, vol. 692, pp. 1070–1085. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.07.272
26. Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9
27. Skuf'ina T.P., Bazhutova E.A., Samarina V.P. Predprinimatel'skaya aktivnost' v sravnenii s obshcherossiyskoy situatsiey [Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic Territories Compared to the All-Russian Situation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51
28. Anosova L.A., Kabir L.S. Finansirovanie ustoychivogo razvitiya: global'nyy podkhod i natsional'nye resheniya [Financing of Sustainable Development: Global Approach and National Solutions]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2019, no. 11, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-11-20-32>
29. Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J. Mining in the Arctic Environment — A review from Ecological, Socioeconomic and Legal Perspectives. *Journal of Environmental Management*, 2019, vol. 233, pp. 832–844. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.11.124
30. O'Faircheallaigh C. Using Revenues from Indigenous Impact and Benefit Agreements: Building Theoretical Insights. *Canadian Journal of Development Studies*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 101–118. DOI: 10.1080/02255189.2017.1391068
31. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic River Discharge: Prioritizing Monitoring of Future Climate Change Hot Spots. *Earths Future*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 79–92.
32. Karen K., Ljubicic G. Policies and Practicalities of Shipping in Arctic Waters: Inuit Perspectives from Cape Dorset, Nunavut. *Polar Geography*, 2012, vol. 35, no. 1, pp. 19–49.
33. Serova N., Korchak E., Skufina T. The Arctic: Strategic Priorities of Circumpolar Countries. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 753, iss. 7, pp. 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/753/7/072022

34. Skuf'ina T. Perspektivy razvitiya Severa Rossii [Prospects of Russia's North Development]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 8, pp. 148–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-8-148-151>
35. Skuf'ina T.P. Novaya regional'naya politika v kontekste problemy sbalansirovannogo razvitiya severnykh territoriy Rossii [New Regional Policy and the Balanced Development of Northern Territories of Russia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2015, no. 29 (404), pp. 25–34.
36. Kozlov A.V., Gutman S.S., Rytova E.V., Zakharov A.N. Problema vybora tekhnologiy osvoeniya Arkticheskikh territoriy: opyt Rossii i Norvegii [The Choice of Cultivation Technology for Arctic Territories: Comparative Analysis of Russian and Norwegian Experience]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], 2015, vol. 6, no. 4, pp. 19–28. DOI:10.18184/2079-4665.2015.6.4.19.28
37. Laverov N.P. O vklade Rossiyskoy akademii nauk v sovremennoe osvoenie i razvitie Arktiki [Contribution of the Russian Academy of Sciences to Modern Exploration and Development of the Arctic]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2014, no. 1, pp. 4–9.
38. Minakir P.A., Krasnopol'skiy B.Kh. Ekonomicheskie mekhanizmy vnedreniya novykh tekhnologiy ratsional'nogo ispol'zovaniya arkticheskikh resursov [Economic Mechanisms of Implementation of New Technologies for Rational Use of Arctic Resources]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2018, vol. 5, no. 5, pp. 12–24.
39. Mekhanik A. Nashe rukovodstvo ne znaet rossiyskoy ekonomiki [Our Management Does Not Know the Russian Economy]. *Ekspert* [Expert], 2020, no 12, pp. 45–49.
40. Lebedeva A.A. Teoreticheskie podkhody i metodologicheskie problemy izucheniya kachestva zhizni v naukakh o cheloveke [Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, no. 2 (9), pp. 3–19.
41. Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C. Measuring Social Inequality in Health Amongst Indigenous Peoples in the Arctic. A Comparison of Different Indicators of Social Disparity Among the Inuit in Greenland. *SSM — Population Health*, 2018, vol. 6, pp. 149–157. DOI: 10.1016/j.ssmph.2018.08.010
42. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302, 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
43. Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V. Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business. *Potential Studies on Russian Economic Development*, 2018, vol. 29, no. 5, pp. 490–496. DOI: 10.1134/S1075700718050131
44. Rimashevskaya N.M. *Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional Features of the Level and Quality of Life]. Moscow, M-Studio Publ., 2012, 392 p. (In Russ.)
45. Gushchina I.A., Kondratovich D.L., Polozhentseva O.A. Aktual'nost' ispol'zovaniya sotsiologicheskikh metodov v opredelenii effektivnosti deyatelnosti vlastnykh struktur v regionakh rossiyskogo Severa i Arktiki (na primere model'nogo regiona — Murmanskoy oblasti) [The Relevance of Using Sociological Methods for Determination of Efficiency of the Authority Activity on the North of Russia and the Arctic (on the Example of Murmansk Region)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 6, p. 502.
46. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, no. 4, pp. 162–179. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.9
47. Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 216–222. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.15
48. Heininen L. Obzor arkticheskoy politiki i strategiy [Overview of Arctic Policies and Strategies]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195

49. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Rossiyskaya Arktika: ot ostrogov k gorodskim aglomeratsiyam [The Russian Arctic: from Ostrogs to Urban Agglomerations]. *Eko* [EKO Journal], 2018, no. 7 (529), pp. 112–130.
50. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and Autonomation as the Drivers of Socio-economic Development of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

Статья принята 06.07.2020.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК 332.1(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.113

Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации *

© **ГАГИЕВ Николай Николаевич**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: gagiev.nn@rea.ru

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

© **ГОНЧАРЕНКО Людмила Петровна**, доктор экономических наук, профессор

E-mail: goncharenko.lp@rea.ru

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

© **СЫБАЧИН Сергей Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: sybachin.sa@rea.ru

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

© **ШЕСТАКОВА Анна Александровна**, главный специалист

E-mail: ofdandelionwine@mail.ru

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В 2021 г. Российская Федерация примет председательство в Арктическом совете. Данный факт подтверждает особое внимание руководства страны к уникальному геостратегическому региону. В своем обращении в декабре 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на онлайн-встрече с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России» отметил, что Россия будет прирастать Арктикой и территориями Севера. От развития данной территории зависит жизнь множества граждан России, успешность государства на международной арене. Одним из важнейших механизмов достижения заявленных целей являются национальные проекты (НП), реализация которых должна внести существенный вклад в развитие территории страны. В рамках проведенного исследования была поставлена цель — оценить НП в субъектах, полностью относящихся к Арктической зоне: Мурманской области, Ненецком автономном округе (НАО), Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) и Чукотском автономном округе (ЧАО). В ходе работы были применены общенаучные методы исследования: сравнительный анализ, сопоставление данных, индукция и дедукции и др. Результаты исследования показали, что, несмотря на всю разность в экономико-географическом положении, финансовом состоянии, численности, в приоритетах регионального развития, все Арктические регионы имеют схожие проблемы, препятствующие эффективному развитию территорий. Без решения указанных в работе проблем невозможно ожидать качественного «прорыва» и реализации поставленных целей в НП.

Ключевые слова: Север, Арктика, регионы, национальный проект, региональный проект, социально-экономическое развитие.

National Projects in the Arctic Zone of the Russian Federation

© **Nikolay N. GAGIEV**, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher

E-mail: gagiev.nn@rea.ru

* Для цитирования: Гагиев Н.И., Гончаренко Л.П., Сыбачин С.А., Шестакова А.А. Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 113–129. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.113

For citation: Gagiev N.N., Goncharenko L.P., Sybachin S.A., Shestakova A.A. National Projects in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 113–129. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.113

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

© **Lyudmila P. GONCHARENKO**, Doc. Sci. (Econ.), Professor

E-mail: goncharenko.lp@rea.ru

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

© **Sergey A. SYBACHIN**, Cand. Sci. (Econ.), Associated Professor, Leading Researcher

E-mail: sybachin.sa@rea.ru

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

© **Anna A. SHESTAKOVA**, Senior Specialist

E-mail: ofdandelionwine@mail.ru

Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. In 2021, the Russian Federation will assume the chairmanship of the Arctic Council. This fact confirms the special attention of the country's leadership to the unique geostrategic region. In December 2020, President of the Russian Federation Vladimir Putin, at an online meeting with volunteers and finalists of the contest "Volunteer of Russia", noted that Russia would grow with the Arctic and the territories of the North. Many Russian citizens' lives and the state's success in the international arena depend on this territory's development. One of the most important mechanisms for achieving the stated goals is national projects (NP), which should make a significant contribution to the development of the country's territory. The purpose of the study is to assess NP in the subjects that are entirely related to the Arctic zone: Murmansk region, Nenets Autonomous okrug (NAO), Yamalo-Nenets Autonomous okrug (YANAO), and Chukotka Autonomous okrug (CHAO). In the course of the work, general scientific research methods were applied: comparative analysis, data comparison, induction, deduction, etc. The study results showed that, despite all the differences in economic and geographical position, financial condition, population, and regional development priorities, all Arctic regions have similar problems that hinder the effective development of territories. Without solving the problems indicated in the work, it is impossible to expect a qualitative «break-through» and implement the NP's goals.

Keywords: *North, Arctic, region, national project, regional project, socio-economic development.*

Введение

Север Российской Федерации — уникальная территория, которая занимает почти 2/3 территории нашей страны. Север Российской Федерации можно разделить на две зоны: территории, полностью отнесённые к Крайнему Северу, и местности, приравненные к районам Крайнего Севера¹. Кроме того, в зоне Севера отдельно выделяются Арктические территории, в состав которых входят полностью территории Ямало-Ненецкого, Ненецкого и Чукотского автономных округов, Мурманской области, а также частично территории следующих субъектов: Республики Коми (городской округ (далее — ГО) Воркута); семь муниципальных округов Архангельской области, включая ГО Архангельск; Красноярский край (ГО Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий и Туруханский районы); Республики Саха (Якутия) (13 улусов (районов)); земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в

¹ Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 N 12 (ред. от 27.02.2018) «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. N 1029» (вместе с «Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях», утв. Постановлением Совмина СССР от 10.11.1967 N 1029). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292097> (дата обращения: 04.08.2020).

Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. и других актах СССР². В Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) по состоянию на 01.01.2020 г. проживает 2 431 518 чел.³, что составляет примерно 1,65% от численности населения страны. Площадь российской Арктики — немного более чем 3 млн км² (18% от всей территории страны), при этом она обеспечивает свыше 11% всего национального дохода страны. На рис. 1 представлено разделение территорий Российской Федерации на зоны Севера и Арктики.

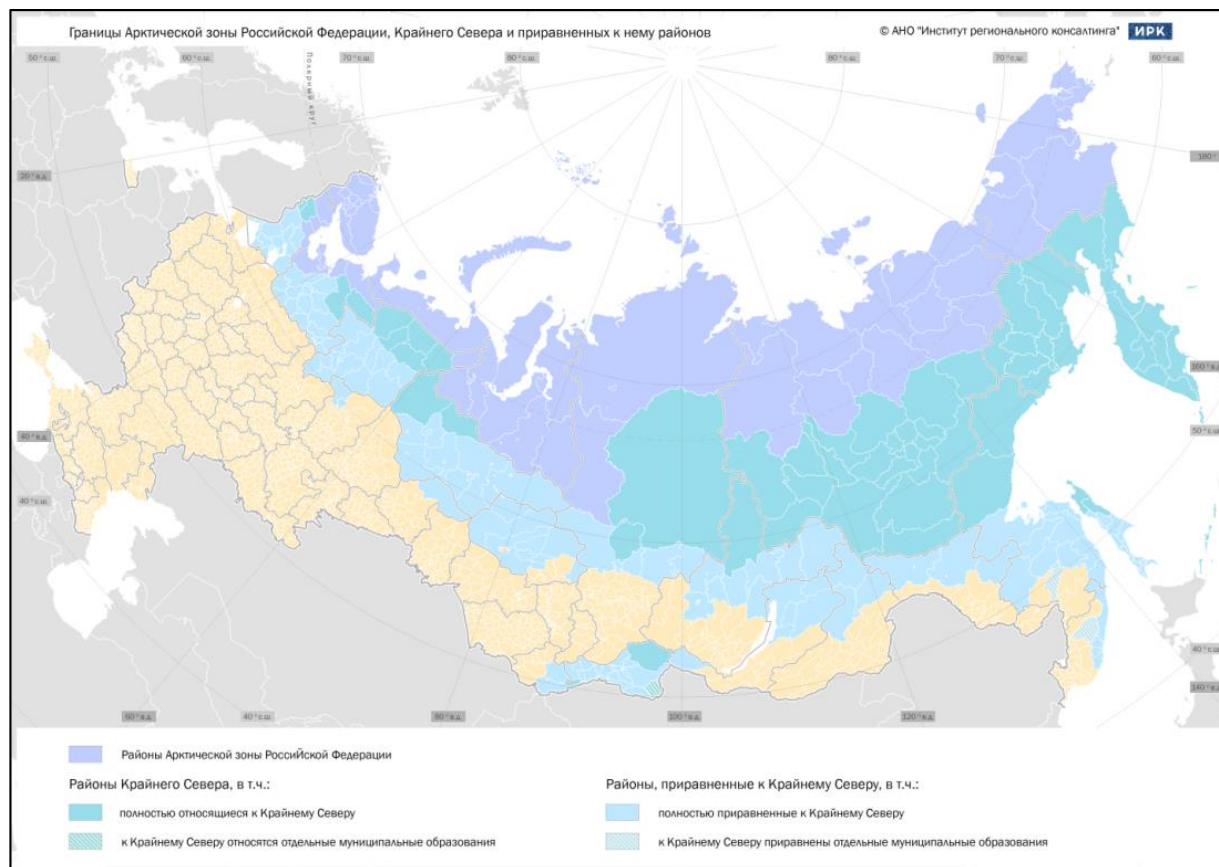

Рис. 1. Границы Арктической зоны Российской Федерации и границы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей⁴.

Целью проводимого исследования является оценка НП в четырех субъектах, полностью отнесенных к Арктической зоне Российской Федерации. Для выполнения поставленной цели, следует решить следующие задачи: оценить структуру НП в указанных субъектах; выявить наиболее актуальные проблемы, препятствующие достижению поставленных в НП целей и предложить рекомендации по решению выделенных проблем.

² Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 N 296 (ред. от 13.05.2019) «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (дата обращения: 05.08.2020).

³ Оценка численности постоянного населения на 1 января текущего года и в среднем за предыдущий год по Арктической зоне Российской Федерации, субъектам РФ, входящим в состав Арктической зоны РФ. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/xlFIQm1t/pok_86.xls (дата обращения: 05.08.2020).

⁴ АНО «Институт регионального консалтинга». URL: <https://www.regionalconsulting.org/issledovatelyu-arktiki> (дата обращения: 15.08.2020).

Нормативно-правовое регулирование АЗРФ

В настоящий момент развитие Арктической зоны Российской Федерации регламентируется различными нормативно-правовыми актами. Рассмотрим основные этапы формирования и развития нормативно-правовой базы, регулирующей данную территорию.

В распоряжении Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018)⁵ в разделе 7 впервые появилось упоминание о необходимости активизации освоения российского сектора Арктики через дальнейшее освоение месторождений, в том числе на арктическом шельфе, развитие портовых мощностей, освоение Северного морского пути, снижение ущерба окружающей среде, развитие современных технологий. В дальнейшем за 10 лет в Концепции не произошло никаких изменений, кроме появления АО «ДОМ.РФ».

18 сентября 2008 г. была законодательно определена Арктическая зона Российской Федерации, утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года и дальнейшую перспективу»⁶ (недейств.) — основополагающий документ, принятый Президентом Российской Федерации, регулирующий деятельность в АЗРФ. В марте 2020 г., в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2020 N 164⁷, были расширены и уточнены национальные интересы России в Арктике, выделены основные угрозы и вызовы национальной безопасности в этой зоне, сформированы новые задачи в различных сферах Арктической зоны и, что крайне важно, определены основные показатели эффективности реализации государственной политики в Арктике до 2035 г.

Во исполнение указанных Основ государственной политики в феврале 2013 г. была принята «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»⁸. Данный документ определил основные механизмы, способы и средства достижения стратегических целей и приоритетов развития Арктики и обеспечения ее национальной безопасности. Главным механизмом реализации указанной Стратегии стала принятая в 2014 г. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 15.08.2020).

⁶ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом Российской Федерации 18.09.2008 N Пр-1969) (недейств.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/ (дата обращения: 15.08.2020).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». «Собрание законодательства РФ», 09.03.2020, № 10, ст. 1317.

⁸ «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом Российской Федерации). URL <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=142561> (дата обращения: 15.08.2020).

(недейств.), которая впоследствии обновлялась и корректировалась в 2014, 2017, 2019 и в 2020 гг.⁹

Перечень сухопутных территорий российской Арктики появился в мае 2014 г. после подписания Указа Президентом России от 02.05.2014 № 296¹⁰. В дальнейшем перечень расширялся, в частности, в 2017 г. к Арктике стали относить территории трёх муниципальных районов Республики Карелия, а в 2019 г. число улусов (районов) Республики Саха (Якутия) возросло до тринадцати.

7 мая 2020 г. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики внесло в Правительство Российской Федерации проект «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Документ был разработан в целях выполнения «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»¹¹. В настоящий момент документ принят Правительством РФ и находится на подписи Президента. В дополнение к данному проекту в августе 2020 г. Республика Саха (Якутия) приняла собственную «Стратегию социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года»¹². Данная Стратегия стала первым самостоятельным документом Арктического региона. В дальнейшем этот документ может стать основой для создания собственных стратегий остальными регионами, входящими в АЗРФ. В основе Стратегии — комплексное развитие инфраструктуры, создание опорных центров в Арктической зоне региона, повышение качества и уровня жизни населения.

В рамках изучения перспективных нормативно-правовых актов, регламентирующих развитие Арктической зоны, стоит упомянуть о проекте Постановления Правительства Российской Федерации, уточняющего «Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, для целей предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях»¹³. В

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 N 366 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». «Собрание законодательства РФ», 05.05.2014, N 18 (часть IV), ст. 2207.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 N 296 (ред. от 05.03.2020) «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». «Собрание законодательства РФ», 05.05.2014, N 18 (часть I), ст. 2136.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. N 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». «Собрание законодательства РФ», 09.03.2020, N 10, ст. 1317.

¹² Указ Главы РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года». URL: <https://arktika.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205048> (дата обращения: 15.08.2020).

¹³ Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, для целей предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, и о признании утратившим силу некоторых актов Правительства Российской Федерации, о признании недействующими на

данном проекте, помимо уточнения перечня районов, будут отменены действующие в настоящее время Постановления Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»¹⁴ и Постановления Совета Министров СССР от 3 января 1983 г. № 12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённый Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029»¹⁵. Принятие данного постановления позволит систематизировать и обобщить перечень данных районов, внести изменения в устаревшие нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы государственных гарантий и компенсаций лицам, проживающим на Севере.

Кроме того, в июле 2020 г. был принят ФЗ № 193¹⁶, который начнёт действовать с 28.08.2020 г. Согласно ст. 2 п. 3 данного закона, к Арктическим территориям дополнительно будут отнесены муниципальное образование (МО) «Калевальский национальный муниципальный район», МО «Костомукшский городской округ», МО «Сегежский муниципальный район» Республики Карелия, МО ГО «Инта», МО ГО «Усинск», МР «Усть-Цилемский» Республики Коми, 10 сельских поселений Красноярского края, МО «Лешуконский муниципальный район» и МО «Пинежский муниципальный район» Архангельской области.

Анализ реализации национальных проектов в АЗРФ

В 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁷. Для достижения к концу 2024 г. поставленных в Указе целей Правительством

территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=96056> (дата обращения: 06.05.2020).

¹⁴ Постановление Совмина СССР от 10.11.1967 N 1029 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=425&dst=4294967295> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁵ Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 N 12 (ред. от 27.02.2018) «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённый Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. N 1029» (вместе с «Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях», утв. Постановлением Совмина СССР от 10.11.1967 N 1029). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292097> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁶ Федеральный закон от 13.07.2020 N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=357078> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 N 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 03.05.2020).

были разработаны 12 национальных проектов (НП) и 1 комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, их общая стоимость должна составить почти 26 трлн рублей. Следует отметить, что в связи с пандемией коронавируса, сокращением доходной части бюджета, недостаточным достижением целевых показателей, а также изменением приоритетов в июле 2020 г. был подписан Указ Президента № 474 18, в соответствии с которым, до 30 октября 2020 г. Правительство Российской Федерации должно будет скорректировать НП и разработать единый план по достижению национальных целей развития страны на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.

С целью оценки хода реализации НП в субъектах российской Арктики обратимся непосредственно к анализу реализации НП в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском АО.

На основании НП каждый субъект Российской Федерации формирует собственные региональные проекты с учётом поставленных перед ним задач и имеющегося финансирования. В табл. 1 представлена сравнительная характеристика региональных проектов и объём финансового обеспечения, заложенный на 2020 г. Несомненно, сравнение по уровню финансирования некорректно, учитывая финансовые возможности регионов, заложенные целевые ориентиры и задачи в региональных проектах, численность населения, площадь территории, экономико-географическое положение, но всё же разница между объёмом финансовых средств, заложенных на реализацию НП в Чукотском АО и Ямало-Ненецком АО существенная — 30 с лишним раз, а между Мурманской областью и Ямало-Ненецким АО — почти 3 раза.

Таблица 1

Количество региональных проектов, реализуемых в субъектах российской Арктики в рамках национальных проектов¹⁹

Национальный проект	Мурманская область	НАО	ЯНАО	ЧАО
Демография	5	5	5	5
Здравоохранение	7	6	7	7
Образование	8	7	7	7
Культура	3	3	3	2
Жилье и городская среда	3	3	3	3
Экология	6	5	3	4
Безопасные и качественные автомобильные дороги	3	3	3	3
Производительность труда и поддержка заня-	-	3	2	-

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁹ Официальный сайт Правительства Мурманской области. URL: <https://gov-murman.ru/regulatory/np/> (дата обращения: 03.08.2020); Официальный сайт Правительства Ненецкого АО. URL: <http://digital.adm-nao.ru/proektnyj-ofis/> (дата обращения: 03.08.2020); Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого АО. URL: <https://www.yanao.ru/activity/6565/> (дата обращения: 03.08.2020); Официальный сайт Правительства Чукотского АО. URL: <http://xn--80atapud1a.xn--p1ai/natsionalnye-proekty/> (дата обращения: 03.08.2020).

тости				
Наука	-	-	-	-
Цифровая экономика	5	5	5	5
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	5	5	5	5
Международная кооперация и экспорт	4	2	2	3
Объём финансового обеспечения на реализацию НП в 2020 г. (млн руб.)²⁰	14 574,77	3 584,54	43 370,63	1 414,54
Итого региональных проектов	49	47	45	44

Обратимся к объёму финансирования региональных проектов Арктических субъектов с целью выявления наиболее значимых и приоритетных проектов для каждого из регионов. На рис. 2–5 представлен объём финансирования по каждому из НП, в котором принимает участие субъект. Представленные данные могут отличаться от данных в паспортах региональных проектов, поскольку объём финансирования НП уточняется и корректируется несколько раз в год в зависимости от текущей финансово-экономической ситуации и ввиду расхождений в данных, предоставляемых субъектами в федеральный центр. Выделим те проекты, в которых запланированный объём финансирования на 2019–2024 гг. превышает 10 млрд руб. При этом нужно отметить, указанные объёмы финансирования включают в себя как средства из федерального, так и из окружного бюджета.

В Ямало-Ненецком АО (рис. 2) наибольший объём финансирования получили НП «Жильё и городская среда» (свыше 59 млрд руб.), «Демография» (свыше 46), «Здравоохранение» (свыше 44), «Образование» (свыше 35), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (свыше 20). Следует отметить, что из 215,6 млрд руб., предназначенных для реализации всех НП в округе в 2019–2024 гг., только 5,2 млрд руб. направляет федеральный бюджет (примерно 2,4%), остальные средства регион изыскивает самостоятельно или привлекает внебюджетные источники. Самыми «дорогими» региональными проектами округа (свыше 10 млрд руб.) являются «Современная школа» (31,4 млрд руб.), «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» (27,5), «Жильё (Цифровая культура)» (22,4), «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» (20,1), «Дорожная сеть» (19,9), «Финансовая поддержка семей при рождении детей» (17,9), «Борьба с онкологическими заболеваниями» (17,1) и «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» (13,7). Таким образом, можно заметить, что приоритетными направлениями развития в субъекте является строительство новых школ и обновление материальной базы существующих, сокращение доли ветхого и аварийного жилья и расселение проживающих там граждан, обеспечение

²⁰ Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Запланированные результаты реализации региональных проектов. URL: budget.gov.ru/epbs/faces/p/Национальные%20проекты/Перечень%20региональных%20проектов/Результаты%20региональных%20проектов?_adf.ctrl-state=orn4bujnk_109®ionId=45 (дата обращения: 03.08.2020).

возможности трудоустройства женщин, имеющих детей, в том числе посредством повышения квалификации и переподготовки, повышение доступности дошкольного образования, повышение коэффициента рождаемости, строительство новых и модернизация имеющихся дорог, а также ранее выявление злокачественных новообразований, повышение качества и уровня медицинской помощи.

В Мурманской области (рис. 3) выделяется социальная направленность НП: наибольшее финансирование получают «Здравоохранение» (свыше 21 млрд руб.), «Демография» (свыше 17) и «Жильё и городская среда» (свыше 10). Самым главным региональным проектом является «Борьба с онкологическими заболеваниями» (14,5 млрд руб.). Повышенное внимание к данной проблеме неслучайно: в период с 2015–2019 г. число умерших на 100 тыс. чел. населения по причине новообразований выросло с 188,2 чел. до 203,2 (рост на 8%) и является второй причиной смертности населения в регионе ²¹.

В Ненецком АО (рис. 4) самым главным и единственным НП, объём финансирования которого превышает 10 млрд руб., является «Безопасные и качественные автомобильные дороги» — 12,6 млрд руб., из этой суммы 12,3 млрд руб. выделены на региональный проект «Дорожная сеть». Две главные цели, которые поставлены в этом проекте, — это повышение до 81,5% доли протяженности автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения, соответствующих нормативным требованиям, а также доведение до 90,3% доли протяжённости дорожной сети Нарьян-Марской городской агломерации, соответствующей нормативным требованиям. Меньший по сравнению с другими субъектами объём средств, выделяемых на прочие НП, объясняется малой численностью населения региона: на 01.01.2020 г. численность составила 44 111 чел.

В Чукотском АО (рис. 5) нет ни одного НП, на который бы было выделено свыше 10 млрд руб. Наиболее финансово обеспеченными являются НП «Демография» (свыше 4 млрд руб. и «Здравоохранение» (3,3). Основная цель региона — «удержать» население, увеличить численность и повысить качество медицинской помощи, особенно в труднодоступных и удалённых территориях субъекта.

²¹ Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2020. С. 27.

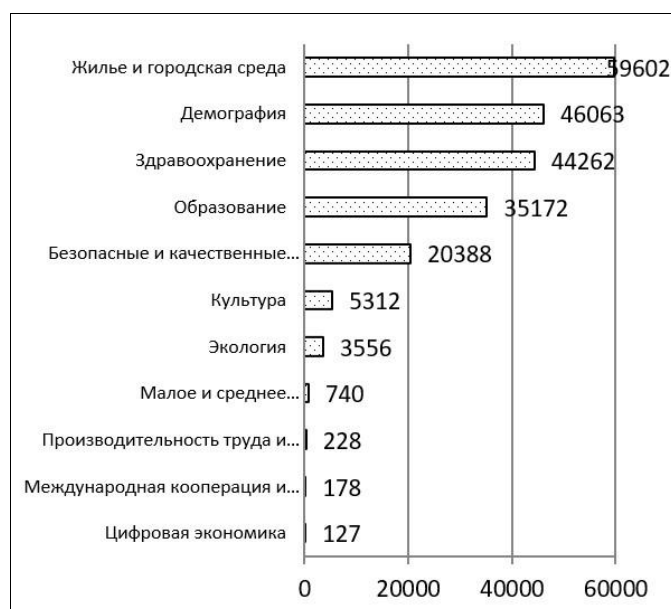

Рис. 2. Финансирование региональных проектов ЯНАО на период 2019–2024 гг., млн руб.²².

Рис. 3. Финансирование региональных проектов Мурманской области на период 2019–2024 гг., млн руб.²³.

²² Региональные проекты Ямало-Ненецкого автономного округа по состоянию на 01.02.2020 г. Инфографика. URL: <https://www.yanao.ru/documents/all/projects/70899/> (дата обращения: 06.08.2020).

²³ Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Запланированные результаты реализации региональных проектов. URL: budget.gov.ru/epbs/faces/p/Национальные%20проекты/Перечень%20региональных%20проектов/Результаты%20Орегиональных%20проектов?_adf.ctrl-state=orn4bujnk_109®ionId=44 (дата обращения: 06.08.2020).

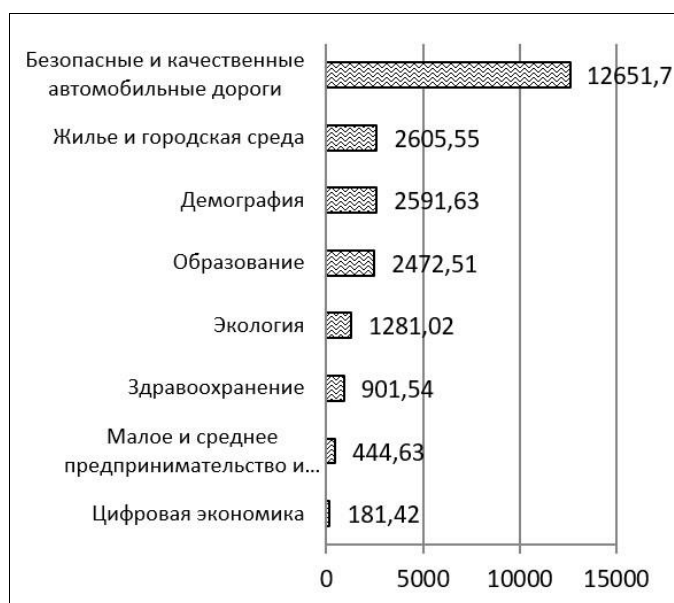

Рис. 4. Финансирование региональных проектов НАО на период 2019-2024 гг., млн руб. ²⁴

Рис. 5. Финансирование региональных проектов ЧАО на период 2019-2024 гг., млн руб. ²⁵

Основные проблемы, препятствующие реализации национальных проектов в АЗРФ

Российская зона Арктики является важнейшим стратегическим национальным приоритетом нашей страны [1, Корчак Е.А., с. 8; 2, Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnik D.F., с.

²⁴ Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Запланированные результаты реализации региональных проектов. URL: budget.gov.ru/epbs/faces/p/Национальные%20проекты/Перечень%20региональных%20проектов/Результаты%20региональных%20проектов?_adf.ctrl-state=orn4bujnk_109®ionId=44 (дата обращения: 06.08.2020).

²⁵ Стратегическое развитие и реализация национальных проектов Чукотского автономного округа. URL: <https://go-pevek.ru/меню/полезная-информация/стратегическое-развитие-и-реализация-национальных-проектов-чукотского-автономного-округа> (дата обращения: 06.08.2020).

29], при этом характеризуется рядом проблем и трудностей, препятствующих её эффективному развитию и использованию имеющегося потенциала. В рамках проходившего в апреле 2019 г. форума «Арктика — территория диалога»²⁶ были затронуты ключевые проблемы, с которыми сталкиваются Арктические регионы при реализации национальных проектов. Выделим наиболее критические из них, которые, на наш взгляд, способны негативно повлиять на достижение целей и задач НП.

1. Низкая ожидаемая продолжительность жизни во всех регионах, кроме ЯНАО. Ожидаемая продолжительность жизни в 2019 г. в среднем по стране составила 73,34 года, в то время как в Мурманской области 71,75 год²⁷, в НАО 73,19 года²⁸, в ЯНАО 74,2 года²⁹, в ЧАО 68,09³⁰ года, при этом ожидаемая продолжительность здоровой жизни в среднем по стране составила 60,3 года, в Мурманской области 59,4 года, в НАО 55,7 лет, в ЯНАО 56,5 лет, в ЧАО 49,1 год³¹. Данную ситуацию нельзя объяснить, например, общей смертностью населения: в 2019 г. естественный прирост (убыль) на 1 тыс. населения в Мурманской области составил - 2,4, в НАО + 4,7, в ЯНАО + 7,9, в ЧАО + 1,4 (в среднем по России -2,2). Как было отмечено на указанном форуме, основная причина низкой ожидаемой продолжительности жизни — высокая, опережающая среднероссийские показатели смертность в трудоспособном возрасте, например, в ЧАО она выше в 1,7 раза. Для изменения сложившейся ситуации следует повышать качество оказываемой медицинской помощи посредством модернизации медоборудования, повышения квалификации врачей, увеличения оплаты труда и более широкого применения телемедицины в отдалённых районах. Государственные программы, например, «Земский доктор», должны более активно распространяться в Арктических регионах, в том числе через предоставление дополнительных льгот и преференций медицинским работникам, например: предоставление жилья, доплаты за работу в регионах Арктической зоны, расширение соцпакета.

²⁶ V Международный арктический форум «Арктика – территория диалога». Панельная дискуссия «Национальные проекты в Арктической зоне Российской Федерации: механизмы реализации». URL: <https://forumarctica.ru/archive/2019/business-programme/> (дата обращения: 13.08.2020).

²⁷ Здесь и далее все данные по субъекту взяты из Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2020. С. 19.

²⁸ Здесь и далее все данные по субъекту взяты из Ненецкий автономный округ в цифрах. 2019: краткий статистический сборник / Федер. служба гос. статистики, Упр. Федер. службы гос. статистики по Арханг. обл. и Ненец. автоном. окр. (Архангельскстат); [редкол.: И.Н. Козакова (пред.) и др.]. Архангельск: Архангельскстат, 2020. С. 35.

²⁹ Здесь и далее все данные по субъекту взяты из Ямало-Ненецкого автономного округа в цифрах: Крат. стат.сб./Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Т., 2020. С. 16.

³⁰ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Чукотском автономном округе. URL: <https://habstat.gks.ru/storage/mediabank/UPf01YxU/Ожидаемая%20продолжительность%20жизни%20при%20рождении.xls> (дата обращения: 13.08.2020).

³¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 36-37, 79-80.

2. Высокий миграционный отток населения. За последние пять лет с 2015 г. миграционная убыль в Мурманской области составила 21,5 тыс. чел., в НАО 700 чел., в ЯНАО 20,9 тыс. чел., в ЧАО 970 чел.³². Как можно заметить, ни в одном субъекте не наблюдается положительный миграционный прирост. Если взять динамику за последние два года, то в Мурманской области наблюдается увеличение миграционного оттока, в НАО в 2019 г. наблюдался небольшой положительный миграционный прирост, в ЯНАО наблюдается тенденция снижения отрицательных показателей миграции, в ЧАО в 2018-2019 гг. фиксируется положительный миграционный прирост населения. Ухудшает ситуацию тот факт, что отличительной чертой миграционного оттока является отток населения не только старшего трудоспособного возраста, но и молодого, трудоспособного населения [3, Малинина К.О., Максимов А.М., Блынская Т.А., с. 183].

Оттоку населения в трудоспособном возрасте способствует множество проблем в социальной сфере. Например, отмечается, что «...в силу специфических особенностей (функциональной специфики арктических поселений) сохраняется значительная территориальная дифференциация безработицы» [4, Корчак Е.А., с. 134] в регионах Арктики, дефицит рабочих мест. Существенная нагрузка на бизнес, повышенные социальные обязательства приводят к тому, что малый и средний бизнес не оказывает «...сколь-нибудь существенного влияния на экономические аспекты развития арктических территорий» [5, Тутыгин А.Г., Чижова Л.А., Регета А.И., с. 49], то есть государство и крупный бизнес остаются единственными «движущими силами» развития регионов. Данная ситуация сложилась, на наш взгляд, ввиду того, что работодателям гораздо выгоднее привлекать вахтовым методом работников не из Арктических регионов. Здесь следует согласиться с мнением Пилясова А.Н. и Путиловой Е.С., что дальнейшее освоение Арктических территорий не предполагает создания большого количества новых рабочих мест и ведёт к отсутствию в связи с этим социальных обязательств перед населением [6, с. 38]. Для исправления данной ситуации, на наш взгляд, необходимо обязать все организации, осуществляющие и планирующие свою деятельность в Арктической зоне, привлекать в приоритетном порядке жителей того региона, где осуществляется деятельность организации. При отсутствии специалистов необходимой квалификации и компетенции возможно принимать на работу из других регионов, в первую очередь, северных, и только в последнюю очередь из остальных субъектов. Считаем, что следует расширить предоставление льгот и преференций субъектам предпринимательской деятельности, в том числе за счёт освобождения от ряда региональных налогов, а также введения стимулирующих выплат за трудоустройство местного населения с целью повышения конкурентоспособности местного бизнеса.

³² Чукотский автономный округ в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Хабаровскстат, г. Хабаровск, 2020. С. 8.

3. Низкие темпы ввода жилья, высокая доля ветхого, аварийного жилья. Суровые природно-климатические условия, сложность в логистических поставках, высокая стоимость строительства оказывают непосредственное влияние на обеспеченность населения жильем.

В 2019 г. ввод в эксплуатацию жилья в Мурманской области составил 44,8 тыс. м² (91,5% от уровня 2018 г. без учёта жилья, построенного на садоводческих участках), в НАО 18,9 тыс. м² (102,1%), в ЯНАО 145,7 тыс. м² (77,1%), в ЧАО 1,3 тыс. м² (72,2%). Таким образом, везде, кроме Ненецкого АО, наблюдается значительное снижение темпов строительства от 8,5% до 27,8%. В 2018 г. во всех Арктических регионах, кроме Мурманской области, вырос удельный вес аварийного жилья в общей площади жилого фонда: в Мурманской области (1,5% — без изменений), в НАО — 6,9% (рост на 1,7%), в ЯНАО — 7,6% (рост на 0,7%), в ЧАО — 2,9% (рост на 1,6%)³³. Важной специфической чертой, повлиявшей на сложившуюся непростую ситуацию с жилым фондом, стало то, что в период индустриального освоения Севера и Арктики в частности (конец 1920-х до середины 1950-х гг.), потребовалось в короткие сроки возвести большое количество нового жилья для временных и постоянных «переселенцев». Данное жилье было быстровозводимым, но временным, рассчитанным на 20–25 лет службы [7, Корчак Е.А., Скуфьина Т.П., с. 22], представляло из себя «... нагромождение бараков... деревянных домов» [8, Калеменева Е.А., с. 155], да и в целом ни технически, ни функционально построенные города не отвечали требованиям арктического климата [9, Ястребов А.Л., с. 24]. С учётом этого в рамках федерального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» свыше 20% бюджет предназначено для сноса аварийного жилья именно в Арктических регионах. Например, в Ямало-Ненецком АО фонд аварийного жилья превышает средние показатели по стране в 5 раз. Это может привести к ещё одной проблеме — многие переселенцы из аварийного жилья готовы переехать в другие, более благополучные с климатической точки зрения субъекты, что вызовет дополнительный отток населения и усугубит происходящий практически на всей территории Арктики процесс «обезлюдения» территорий. Проблеме переселения и решения жилищного вопроса следует уделить повышенное внимание, в том числе через внесение ряда изменений в существующие национальные и федеральные проекты с целью учёта специфики данных территорий, как минимум в части увеличения финансирования данных проектов в Арктических регионах.

4. Транспортная проблема. АЗРФ неоднородна по уровню развития транспортной инфраструктуры, регионы «...практически не обустроены в транспортном отношении и практически не имеют полноценных связей с опорной транспортной сетью и налаженных внутрирайонных коммуникаций» [10, Серова В.А., с. 95]. Если в западной её части достаточно хорошо развита транспортная «связанность» территорий с остальной частью страны, то на во-

³³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 277.

стоке все коммуникации обеспечиваются за счёт Северного морского пути, воздушного сообщения и сезонного речного транспорта [11, Серова В.А., с. 63–64]. Высокая стоимость внутри- и межрегиональных перемещений в Арктических регионах, «оторванность» части населения, проживающего в удалённых населённых пунктах от региональных центров, устаревший парк воздушных судов, неразвитость санитарной авиации, неудовлетворительное состояние дорог, низкие темпы развития инфраструктуры Северного морского пути — всё это лишь малая часть проблем, которые требуют скорейшего решения. Без дополнительного финансирования из федерального бюджета, пересмотра принципов «бюджетного федерализма» Арктические регионы не в состоянии самостоятельно справиться с накопившимися проблемами.

Заключение

Проведённое исследование показало, что национальные проекты занимают важное место в развитии Арктических территорий. Каждый Арктический регион уникальный, со своими особенностями, «болевыми точками», с которыми возможно справиться в рамках реализации НП: у ЯНАО с его достаточно хорошим финансовым обеспечением наиболее остро стоят проблемы ветхого жилья, увеличения численности населения, повышения качества здравоохранения, строительства новых школ и дорог; в Мурманской области непростая ситуация с заболеваниями, особенно онкологическими; в НАО, как и во всей Арктике, требуется серьёзное обновление инфраструктуры, в частности, дорожного фонда; в ЧАО НП направлены на увеличение численности населения, повышение доступности качественной медицинской помощи в удалённых населённых пунктах.

На наш взгляд, ключевая задача реализуемых национальных проектов в Арктике, помимо повышения качества и уровня жизни населения, состоит в том, чтобы поднять престиж Арктических регионов. Национальные проекты — не догма, они могут и должны быть подвержены изменениям, корректировкам. В связи с этим при внесении изменений в соответствующие проекты, следует учитывать, что территории Арктики должны вновь стать гораздо привлекательнее как для местного населения, так и для привлечения некоренного молодого населения (не только вахтовым методом, но и на постоянное место жительства). Требуется внести новые смыслы в освоение Севера и Арктики, «...становится очевидной потребность в целостном взгляде на новый процесс освоения и его законы, драйверы, уровни и институты» [12, Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н., с. 18], в том числе через обязательное создание механизма преференций для проживающего там населения и местного бизнеса.

Благодарности и финансирование

Данная статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ на тему «Структурные сдвиги в экономике и об-

ществе по результатам достижения целевых индикаторов реализации Национальных проектов, дающие возможности для организации новых сфер социально-экономической деятельности, в том числе коммерческой, как в России, так и за рубежом» (проект № FSSW-2020-0010).

Литературы

1. Корчак Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5
2. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socio-economic Modernization of Russia and its Arctic Regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. № 28 (1). Pp. 22–30.
3. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / Под ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 245 с.
4. Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
5. Тутыгин А.Г., Чижова Л.А., Регета А.И. Малый бизнес в Арктике: предпосылки для смены парадигмы управления // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37
6. Пилясов А.Н., Путилова Е.С. Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо! // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 20–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21
7. Корчак Е.А., Скуфья Т.П. Проблемы и перспективы социального благополучия Арктических ресурсодобывающих городов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1 (67). С. 18–28. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.002
8. Калеменева Е.А. Политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущёвского времени // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 153–170.
9. Ястребов А.Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства // Проблемы Севера. 1964. Вып.10. С. 19–28.
10. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития: монография / Под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Н.А. Серовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. С. 97–113.
11. Бажутова Е.А., Биев А.А., Емельянова Е.Е., Самарина В.П., Серова В.А., Серова Н.А., Скуфья Т.П. Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России. Апатиты: Изд-во ФИЦ «КНЦ РАН», 2019. 119 с.
12. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5

References

1. Korchak E.A. Rol' trudovogo potentsiala v ustoychivom razvitii Arkticheskoy zony Rossii [The Role of Labor Potential in the Sustainable Development of the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5
2. Romashkina G.F., Didenko N.I., Skripnuk D.F. Socio-economic Modernization of Russia and its Arctic Regions. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, no. 28 (1), pp. 22–30.
3. Kryukova V.A., Skuf'inoi T.P., Korchak E.A., eds. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspekhnosti effektivnoe vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [Economy of the Modern Arctic: the Basis of Success is Effective Interaction and Management of Integral Risks]. Apatity, Federal Research Center "Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" Publ., 2020, 245 p.

4. Korchak E.A. Dolgosrochnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva arkticheskikh territoriy Rossii [The Arctic Territories of Russia: Long-Term Dynamics of the Social Space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
5. Tutygin A.G., Chizhova L.A., Regeta A.I. Malyy biznes v Arktike: predposylki dlya smeny paradigmy upravleniya [Small Business in the Arctic: Background for Changing the Management Paradigm]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 37–51. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.37
6. Pilyasov A.N., Putilova E.S. Novye proekty osvoeniya rossiyskoy Arktiki: prostranstvo znachimo! [New Projects for the Development of the Russian Arctic: Space Matters!]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 20–42. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.21
7. Korchak E.A., Skuf'ina T.P. Problemy i perspektivy sotsial'nogo blagopoluchiya Arkticheskikh resursodobyvayushchikh gorodov Rossii [Problems and Prospects of Social Well-Being of Russian Arctic Resource-extracting Cities]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2020, no. 1 (67), pp. 18–28. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.002
8. Kalemeneva E.A. Politika osvoeniya Kraynego Severa i kritika zhiznennykh usloviy arkticheskikh gorodov v narrativakh khrushchevskogo vremeni [Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities Under Khrushchev's Time]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 153–170.
9. Yastrebov A.L. Osvoenie Kraynego Severa i problemy stroitel'stva [Development of the Far North and Construction Problems]. *Problemy Severa* [Problems of the North], 1964, iss. 10, pp. 19–28.
10. Skuf'ina T.P., Serova N.A. *Regiony Severa i Arktiki Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya: monografiya* [Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: Current Trends and Development Prospects]. Apatity, Federal Research Center "Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" Publ., 2017, pp. 97–113.
11. Bazhutova E.A., Biev A.A., Emel'yanova E.E., Samarina V.P., Serova V.A., Serova N.A., Skuf'ina T.P. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie severo-arkticheskikh territoriy Rossii* [Socio-economic Development of the North-Arctic Territories of Russia]. Apatity, Federal Research Center "Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" Publ., 2019, 119p.
12. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Novaya teoriya osvoeniya (prostranstva) Arktiki i Severa: polimasshtabnyy mezhdistsiplinarnyy sintez [The New Theory of the Arctic and Northern Development: Multi-scale Interdisciplinary Synthesis]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5

Статья принята 25.08.2020.

УДК 341.225.5(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130

Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) *

© ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: gudev@imemo.ru

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Аннотация. Во второй части работы показано, что отстаиваемый сегодня Россией режим судоходства в Арктике, в частности на трассах СМП, несмотря на оспаривание со стороны некоторого ряда государств во главе с США, является намного более либеральным по сравнению с тем, который существовал в советские годы: вплоть до мурманской речи М.С. Горбачёва 1987 г. советская Арктика была морским регионом, абсолютно закрытым для осуществления зарубежного судоходства. Закреплённый сегодня на уровне российского национального законодательства разрешительный порядок прохода действует лишь в отношении гражданских судов, а в рамках Конвенции 1982 года меры по защите морской среды от загрязнения с судов не могут быть применимы к военным кораблям, военно-вспомогательным судам и судам на государственной некоммерческой службе. Однако наличие на трассах СМП акваторий со статусом внутренних исторических вод, в том числе ряда арктических проливов, плюс особый правовой статус Арктики, не сводимый исключительно к Конвенции 1982 года, позволяет России настаивать на применимости разрешительного режима и в отношении военных кораблей иностранных государств. Такой подход в значительной степени основан на практике двух государств с наиболее протяжённой береговой линией в Арктике — СССР и Канады. Плавание по трассе СМП в сегодняшних ледовых условиях пока невозможно без прохода через акваторию российских арктических проливов, воды которых отнесены СССР к внутренним на исторических правовых основаниях. Несмотря на то, что в рамках Конвенции 1982 года они могут условно рассматриваться как международные, отсутствие постоянного транзита через них позволяет не признавать их таковыми. Однако стоящая перед Российской Федерацией задача по превращению СМП в международный судоходный маршрут может привести к ослаблению текущей правовой позиции. Схожая ситуация может сложиться и в отношении правоприменимости ст. 234 «Покрытие льдом районы» Конвенции 1982 года, которая наделяет арктические страны дополнительными правами в области контроля за судоходством. Отсутствие ледового покрова в Арктике в течение большей части года способно существенно образом усилить позиции оппонентов России, настаивающих на слишком широком трактовании положений данной статьи с нашей стороны. Наконец, климатические изменения могут привести к тому, что трасса СМП станет более высокоширотной, и тогда у Российской Федерации исчезнут какие-либо правовые основания по регулированию судоходства.

Ключевые слова: Северный морской путь, Арктика, США, Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, международные проливы, право мирного прохода, право транзитного прохода, внутренние воды, исторические правовые основания, свобода судоходства, национальное законодательство.

The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part II

© Pavel A. GUDEV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Research Fellow

E-mail: gudev@imemo.ru

* Для цитирования: Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130

For citation: Gudev P.A. The Northern Sea Route: Problems of National Status Legitimization under International Law. Part II. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The second part of the paper shows that the regime of navigation in the Arctic, particularly on the NSR, defended by Russia today, is much more liberal than that which existed in the Soviet years: up to the Gorbachev's 1987 Murmansk speech the Soviet Arctic was a closed sea region for foreign navigation. Permissive order of passage established today at the level of Russian national legislation applies only to civil ships, and in the framework of the 1982 Convention, measures to protect the marine environment from pollution from ships cannot be applied to warships, military auxiliary ships, and ships on the state non-commercial service. However, the presence on the Northern Sea routes of water areas with the status of internal historical waters, including several Arctic straits, plus the special legal status of the Arctic, which is not limited exclusively to the 1982 Convention, allows Russia to insist on the applicability of the permit regime also to foreign warships. This approach is based mainly on the two states' practice with the longest coastline in the Arctic: the USSR and Canada. Navigation along the NSR in today's ice conditions is not yet possible without passing through the waters of the Russian Arctic Straits, whose waters are classified by the USSR as internal on historical legal grounds. Although under the 1982 Convention, they can be conditionally regarded as international, the lack of permanent transit through them makes it possible not to recognize them as such. However, the Russian Federation's task to turn the NSR into an international shipping route may lead to a weakening of the current legal position. A similar situation may arise concerning the enforcement of Article 234 "Ice Covered Areas" of the 1982 Convention, which gives the Arctic countries additional rights in the field of navigation control. Lack of ice cover in the Arctic during most of the year can significantly strengthen the position of Russia's opponents, who insist on a too broad interpretation of this article on our part. Finally, climatic changes may lead to the NSR becoming more latitudinal, and then the Russian Federation will lose any legal grounds to regulate navigation.

Keywords: *Northern Sea Route, Arctic, USA, UN Convention on the Law of the Sea 1982, international straits, right of innocent passage, right of transit passage, inland waters, historical legal grounds, freedom of navigation, national legislation.*

Разрешительный или уведомительный порядок прохода?

Как уже было отмечено выше, с точки зрения норм и положений Конвенции 1982 года, введение разрешительного порядка прохода через те или иные акватории, за исключением внутренних вод прибрежного государства, хоть и практикуется целым рядом стран, всё же является прямым нарушением конвенционных норм. И если рассматривать правовой режим СМП и Арктики в целом исключительно как попадающий под действие норм и положений Конвенции ООН по морскому управу 1982 года, то Российская Федерация, безусловно, весьма широко трактует свои полномочия, предоставленные ей в рамках ст. 234 «Покрытые льдом районы». В отношениях же с США, например, как с основным оппонентом нашей страны в споре о правовом статусе СМП, никуда не исчезло и продолжает действовать Совместное заявление о едином толковании норм международного права, регулирующих мирный проход 1989 года. И Россия, как правопреемница СССР, должна прямо следовать этим договорённостям.

Однако не совсем корректно сводить всё международное морское право исключительно к одной Конвенции, а именно — Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, даже несмотря на то, что она претендует на универсальный, всеобщий характер. Международный обычай продолжает оставаться основным источником международного

права. Позиция целого ряда зарубежных исследователей, согласно которой «в Арктике действуют нормы общего международного права, основным источником которого применительно к морским пространствам является Конвенция ООН по морскому праву 1982 года» [1, Гуанмяо С.], является не совсем корректной.

Правовой статус Северного Ледовитого океана сложился задолго до принятия Конвенции 1982 года при преобладающей роли обычно-правовых норм, исторических правооснований, правовой практики России и Канады как государств с самым протяжённым арктическим побережьем [2, Вылегжанин А.Н.]. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что во время работы III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.), в ходе которой был разработан текст Конвенции 1982 года, арктическая проблематика практически не обсуждалась, так как другие страны выражали молчаливое согласие с тем, что практика и национальное законодательство арктических государств являются основой правового режима этого полярного региона. В рамках неформальной группы пяти арктических государств, которая функционировала конфиденциально, было достигнуто согласие в отношении того, что все вопросы, касающиеся Арктики, не должны быть предметом рассмотрения Конференции [3, Вылегжанин А.Н., с. 27]. Была также достигнута негласная договорённость о том, что применимость модели Антарктики и концепции Общего наследия человечества (ОНЧ) к арктическим пространствам является неприемлемой для арктических стран. Более того, правовой режим Арктики рассматривался как не имеющий полного отождествления с режимами, которые устанавливались данной Конвенцией по отношению к другим, незамерзающим морям. Соответственно, ключевой на сегодняшний момент вывод, который часто замалчивается, состоит в том, что:

«Нет убедительных подтверждений того, что на III Конференции ООН по морскому праву согласованная воля пяти арктических государств состояла в том, что высокоширотная Арктика должна стать объектом будущей Конвенции по морскому праву. Наоборот, есть свидетельства того, что понимание этих государств было иным: оба полярных региона — Арктика и Антарктика — деликатно исключались из специального рассмотрения на Конференции; тем самым они и не рассматривались как объекты Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, причём на вполне логичных, убедительных основаниях: и Антарктика, и Арктика уже имели свой сложившийся специфический для каждого из этих регионов правовой статус (только договорной — в первом случае; также и обычно правовой — во втором)» [3, Вылегжанин А.Н., с. 29].

Если исходить из представленной выше позиции, то Российская Федерация, принимая во внимание сложившуюся десятилетиями практику и молчаливое согласие с этой практикой других государств (правда, за исключением США), безусловно, может и далее настаивать на применимости разрешительного порядка прохода через все акватории СМП,

включая территориальное море и исключительную экономическую зону, равно как на необходимости оплачивать ледокольную и лоцманскую проводки.

Следует исходить из того, что сегодняшний режим судоходства на трассе СМП и так достаточно либерализован по сравнению с советскими годами: ведь вплоть до начала горбачёвской перестройки он был фактически закрыт для международного судоходства.

Впервые идея его открытия для зарубежного транзита была озвучена ещё в 1967 г. тогдашним Министром морского флота СССР Бакаевым В.Г., но при условии оплаты обязательной ледокольной и лоцманской проводок [4, Franckx E.]. Это советское предложение не нашло отклика со стороны зарубежных судоходных компаний прежде всего в силу малой временной протяжённости навигации по трассе СМП. В 1987 г. М.С. Горбачёв в своей мурманской речи вновь анонсировал заинтересованность нашей страны в допуске иностранных судоходных компаний на трассу СМП с целью получения прибыли от эксплуатации этого транспортного маршрута. Правда, речь шла также о необходимости соблюдения ряда условий, а именно: использование обязательной ледокольной и лоцманской проводки, а также соответствие судов специальным ледовым требованиям.

В результате на сегодняшний день разрешительный порядок прохода по СМП закреплён на уровне российского национального законодательства¹. Однако он касается исключительно гражданских судов, задействованных в коммерческих перевозках. Что же касается военных кораблей, военно-вспомогательных судов и судов, принадлежащих государству и находящихся на государственной некоммерческой службе, то можно справедливо полагать, что разрешительный порядок закреплён на уровне советской, а затем и российской правовой доктрины². Отсутствие каких-либо попыток прохода по трассам СМП военных кораблей зарубежных государств на протяжении многих лет может считаться прямым свидетельством того, что отстаиваемый Россией режим судоходства не вызывал принципиальных возражений с той или иной стороны.

Однако в сентябре 2018 г. вспомогательное судно ВМС Франции «РОНА» (A603 RHONE) прошло из норвежского Тромсё до Берингова пролива через трассу СМП³, не запрашивая никакого разрешения на проход у российской стороны (судя по опубликованной информации), в том числе пройдя через пролив Вилькицкого архипелага Северная земля⁴, акватория которого рассматривается нашей страной в качестве внутренних вод, проход по

¹ Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 7 г. Москва «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути». URL: <https://rg.ru/2013/04/19/pravila-dok.html> (дата обращения: 15.05.2020).

² Труды и научные взгляды наиболее квалифицированных специалистов в области международного, в частности – морского, права.

³ Флот НАТО ворвался в Русскую Арктику. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2018-10-04/100_181004flot.html (дата обращения: 12.04.2020).

⁴ French Navy. Marine Nationale Loire-class BSAH Rhône (MMSI:227998200) #A603 is departing #CFBESquimalt, after arriving 2018-09-26 having taken the Northern Sea Route to get there. URL: <https://twitter.com/steffanwatkins/status/1046844965190586373?s=20> (дата обращения: 20.04.2020).

которым не может быть осуществлён без официального согласия. По непонятным причинам МИД России не выступил ни с какой нотой дипломатического протеста, а реакция последовала лишь со стороны российского Минобороны: начальник Национального центра управления обороной РФ генерал-полковник М. Мизинцев заявил, что отныне проход для этих категорий кораблей / судов будет разрешён только после уведомления российских властей о целях и маршруте плавания⁵. В частности, было сказано следующее:

«Для ликвидации правового вакуума в части использования Северного морского пути организована межведомственная работа по совершенствованию российского законодательства, результатом которой станет уведомительный характер плавания иностранных военных кораблей. Работа будет завершена к началу навигации 2019 г.»⁶.

С этой целью Минобороны России были подготовлены изменения в постановление Правительства РФ от 02.10.1999 № 1102 «О Правилах плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации». Они предусматривали:

- необходимость подачи государством флага уведомления по дипломатическим каналам о планируемом проходе через территориальное море Российской Федерации в акватории СМП в срок не позднее 45 дней до предполагаемой даты его начала;
- обязательную ледовую лоцманскую проводку в территориальном море и внутренних морских водах в акватории СМП;
- обязательную ледокольную проводку в территориальном море и внутренних морских водах в акватории СМП в случае необходимости, вызванной ледовой обстановкой и получении соответствующих рекомендаций⁷.

В качестве обоснования таких нововведений была обозначена следующая основная причина. Так, в рамках ст. 234 Конвенции 1982 года «Российская Федерация в Правилах плавания в акватории СМП установила разрешительный порядок плавания судов по СМП с обязательной ледовой лоцманской и ледокольной (в случае необходимости, вызванной ледовой обстановкой) проводкой, что позволяет обеспечить безопасность торгового судоходства

⁵ Россия закрывает Севморпуть. Москва решила ужесточить правила пользования своей стратегической водной магистралью. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2018-12-14/2_1026_sea.html (дата обращения: 20.04.2020).

⁶ С 2019 года военные корабли смогут ходить по Севморпути только уведомив РФ. URL: <https://www.interfax.ru/russia/640154> (дата обращения: 20.04.2020).

⁷ Пояснительная Записка к проекту постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в правила плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=89000> (дата обращения: 20.04.2020).

в акватории СМП. Тем не менее, «в соответствии с положениями статьи 236 Конвенции ООН, действие Правил СМП не распространяется на иностранные военные корабли и государственные суда, эксплуатируемые в некоммерческих целях (далее — корабли и суда), что обусловлено наличием у них суверенного иммунитета. Не учтены российским законодательством и особенности плавания иностранных кораблей и судов в акватории СМП через районы, находящиеся в территориальном море и внутренних морских водах Российской Федерации. При этом российские военные корабли и суда в обязательном порядке пользуются услугами ледовых лоцманов и буксиров при плавании по всей протяжённости СМП»⁸.

При анализе данных предложений может показаться, что Российская Федерация решила проигнорировать положения ст. 236, отказаться от признания иммунитета иностранных военных кораблей, ограничить право мирного прохода в их отношении через своё территориальное море, пересмотрев тем самым советско-американские договорённости 1989 г.⁹ Тем самым Россия в одностороннем порядке повышает уровень напряжения в Арктике, и может спровоцировать проведение тех или иных мероприятий в рамках американской программы Freedom of Navigation (FON).

С нашей точки зрения, можно допустить и иную трактовку.

С одной стороны, введение уведомительного порядка плавания на трассе СМП для военных кораблей иностранных государств — это безусловная либерализация режима, который сформирован десятилетиями и носил разрешительный характер, хотя и не закреплён в рамках национального законодательства. То, что Россия готова пойти именно по этому пути, а не вернуться к закрытию своей части Арктики для военного мореплавания, может рассматриваться как проявление добрых намерений, а не попытка демонстрации дополнительного контроля.

С другой стороны, введение уведомительного порядка для военных кораблей и судов на правительственной некоммерческой службе — это не просто отход от предшествующей практики, закреплённой, прежде всего, на уровне доктрины права. Это фактическое признание того, что распространение статуса внутренних исторических вод на ряд акваторий СМП (прежде всего, арктических проливов) путём установления прямых исходных линий в рамках постановлений советского правительства 1984–1985 гг., является не полностью нелегитимным. Напомним ещё раз: проход через внутренние воды прибрежного государства может носить исключительно разрешительный характер!

В Конвенции 1982 года, правда, содержится ст. 8 (2), которая гласит: «Когда установление прямой исходной линии согласно методу, предусмотренному в статье 7, приводит к включению во внутренние воды районов, которые до того не рассматривались как таковые,

⁸ Там же.

⁹ Тодоров А.А. Куда ведёт Северный морской путь? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kuda-vedet-severnny-morskoy-put/?sphrase_id=35780334 (дата обращения: 12.04.2020).

в таких водах применяется право мирного прохода, предусмотренное в настоящей Конвенции». Если исходить из смысла этой статьи, дискуссионный характер отнесения вод арктических проливов к внутренним путём их перекрытия системой прямых исходных линий свидетельствует о том, что к этим акваториям должно быть применимо право мирного прохода, на чём уже давно настаивают зарубежные эксперты [5, Franckx E., с. 270–271].

Как ни парадоксально, но в проекте постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в правила плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации» содержится именно такое положение:

«Положения пунктов 28.1. — 28.5. настоящих Правил применяются также при мирном проходе через внутренние морские воды Российской Федерации в акватории Северного морского пути, которые до установления прямой исходной линии согласно методу, предусмотренному статьёй 7 Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г., не рассматривались как таковые»¹⁰.

Противоречивость данной ситуации заключается в том, что, с одной стороны, мы отказываемся от того подхода, что ряд арктических акваторий был отнесён к категории внутренних вод на исторических основаниях, и готовы признать распространение на них права мирного прохода, как того требует Конвенция 1982 года. С другой стороны, мы закрепляем уведомительный характер мирного прохода через территориальное море и внутренние воды, которые до этого не рассматривались как таковые, что весьма условно коррелируется как с нормами самой Конвенции 1982 года, так и с положениями советско-американского соглашения 1989 года. Отсюда возникает резонный вопрос: а правильный ли подход был изначально выбран?

С нашей точки зрения, нет никакой необходимости в принижении того правового статуса, который был закреплён за целым рядом арктических акваторий, прежде всего проливов, как на уровне советского национального законодательства, так и правовой доктрины. Они должны последовательно рассматриваться в качестве внутренних исторических вод, проход через которые может носить исключительно разрешительный характер. Более того, отказ от этого режима и его замена на уведомительный порядок для военных кораблей, применение права мирного прохода через внутренние воды в рамках ст. 8 (2) Конвенции 1982 года может привести к размыванию правового статуса СМП в целом. Именно наличие

¹⁰ Пояснительная Записка к проекту постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в правила плавания и пребывания иностранных военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях, в территориальном море, во внутренних морских водах, на военно-морских базах, в пунктах базирования военных кораблей и морских портах Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=89000> (дата обращения: 20.04.2020).

акваторий, находящихся под полным государственным суверенитетом с разрешительным порядком захода в них, позволяет России придерживаться *единого* (выделено мною — Г.П.) режима судоходства на трассах СМП, несмотря на то, что он проходит через морские пространства с совершенно разным правовым статусом!

Функциональный и географический критерии оценки правового статуса проливов

Как уже отмечалось выше, позиция советского руководства в отношении уникального правового статуса СМП основывалась в том числе и на апелляции к тому факту, что он никогда прежде не использовался для международного судоходства, и, соответственно, часть арктических проливов не может быть признана международными с правом транзитного прохода.

Позиция США по этому вопросу диаметрально противоположна: они считают, что главным критерием отнесения пролива к категории международных является исключительно его *географическое* положение (соединение одной части открытого моря или ИЭЗ с другой частью открытого моря или ИЭЗ). Более того, США настаивают на том, что функциональная характеристика пролива не должна быть ограничена только одним критерием — использовался или нет для международного судоходства, а должна быть дополнена новым — может или нет потенциально использоваться для международного судоходства [6, Brubaker D., с. 267].

Позиция США, хоть и не лишённая логики, страдает определённой однобокостью. В частности, они целиком и полностью игнорируют выводы международного Суда ООН по делу о проливе Корфу (Великобритания против Албании, 1949 г.), в рамках которого географический и функциональный критерии были приняты во внимание как абсолютно равнозначные. Более того, двухсоставной тест по оценке правового статуса пролива, как предполагается, может считаться устоявшейся нормой обычного права. Неприятие Соединёнными Штатами этой данности тем более удивительно в свете того, что американцы продолжают настаивать на том, что вся Конвенция 1982 г. является кодификацией норм обычного права, а в различного рода морских спорах Вашингтон как никогда чаще других апеллирует к нормам обычного права [7, Steinberg P.].

С точки зрения некоторых экспертов, сама формулировка ст. 37 Раздела II «Транзитный проход» Конвенции 1982 года — «Настоящий Раздел *применяется к проливам, используемым для международного судоходства* (выделено мною — Г.П.) между одной частью открытого моря или исключительной экономической зоны и другой частью открытого моря или исключительной экономической зоны» — свидетельствует о том, что речь в ней идёт исключительно о текущем, а не потенциальном (!), использовании пролива.

На сегодняшний день на уровне доктрины права нет чёткого ответа на вопрос: какой масштаб навигации через пролив необходим для того, чтобы считать его международным?

Очевидно лишь то, что нечастное или же эпизодическое использование пролива скорее свидетельствует о том, что его попадание под категорию «международного» является весьма сомнительным. Кроме того, как представляется, использование пролива только судами одного припроливного государства и отсутствие прохода через него судов под иностранными флагами, также свидетельствуют не в пользу его «международного статуса» [8, Rothwell D.].

Для присвоения «международного» статуса чрезвычайно важен масштабный подсчёт следующих критериев: общее количество судов, прошедших через пролив, их общий тоннаж, ценность груза на их борту, размер этих кораблей и судов, а также то, какими государствами-флагами они представлены [9, Pharand D., с. 34–36]. Кроме того, другие страны должны каким-то образом высказывать свою полную заинтересованность в подобного рода «международной» квалификации пролива.

Естественно, что позиция Российской Федерации строится на том, что только «текущее», а не «потенциальное» использование пролива для прохода судов под иностранными флагами делает его международным с правовой точки зрения, и к нему в таком случае должно быть применимо право транзитного прохода. Хотя, здесь стоит особо отметить, что такая логика предполагает, что по мере роста масштабов судоходства такие проливы теоретически могут быть квалифицированы в качестве международных в той или иной перспективе [6, Brubaker D., с. 267].

Для Российской Федерации это, безусловно, может значить то, что трансформация СМП в полноценный транзитный маршрут, соединяющий Северную Америку и страны ЕС с рынками Азии, может с новой силой поставить вопрос о пересмотре правового статуса ряда российских арктических проливов. В равной степени это касается и канадского Северо-западного прохода, в отношении которого США также смогут использовать более веские аргументы по его квалификации в качестве состоящего из ряда международных проливов.

Область и масштабы применения статьи 234 «Покрытые льдом районы»

Одним из ключевых элементов правовой позиции СССР и современной России в отношении СМП являются положения ст. 234 Конвенции 1982 г., в которых сказано, что:

«Прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где *особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года* (выделено мною — Г.П.), создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести ощутимый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его. В таких законах и правилах должным образом принимаются во внимание су-

доходство и защита и сохранение морской среды на основе имеющихся наиболее достоверных научных данных».

Эту статью по праву называют «арктическим исключением», так как она говорит об учёте особых экологических интересов арктических государств в области регулирования судоходства. Фактически прибрежным государствам предоставлено право вводить национальные правила по борьбе с загрязнением, которые могут быть более строгими, чем соответствующие международные стандарты. Такие полномочия значительно превышают обычную компетенцию прибрежного государства в исключительной экономической зоне (ИЭЗ). Прибрежное государство вправе регулировать проектирование, конструкцию, комплектование экипажем и оборудование судов, чего оно не может делать в обычных условиях даже в территориальном море¹¹.

Формулировка ст. 234 касается того, что государства принимают те или иные меры «в пределах исключительной экономической зоны», ставит вопрос о географических лимитах применимости данной статьи. Некоторые зарубежные эксперты настаивают на том, что данная формулировка предполагает, что действие статьи направлено на регулирование в акватории ИЭЗ, то есть за пределами 12-мильного территориального моря. С их точки зрения, положения ст. 234 не могут быть применимы к акваториям внутренних вод, территориального моря, и тем более — международным проливам.

При этом формулировка «в пределах исключительной экономической зоны», как справедливо отмечают другие эксперты, может банально означать лишь то, что такие меры могут приниматься государством на всей протяжённости акватории от береговой линии до внешней границы ИЭЗ [10, Bartenstein K.]. Данное объяснение не лишено определённой логики: как прибрежное государство, с точки зрения норм и положений современного международного морского права, может быть наделено большими полномочиями в пределах ИЭЗ, чем в пределах территориального моря?

В целом наиболее взвешенная точка зрения заключается в том, что ст. 234 небезосновательно применима ко всем морским акваториям вплоть до внешней границы 200-мильной ИЭЗ. С определённой уверенностью можно говорить в целом, что положения ст. 234 — это интегрированная в Конвенцию принципиально иная модель режима судоходства в районах, большую часть года покрытых льдом и нацеленная на приоритетную защиту уязвимой морской среды и её биоразнообразия. Режим ст. 234 — гораздо более широкой и дающий больше полномочий прибрежному государству, чем режимы мирного и транзитного проходов [10, Bartenstein K., с. 45].

Соединённые Штаты в целом готовы согласиться с национальным уровнем регулирования судоходства в водах, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией Канады и Рос-

¹¹ Михина И. Конвенция ООН по морскому праву и развитие СМП. Возможности и угрозы для России. URL: <http://russiancouncil.ru/sevmorput#mikhina> (дата обращения: 16.04.2020).

сийской Федерации, но лишь в отношении гражданских судов под американским флагом, выполняющих коммерческие рейсы. Такой вывод можно сделать, приняв во внимание тот факт, что Вашингтон спокойно реагирует на развитие канадского национального законодательства в этой области. Более того, американский Oil pollution Act (OPA 1990), если он будет применён к покрытым льдом акваториям проливов в пределах американской ИЭЗ в районе Аляски, будет иметь очень много схожего как с положениями ст. 234 Конвенции 1982 г., так и с канадским и российским режимами в области арктического судоходства, за одним лишь исключением — его действие распространяется исключительно на суда, перевозящие нефтепродукты [6, Brubaker D., с. 277].

Однако США настаивают на том, что любые ограничения, введённые в рамках ст. 234 (прежде всего это разрешительный порядок прохода через трассу СМП с обязательным использованием ледокольной / лоцманской проводки), не могут быть применимы к военным кораблям и американским судам, находящимся на государственной некоммерческой службе. Действительно, в Конвенции содержится ст. 236, которая говорит о том, что:

«Положения настоящей Конвенции, касающиеся защиты и сохранения морской среды, не применяются к любым военным кораблям, военно-вспомогательным судам, к другим судам или летательным аппаратам, принадлежащим государству или эксплуатируемым им и используемым в данное время только для правительственной некоммерческой службы» (выделено мною — Г.П.).

Таким образом, с одной стороны может показаться, что ст. 236 исключает из-под действия ст. 234 вышеуказанные категории судов и кораблей. Однако практика России и Канады, совпадающая в этом отношении между собой, говорит об обратном: оба государства настаивают на приоритете положений ст. 234 над положениями ст. 236. Кроме того, они ставят внутреннее национальное законодательство, применимое к Арктике, которая в свою очередь не была предметом рассмотрения III Конференции ООН по морскому праву 1973–1982 гг., выше тех или иных конвенционных норм.

Важно также отметить, что, несмотря на позицию Вашингтона, который продолжает настаивать, что любые меры по контролю над судоходством, в том числе предписанные в рамках ст. 234 Конвенции 1982 г., должны быть в обязательном порядке согласованы с международной морской организацией (ИМО), положения ст. 234 ни коим образом не предусматривают даже малейшего намёка на то, что такой вариант является обязательным или даже желательным. Как Российская Федерация, так и Канада могут принимать дополнительные меры на уровне своего национального законодательства без учёта позиции ИМО, а значит — и всего международного сообщества [11, Chircop A.; 12, Molenaar E.]. Более того, можно полагать, что привлечение любых международных инстанций или же каких-либо иных структур к регулированию судоходства в арктических водах, де-факто будет работать

на размывание и дискредитацию ст. 234, во всяком случае, в том её понимании, на котором настаивает как Российская Федерация, так и Канада.

Под эгидой ИМО был разработан и принят так называемый Полярный Кодекс, применимый к акваториям как Арктики, так и Антарктики. Его главная задача — способствовать гармонизации международного законодательства в области судоходства, в том числе путём внесения конкретных поправок и дополнений в ключевые конвенции в этой области — СОЛАС и МАРПОЛ. Однако было бы неправильно считать, что международные нормы и положения Полярного Кодекса стоят выше тех или иных национальных мер регулирования, которые предусмотрены арктическими странами в рамках ст. 234¹².

Постепенное уменьшение ледового покрова в Арктике может поставить вопрос о том, в какой мере формулировки этой статьи, а именно «наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года», будут соответствовать текущей ситуации в регионе. Освобождение акватории ИЭЗ России от ледовых условий может привести к тому, что существующие полномочия по контролю над судоходством на трассе СМП будут рассматриваться другими странами как всё менее легитимные.

С другой стороны, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в ходе проведения III Конференции по морскому праву (1973–1982 гг.), итогом работы которой и стало принятие вышеуказанной Конвенции, понятия «Арктика» и «покрытые льдом районы» скорее всего рассматривались как синонимы [13, Dremuga R.]. Очевидно, что за годы выработки текста Конвенции, в частности ст. 234, никто из международных экспертов не мог принимать в расчёт гипотезу о постепенном изменении климата в Арктике в сторону его потепления, а также связанных с этим правовых последствий.

Статья 31 «Общее правило толкования» Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. гласит, что «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением (выделено мною — Г.П.), которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора»¹³.

Соответственно, если подходить к прочтению положений ст. 234 исключительно на основе терминологического подхода, то можно прийти к выводу о том, что её действие распространяется лишь на области, большую часть года покрытые льдами, и наоборот — принципиально иное регулирование должно быть применимо к свободным ото льда акваториям. Несмотря на то, что в такой модели рассуждения присутствует своя логика, Венская Конвенция 1969 г. особо подчёркивает тезис об «обычном», а не терминологическом значении. А с этой точки зрения, понятия «покрытые льдом районы» и «Северный Ледовитый океан» в те-

¹² Банщикова И. Между нами тает лёд? Полярный кодекс и международное сотрудничество в Арктике. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/estoppel/33946/?sphrase_id=16814907 (дата обращения: 12.05.2020).

¹³ Венская конвенция о праве международных договоров. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.04.2020).

чение многих десятилетий, как до, так и после принятия Конвенции 1982 года, рассматривались как синонимы [13, Dremluga R.].

В дополнение к данному обоснованию может быть выдвинут ещё один тезис. Согласно ему, инициатива Канады по включению в текст Конвенции 1982 года положений ст. 234, поддержанная как СССР, так и США, была продиктована стремлением окончательно узаконить на международном уровне те нормы национального законодательства, введённые этой страной¹⁴, равно как и СССР, по регулированию арктического судоходства задолго до принятия Конвенции. При этом, что немаловажно отметить, применение данных норм никак не было связано с наличием или же уменьшением ледового покрова в Арктике [13, Dremluga R.].

Уменьшение же ледового покрова в Арктике может привести к тому, что традиционные трассы СМП, сейчас проходящие по внутренним морским водам, территориальному морю и исключительной экономической зоне Российской Федерации, станут более высокоширотными. Если это произойдёт, то трасса СМП будет полностью пролегать через акватории открытого моря, то есть находиться за пределами зон суверенитета и юрисдикции Российской Федерации. Россия в таком случае уже не будет обладать никакими правовыми полномочиями по контролю над судоходством, а трасса СМП из категории национальной транспортной артерии, находящейся под её контролем, может превратиться в международный судоходный маршрут. Перестанет существовать необходимость обязательного обеспечения ледокольной и лоцманской проводкой со стороны России, регулирование судоходства будет осуществляться Международной морской организацией (ИМО) и регулироваться соответствующими международными конвенциями. Такой сценарий, конечно же, пока маловероятен, так как изменения климата вероятнее всего носят циклический характер, однако его нельзя полностью игнорировать.

Заключение

Таким образом, подводя итоги этой и предшествующей публикации, следует отметить, что позиция России в отношении СМП строится на использовании комплексного подхода, опирающегося на целую серию правовых аргументов. Каждый из них по отдельности не является основным и может быть, безусловно, в той или иной степени оспорен. Однако именно их совместное использование делает эту модель наиболее устойчивой и непоколебимой с правовой точки зрения.

Так, во-первых, Москва продолжает подчёркивать, что Конвенция 1982 года является не единственным правовым регулятором по отношению к Арктике. Правовой режим здесь сложился задолго до её принятия и преимущественно на основе внутреннего национального

¹⁴ В частности, Канада ещё в 1970 г. издала Закон о предотвращении загрязнения арктических вод (AWPPA), который стал своеобразной «новеллой» в международном морском праве, так как впервые экологическая риторика была использована в качестве обоснования дополнительных полномочий прибрежного государства по регулированию судоходства [10, Bartenstein K.]

законодательства арктических государств и норм обычного права. СМП же никогда не использовался для международного судоходства, его проливы не могут рассматриваться как международные с правом транзитного прохода, а обустройство его трассы было финансовым бременем советского / российского руководства. Именно поэтому трасса СМП квалифицируется Россией как исторически сложившаяся транспортная артерия, находящаяся под её полным государственным регулированием.

Во-вторых, использование метода прямых исходных линий привело к распространению статуса внутренних вод, в которых прибрежное государство вправе контролировать все виды морехозяйственной деятельности на целый ряд арктических акваторий, включая ключевые проливы на трассе СМП. Особый упор здесь делается на то, что эти воды отнесены к категории «внутренних» именно на исторической основе (!). России на протяжении многих десятилетий, при фактически молчаливом согласии других государств, если не считать попытки прохода ледоколов Береговой охраны США в 1960-е гг., проецировала государственный суверенитет на эти воды, и они имеют чрезвычайно важное экономическое и оборонное значение для страны.

В-третьих, это использование норм и положений, закреплённых в ст. 234 Конвенции 1982 года, называемой «арктическим исключением» в силу того, что она наделяет арктические государства преимущественными правами в области контроля за судоходством в целях недопущения загрязнения морской среды. Позиция Российской Федерации заключается в том, что приоритет ст. 234 над многими другими статьями Конвенции 1982 года позволяет ей вводить единый разрешительный режим навигации по трассе СМП, вне зависимости от того, через какие морские зоны (территориальное море, ИЭЗ) осуществляется сам проход. И, кроме того, позволяет считать, что эти ограничения одинаково применимы как к гражданским судам, так и к военным кораблям.

Москва, безусловно, никогда не сможет совсем отказаться от национального уровня регулирования судоходства на трассе СМП, так как в значительной степени это вопрос обеспечения её собственной безопасности. Именно в этом ключе стоит воспринимать предпринимаемые Москвой шаги по централизации управления судоходством на трассе СМП: от создания Администрации СМП в 2013 г. до консолидации управленческих функций в руках Росатома.

В среднесрочной перспективе, если таяние арктических льдов будет продолжаться, а число участников морехозяйственной деятельности в регионе увеличиваться, то количество потенциальных угроз безопасности может существенным образом расширяться. К уже существующим вызовам невоенного характера могут добавиться новые [14, Дынкин А.], среди которых: пиратство и вооружённый разбой; террористические акты; незаконная торговля или транспортировка стрелкового, бактериологического, химического и ядерного оружия; незаконная транспортировка наркотических средств и психотропных веществ по морю; про-

тивоправное перемещение людей по морю, включая нелегальную миграцию. Уже сейчас некоторые из этих угроз благополучно парируются усилиями ПС ФСБ России (незаконная миграция, контрабанда наркотических веществ, нелегальный ввоз / вывоз флоры и фауны). И совершенно очевидно, что любая интернационализация режима судоходства по трассам СМП, на чём могут настаивать другие, прежде всего внерегиональные страны, никоим образом не приведёт к снижению рисков и угроз в регионе, а скорее будет стимулировать их увеличение.

Можно лишь допустить, что по мере реализации поставленной задачи по превращению СМП в международный транзитный маршрут правовой статус СМП может быть частично либерализован. Это обусловлено тем, что приход сюда зарубежных судоходных компаний, вероятнее всего, потребует частичного пересмотра ограничений, введённых Москвой (разрешительный порядок прохода, плата за ледокольную и лоцманскую проводки, особые требования к судам и экипажам). Наконец, рост транзита неизбежно поставит под вопрос статус российских арктических проливов, и у России будет гораздо меньше оснований исключать их из категории международных.

Основным оппонентом России в вопросе регулирования судоходства в Арктике были и будут оставаться США. Причём в целом они готовы смириться с существующим режимом, но за одним исключением — чтобы любые нормы, ограничивающие судоходство по трассе СМП, не были применимы к американским военным кораблям и судам, находящимся на государственной некоммерческой службе, в том числе к ледоколам Береговой охраны США.

Несмотря на то, что американские политики и военные нередко заявляют о необходимости активизировать усилия Вашингтона по оспариванию правопритязаний Москвы в области контроля за судоходством на трассах СМП, в том числе в рамках программы Freedom of Navigation (FON), на сегодняшний момент можно полагать, что это всего лишь риторика, направленная на обслуживание внутренних интересов. Представителям ВМС США и Береговой охраны (БО) нужны новые корабли и ледоколы, а российская угроза выступает неплохим аргументом на этом пути.

США, конечно же, никогда не откажутся от защиты свободы судоходства в масштабах всего Мирового океана, так как этого требуют их экономические и военно-стратегические интересы, однако наиболее взвешенная точка зрения строится на том, что проведение тех или иных мероприятий в рамках программы FON, за исключением дипломатических нот протеста, пока преждевременно. Самое опасное для США заключается в том, что в случае какой-либо чрезвычайной ситуации, американским кораблям (ледоколам) может потребоваться помощь. И такая помощь может быть оказана только с российской стороны, что, без-

условно, полностью обесценит американские усилия по защите свободы судоходства¹⁵. Фактически любая неудачная попытка прохода может рассматриваться другими внешними игроками, Китаем, например, как доказательство того, что США не могут конкурировать с Россией в Арктике и что Москва может спокойно ограничивать свободу судоходства в этом морском регионе¹⁶. Более того, принимая во внимание закрытие большей части российской Арктики системами ПВО и противокорабельной обороны, любой формат операций FON в российской Арктике может поставить наши страны на грань вооружённого конфликта, в чем не заинтересована ни одна сторона. Наконец, вне зависимости от успеха или неудачи FON, Россия вправе рассматривать такие американские действия как брошенный ей вызов, на который она будет вынуждена реагировать. И эта реакция, вполне возможно, будет касаться ещё большего ужесточения режима судоходства по трассе СМП.

Для США ситуация также усложняется тем обстоятельством, что оспаривание российских правоприязнаний неизбежным образом будет крайне негативно воспринято ближайшим американским союзником — Канадой, отстаивающей национальный уровень регулирования судоходства на трассе Северо-Западного прохода (СЗП). Правда, конечно, у США ещё остаётся потенциальная возможность задействовать для оспаривания российских правил те страны, которые обладают большими, чем сами США, ледокольными возможностями: например, Швецию или Финляндию. Однако здесь возникает резонный вопрос: что принесёт последним участие в такой американской провокации? Поэтому скорее уж Китай, обладающий двумя ледоколами и отстаивающий принцип свободы судоходства в Арктике [15, Гудев П.], станет тем, кто не напрямую, но косвенно может выступить в поддержку правовой позиции США.

В целом же, несмотря на первое со времён холодной войны мероприятие по защите свободы судоходства в Баренцевом море, в котором были задействованы эсминцы ВМС США USS Roosevelt, USS Porter, USS Donald Cook и британский фрегат HMS Kent¹⁷, а также провокационные заявления правоконсервативных американских экспертов о необходимости увеличения таких операций в российской Арктике¹⁸, превалирующее мнение остаётся неизменным: пока СМП не превратился в настоящий транзитный маршрут — нет никаких веских оснований для проведения операций FON в российских арктических водах!

¹⁵ Pincus Rebecca. Rushing Navy Ships into the Arctic for a FONOP is Dangerous. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2019/january/rushing-navy-ships-arctic-fonop-dangerous> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁶ Auerswald David. Now is not Time for a FONOP in the Arctic. URL: <https://warontherocks.com/2019/10/now-is-not-the-time-for-a-fonop-in-the-arctic/> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁷ US Navy sails warship into Barents Sea for the first time in three decades URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/04/politics/us-navy-barents-sea/index.html> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁸ Time Right for More Freedom of Navigation Operations in the Arctic URL: <https://www.heritage.org/defense/commentary/time-right-more-freedom-navigation-operations-the-arctic> (дата обращения: 20.05.2020).

Литература

1. Сюй Г. Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // МЭиМО. 2016. № 2. С. 52–62.
2. Вылегжанин А.Н. Становление глобального правового пространства в XXI веке // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2 (23). С. 15–29.
3. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия в 3 томах. Том 3: Применимые правовые источники / сост. А.Н. Вылегжанин [и др.]. Москва: Аспект Пресс, 2013. 662 с.
4. Franckx E. The Shape of Things to Come: The Russian Federation and the Northern Sea Route in 2011 // *The Yearbook of Polar Law*. 2013. Vol. 5. Issue 1. Pp. 255–269. DOI: 10.1163/22116427-91000125
5. Franckx E. Non Soviet Shipping in the Northeast Passage, and the Legal Status of Proliv Vil'kitskogo // *Polar record*. 1988. No. 24 (151). Pp. 269–276.
6. Brubaker D.R. Straits in the Russian Arctic // *Ocean Development and International Law*. 2001. Vol. 32. Issue 3. Pp. 263–287.
7. Steinberg P. Steering between Scylla and Charybdis: the Northwest Passage as Territorial Sea // *Ocean Development and International Law*. 2014. Vol. 45. Issue 1. Pp. 84–106.
8. Rothwell D. International Straits and Trans-Arctic Navigation // *Ocean Development and International Law*. 2012. Vol. 43. Issue 3. Pp. 267–282. DOI: 10.1080/00908320.2012.698924
9. Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest Passage: a Final Revisit // *Ocean Development and International Law*. 2007. Vol. 38. Issue 1–2. Pp. 3–69. DOI: 10.1017/S0032247415000820
10. Bartenstein K. The Arctic Exception in the Law of the Sea Convention: a Contribution to Safer Navigation in the Northwest Passage? // *Ocean Development and International Law*. 2011. Vol. 42. Issue 1–2. Pp. 22–52. DOI: 10.1080/00908320.2011.542104
11. Chircop A., Bunik I., McConnel M., Svedsen K. Course Convergence? Comparative Perspectives on the Governance of Navigation and Shipping in Canadian and Russian Arctic Waters // *Ocean Yearbook*. 2014. No. 28. Pp. 291–327. DOI: 10.1163/22116001-02801012
12. Molenaar E. Options for regional Regulation of Merchant Shipping outside IMO, with Practical reference to the Arctic Region // *Ocean Development and International Law*. 2014. Vol. 35. Issue 3. Pp. 272–298. DOI: 10.1080/00908320.2014.929474
13. Dremluiga R. A Note on the Application of Article 234 of the Law of the Sea Convention in Light of Climate Change: Views from Russia // *Ocean Development and International Law*. 2017. Vol. 48. Issue 2. Pp. 128–135. DOI: 10.1080/00908320.2017.1290486
14. Дынкин А.А. Международное сотрудничество в Арктике: риски и возможности // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 5-6. С. 404–411. DOI: 10.7868/S0869587315060079
15. Гудев П.А. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. С. 174–184.

References

1. Guanmyao S. *Interesy i politika Kitaya v Arktike: istoriya, pravovye osnovy i realizaciya* [China's Arctic Interests and Policy: History, Legal Ground and Implementation]. MEiMO, 2016, no. 2, pp. 52–62.
2. Vylegzhanin A.N. Stanovlenie global'nogo pravovogo prostranstva v XXI veke. [Legal Regulation in Global Politics]. *Mezhdunarodnye processy* [International Trends], 2010, vol. 8, no. 2 (23), pp. 15–29.
3. Vylegzhanin A.N. *Arkticheskiy region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Khrestomatiya v 3-kh tomakh. T. 3. Primenimye pravovye istochniki* [Arctic Region: Problems of International Cooperation. Volume 3: Relevant Legal Sources]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2013, 662 p.
4. Franckx E. The Shape of Things to Come: The Russian Federation and the Northern Sea Route in 2011. *The Yearbook of Polar Law*, 2013, vol. 5, iss. 1, pp. 255–269.
5. Franckx E. Non Soviet shipping in the Northeast Passage, and the Legal Status of Proliv Vil'kitskogo.

- Polar record*, 1988, no. 24 (151), pp. 269–276.
6. Brubaker D.R. Straits in the Russian Arctic. *Ocean Development and International Law*, 2001, vol. 32, iss. 3, pp. 263–287.
 7. Steinberg P. Steering between Scylla and Charybdis: the Northwest Passage as Territorial Sea. *Ocean Development and International Law*, 2014, vol. 45, iss. 1, pp. 84–106.
 8. Rothwell D. International Straits and Trans-Arctic Navigation. *Ocean Development and International Law*, 2012, vol. 43, iss. 3, pp. 267–282.
 9. Pharand D. The Arctic Waters and the Northwest Passage: a Final Revisit. *Ocean Development and International Law*, 2007, vol. 38, iss. 1–2, pp. 3–69.
 10. Bartenstein K. The Arctic Exception in the Law of the Sea Convention: a Contribution to Safer Navigation in the Northwest Passage? *Ocean Development and International Law*, 2011, vol. 42, iss. 1-2, pp. 22–52.
 11. Chircop A., Bunik I., McConnel M., Svedsen K. Course Convergence? Comparative Perspectives on the Governance of Navigation and Shipping in Canadian and Russian Arctic Waters. *Ocean Yearbook*, 2014, no. 28, pp. 291–327.
 12. Molenaar E. Options for Regional Regulation of Merchant Shipping Outside IMO, with Practical Reference to the Arctic Region. *Ocean Development and International Law*, 2014, vol. 35, iss. 3, pp. 272–298.
 13. Dremluga R. A Note on the Application of Article 234 of the Law of the Sea Convention in Light of Climate Change: Views from Russia. *Ocean Development and International Law*, 2017, vol. 48, iss. 2, pp. 128–135.
 14. Dynkin A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: riski i vozmozhnosti [International Cooperation in the Arctic: Risks and Opportunities]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 85, no. 5-6, pp. 404–411.
 15. Gudev P.A. Arkticheskie ambitsii Podnebesnoy [Arctic Ambitions of the Celestial Empire]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 2018, no. 5, pp. 174–184.

Статья принята 22.05.2020.

УДК [339.9+327.7](98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.148

Координация международных организаций северо-арктических регионов: к программе председательства Российской Федерации в Арктическом совете¹

© **КРАСНОПОЛЬСКИЙ Борис Хананович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: boriskrasno@gmail.com

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск, Россия

Аннотация. Предлагаются к обсуждению механизмы координации деятельности международных межгосударственных и макрорегиональных организаций северо-арктических стран и регионов, реализация которых может иметь прямое отношение к программе председательства Российской Федерации в международном Арктическом совете в 2021–2023 гг. В числе этих организаций прежде всего — Арктический совет как международный форум, который действует на основе межгосударственных правительственных соглашений высшего уровня между арктическими странами. Но в последние годы весьма усилилась активность арктических территорий на макрорегиональном и региональном уровнях, их губернаторств и местных органов самоуправления. Каким образом координируются усилия этих арктических структур высшего межправительственного звена и региональных сообществ и социумов? Например, как регулируется взаимодействие Арктического совета с проявившими себя достаточно эффективно Советом Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) или «Северным Форумом», а также с вновь создающимся Советом Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБТР)? Нужны ли здесь достаточно четкие и слаженные механизмы этого взаимодействия и кто этим должен заниматься? В статье на основе анализа делается вывод: в структуре Арктического совета необходимо создание специальной целевой группы по разработке механизмов координации его деятельности с подобными макрорегиональными структурами, чтобы придать этому процессу согласованный характер, направленный на решение приоритетных проблем освоения арктического бассейна в ближайшие десятилетия. Срок действия этой целевой группы будет зависеть от результатов решения поставленной задачи. Данное предложение весьма своевременно, т.к. есть возможность его реализации в период председательства Российской Федерации в Арктическом совете в 2021–2023 гг.

Ключевые слова: международные организации северо-арктических регионов, Арктический совет, рабочие группы Арктического совета, Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), Совет Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБТР), «Северный Форум», целевая группа Арктического совета, председательство России в Арктическом совете в 2021–2023 гг.

Coordination of International Organizations of the North-Arctic Regions: to the Program of the Presidency of the Russian Federation in the Arctic Council

© **Boris Kh. KRASNOPOLSKIY**, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

E-mail: boriskrasno@gmail.com

Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia

Abstract. Mechanisms for coordinating the activities of international interstate and macro-regional organizations of the North-Arctic regions, the implementation of which may be directly related to the program of the Russian Federation's Presidency of the International Arctic Council in 2021-2023, are proposed. Among

¹ Для цитирования: Краснопольский Б.Х. Координация международных организаций северо-арктических регионов: к программе председательства Российской Федерации в Арктическом совете // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 148–162. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.148

For citation: Krasnopolskiy B.Kh. Coordination of International Organizations of the North-Arctic Regions: to the Program of the Presidency of the Russian Federation in the Arctic Council. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 148–162. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.148

these organizations, primarily the Arctic Council is an international forum, which operates on the basis of interstate government agreements of the highest level between the Arctic countries. But in recent years, the Arctic territories' activities at the macro-regional and regional levels, their regional and local governments have increased. How are the efforts of these top-level intergovernmental and regional communities and societies coordinated? For example, how is the interaction of the Arctic Council with the established sufficiently effective Barents / Euro-Arctic Council (BEAC) or the Northern Forum regulated and the newly created Bering / Pacific-Arctic Council (BPAC)? Do we need clear and well-coordinated mechanisms for this interaction and who should do it? The analysis concludes that a special task force is needed within the Arctic Council structure to develop mechanisms for coordinating its activities with similar macro-regional structures to make the process a coherent and focused one to address the priorities of the Arctic basin in the coming decades. The duration of this task force will depend on the outcome of the task at hand. This proposal is very timely, as it is possible to implement it during the presidency of the Russian Federation in the Arctic Council in 2021–2023.

Keywords: *international organizations of the North-Arctic regions, Arctic Council, working groups of the Arctic Council, Barents / Euro-Arctic Council (BEAC), Bering / Pacific-Arctic Council (BPAC), "Northern Forum", Arctic Council Task Force, Russian Presidency of the Arctic Council in 2021–2023.*

Введение

Вопросы развития и укрепления международных связей северо-арктических стран и регионов мира в целях устойчивого роста их социально-экономического потенциала и поддержания экологического баланса в этой зоне всегда стояли на повестке дня человеческого сообщества и нашей страны.

Это ещё раз подтверждается недавно принятым указом № 164, подписанным Президентом РФ 5 марта текущего года «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года»². Два первых пункта из статьи 16 этого указа есть смысл процитировать полностью, так как они имеют самое непосредственное отношение к теме данной статьи, а именно:

«16. Основными задачами в сфере развития международного сотрудничества являются:

а) укрепление добрососедских отношений с арктическими государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних региональных форматов сотрудничества, в том числе Арктического совета, прибрежной арктической «пятерки» и Совета Баренцева / Евро-арктического региона, наращивание международного экономического, научно-технологического, культурного и приграничного сотрудничества, а также взаимодействия в области исследования глобальных климатических изменений, охраны окружающей среды и эффективного освоения природных ресурсов с соблюдением высоких экологических стандартов;

б) закрепление за Арктическим советом роли ключевого регионального объединения, координирующего международную деятельность в регионе»³.

На сегодняшний день система основных международных площадок высшего государственного и регионального уровней для обсуждения и нахождения путей решения весь-

² Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года», № 164 от 5 марта 2020 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKil1mAvaM.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

³ Там же, с. 10.

ма важных вопросов освоения и развития северо-арктических пространств нашей планеты претерпевает определённые изменения. Эти процессы активно обсуждаются в последнее время на различных форумах, конференциях и симпозиумах в мире. Особенно «урожаивым» на эти мероприятия был прошлый 2019 г. [1, Журавель В.П.]. Они показали, насколько сложными являются вопросы межгосударственной и межрегиональной координации совместных усилий северо-арктических стран и регионов в целях их достаточно чёткой направленности на решение действительно приоритетных и важных для всего человечества проблем.

Арктический совет и его координирующая роль

Вопросам развития арктических пространственных образований нашей страны и мировой Арктики посвящены многие работы исследователей [2, Арктика: стратегия развития; 3, Арктическое пространство России в XXI веке; 4, Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н.; 5, Социально-экономическая проблематика Российской Арктики; 6, Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A.; 7, Heininen L.].

В последнее время возникли весьма кардинальные предложения по коренной модификации всей системы взаимоотношений крупнейших государств мира — США, Китая и России в части решения арктических проблем путём создания так называемой «Арктической лиги» («Arctic League»). С этой идеей выступил Irvin Studin (Ирвин Студин), президент Института проблем XXI в. (Торонто). Его статья «Как новая Арктическая лига может спасти мир после пандемии коронавируса» была опубликована 11 мая 2020 г. газетой Гонконга «South China Morning Post». В своей статье автор подчёркивает, что новая структура могла бы стать первым крупным региональным миротворческим учреждением XXI в., что даст возможность Вашингтону, Пекину и Москве объединиться под общим координирующим зонтиком и превратить арктическое мировое пространство в демонстрацию межнациональных дружественных отношений⁴.

Возвращаясь к проблеме координации деятельности международных организаций северо-арктических регионов, прежде всего нужно отметить роль международного Арктического совета. Как известно, он является ведущим межправительственным форумом, неким, как его иногда называют, «Арктическим парламентом», содействующим сотрудничеству, координации и взаимодействию между арктическими государствами, коренными общинами и остальными жителями Арктики в связи с решением общих арктических проблем⁵. Он включает в себя восемь циркумполярных стран — Россия, США, Канада, Норвегия, Дания (Гренландия), Финляндия, Швеция, Исландия и ещё шесть рабочих групп. Также в состав совета входят несколько экспертных и целевых (*Task Forces*) групп. Результативность их деятельности в конкретных областях весьма высокая, о чём говорится на сайте совета. Данный совет является межправительственной площадкой высшего государственного ранга.

⁴ Лукин Ю.Ф. Новая «Арктическая лига» как инструмент миротворчества. URL: http://www.arcticandnorth.ru/news.php?ELEMENT_ID=345418 (дата обращения: 25.05.2020).

⁵ Арктический совет. URL: arctic-council.org/ru (дата обращения: 10.05.2020).

Вместе с тем в последние годы весьма активизировалась деятельность северо-арктических территорий макрорегионального и регионального уровней, а также местных органов самоуправления. Их объединения включают в свою работу не только региональных представителей циркумполярных стран, но и ряда стран, не входящих непосредственно в арктическую зону мира, но имеющих существенный политико-экономический интерес к развитию арктического бассейна. Это такие, например, давно и активно действующие организации, как прекрасно зарекомендовавшие себя Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), упоминавшийся выше в правительственном указе, а также «Северный Форум», в деятельности которых участвуют административные органы регионов северо-арктических стран мира.

И Арктический совет, и каждая из существующих в настоящее время макрорегиональных организаций северо-арктических стран имеют свои рабочие группы, которых в общей сложности насчитывается сейчас более четырёх десятков. Что касается Арктического совета, то он по логике своего создания должен быть ориентирован на обсуждение арктических проблем глобального уровня. Региональные организации — на проработку вопросов развития конкретных макрорегиональных объединений. Но все эти проблемы невозможно решать без достаточно чёткой координации деятельности всех этих организаций, без учёта общих закономерностей развития природы, человека и общества в Арктике, которые выходят далеко за рамки частных проблем каждого макрорегионального объединения. И эти процессы координации должны, видимо, находиться под эгидой международного Арктического совета и многих других специализированных международных организаций, а также задавать главную научно обоснованную линию, придерживаться которой необходимо и макрорегиональным, и региональным объединениям.

Но в настоящее время, к сожалению, такой чёткой методики, инструментария и механизмов взаимодействия международных межправительственных, макрорегиональных и региональных северо-арктических форумов и объединений не существует. В особенности это касается региональных структур. Они в своей практической деятельности действуют разрозненно, подчас противоречат друг другу, делают попытки извлечь из своей деятельности какие-либо особые преференции для своих объединений, не соблюдая при этом основных ведущих принципов и закономерностей развития арктической зоны мира как единого пространственного образования, имеющего весьма специфические природно-экологические и социально-экономические особенности.

В принципе, проблемы координации деятельности межправительственных и межрегиональных форумов должны находиться в сфере работы их секретариатов. Но секретариаты (кстати, их численный состав очень небольшой) направлены в основном на решение текущих организационных вопросов этих организаций. Они просто не в состоянии проводить какие-либо стратегические оценки и разработки по совершенствованию методики и инструментария их взаимодействия.

Именно связи с этим возникает необходимость значительного усиления роли Арктического совета в координационных взаимосвязях между всеми созданными и создающимися международными структурами северо-арктических стран и регионов, что, видимо, связано с организацией специализированной подструктуры этого совета. Именно она должна проработать и предложить достаточно чёткую и научно обоснованную методику, механизмы и инструментарий координации деятельности всех этих форумов и объединений для придания этому процессу целенаправленности на решение как глобальных, так и региональных приоритетных проблем Арктики, причём, по возможности, с минимальными затратами для общества.

Макрорегиональные организации северо-арктических регионов

Северный Форум. Развитие международных связей северо-арктических регионов в последние десятилетия тесно связано с созданием «Северного Форума», международной неполитической организации северо-арктических регионов мира. В наступающем 2021 г. этой организации исполнится 30 лет. Она вносит существенный вклад в развитие межрегиональной международной кооперации северо-арктических территорий мира. Сегодня «Северный Форум» выступает в качестве наблюдателя при Арктическом совете.

Напомним, что «Северный Форум» был создан в ноябре 1991 г. в г. Анкоридж, штат Аляска, США на международной конференции «Сотрудничество в меняющемся мире». Его «отцом-основателем» по праву можно считать губернатора штата Аляска Уолтера Дж. Хикла (Wally J. Hickel), бизнесмена, государственного и общественного деятеля, который дважды в периоды 1966–1969 и 1990–1994 гг. занимал пост руководителя администрации штата. При его жизни эта организация достигла максимума своего развития. В 1995 г. она включала 24 региона, причём не только северо-арктической зоны, но и ряда территорий стран, не входящих в арктическую зону мира, но имеющих политико-экономические интересы в арктическом бассейне.

На сегодняшний день в состав «Северного Форума» входит 14 регионов, из них 10 — это северо-арктические субъекты федерации России, а 4 — зарубежные территории⁶. Форум имеет более двух десятков рабочих групп по различным важным для северо-арктической зоны мира отраслевым проблемам и природно-экологического, и социально-экономического характера.

К сожалению, число участников Форума, по сравнению с 1995 г., сократилось на 10 территорий. Очень важно, что вышедшие из состава Форума регионы являлись в своё время активными инициаторами создания этой организации. Их выход существенно сокращает её возможности как влиятельной международной структуры. Это территории Канады, Норвегии, Швеции, Японии, Китая, Монголии, а также 4 российских территории. Сюда включаются и регионы стран, входящих в Арктический совет, и стран Европейской зоны и Северо-

⁶ Северный Форум. URL: <https://www.northernforum.org/ru/> (дата обращения: 10.05.2020).

Восточной Азии, которые могут представлять источник больших объёмов встречных грузоперевозок по Северному морскому пути в европейско-азиатском направлении, что очень важно для России.

Это сокращение состава Форума в основном, видимо, связано с отрицательной ролью введения всевозможных санкций ряда стран, в том числе арктических, по отношению к России. Но в числе этих причин можно назвать и недостаточное внимание к деятельности Форума международного Арктического совета, который, скорее всего, не влиял в нужной степени на нейтрализацию этих санкций хотя бы в зоне мировой Арктики, не поддерживал достаточно активно работу различных макрорегиональных организаций, даже несмотря на то, что они входят в состав его наблюдателей. Сейчас функции их поддержки вообще не входят в сферу его деятельности. Должен он это делать или нет — это отдельный дискуссионный вопрос, на который, по мнению автора нужен положительный ответ. Этот ответ корреспондирует и с вышеупомянутым пунктом указа Президента России, в котором предлагается закрепление за Арктическим советом роли ключевого объединения северо-арктических стран и регионов, координирующего международную деятельность во всём арктическом бассейне.

Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР). Ещё одной очень важной и успешно функционирующей макрорегиональной организацией в европейской части арктической зоны мира является Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР).

Как отмечается, СБЕР — это важная площадка международного сотрудничества, ведь Баренцев регион — это самый густонаселённый и наиболее экономически развитый район Арктики, который обладает богатой ресурсной и научно-инновационной базой⁷. Очень важно, что опыт трансграничной кооперации северо-арктических регионов здесь практически не имеет аналогов⁸. С момента создания в 1993 г. СБЕР заслуженно утвердился в качестве авторитетной межгосударственной структуры, играющей важную роль в сохранении севера Европы в качестве зоны стабильности и добрососедства.

В рамках СБЕР осуществляют сотрудничество 14 регионов, которые входят в состав четырёх арктических стран: Швеции, Норвегии, Финляндии и России. Также действует институт муниципальных образований — городов-побратимов. Главный исполнительный орган, принимающий решение, это министерская встреча, которая проходит каждые два года. СБЕР имеет 14 рабочих групп, которые являются основой для проведения основных мероприятий в кооперации входящих в эту организацию регионов по различным направлениям природно-экологического и социально-экономического развития⁹.

⁷ Орлов И., Корчунов Н., Вассвик Р., Иванов С. Talking Barents: перспективы и форматы сотрудничества. URL: <https://roscongress.org/sessions/iaf-2019-talking-barents-perspektivy-i-formaty-sotrudnichestva/discussion/> (дата обращения: 10.05.2020).

⁸ Интервью Посла по особым поручениям МИД России Н.В.Корчунова международному информационному агентству «Россия сегодня», 29 ноября 2019 года. URL: https://www.mid.ru/arkticskij-sovet/-/asset_publisher/OvP3hQoCPRg5/content/id/3925387 (дата обращения: 10.05.2020).

⁹ Barents Euro-Arctic Cooperation. URL: <https://www.barentscooperation.org/en> (дата обращения: 10.05.2020).

Участниками деятельности СБЕР отмечается, что зачастую эта организация воспринимается «как младший брат Арктического совета». Они считают, что обе эти организации должны дополнять друг друга. Той же точки зрения придерживается и автор данной статьи, только здесь естественно возникает вопрос — а каким образом и кто разработает и предложит эту методику обеспечения взаимодополнения и взаимодействия Арктического совета и Совета Баренцева / Евроарктического региона?

Также подчёркивается, что всё чаще СБЕР сталкивается с новыми глобальными вызовами и угрозами, которые носят не только местный трансграничный, но и общезональный характер: это нарастание климатических изменений, нарушение границ, незаконная миграция, увеличение объёма добычи природных ресурсов, усиление промышленного давления на экологическую среду и иные риски. Важно в этой связи продолжить работу по выработке механизма коллективного реагирования на подобные вызовы. Но ещё раз подчеркнём, что этот механизм и соответствующий инструментарий могут быть созданы и реализованы только при тесном взаимодействии с Арктическим советом, который должен отвечать не только за решение глобальных проблем всей зоны мировой Арктики, но и за решение проблем и развитие организаций макрорегионального уровня, одной из которой является СБЕР.

Совет Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБЕР). В последние два года обсуждается весьма перспективный проект по формированию трансграничного российско-американского Совета Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБТР) [7, Вороненко А.Л., Краснопольский Б.Х., Фуз П.]. Этот проект представляет собой довольно большой интерес для многих стран и регионов не только северной части Тихоокеанского бассейна, но и европейской части зоны Севера и Арктики и Северо-Восточной Азии. Проблемам Дальневосточной и Тихоокеанской Арктики, а также проекту по созданию СБТР посвящён ряд публикаций Института экономических исследований ДВО РАН [8, Краснопольский Б.Х.; 9, Минакир П.А., Прокапало О.М.; 10, Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н.].

Институт выступил в качестве инициатора обсуждения проекта в прошлом году на двух весьма крупных международных совещаниях учёных и специалистов в области изучения мирового арктического бассейна.

Первое совещание — это 24-е заседание Российско-Американского Тихоокеанского партнёрства (РАТОП), прошедшее в конце июня 2019 г. в г. Хабаровске¹⁰. На этом заседании была создана Инициативная рабочая группа, которой было поручено проработать данный вопрос, попытаться собрать воедино все имеющиеся на сегодняшний день научно-прикладные обоснования по возможности и целесообразности создания СБТР и разработать проекты первичных документов. В состав этой группы распоряжением Дерека Норберга (*Derek Norberg*), исполнительного директора РАТОП, Президента Совета по отношениям «США — Россия» был включён автор данной статьи как координатор с российской стороны.

¹⁰ Совет по отношениям США-Россия. URL: <http://www.usrussia.org/home-russian> (дата обращения: 10.05.2020).

И второе совещание — это международный Форум «Арктика: настоящее и будущее» Ассоциации полярников (АСПОЛ), который состоялся 5–7 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге¹¹. Вопросам создания СБТР была посвящена специальная сессия Форума «Перспективы российско-американского сотрудничества в Беринговом регионе», в организацию которой огромный вклад внёс Н.В. Корчунов, посол по особым поручениям МИД РФ.

Модератором этой сессии выступил Погодаев М.А., заместитель министра по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). Участниками дискуссии, выступившими со своими докладами, были Корчунов Н.В., посол по особым поручениям МИД России, Старшее должностное лицо России в международном Арктическом Совете; Краснопольский Б.Х., главный научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН; Криворотов А. К., член Экспертного совета Российско-норвежского научно-образовательного консорциума в области международного энергетического бизнеса, член некоммерческой организации Российского совета по международным делам; Отке А.И., член комитета Совета Федерации по социальной политике, президент Ассоциации коренных народов Чукотки; Фус П., президент совета директоров Морской биржи штата Аляска (США).

Повышение внимания к Берингову региону и Тихоокеанской Арктике объясняется следующим.

Как это вытекает из природно-географических реалий, мировой арктический бассейн опирается в своём развитии на два его «опорных» сектора на стыках с Атлантическим и Тихоокеанским бассейнами. Процессы, происходящие в этих «опорных» зонах в части воздействия на развитие всего арктического бассейна, имеют уже чётко установившееся равновесное географическое и экологическое влияние. Оказывают эти «опорные» секторы и весьма существенное влияние на социально-экономическое развитие прибрежных арктических территорий, обеспечение жизнедеятельности как коренного, так и пришлого населения, развитие морских грузоперевозок по трассе Северного морского пути и др.

Но мировое сообщество не уделяет этим установившимся пропорциям и процессам одинакового внимания.

В частности, что касается Атлантического сектора, то здесь в международном плане, как было показано выше, создан весьма эффективно работающий Совет Баренцева / Евро-арктического региона (СБЕР) [11, Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., & Young O.R.].

Что касается Тихоокеанского сектора, то подобных международных структур здесь не создано вообще, хотя проблемный уровень этого весьма перспективного «перекрёстка» Тихого и Северного Ледовитого океанов на стыке Евразийского и Северо-Американского континентов не ниже, чем «перекрёстка» Атлантического океана и Арктического бассейна [12, Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., & Young O.R.].

¹¹ IX Международный Форум «Арктика: настоящее и будущее». URL: <http://www.forumarctic.com/conf2019/> (дата обращения: 10.05.2020).

Решение вопроса о создании нового Совета Берингова / Тихоокеанско-Арктического региона (СБТР) устранил этот ошибочный «перекосяк» во внимании мирового сообщества к этим секторам. Это даст возможность установить постоянно действующие рабочие контакты и обмен информацией между этими макрорегиональными советами (СБЕР и СБТР), которые выступают «форпостами» Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) на её Западе и Востоке. Также это позволит организовать их более согласованное и сбалансированное взаимодействие с международным Арктическим советом и другими уже созданными международными арктическими организациями.

Целевая группа (Task Force) Арктического совета

Конечно, любые преобразования в системе взаимодействия северо-арктических регионов мира имеют свои «подводные камни» и свои проблемы. Это прежде всего, как выше уже отмечалось, определённые политико-экономические противоречия между арктическими государствами, ведущие к усилению военной конфронтации между ними, а также санкции в отношении Российской Федерации. В особенности это касается отношений между Россией и США, в частности — в Беринговом регионе и секторе Тихоокеанской Арктики, где эти крупнейшие арктические государства являются приграничными. Актуальным проблемам в отношениях России и США посвящены работы, приведённые в списке литературы [13, Кобышев В., Сергунин А.; 14, Гудев П.].

В связи с вышесказанным представляется необходимым обсуждение создания СБТР на более высоком уровне в международном сообществе учёных и специалистов в данной области. В любом случае нужно пытаться установить и в этом секторе мировой Арктики добрососедские и взаимовыгодные трансграничные связи в интересах обоих государств. Кстати, что касается американских учёных и специалистов, в особенности из штата Аляска, то они прекрасно понимают роль российских исследователей в решении различных проблем и всей зоны мировой Арктики, и Берингова / Тихоокеанского региона в трансграничном секторе России и США на стыке Евразийского и Североамериканского континентов. Они постоянно подчёркивают в своих работах необходимость установления достаточно тесной координации исследований и практической деятельности между нашими странами в арктической зоне и её регионах¹².

Но тут снова возникает вопрос: как будет дальше продвигаться проработка проблем по налаживанию более чёткой координации между северо-арктическими регионами, в том

¹² Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development. School of Natural Resources and Extension. University of Alaska Fairbanks. Fairbanks, Alaska, 2015. URL: <https://www.commerce.alaska.gov/> (дата обращения: 10.05.2020). Understanding the Arctic as a System (IARC Review, November 2019). International Arctic Research Center — IARC, University of Alaska, Fairbanks. URL: https://uaf-iarc.org/wp-content/uploads/2019/11/2019-annual-report_IARC.pdf (дата обращения: 10.05.2020). Woodgate R & Peralta-Ferriz C. The Pacific Gateway to the Arctic: Recent Change in the Bering Strait — Observations, Driving and Implications. University of Washington, Seattle, USA. 2018. URL: psc.apl.washington.edu/HLD/Bstrait/Woodgate_BeringStrait_ASOF_Apr2018Final.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

числе и по продвижению инициативы по созданию СБТР? Кто именно, какая структура будет этим заниматься, работать с более конкретными доказательствами необходимости и целесообразности реализации этих идей, с составлением необходимых первичных документов по механизмам их организации, по их внедрению в деятельность заинтересованных региональных и федеральных ведомств и общественных организаций обеих стран и так далее. В этом плане очень нужна структура, желательна действующая под эгидой Арктического совета, которая возьмёт на себя реализацию этих инициатив.

И здесь возникает следующее предложение.

Арктический совет в своём составе имеет шесть постоянных рабочих групп, и все эти группы направлены на решение весьма важных для арктического бассейна проблем развития различных отраслевых секторов. В числе экспертных групп при Арктическом совете с 2015 г. по настоящее время действует только одна группа — «*Black Carbon and Methane Expert Group*», задача которой периодически оценивать ход реализации Рамочной программы Арктического совета по действиям в отношении чёрного углерода и метана. Как видно, в числе перечисленных групп нет какой-либо структуры, которая занималась бы совершенствованием деятельности Арктического совета в части координации его сотрудничества с макрорегиональными и региональными объединениями северо-арктических территорий.

Но в Арктическом совете есть так называемые целевые группы (*Task Forces*), которые на совещаниях министров стран-участников назначаются для работы над конкретными вопросами в течение ограниченного периода времени, оставаясь активными до тех пор, пока они не принесут желаемых результатов. В работе целевых групп принимают участие эксперты рабочих групп и представители арктических государств. В настоящее время действующих целевых групп при совете не существует. Ранее созданные целевые группы завершили свою работу и больше не функционируют.

И именно группы этой категории могут представлять интерес с позиций темы данной статьи.

Конечно, вопрос о расширении самого состава государств-участников Арктического совета не стоит на повестке дня ни сегодня, ни в будущем. Состав арктических стран, которые входят в него, определяется природой и не подвергается обсуждению. Что касается всех других заинтересованных государств, то список стран-наблюдателей для них открыт. В состав наблюдателей входят и представители коренных малочисленных народов Севера. Все они также имеют возможность участвовать в различных проектах и инициативах, реализующихся в Арктическом совете.

Но как раз эта, достаточно сложная системная ситуация в структуре и деятельности Арктического совета, которая постоянно меняется во времени и пространстве, выступает доказательством того, что совет должен иметь какую-либо постоянно действующую методику по совершенствованию координации своей деятельности с региональными объединениями.

Именно в этих целях и предлагается создать *временную целевую рабочую группу*, на которую будет возложено исполнение этой задачи. Такая методика должна быть разработана и предложена для использования в практическом плане для координации деятельности Арктического совета с макрорегиональными объединениями территорий североарктических стран, в частности — с «Северным Форумом», Советом Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) и вновь создаваемым Советом Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБТР). Доработка проекта по СБТР также должна быть возложена на данную целевую группу, так как вновь создаваемый российско-американский совет должен войти в систему макрорегиональных форумов и объединений в зоне Арктики.

Целевая рабочая группа в своей деятельности будет опираться на новейшие достижения науки и техники, на результаты исследовательских разработок научных подразделений своих стран и привлечение ведущих учёных и специалистов в области арктических исследований, на внедрение наилучших практик в реализации проектов развития Арктики и т.д.

Её задачей будет взять всё наилучшее в международном опыте освоения арктических пространств и предложить специальные механизмы и инструментарий постоянных координационных прямых и обратных связей между Арктическим советом и макрорегиональными организациями северо-арктических регионов. Так что все эти организации, а не только СБЕР, могут рассматриваться как его «младшие братья», за судьбу которых он должен нести ответственность.

По мере завершения работы целевая группа прекратит своё существование, передав разработанную методику и соответствующий инструментарий для постоянного использования в Арктический совет и межрегиональные форумы, объединения и организации.

Свои функции целевая рабочая группа по разработке методики координации деятельности Арктического совета будет реализовывать через постоянные контакты с рабочими группами всех крупных межрегиональных форумов и объединений. Это позволит координировать их усилия для решения приоритетных проблем Севера и Арктики. Здесь речь идёт не о каких-то «насильственных» действиях в контактах с региональными структурами, о прямом вмешательстве в их деятельность, а только о совещательных, разъяснительных и координирующих действиях в интересах не только отдельных регионов, но и всего североарктического бассейна нашей планеты как единого пространственного образования.

Принципиальная схема взаимодействий создаваемой целевой группы с этими региональными объединениями для решения её задач может выглядеть следующим образом (рис. 1).

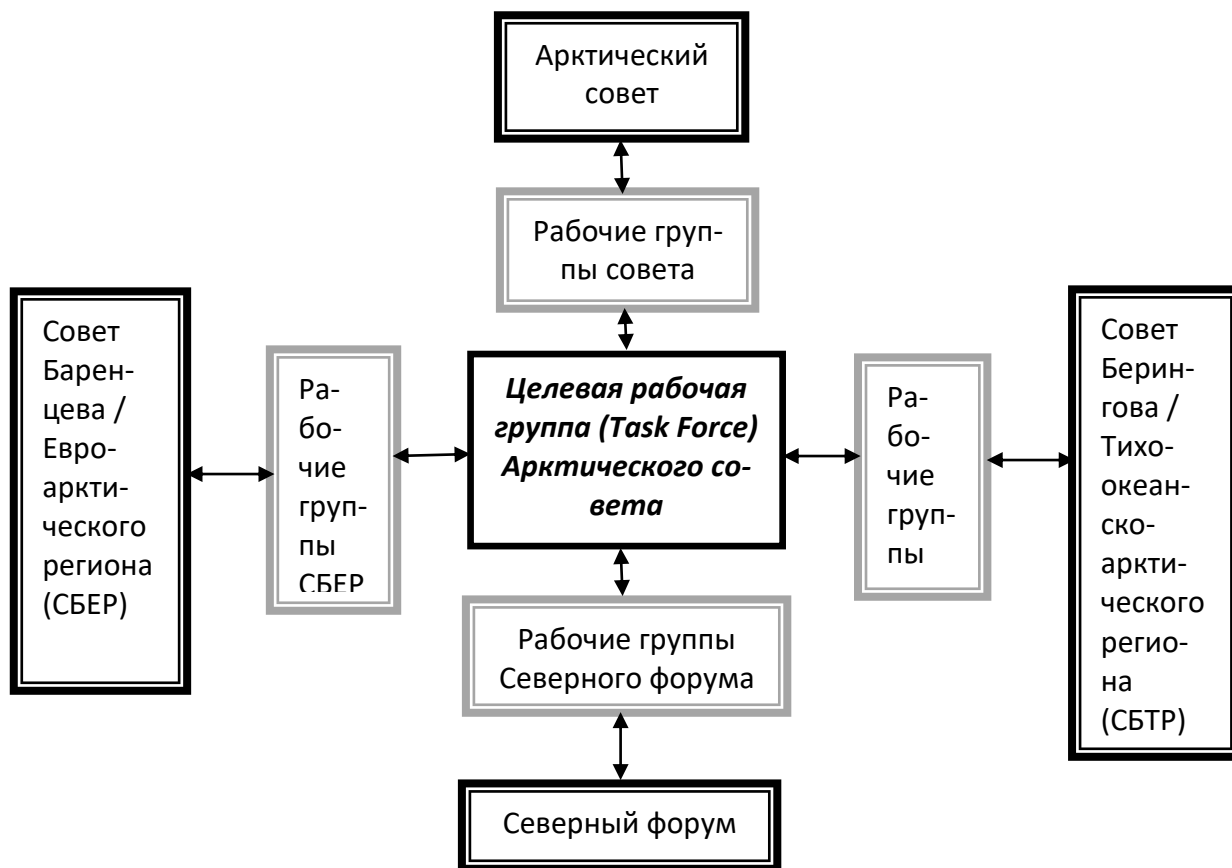

Рис. 1. Принципиальная схема функционирования целевой группы по разработке методики координации деятельности Арктического совета с макрорегиональными организациями.

Кстати, в качестве одного из приоритетов нынешнего председательства Исландии в Арктическом совете в 2019–2021 гг. была поставлена задача по укреплению деятельности самого Арктического совета. Подчёркивалось, что председательство Исландии будет направлено на поддержание сотрудничества, которое всегда было сильной стороной Арктического совета. Обстоятельные консультации между государствами-членами и постоянными участниками должны были продолжаться, также следовало изучить новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества с наблюдателями [16, Журавель В.П.]. Но, как видно, поддержка намеченных видов сотрудничества Арктического совета в программе Исландии не включала в себя усиление кооперации с межрегиональными и региональными форумами и площадками для конструктивного диалога по проблемам Арктики. В этом направлении в период председательства России в Арктическом совете есть возможность сделать эффективные шаги.

Заключение

Итак, в данной статье на основе анализа сложившихся взаимодействий международных межправительственных, макрорегиональных и региональных организаций североарктических стран и регионов обосновывается предложение о создании специального подразделения Арктического совета — его временной целевой рабочей группы, которая будет

направлена на разработку методики координации направлений его работы с данными объединениями. Это представляется чрезвычайно необходимым для мирового сообщества в связи с тем, что и природно-экологические, и политические, и социально-экономические процессы, протекающие в Арктике, постоянно ускоряются в своих флуктуациях и пространственных трансформациях. И это в первую очередь отражается на первичных региональных пространственных образованиях. Необходимо держать «руку на пульсе» этих глобальных и региональных изменений, обеспечивать определённое опережение в прогнозах их развития, предугадывать возникающие риски, оперативно корректировать направления деятельности Арктического совета и его рабочих групп и согласовывать их с международными арктическими организациями регионального уровня для нейтрализации всевозможных катаклизмов в мировом арктическом бассейне.

Именно эти задачи и должна решать создаваемая целевая рабочая группа Арктического совета по разработке методики координации его деятельности.

Данное предложение достаточно актуально в связи с возможностью его реализации в период председательства Российской Федерации в Арктическом совете в 2021–2023 гг. Кстати, в связи с важностью данного мероприятия, видимо, существует необходимость открыть специальную рубрику в журнале «Арктика и Север» для размещения в ней различных предложений учёных и специалистов к программе председательства России в этом совете.

Литература

1. Журавель В.П. Арктика в 2019 году: международный и национальный аспекты (вопросы международного сотрудничества и безопасности) // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 105–122. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.105
2. Арктика: стратегия развития: монография / Под общ. ред. С.А. Липиной, О.О. Смирновой, Е.В. Кудряшовой. Архангельск: САФУ, 2019. 338 с.
3. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В.В. Ивантера. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Наука», 2016. 1016 с.
4. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Российская Арктика сегодня. Содержательные новации и правовые коллизии // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1117–1130. DOI: 10.17059/2018-4-5
5. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / Под общ. ред. Б.Н. Порфирьева. Москва: Научный консультант, 2018. 802 с.
6. Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A. Socioeconomic Problems in Development of the Russian Arctic Zone // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 87 (1). Pp. 12–21. DOI: 10.1134/S101933161701004X
7. Heininen L. Circumpolar International Relations and Geopolitics / Arctic Human Development Report. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2007. Pp. 207–225.
8. Вороненко А.Л., Краснопольский Б.Х., Фуз П. Совет Берингова / Северо-Арктического тихоокеанского региона: Инициативная рабочая группа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 186–190.
9. Краснопольский Б.Х. Регион Тихоокеанской Арктики и Берингова пролива: трансграничная кооперация в хозяйственном освоении и решении природно-экологических проблем // Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий. Архангельск. 2019. С. 547–552.
10. Минакир П.А., Прокапало О.М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы // Регионалитика. 2017. Т. 4. № 3. С. 48–56. DOI: 10.14530/reg.2017.3

11. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 6–19. DOI: 10.14530/reg.2016.4
12. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options // Ocean Development and International Law. 2017. № 49 (1). Pp. 1–27. DOI: 10.1080/00908320.2017.1365545
13. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., & Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development and International Law. 2016. № 47 (2). Pp. 186–217. DOI: 10.1080/00908320.2016.1159091
14. Конышев В., Сергунин А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111
15. Гудев П. Приоритеты США в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 49–60.
16. Журавель В.П. Председательство Исландии (2019–2021 гг.) в Арктическом совете // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество, 2019. С. 313–316.

References

1. Zhuravel V.P. Arktika v 2019 godu: mezhdunarodnyy i natsionalnyy aspekty (voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva i bezopasnosti) [The Arctic in 2019: International and National Aspects (Issues of International Cooperation and Security)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 105–122. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.105
2. Lipina S.S., Smirnova O.O., Kudryashova E.V., eds. *Arktika: strategiya razvitiya: monografiya* [Arctic: Development Strategy]. Arkhangelsk, NARFU Publ., 2019. 338 p. (In Russ.)
3. Ivanter V.V., ed. *Arkticheskoe prostranstvo Rossii v XXI veke: faktory razvitiya, organizatsiya upravleniya* [Arctic Space of Russia in the 21st Century: Factors of Development, Organization Management]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016. 1016 p. (In Russ.)
4. Laksin V.N., Porfiriev B.N. Rossiyskaya Arktika segodnya. Soderzhatelnyye novatsii i pravovyie kollizii [Russian Arctic Today: Substantive Novelties and Legal Collisions]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2018, vol. 14 (4), pp. 1117–1130. DOI: 10.17059/2018–4–5
5. Porfiriev B.N., ed. *Sotsialno-ekonomicheskaya problematika rossiyskoy Arktiki v issledovaniyakh institutov Rossiyskoy akademii nauk. Istoriya, sovremennost, perspektivy* [Socio-economic Problems of the Russian Arctic in the Research of the Institutes of the Russian Academy of Sciences: History, Present, Prospects]. Moscow, Nauchnyy consultant Publ., 2018, 802 p. (In Russ.)
6. Tatarin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A. Socioeconomic Problems in Development of the Russian Arctic Zone. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 87 (1), pp. 12–21. DOI: 10.1134/S101933161701004X
7. Heininen L. Circumpolar International Relations and Geopolitics. *Arctic Human Development Report*. Akureyri, Stefansson Arctic Institute, 2007, pp. 207–225.
8. Voronenko A.L., Krasnopolskiy B.Kh., Fuhs P. Sovet Beringova / Severo-Arkticheskogo tikhookeanskogo regiona: Initsiativnaya rabochaya gruppya [Council of the Bering / North-Arctic Pacific Region: Initiative Working Group]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no. 3, pp. 186–190.
9. Krasnopolskiy B.Kh. Region Tikhookeanskoy Arktiki i Beringova proliva: transgranichnaya kooperatsiya v khozyaystvennom osvoyenii i reshenii prirodno-ekologicheskikh problem [Region of the Pacific Arctic and the Bering Strait: Cross-Border Cooperation in Economic Development and Solving Natural and Environmental Problems]. *Problemy obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti i ustoychivoye razvitiye arkticheskikh territoriy* [Problems of Ensuring Environmental Safety and Sustainable Development of the Arctic Territories]. Arkhangelsk, 2019, vol. 1, pp. 547–552.
10. Minakir P.A., Procapalo O.M. Ekonomika Dal'nego Vostoka Rossii: sostoyanie i perspektivy [Economy of the Far East of Russia: State and Prospects]. *Regionalistika*, 2017, vol. 4, no. 3, pp. 48–56.

11. Minakir P.A., Krasnopolski B.Kh., Leonov S.N. Issledovaniya po problemam razvitiya Dalnevostochnoy Arktiki: ekonomicheskiye aspekty [Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects]. *Regionalistika*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 6–19.
12. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options. *Ocean Development & International Law*, 2017, no. 49 (1), pp. 1–27.
13. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options. *Ocean Development & International Law*, 2016, no. 47/2, pp. 186–217.
14. Konyshov V., Sergunin A. Rossiysko-amerikanskies otnosheniya v Arktike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? [U.S. - Russia Relations in the Arctic: Cooperation or Competition?]. *Mirovaya ekonomika i megdunarodnie otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 103–111.
15. Gudev P. Prioritety SShA v Arktike [U.S. Priorities in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i megdunarodnie otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2013, no. 9, pp. 49–60.
16. Zhuravel V.P. Predsedatelstvo Islandii (2019–2021 gg.) v Arkticheskom sovete [Chairmanship of Iceland (2019–2021) in the Arctic Council]. *Bolshaya Evraziya: Razvitiye. bezopasnost. Sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation], 2019, pp. 313–316.

Статья принята 29.05.2020.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК 316.4(470.1/.2)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

«Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) *

© НЕДОСЕКА Елена Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: nedelena@socinst.ru

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

© КАРБАИНОВ Николай Иванович, научный сотрудник

E-mail: n.karbainov@socinst.ru

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме социально-экономической адаптации населения моногородов на примере монопрофильных поселений Северо-Запада России. Теоретико-методологической рамкой работы выступили подходы учёных, исследовавших низовые практики выживания населения малых городов и сёл (отходничество, маятниковая миграция, распределённый образ жизни, неформальная экономика). Эмпирическую базу исследования составили данные статистики, собранные по базам ЕМИСС, СПАРК Интерфакс, Фонда развития моногородов, сайтов администраций монопрофильных поселений СЗФО, а также данные полевых исследований, собранные методом полуструктурированных интервью с представителями администраций и депутатами городских и районных советов, с рядовыми жителями моногородов в республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областях. В качестве основных результатов исследования представлено: во-первых, анализ противоречия управленческого подхода, в рамках которого многие монопрофильные поселения СЗФО не соответствуют критериям, согласно которым они включены в официальный список моногородов. Также меры государственной поддержки по спасению «умирающих» моногородов оказываются малоэффективными. Во-вторых, результаты эмпирического исследования, которые показывают, что жители моногородов выработали стратегии адаптации к новым социально-экономическим условиям жизни, которые не связаны с занятостью на градообразующем предприятии. К таким стратегиям можно отнести: 1) вахтовый метод работы или отходничество; 2) маятниковую миграцию внутри стихийных локальных агломераций; 3) «распределённый образ жизни»; 4) вовлечение в различные сферы неформальной экономики. Таким образом, моногорода «не умирают», а выживают в первую очередь за счёт низовых экономических практик населения.

Ключевые слова: моногород, Северо-Западный федеральный округ, стратегии выживания, экономические практики населения.

“Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia)

© Elena V. NEDOSEKA, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

E-mail: nedelena@socinst.ru

* Для цитирования: Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

For citation: Nedoseka E.V., Karbainov N.I. “Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

Sociological Institute of the RAS – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Nikolay I. KARBAINOV**, Research Fellow

E-mail: n.karbainov@socinst.ru

Sociological Institute of the RAS – a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the socio-economic adaptation of single-industry towns' population on the example of single-industry settlements in the North-West of Russia. The work's theoretical and methodological framework is the approaches of scientists who study the grassroots practices of survival of small towns and villages (seasonal work, commuting, a distributed way of life, the informal economy). The empirical base of the study are statistical data collected from the databases of EMISS, SPARK Interfax, the Foundation for the Development of Single-Industry Towns, websites of administrations of single-industry settlements in the Northwestern Federal District, as well as data from field studies collected by the method of semi-formalized interviews with representatives of administrations and deputies of city and regional councils, with ordinary residents of single-industry towns in Republic of Karelia, Leningrad and Vologda oblasts. The study's preliminary results are presented: first, an analysis of the contradictions in the management approach. Many single-industry settlements in the Northwestern Federal District do not meet the criteria according to which they are included in the official list of single-industry towns. Also, government support measures to rescue "dying" monotowns are ineffective. Secondly, empirical research results show that residents of single-industry towns have developed strategies for adapting to new socio-economic conditions of life, which are not associated with employment in a city-forming enterprise. These strategies include: 1) rotational work or seasonal work; 2) pendulum migration within spontaneous local agglomerations; 3) "distributed lifestyle"; 4) involvement in various spheres of the informal economy. Thus, single-industry towns "do not die" but survive primarily due to the population's grassroots economic practices.

Keywords: *single-industry town, North-West Federal District, survival strategy, economic practice.*

Введение

Пространственная структура современной России представляет собой административно-территориальное многообразие, особое место в котором занимают моногорода [1, Карбаинов Н.И., Недосека Е.В., с. 146]. На сегодняшний день перечень монопрофильных муниципальных образований РФ включает 321 моногородов, где по состоянию на начало 2020 г. проживало 13,5 млн человек (около 9,2% населения России)¹. Средняя по стране численность населения моногорода составляет около 40 тыс. человек. Большинство российских моногородов являются малыми городами (54%). Моногорода имеются в 61 из 85 регионов России, но в наибольшей степени они сосредоточены в регионах Поволжья и Сибири².

Проблематика исследований моногородов отличается широким диапазоном предметного поля и в целом повышенным вниманием со стороны академического сообщества. Большая часть работ посвящена изучению проблем и перспектив моногородов, основанных на данных статистики и анализе экономических показателей, как правило, фиксирующих кризисные явления, определяющие и поддерживающие дискурс «вымирания». Не сложилось и единого подхода к определению моногорода. По-прежнему превалируют мнения,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. № 668-р «Об изменениях, которые вносятся в перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)». URL: <https://base.garant.ru/70988888/> (дата обращения: 04.10.2020).

² Аналитический доклад ИКСИ. URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения: 04.10.2020).

увязывающие жизнь поселения с определяющей ролью градообразующего предприятия [2, Лаппо Г.М.; 3, Тургель И.Д.; 4, Макаров А.Н.; 5, Поповичева Н.Е., Полянин А.В.; 6, Гусев В.В.; 7, Калмыков Н.Н.; 8, Веселкова Н.В. и др.].

Монопрофильность и узкая диверсификация сфер занятости осмысляются как ключевые проблемы моногородов. В рамках данного подхода авторы предлагают различные классификации видов диверсификации, исходя из финансового состояния поселения, моделирование инфраструктуры диверсификации [9, Антонова И.С.; 10, Севастьянова А.Е.]; сценарии развития моногородов [11, Землянский Д.Ю., Ламанов С.В.; 12, Котов А.В.; 13, Манаева И.В., Болтенкова Ю.В. и др.] и так далее.

Немаловажную роль в исследовательском багаже играют работы, анализирующие зарубежный опыт развития моногородов [16, Урожаева Т.П., 14, Кулай С.В., 15. Гусев В.В.]; обоснование мер государственной поддержки [17, Дмитриева Е.О.; 18, Петрина О.А.], повышение инвестиционной привлекательности и роли малого предпринимательства в развитии моногородов [19, Скоробогатова Ю.А., Балдина А.А.; 20, Дмитриева Е.О.]

Мы разделяем позицию авторов Замятиной Н.Ю. и Пилясова А.Н. [21, Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н., с. 7–8], которые акцентируют внимание на том, что большая часть работ и управленческих решений опирается на «старый арсенал методических исследовательских средств и инструментов государственной политики прежней индустриальной эры», не учитывая новых экономических реалий. Авторы отмечают: «Практически никто из авторов ... не поднимает вопрос об изменении самой природы градообразующего предприятия, которое утрачивает социально-культурное влияние на местное сообщество и монопрофильный город, но сохраняет рычаги финансово-экономического влияния — в том числе в обеспечении занятости».

Важным методологическим ориентиром для нас являются изыскания социологов, историков и антропологов, которые трактуют моногорода в широком контексте с учётом исторических, поселенческих и культурных особенностей. С этой точки зрения моногорода «не умирают», а трансформируются, а население приспособляется к новым экономическим и социокультурным условиям жизни [22, Меерович М.Г.; 23; 24, Любовный В.Я.].

Теоретико-методологическим обоснованием статьи послужили подходы социологов, исследовавших такие социальные феномены, как отходничество [25, Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.], которое представляется как массовое явление, не имеющее отражения в статистике, выступающее низовой практикой выживания населения малых городов и сел; маятниковую миграцию [Шитов Ю., Шитова Ю., 26, Бугаев М.А.], как ключевая стратегия челночного перемещения из малого города в агломерационные центры; распределённый образ жизни [27, Кордонский С.Г.], представляющий альтернативные экономические практики выживания; неформальная экономика [28, Барсукова С.Ю.]

Цель статьи — рассмотреть ключевые практики социально-экономической адаптации населения постсоветских моногородов на примере монопрофильных поселений СЗФО³.

Эмпирическую базу исследования составили данные статистики, собранные по базам ЕМИСС, СПАРК Интерфакс, Фонд развития моногородов, сайтов администраций монопрофильных поселений СЗФО. А также данные полевых исследований, собранные методом полужформализованных интервью с представителями администраций и депутатами городских и районных советов, с рядовыми жителями моногородов в республике Карелия, Ленинградской и Вологодской области. Всего было проведено 72 интервью. Дополнительным методом исследования выступил метод наблюдения. Интервью и наблюдения проводились в 2018–2019 гг. в рамках полевых исследований, где основной целью являлось определение мнений и видения информантов (экспертов) по поводу текущей ситуации, проблем и изменений, происходящих в моногородах.

Структура статьи строится следующим образом. В первом разделе мы покажем противоречия управленческого подхода на примере моногородов СЗФО РФ. Во втором разделе рассмотрим некоторые результаты нашего исследования социально-экономической ситуации в моногородах Северо-Запада России.

Управленческий подход: «взгляд с высоты птичьего полета»

Достаточно продолжительное время на уровне высших исполнительных органов власти не существовало единого подхода к пониманию того, какие поселения относить к моногородам, а какие нет. В 2014 г. Министерство регионального развития Российской Федерации предложило рассматривать моногород как «поселение (городской округ), организации и жители которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития этого населенного пункта, как правило, имеющее градообразующее предприятие, на котором занято не менее 25% трудоспособного населения этого населённого пункта»⁴. Таким образом, основными критериями, предложенными Министерством, являются: 1) наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25% экономически активного населения; 2) наличие в населённом пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50% объёма промышленного производства; 3) дополнительные критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных поселений: доля налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципально-

³ Объект исследования определялся нами как доступная выборка и основные выводы не экстраполируются на все поселения монопрофильного типа РФ.

⁴ Постановление Правительства от 29 июля 2014 года № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». URL: <http://government.ru/docs/14049/> (дата обращения: 02.10.2020).

го образования от предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, расположенных в населённом пункте, составляет не менее 20% от общего объёма налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от всех организаций и предприятий.

В одной из своих публикаций мы отмечали что, вышеперечисленные критерии являются довольно обобщающими и предполагают рассмотрение только количественных характеристик, что необходимо для формального надления муниципального образования соответствующим статусом. В качестве таких критериев выступают чаще всего количество занятых на градообразующем комплексе, доля градообразующего предприятия в общем объёме отгрузки поселения [1, Карбаинов Н.И., Недосека Е.В.].

Далее рассмотрим противоречия управленческого подхода на примере моногородов Северо-Запада России. Большая часть моногородов в СЗФО возникла в результате политики советской индустриализации в 1930–1950-е гг. Первоначально подобные поселения в основном заселялись спецпереселенческим контингентом и политзаключёнными, в особенности это характерно для Мурманской и Архангельской областей и Республики Карелия. Это относительно молодые поселения со слабо укоренённым населением и непродолжительной историей существования (за редким исключением: например, некоторые поселения Новгородской и Вологодской областей имеют более продолжительную историю). Индустриальность, удалённость от транспортной инфраструктуры, разброс по численности населения в сочетании с северными природно-климатическими условиями являются имманентно присущими чертами монопрофильных поселений СЗФО. Основными отраслями экономики для моногородов СЗФО продолжают быть металлургия, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, добыча других полезных ископаемых и лесная промышленность.

На сегодняшний день в Северо-Западном Федеральном округе сосредоточено 42 моногорода (порядка 15% от общего числа). Из общего числа монопрофильных городов СЗФО 31 классифицируется как малые (74% от общего числа моногородов), 1 — как средние (2%), 2 — как большие (4%). Согласно нормативным документам (ПП РФ №709 от 29.07.2014⁵), для включения муниципального образования в перечень моногородов необходимо, чтобы численность населения в данном образовании составляла не менее 3 тыс. человек. Поскольку численность населения ряда городов сокращается, и, кроме того, некоторые малые поселения были включены в список моногородов до вступления в силу этого ограничения, на данный момент в СЗФО 6 моногородов с численностью населения менее 3 тыс. человек (пос. Вяртсиля, Муезерское городское поселение (Республика Карелия); пос. Сазоново (Вологодская область); пос. Кизема (Архангельская область); пос. Угловка и Краснофарфорный (Новгородская область)). Самым крупным моногородом СЗФО по численности населения является

⁵ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. N 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». URL: <https://base.garant.ru/70707142/> (дата обращения: 01.10.2020).

город Череповец Вологодской области — 314,8 тыс. чел., самым малочисленным — Грузинское сельское поселение Новгородской области — 1,3 тыс. чел.

В управленческой практике достаточно долго не существовало единого подхода как к пониманию места моногородов в пространственной структуре РФ, так и управленческих стратегии в отношении тех кризисных проявлений, которые назрели за более чем 30-летнюю историю существования новой экономической реальности. В 2014 г. были определены основные параметры и сформированы категории моногородов с учётом финансово-экономического положения градообразующего предприятия, анализа положения на территориальном рынке труда и возможных сценариев развития таких муниципальных образований. В частности, таких групп выделено три: 1 категория — красная зона, 2 — жёлтая и 3 — зелёная.

Согласно данным критериям, большинство моногородов СЗФО (20) относятся к «жёлтой» зоне — к городам с рисками ухудшения социально-экономического положения; 18 к «красной» зоне — моногорода с наиболее сложным положением и 4 в «зелёной» зоне — со стабильной социально-экономической ситуацией (рис. 1).

Фактически каждый регион СЗФО имеет поселения, отнесённые к «красной зоне». Всего в сложном социально-экономическом положении, исходя и логики экономико-управленческого подхода, находятся 18 моногородов СЗФО, из которых 6 в Республике Карелия, по 3 моногорода в Мурманской и Вологодской областях, 2 — Архангельской и Новгородской областях, по 1 — в Ленинградской области и Республике Коми.

Таблица 1

Показатели численности трудоспособного населения моногородов и среднесписочной численности работников градообразующих предприятий «красной зоны» СЗФО⁶

	Моногород	Регион	Градообразующее предприятие ⁷	Численность трудоспособного населения, чел.	Среднесписочная численность работников градообразующих предприятий, чел.
Категория 1. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)					
1	пос. Кизема	Архангельская область	Дмитриевское обособленное подразделение ООО ПКП «Титан»	1 121	185
2	г. Онега	Архангельская область	ООО «Онежский ЛДК», ОАО «Онегалес», ОАО «Онега-Энергия», ООО «ПКТС»	10032	763
3	г. Красавино	Вологодская область	Филиал ГЭП «Вологдаобл-коммунэнерго»	2874	94
4	пос. Сазоново	Вологодская	ОАО Стекольный завод	1339	12

⁶ Данные рассчитаны автором по информации Фонда моногорода РФ

⁷ Курсивом выделены предприятия, прошедшие процедуры банкротства и закрытия.

		область	«Руджам-Покровский»		
5	г. Череповец	Вологодская область	ОАО ЧерМК «Северсталь»	15196 3	22237
6	г. Пикалёво	Ленинградская область	АО «Пикалевская сода»; АО «Пикалевский цемент»; ООО «Пикалевский глинозёмный завод»	11343	2819
7	г. Кировск	Мурманская область	ОАО «Апатит»	16081	5207
8	г. Ковдор	Мурманская область	ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат»	9935	3642
9	пос. Ревда	Мурманская область	ООО «Ловозерский горнообогатительный комбинат»	4638	1100
10	пос. Краснофарфорный	Новгородская область	ООО «Фарфор на Волхове» (ликвидирована)	783	
11	г. Пестово	Новгородская область	Пестовский лесопильный завод «ООО «ЮПМ-Кюммене Чудово»	8369	н.д.
12	г. Суоярви	Республика Карелия	ЗАО «Запкареллес»	4696	125
13	г. Кондопога	Республика Карелия	ОАО «Кондопога»; АО «Кондопожский ЦБК»	16723	3316
14	пос. Муезерский	Республика Карелия	ОАО «Муезерский лес-промхоз»	1433	1
15	пгт. Надвоицы	Республика Карелия	ОАО «Сибирско-Уральская Алюминиевая компания» филиал «НАЗ-СУАЛ»	4541	100
16	г. Питкяранта	Республика Карелия	ООО ПК «Грант» Целлюлозный завод «Питкяранта»	5403	848
17	г. Пудож	Республика Карелия	ООО «Пудожлеспром» ликвидирован	5038	
18	г. Емва	Республика Коми	ООО «ЛесСервисПлюс» и «Емва развитие»	7161	30
Категория 2. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения					
19	пос. Октябрьский	Архангельская область	ОАО «Устьялес», ОАО «Октябрьский ДСК»	4937	33
20	г. Кораяма	Архангельская область	Филиал ОАО «Группа «Илим»	19297	3463
21	г. Новодвинск	Архангельская область	ОАО «Архангельский ЦБК»	20620	4117
22	г. Сланцы	Ленинградская область	ОАО «Сланцевский цементный завод «Цесла»; ООО «Петербургцемент»; ООО «Сланцы»	18464	1295
23	пос. Никель	Мурманская область	ОАО «Кольская горнометаллургическая компания»	6949	1350
24	г. Мончегорск	Мурманская область	ОАО «Кольская ГМК»	25642	7445
25	г. Заполярный	Мурманская область	ОАО «Кольская горнометаллургическая компания»	8971	3308
26	г. Оленегорск	Мурманская область	ОАО «ОЛКОН»	17700	1870

		область			
27	г. Сокол	Вологодская область	ОАО «Сокольский ДОК», «Сокольский ЦБК», ООО «Сухонский ЦБК»	17604	1402
28	пос. Парфино	Новгородская область	ООО «Парфинский фанерный комбинат»	3646	714
29	г. Боровичи	Новгородская область	ОАО «Боровичский комбинат огнеупоров»	27135	4664
30	пос. Угловка	Новгородская область	ОАО «Угловский известковый комбинат»	2078	353
31	г. Сегежа	Республика Карелия	АО «Сегежский ЦБК» (ОАО «Сегежский ЦБК»)	14590	1935
32	г. Костомукша	Республика Карелия	ОАО «Карельский окатыш»	16919	3290
33	пгт Вяртсиля	Республика Карелия	ЗАО «Вяртсильский метизный завод»	1704	210
34	пос. Пиндуши	Республика Карелия	ОАО «Карелия ДСП»	2489	353
35	г. Лахденпохья	Республика Карелия	<i>Лахденпохский фанерный комбинат «Бумэкс»</i>	3774	
36	г. Инта	Республика Коми	АО «Шахта «Интауголь»	15353	179
37	пос. Жешарт	Республика Коми	ЗАО «Жешартский фанерный комбинат»	4648	1822
38	г. Воркута	Республика Коми	ОАО «Воркутауголь» (включая ОАО «Шахта Воргашорская»)	51598	6173
Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования СЗФО (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией					
39	г. Северодвинск	Архангельская область	«ОАО «ПО «Севмаш», ОАО «ЦС «Звёздочка»	10097 4	38601
40	г. Сясьстрой	Ленинградская область	ОАО «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат»	6948	1960
41	пос. Североонежск	Архангельская область	ОАО «СОБР»	2498	447
42	г. Печоры	Псковская область	ООО «Еврокерамика»	5148	839

Источник: Таблица составлена авторами на основе данных статистики муниципалитетов, Фонда развития моногородов, системы СПАРК⁸.

Если опираться на критерии Министерства регионального развития РФ, то ряд поселений, входящих в список моногородов не соответствуют одному или нескольким критериям (табл. 1). Так, например, первому критерию (25% экономически активного населения моногорода должны быть заняты на градообразующем предприятии) соответствуют только 17% моногородов СЗФО: Жешарт (39,2%), Северодвинск (38,2%), Заполярный (36,9%), Ковдор (36,7%), Кировск (32,4%), Мончегорск (29,0%), Сясьстрой (28,2%) и Пикалево (24,9%). В большинстве моногородов СЗФО (78,5%) средний показатель занятого населения на градообразующих предприятиях по отношению к экономически активному населению равен 14,7%. В список моногородов также входят населённые пункты, где градообразующие предприятия обанкротились или приостановили свою деятельность (порядка 34% всей «красной» зоны).

⁸ Курсивом в таблице выделены предприятия либо находящиеся в стадии банкротства, либо ликвидированные по состоянию на 01.01.2020.

Так, поселок городского типа Краснофарфорный, городское поселение Лахденпохья, городское поселение Пудож, города Пестово и Надвоицы фактически остались без градообразующих предприятий.

В 2015 г. для моногородов был предложен новый инструмент поддержки в виде возможности создавать на их территории зоны с особым налоговым режимом и обязательными платежами из внебюджетных фондов, так называемые территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР или ТОР). На территории СЗФО действует 11 таких зон. Информация по резидентам и количествам рабочих мест, созданных ими, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Данные по количеству резидентов и рабочим местам в ТОСЭР СЗФО, 2020

Субъект ТОСЭР	Наименование резидента	Количество рабочих мест, предоставленных резидентами
город Череповец	ООО «Пекарня «Счастливая» (прежнее краткое наименование резидента ООО «ЮгФинанс»)» ООО «Механика» ООО «Фиброплит» ООО «ЧТК Новый» ООО «ТД «Русский чай»» ООО «ЧСЗ» ООО «ЧМК» ООО «Завод НАРТИС» ООО «ЧЭК» ООО «Техноперспектива» ООО «Тепловой элемент» ООО «Вологодский молочный завод» ООО «Строй Бетон»	430
город Надвоицы	ООО «Русский радиатор» ООО «ТДМ» ООО «Спецстрой» ООО «КЮ Дата центр» ООО «Надвоицкий карборундовый завод»	181
город Пикалево	ООО «ПИТЭК» ООО «РемАвтоПик» ООО «Ф. Скрупской»	175
город Кировск	АО «ПО «Комплекс»» ООО «НИТРО СИБИРЬ ЗАПОЛЯРЬЕ» ООО «Реман» ООО «УМПТЕК» АО «ПО «Комплекс»» ООО «ТиДжи Сервис»	120
город Костомукша	ООО «Лапландия Транс» ООО «ИНВЕСТ ГРУПП» ООО «БОРЮ» ООО «НС ИНЖИНИРИНГ»	93
город Боровичи	ООО «Вилина»	89
посёлок Угловка	ООО «Валдайская косметика» ООО «СИЛ-Пласт»	52
город Кондопога	ООО «КЛЭЗ-Астар» ООО «ТКК-Т»	36

посёлок Емва	ООО «ЛесСервисПлюс»	26
город Онега	ООО «РодАрктур»	19
город Печоры	-	-

Источник: Таблица составлена на основании данных системы СПАРК, Фонда развития моногородов, официальных сайтов администраций монопрофильных поселений.

Как следует из таблицы, 3 ТОСЭР приходятся на моногорода Республики Карелия, где в совокупности на сегодняшний день удалось создать порядка 300 новых рабочих мест, насколько это удовлетворяет потребности поселений в сфере занятости населения — остаётся открытым вопросом. Самым успешным проектом в СЗФО, согласно оценкам Фонда моногородов РФ, признаётся моногород Череповец: территории удалось добиться значительных успехов в области диверсификации сфер экономической деятельности и уйти от монозависимости градообразующих предприятий. ТОСЭР Череповца вмещает 13 активно действующих резидентов, также здесь создано максимальное количество рабочих мест по отношению к другим зонам ТОСЭР в СЗФО. Как следует из таблицы, резиденты не могут удовлетворить потребности большинства моногородов в сфере занятости.

Таким образом, мы можем констатировать, что от данных официальной статистики ускользает важная часть сложившихся практик выживания населения моногородов. Это серьёзное ограничение имеет и свои последствия в процессе принятия управленческих решений. Как показано выше, даже при учёте существующего списка монопрофильных поселений большая часть из них попросту не соответствует заявленным критериям. Эта проблема экстраполируется и на поселения, которые по каким-то причинам не попадают в списки моногородов, имея при этом весь необходимый набор критериев, например: город Бокситогорск (Ленинградской области), город Апатиты Мурманской области и другие. Попадание в «список» слабо коррелирует с нормативно определёнными критериями.

Взгляд снизу: роль стихийных социально-экономических практик

Постепенный упадок экономического значения градообразующих предприятий привел к серьезным последствиям кризисного характера, из которого жители моногородов выходили по-разному. Капиталистическая реальность 1990-х гг. оказалась для них более чуждой и сложно преодолеваемой, чем в поселениях другого типа. Здесь сложились особые экономические, политические, социальные условия, особая территориальная идентичность, которые получили своё осмысление в работах таких исследователей, как А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев [29], А.В. Котов [12], А.Н. Пилясов [30], Д.А. Давыдов [31], Н.И. Карбаинов Н.И., Е.В. Недосека [1], Г.В. Жигунова [32] и других.

Трансформационные процессы 1990-х гг. по-разному отразились на состоянии монопрофильных городов: в большинстве случаев градообразующие предприятия продолжали функционировать, что в определённой степени поддерживало иллюзию относительной стабильности. Процессы приватизации, смена собственников, рынков сбыта и перепрофилиро-

вание производств хоть и являлись факторами тревожности, но не являлись сопоставимыми с прекращением работы всего предприятия.

В рамках нашего эмпирического исследования был осуществлён опрос представителей муниципальных властей (глав администраций, заместителей глав по различным вопросам, депутатов городских советов). Основными проблемами реализации экономического потенциала изучаемых территорий, по мнению информантов, выступили:

- непривлекательность территорий для молодёжи — как главного ресурса поселений. Опрашиваемые указывали, что молодёжь, видя сложности в самореализации ввиду ограниченных возможностей получить желаемый уровень образования, медицинского обслуживания, профессии, а также удовлетворить свои культурные запросы, не рассматривает территорию родного поселения как перспективного места. Действительно, данное предположение находит своё подтверждение и в данных официальной статистики. Данные по миграционной убыли представлены в табл. 3.

Таблица 3

Миграционная убыль населения монопрофильных поселений СЗФО с 2000 по 2020 гг.

№	Наименование поселения	% миграционной убыли с 2000 по 2020 гг.	№	Наименование поселения	% миграционной убыли с 2000 по 2020 гг.
1	Череповец	-3%	22	Пикалево	-23%
2	Костомукша	-7%	23	Заполярный	-23%
3	Пестово	-9%	24	Сегежа	-25%
4	Вяртсиля	-9%	25	Парфино	-25%
5	Пос. Октябрьский	-10%	26	Кировск	-25%
6	Сокол	-13%	27	Оленегорск	-25%
7	Новодвинск	-13%	28	Онега	-26%
8	Сясьстрой	-13%	29	Емба	-26%
9	Североонежск	-16%	30	Жешарт	-29%
10	Пиндуши	-18%	31	Красавино	-29%
11	Краснофарфорный	-19%	32	Питкяранта	-30%
12	Пудож	-19%	33	Ковдор	-32%
13	Коряжма	-19%	34	Лахденпохья	-32%
14	Сланцы	-20%	35	Кизема	-32%
15	Боровичи	-20%	36	Муезерский	-33%
16	Северодвинск	-21%	37	Никель	-33%
17	Кондопога	-21%	38	Печоры	-34%
18	Мончегорск	-21%	39	Надвоицы	-35%
19	Ревда	-22%	40	Угловка	-37%
20	Суоярви	-23%	41	Воркута	-41%
21	Сазоново	23%	42	Инта	-51%

Источник: данные ЕМИСС

Согласно оценкам информантов, одной из самых активных миграционных групп выступает молодёжь от 16 до 25 лет. Информанты указывали на вымывание человеческого ка-

питала на территориях их поселений. Говоря о непрекращающейся оптимизации учреждений социальной сферы, в связи с которой количество объектов социальной инфраструктуры (школы, больницы, учреждения культуры и спорта) постоянно сокращаются или исчезают вовсе. Важным методологическим замечанием является то, что в объектив официальной статистики попадает лишь «верхушка айсберга», как отмечали информанты, реальные миграционные потери населения не представляется возможным оценить по причине фиксации только показателей прописки по месту жительства, так же даются приблизительные оценки в отношении маятниковой миграции населения, так в г. Пикалево порядка 1,5 тыс. экономически активного населения работает за пределами поселения.

В отношении объектов социальной инфраструктуры в моногородах ещё свежа память об определяющей финансовой роли градообразующего предприятия в поддержании данных учреждений. Даже при стабильном финансовом положении предприятий социальные инициативы направлены, как правило, на работников градообразующих предприятий, что усугубляет неравенство в моногородах. Главы муниципалитетов указывали на достаточно слабую связь с руководствами предприятий, указывая на их реальную недоступность, так как большинство лиц, принимающих решения, не проживает на территории поселения, а также на незначительную заинтересованность в диалоге с муниципальными властями. Пришедшим новым собственникам компаний интересны эффективность и прибыль, единственная связь с региональным социумом — это оценка населения с точки зрения эффективной или неэффективной рабочей силы. В этом смысле интересен кейс одного из моногородов республики Карелия, где возник конфликт интересов, связанный с привлечением на градообразующее предприятие работников-вахтовиков, которым компания предоставляла жильё и рабочие места (тем самым уходя от налогов и дополнительных северных выплат, по словам информантов), практически игнорируя ресурсы местного населения. По словам главы администрации, данный вопрос напрямую решался с руководством компании, так как привел к серьёзному обострению ситуации в городе⁹.

- ограниченные возможности в принятии решений. Существенная зависимость от вертикали — региональных и федеральных властей. Данные ограничения, по словам представителей муниципалитетов, значительно сказываются на объёмах бюджетов (особенно это характерно для поселений с активно действующими предприятиями) и полномочиях. Нами замечено, что связь между объёмом бюджета и принципиальным качеством жизни поселения не обнаружена: средний бюджет моногорода примерно 20–25 тыс. населения равен порядка 90 млн рублей, принципиально отличается бюджет г. Коряжмы, который в 2019 г. составлял 1,1 млрд рублей. Здесь же необходимо отметить, что большинство бюджетов монопрофильных поселений в СЗФО остаётся дефицитным.

⁹ По этическим соображениям в статье не приводится название моногорода и градообразующей компании.

- низкая предпринимательская активность населения. По мнению информантов, существующая система грантов слабо оправдывает себя. Так, грантополучатели преимущественно ориентированы на реализацию проектов в сфере услуг в тех сегментах экономики, которые не являются значимыми и перспективными по причине насыщенности рынка. Как правило, это парикмахерские и многочисленные образовательные услуги. Немаловажным замечанием со стороны информантов, было указание на распространение региональных и федеральных торговых сетей, по сравнению с которыми индивидуальное предпринимательство не выдерживает конкуренции.
- отсутствие предложений от потенциальных резидентов. Поиск резидентов и отбор существующих предложений по критериям соответствия ТОСЭР является серьёзным препятствием для реализации экономического потенциала территорий. Несмотря на целый ряд преференций, которые обещает ТОСЭР в области финансовой поддержки и особого налогового режима, не все организации, даже начавшие работу в зоне, смогли использовать их в полном объёме.

Тем не менее, несмотря на далекую от оптимистических экономических показателей статистику поселений, в рамках проведённого нами эмпирического исследования нам удалось выделить следующие стратегии адаптации населения моногородов Северо-Запада России к новым социально-экономическим условиям, которые представляют собой стихийные низовые практики выживания.

1. Отходничество или вахтовый метод. Распространённой стратегией выживания в постсоветских экономических условиях, особенно для жителей малых городов, является отходничество [25]. Результаты нашего эмпирического исследования также показали, что значительная часть жителей моногородов стала выезжать в поисках работы в крупные города (на Северо-Западе России в первую очередь в Санкт-Петербург) и на «Севера».

2. Маятниковая миграция внутри стихийных локальных агломераций. Создание стихийных локальных агломераций — обычная практика для поселений данного типа. Так, например, Бокситогорск, Пикалево, Тихвин в Ленинградской области; Сегежа, Надвоицы и Кондопога с Петрозаводском в республике Карелия; Мончегорск, Апатиты, Кировск в Мурманской области и пр. Циркулирование рабочей силы в пределах локальных агломераций является характерной чертой повседневности моногородов. Такие города-спутники, находящиеся в непосредственной близости либо друг от друга, либо на относительно удалении от областного или районного центра, оказываются в более стабильном по отношению к изолированным поселениям положении. Так, например, г. Красавино, г. Инта, посёлки Сазоново, Краснофарфорный, Пиндуши, Североонежск не имеют развитой инфраструктуры [33, Голливцова Н.Н., с. 14], которая в значительной степени усугубляет социально-экономическое положение поселений. Появившиеся локальные агломерации играют важную экономическую, досуговую роль в жизни сателлитных территорий. Расхождение между местом жи-

тельства и местом работы — довольно часто встречающаяся практика, под которую активно формируются и успешно функционируют целые сегменты рынка (сдача жилья в аренду, частный извоз и прочее).

3. Распределённый образ жизни. Важной стратегией выживания как для россиян в целом, так и для жителей моногородов в частности стало то, что Симон Кордонский называет «распределённым образом жизни» [27]. Как отмечает С. Кордонский: «Жизнь большинства семей России распределена между городской квартирой, дачей, погребом, сараем и гаражом. Чаще всего семья в обычном городе имеет городскую квартиру, дом-дачу с участком земли в пригороде или деревне, баню, птичник (свинарник, коровник), погреб (сарай) в городе, где хранятся продукты питания, произведённые на «даче», автомашину (и гараж), основная функция которой обеспечивать связь между городской квартирой и дачей. Гараж может быть совмещён с погребом (сараем). В селе функции дома и дачи совмещены, и есть — кроме приусадебного участка — ещё и покос, земля «под картошку», а также используемые непонятно на каких условиях лесные и речные угодья» [27, Кордонский С.Г., с. 23]. Распределённый образ жизни стал формироваться в моногородах ещё в советское время, но особенно он расцвёл в 1990-е гг. Многие жители моногородов имеют помимо городских квартир и дачи в пригородной зоне, и в соседних деревнях. Так, например, некоторые жители Пикалево покупают дома в деревнях Бокситогорского района и используют их или как дачу, или как основное место жительства. В последнем случае они объясняют, что в Пикалево плохая экологическая ситуация, а в деревне «чистый воздух». На дачах и в деревенских подворьях выращивают овощи и даже свиней, птицу и другую живность. Для огородничества также используются участки земли прямо рядом с многоквартирными домами. Такую картину мы наблюдали в Лучках, пригороде Сланцев. Прямо рядом с домами были высажены небольшие огородики. Интересный пример распределённого образа жизни в Сясьстрое. Жителей аварийных домов переселили в новые дома, и они по старой привычке построили сараи на самовольно захваченной земле недалеко от своего нового жилья.

4. Неформальная экономика. Немаловажную роль в жизни моногородов играют практики неформальной экономики. Например, частный извоз, частные ремонт и строительство, репетиторство и так далее. Жители моногородов также вовлечены в такие сферы неформальной экономики как собирательство, охота, рыбалка и другие. Понятно, что в большинстве случаев с этих доходов не уплачиваются налоги.

Важным примечанием является то, что социокультурное и экономическое пространство моногородов СЗФО не является гомогенным, это очень разные поселения, которые возможно разделить на три основные группы: 1. Моногорода Арктической зоны РФ, очевидной спецификой является удалённость и труднодоступность поселений, а также слабая укоренённость. Здесь в наибольшей степени проявляют себя стратегии отходничества и вахтового метода работы. 2. Моногорода Ленинградской области, где близость Санкт-Петербурга является ключевой характеристикой, определяющей силу агломерационных тенденций, где

маятниковая миграция выступает распространённой практикой. 3. Моногорода, располагающиеся в Вологодской области, Новгородской и южной части Архангельской области, для них характерна большая укоренённость населения, проявляющая себя в активном использовании потенциала территорий за счёт туризма и распределительного образа жизни.

Заключение

Таким образом, критерии отнесения поселений к моногородам не соответствует реальному положению дел (средний уровень занятости экономически активного населения на действующих градообразующих предприятиях не отвечает заявленным в критериях 25%, а в среднем значении не превышает 15%). Важно отметить, что в значительном числе поселений красной зоны градообразующие предприятия — это «мёртвые души», находящиеся в стадии банкротства или ликвидированные. Попытки диверсификации занятости за счёт введения зон особого экономического и налогового режимов, как свидетельствуют данные, мера далёкой перспективы. Количество новых рабочих мест даже в общей совокупности далеко от реальных потребностей населения моногородов. Прекращение работы или снижение объёма производства градообразующего предприятия, а также сокращение численности работников на этих предприятиях, не приводят к «умиранию» моногородов. Данные эмпирического исследования показали, что представители администраций моногородов чётко ориентируются в основных проблемах поселений, но ограниченные полномочия в принятии решений оставляют их заложниками ситуаций, где следование формальности указаний и предписаний никак не коррелирует с повышением качества жизни поселений, так как оставшиеся жители этих поселений сумели приспособиться к новым социально-экономическим условиям. Результаты интервью и включённых наблюдений позволили нам определить стратегии выживания, низовые практики населения, которое стихийно встраивается в новые экономические реалии, так редко попадающие в управленческое видение.

Литература

1. Карбаинов Н.И., Недосека Е.В. Трансформация советской модерности в российских моногородах / Малые города в социальном пространстве России: [монография] / [А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский и др.]. Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 146–155. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
2. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. Москва: Хронограф, 2012. 504 с.
3. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Москва: Директ Медиа. 2014. 765 с.
4. Макаров А.Н. Эволюция моногородов как инфраструктурного потенциала инновационного импортозамещения // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 41 (320). С. 53–57.
5. Поповичева Н.Е., Полянин А.В. Проблемы развития моногородов в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 4. Т. 10. С. 186–193. DOI: 10.12737/11965
6. Гусев В.В. Российские моногорода: проекты будущего или архаичное наследие прошлого // Власть. 2012. № 10. С. 23–27.
7. Калмыков Н.Н., Меньщикова В.И., Меркулова Е.Ю., Константинов И.Б., Константинова Е.П., Тенькина О.Л. Ключевые направления стабилизации социально-экономического положения

- российских моногородов // Развитие территорий. 2018. № 2 (12). С. 14–18. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-14-19
8. Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // ТОPOS. 2011. № 1. С. 208–224.
 9. Антонова И.С. Теория диверсификации экономики моногорода // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 179–192.
 10. Севастьянова А.Е. Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 139–145. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-139-145
 11. Землянский Д.Ю., Ламанов С.В. Сценарии развития монопрофильных городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. 2014. № 4. С. 69–74.
 12. Котов А.В. «Полярный Рур»: структурная политика в моногородах российской Арктики // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2017. № 7. С. 34–52.
 13. Манаева И.В., Болтенкова Ю.В. Методические рекомендации по выбору сценария развития моногородов // Проблемы развития территорий. 2016. № 6 (86). С. 196–208.
 14. Урожаева Т.П. Моногорода в 1980–1990-е годы: зарубежный, российский и региональный опыт решения социально-экономических проблем // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3. С. 35–39.
 15. Кулай С.В. Зарубежный опыт модернизации и реструктуризации экономики моногородов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 224–248.
 16. Гусев В.В. Монопрофильные поселения (моногорода): зарубежный опыт решения социальных проблем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 5–8.
 17. Дмитриева Е.О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. № 1. Том. 9. С. 37.
 18. Петрина О.А. Государственная поддержка моногородов в России // Вестник университета. 2015. № 6. С. 151–156.
 19. Скоробогатова Ю.А., Балдина А.А. Роль малого предпринимательства в социально-экономическом развитии моногородов Иркутской области // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13
 20. Дмитриева Е.О. Модели развития малого предпринимательства в моногородах Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 2. С. 195–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216
 21. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика. Москва: URSS, 2015. 216 с.
 22. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 53–65. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-53-65
 23. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. Москва: Экон-Информ, 2013. 614 с.
 24. Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю., Власова Н.И., Гривина И.В. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России: монография. Москва: Московский общественный научный фонд, 2004. 224 с.
 25. Отходники: [монография] / Плюснин Ю. М. [и др.]. Москва: Новый Хронограф, 2013. 288 с.
 26. Бугаев М.А. Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Вып.4. Сер. 5. С. 86–116.
 27. Кордонский С.Г. В реальности и на самом деле // Логос. 2000. № 5–6 (26). С. 53–64.
 28. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. Москва: Издательский дом ГУВШЭ, 2004. 448 с.
 29. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 206–234. DOI: 10.31119/pe.2016.3.7
 30. Пилясов А.Н., Котов А.В. Моногорода российской Арктики: анализ стратегий развития по комплексным инвестиционным планам // Арктические ведомости. 2017. № 1. С. 116–124.

31. Давыдов Д.А. Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. Серия Социология. 2014. № 5. С. 73–79.
32. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
33. Голицова Н.Н. Анализ населённых пунктов монопрофильного типа СЗФО РФ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 2. С. 10–16.

References

1. Karbainov N.I., Nedoseka E.V. Transformatsiya sovetskoy modernosti v rossiyskikh monogorodakh [Transformation of Soviet Modernity in Russian Single-Industry Towns]. *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small Towns in the Social Space of Russia]. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS Publ., 2019, pp. 146–155. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019
2. Lappo G.M. *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [Towns of Russia. A Geographer's Perspective]. Moscow, Khronograf Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)
3. Turgel' I.D. *Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu* [Monofunctional Towns in Russia: from Survival to Sustainable Development]. Moscow, Direkt Media, 2014. 765 p. (In Russ.)
4. Makarov A.N. Evolyutsiya monogorodov kak infrastruktornogo potentsiala innovatsionnogo importozameshcheniya [Company Towns Evolution as Infrastructure Building Innovative Import Substitution]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2013, no. 41 (320), pp. 53–57.
5. Popovicheva N.E., Polyanin A.V. Problemy razvitiya monogorodov v sovremennykh usloviyakh [Problems of Development of Monocities in the Modern World]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2015, no. 4, vol. 10, pp. 186–193. DOI: 10.12737/11965
6. Gusev V.V. Rossiyskie monogoroda: proekty budushchego ili arkhaychnoe nasledie proshlogo [Russian Mono-Cities: Projects of the Future or Heritage of the Past?]. *Vlast'* [The Power], 2012, no. 10, pp. 23–27.
7. Kalmykov N.N., Menshchikova V.I., Merkulova E.Yu., Konstantinov I.B., Konstantinova E.P., Teten'kina O.L. Klyuchevye napravleniya stabilizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya rossiyskikh monogorodov [The Key Directions for Stabilization of Socio-Economic Situation of Russian Single-Industry Towns]. *Razvitie territoriy* [Territory Development], 2018, no. 2 (12), pp. 14–18. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-14-19
8. Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshchev M. Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva [Monocity: Dilemmas of Designing Space]. *TOPOS*, 2011, no. 1, pp. 208–224.
9. Antonova I.S. Teoriya diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Diversification Theory for Company-Town Economy]. *Vestnik nauki Sibiri* [Siberian Journal of Science], 2015, no. 2 (17), pp. 179–192.
10. Sevastyanova A.E. Strategicheskie aspekty diversifikatsii i modernizatsii ekonomiki monogorodov [Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences], 2018, no. 2, pp. 139–145. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-139-145
11. Zemlyanskiy D.Yu., Lamanov S.V. Stsenarii razvitiya monopofil'nykh gorodov Rossii [Scenarios of Development for the Single Industry Towns in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2014, no. 4, pp. 69–74.
12. Kotov A.V. «Polyarnyy Rur»: strukturnaya politika v monogorodakh rossiyskoy Arktiki ["Polar Ruhr": Structural Policy in Monotowns of the Russian Arctic]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [ECO journal], 2017, no. 7, pp. 34–52.
13. Manaeva I.V., Boltchenkova Yu.V. Metodicheskie rekomendatsii po vyboru stsenariya razvitiya monogorodov [Methodological Recommendations on Selection of Scenarios for the Development of Single-

- Industry Towns]. *Problemy razvitiya territoriy* [Problems of Territory's Development], 2016, no. 6 (86), pp. 196–208.
14. Urozhaeva T.P. Monogoroda v 1980–1990-e gody: zarubezhnyy, rossiyskiy i regional'nyy opyt resheniya sotsial'no-ekonomicheskikh problem [Mono-Industry Towns of the 1980-1990-ies: Foreign and National Experience in Solving Social and Economic Problems]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2016, no. 3, pp. 35–39.
 15. Kulay S.V. Zarubezhnyy opyt modernizatsii i restrukturizatsii ekonomiki monogorodov [Foreign Experience of Single-Industry Towns Modernization and Economic Restructuring]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [E-journal. Public Administration], 2019, no. 73, pp. 224–248.
 16. Gusev V.V. Monoprofil'nye poseleniya (monogoroda): zarubezhnyy opyt resheniya sotsial'nykh problem [Monoprofile Settlements (Monocities): Foreign Experience Solving Social Problems]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 5–8.
 17. Dmitrieva E.O. Gosudarstvennaya podderzhka monogorodov RF v usloviyakh vosstanovleniya ekonomicheskogo rosta [State Support of the Russian Single-Industry Towns in Terms of Economic Growth]. *Naukovedenie*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 37.
 18. Petrina O.A. Gosudarstvennaya podderzhka monogorodov v Rossii [State Support for Single-Industry Towns in Russia]. *Vestnik universiteta*, 2015, no. 6, pp. 151–156.
 19. Skorobogatova Yu.A., Baldina A.A. Rol' malogo predprinimatel'stva v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii monogorodov Irkutskoy oblasti [Role of Small Business in Socio-Economic Development of Single-Industry Towns in Irkutsk Oblast]. *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13
 20. Dmitrieva E.O. Modeli razvitiya malogo predprinimatel'stva v monogorodakh Rossiyskoy Federatsii [Development Model of Small Businesses in Single-Industry Towns of the Russian Federation]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi], 2017, vol. 9, no. 2, pp. 195–216. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-195-216
 21. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Innovatsionnyy poisk v monoprofil'nykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika* [Innovative Search in Single-Industry Cities: Development Blockages, New Industrial Policy]. Moscow, URSS Publ., 2015. 216 p.
 22. Meerovich M.G. Sovetskie monogoroda: istoriya vzniknoveniya i spetsifika [Soviet Monoprofile Cities: The Story behind and Key Features]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 1, no. 53–65. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-53-65
 23. Lyubovnyy V.Ya. *Goroda Rossii: al'ternativy razvitiya i upravleniya* [Russian cities: development and management alternatives]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2013. 614 p. (In Russ.)
 24. Lyubovnyy V.Ya., Kuznetsova G.Yu., Vlasova N.I., Grivina I.V. Puti aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya monoprofil'nykh gorodov Rossii: monografiya [Ways to Activate the Socio-economic Development of Single-industry Cities in Russia]. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2004. 224 p.
 25. Plyusnin Yu.M., ed. *Otkhodniki : monografiya* [Vacationers]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)
 26. Bugaev M.A. Mayatnikovye migratsii na rynke truda Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti [Labor Commuting in the Labor Market of Saint Petersburg and Leningrad Region]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St Petersburg University Journal of Economic Studies], 2015, no. 4, iss. 5, pp. 86–116.
 27. Kordonskiy S.G. V real'nosti i na samom dele [In Reality, and in Fact]. *Logos*, 2000, no. 5–6 (26), pp. 53–64.
 28. Barsukova S.Yu. *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal Economy: Economics-Sociological Analysis]. Moscow, National Research University HSE Publ., 2004. 448 p. (In Russ.)
 29. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast' v monogorode [Power in the Mono-Industrial Company Town]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2016, vol. 3, pp. 206–234. DOI: 10.31119/pe.2016.3.7

30. Pilyasov A.N., Kotov A.V. Monogoroda rossiyskoy Arktiki: analiz strategiy razvitiya po kompleksnym investitsionnym planam [Monotowns of the Russian Arctic: Analysis of the Development Strategy for Comprehensive Investment Plans]. *Arkticheskie vedomosti* [Arctic Herald], 2017, no. 1, pp. 116–124.
31. Davydov D.A. Monogorodskaya identichnost' i problemy «promyshlennoy mental'nosti» (na primere g. Magnitogorska) [Monotown Identity and Problems of Industrial Mentality (on Example of Magnitogorsk)]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. Seriya Sotsiologiya* [Perm Federal Research Centre Journal], 2014, no. 5, pp. 73–79.
32. Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Osobennosti lokal'noy identichnosti zhiteley monogorodov (na primere Murmanskoy oblasti) [Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (the Case of the Murmansk Oblast)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118
33. Golitsova N.N. Analiz naselennykh punktov monoprofil'nogo tipa SZFO RF [Analysis of Settlements of Single-Industry Type in the Northwestern Federal District]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2018, no. 2, pp. 10–16.

Статья принята 04.10.2020.

УДК [332.012.23:502.174.3](988)(491.1)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.182

Доверие в Ultima Thules: развитие социального капитала и возобновляемых источников энергии в Исландии и Гренландии: часть I *

© ПАТОНЯ Алексей, MPP, MSc

Email: aliaksei.patonia@oxfordenergy.org; zerbstalex@gmail.com

Оксфордский институт энергетических исследований, Оксфорд, Великобритания

Аннотация. Исландия, независимое государство, и Гренландия, автономная административная единица в составе Дании, представляют собой две территории с аналогичным географическим, экономическим и историческим прошлым. Обе они, изолированные от континентов, страдают от неблагоприятного климата, что делает их экономически зависимыми от торговли и импорта. Тем не менее, несмотря на эти сходства, их национальные энергетические модели существенно различаются. В частности, Исландия восстанавливает большую часть своего энергобаланса за счёт местных возобновляемых источников энергии, тогда как Гренландия удовлетворяет спрос на энергию импортируемыми углеводородами. В данной статье исследуются причины отставания Гренландии от Исландии в аспекте развития возобновляемых источников энергии. Предполагается, что, помимо наиболее часто упоминаемых географических, институциональных и культурных факторов, разница в уровне социального капитала в значительной степени предопределила разнонаправленность энергетических стратегий стран. В этом смысле более высокий уровень социального капитала Исландии стимулирует развитие возобновляемой энергетики, в то время как более низкий уровень социального капитала Гренландии препятствует этому. Чтобы проверить эту гипотезу, в статье конструируется «триединство социального капитала», которое предполагает, что конкретные географические, институциональные и культурные факторы связаны с развитием возобновляемых источников энергии посредством социального капитала. Полученные данные показывают, что Гренландия, зависящая от импорта углеводородов, имеет значительно более низкий ожидаемый уровень социального капитала, чем Исландия, которая в основном использует возобновляемые источники энергии, что в целом соответствует гипотезе исследования.

Ключевые слова: Исландия, Гренландия, возобновляемые источники энергии, социальный капитал, география, институт, культура.

Trust in Ultima Thules: Social Capital and Renewable Energy Development in Iceland and Greenland. Part I

© Aliaksei PATONIA, MPP, MSc

Email: aliaksei.patonia@oxfordenergy.org; zerbstalex@gmail.com

Oxford Institute for Energy Studies, Oxford, United Kingdom

Abstract. Iceland — an independent republic — and Greenland — an autonomous country within Denmark — represent two nations with similar geographical, economic, and historical backgrounds. Isolated from the continents, both are significantly affected by an adverse climate, making their economies dependent on trade and import. Nevertheless, despite their similarities, their national energy patterns differ substantially. Specifically, Iceland covers most of its energy mix with local renewables, whereas Greenland meets most of the energy demand with imported hydrocarbons. This paper investigates the reasons for Greenland lagging behind Iceland in terms of developing renewable energy resources. It hypothesises that, apart from the commonly-mentioned geographical, institutional, and cultural factors, the difference in social capital level

* Для цитирования: Патоня А. Доверие в Ultima Thules: развитие социального капитала и возобновляемых источников энергии в Исландии и Гренландии: часть I // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 182–219. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.182

For citation: Patonia A. Trust in Ultima Thules: Social capital and renewable energy development in Iceland and Greenland. Part I. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 182–219. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.182

has significantly contributed to the countries' divergent energy strategies. In this sense, Iceland's higher social capital stock stimulates its renewable power progress, whereas Greenland's lower social capital level hampers it. To examine this hypothesis, the article constructs a 'social capital tripod', which assumes specific geographical, institutional, and cultural factors to be linked to renewable energy development through social capital. The findings demonstrate that Greenland, being dependent on hydrocarbon import, has a significantly lower expected level of social capital than Iceland, which runs mostly on renewables, therefore generally aligning with the research hypothesis.

Keywords: *Iceland, Greenland, renewable energy, social capital, geography, institution, culture.*

Введение

Исландия — островное государство, расположенное на стыке Северного Ледовитого и Атлантического океанов, площадью около 103 000 км² и населением порядка 335 000 человек — считается наименее густонаселённой страной Европы ¹.

Расположенная в том же регионе, между Атлантическим и Северным Ледовитым океанами, Гренландия обладает огромной территорией в 2 166 086 км² с населением около 56 500 человек и поэтому считается самой малонаселённой страной в мире ². Неблагоприятный климат и ледники, покрывающие значительные доли их территорий, ограничивают сельскохозяйственную деятельность обеих стран, что предопределяет расположение большинства населённых пунктов в районе береговой линии. Вследствие этого исландское население исторически развивало рыболовство, в то время как гренландские инуиты сосредоточились на охоте на морских млекопитающих, при этом в современной экономике оба этих вида деятельности занимают значительную долю.

Согласно Х. Кристьянсдоттир [1], специфические географические особенности Гренландии и Исландии повлияли на их историческое и экономическое развитие. По мнению Дж. Харт [2], удалённое расположение и неблагоприятный климат в значительной степени способствовали изоляции стран, препятствуя их доступу к товарам и технологиям. Таким образом, по мнению Х. Кристьянсдоттир [1], обе страны в прошлом были одними из наименее развитых в экономическом отношении, при этом упомянутые традиционные виды деятельности преобладали до периода модернизации после Второй мировой войны, который стимулировал рост экономики и населения. Этот период также совпал с обретением Исландией полноценной независимости, переходом от статуса датской колонии с ограниченным самоуправлением к современной демократической республике ³. Аналогичным образом, согласно У. Гад [3], переход Гренландии к независимости от Дании начался в ранний послевоенный период и привёл к созданию национального правительства (Naalakkersuisut). Таким образом, обе страны имеют значительное сходство в географии, культуре, экономике и истории системы государственного управления.

¹ Statistics Iceland. Mannfjöldapróun 2018/ Population development 2018. URL: file://cfs/users/aip4/Documents/Downloads/download.pdf (дата обращения: 17.07.2019).

² Statistics Greenland. Population. URL: <http://www.stat.gl/dialog/topmain.asp?lang=en&subject=Population&sc=BE> (дата обращения: 06.07.2019).

³ Witherall R. From fish to aluminium: Iceland turns attention to energy intensive industries, *Aluminium Today*, 1998, vol. 10, iss. 5, с. 1–32.

Несмотря на это, с точки зрения энергетического сектора, Исландия и Гренландия совершенно разные. В настоящее время структура энергопотребления Исландии основывается в большей степени на электрической и тепловой энергии местного производства. При этом небольшое количество углеводородов импортируется преимущественно для транспортных целей⁴. Согласно данным Оркустофнун, Национального энергетического управления Исландии, три четверти национальной электроэнергии вырабатывается исландскими гидроэлектростанциями, оставшаяся часть — местными геотермальными станциями⁵. Структура энергетического сектора Гренландии, напротив, в основном зависит от импорта нефти и газа, поскольку, по мнению У. Гад [3], немногочисленные гидроэлектростанции и предприятия по сжиганию отходов не в состоянии удовлетворить местные потребности. Действительно, большая часть общего потребления энергии страны состоит из иностранных углеводородов, а менее 20% приходится на внутренние энергетические ресурсы⁶. Таким образом, несмотря на значительное сходство, Исландия и Гренландия парадоксальным образом демонстрируют противоположные тенденции развития возобновляемых источников энергии.

Цель, задачи и гипотеза исследования

Как было сказано выше, модели развития возобновляемых источников энергии в Исландии и Гренландии существенно различаются. Исландия, производящая большую часть энергии из возобновляемых источников, представляет собой почти уникальный образец устойчивого развития. В то время как Гренландия, покрывая лишь малую часть своего энергетического баланса с помощью малых гидроэлектростанций, по-прежнему зависит от импорта углеводородов⁷. В связи с этим, *цель* настоящего исследования — выяснить, почему, несмотря на все сходства, Гренландия не развивает возобновляемые источники энергии так же активно, как Исландия.

Пытаясь объяснить причины расхождения энергетических стратегий двух стран географическими, институциональными или культурными факторами, традиционные теории демонстрируют значительные недостатки. Таким образом, в данной статье *социальный капитал* рассматривается как альтернативное предварительное условие для развития возобновляемых источников энергии, которое может включать в себя преимущества географического расположения, институциональной и культурной парадигм. В частности, принимая во внимание положительное влияние устойчивого социального капитала на развитие возобновляемой энергетики, описанное в предыдущих исследованиях, посвящённых данной тематике, в данной статье предполагается, что географические, институциональные и культур-

⁴ Smiths C., Justinussen J., & Bertelsen R. Human capital development and a social license to operate: Example from Arctic energy development in the Faroes Islands, Iceland and Greenland, *Arctic Energy*, 2016, 1 (1), с. 122–131.

⁵ Orkustofnun. Hydro Power Plants in Iceland. URL: <http://www.nea.is/hydro-power/electric-power/hydro-power-plants/> (дата обращения: 11.27.2019).

⁶ Statistics Greenland. Greenland in figures 2018. URL: <http://www.stat.gl/publ/en/GF/2017/pdf/Greenland%20in%20Figures%202017.pdf> (дата обращения: 21.09.2019).

⁷ Taagholt J. & Brooks K. Mineral riches: A route to Greenland's independence, *Polar Record*, 2016, 52 (3), с. 360–371.

ные особенности могут рассматриваться в качестве косвенных показателей социального капитала и, следовательно, потенциальных индикаторов национального развития возобновляемой энергетики. Таким образом, *выдвигается гипотеза* о том, что низкий уровень социального капитала в Гренландии и его высокий уровень в Исландии предопределяют ограниченный прогресс в области возобновляемой энергетики в первом случае и значительное развитие во втором.

Основная задача настоящей статьи — *оценить размер социального капитала в каждой из стран и сравнить их*. Однако, определяя социальный капитал как форму капитала, использующую социальные отношения для достижения определенных преимуществ, Ю. Инаба [4] признает широту и сложность этого понятия. Следовательно, чтобы избежать двусмысленности в достижении цели исследования, данная статья ставит ещё одну задачу: *выработать определение социального капитала путём выявления его ключевых компонентов*. Предполагается, что конкретные географические, институциональные и культурные особенности влияют на компоненты социального капитала по-разному; в связи с этим данное исследование направлено на *изучение того, какие из этих характеристик могут влиять на определённые компоненты социального капитала и каким образом*. Наконец, чтобы *иметь возможность измерить текущую величину этих косвенных показателей*, в статье также оцениваются уровни социального капитала в Исландии и Гренландии.

Структура

Для достижения поставленной цели в исследовании, прежде всего, рассматриваются географические, институциональные и культурные гипотезы — т.е. ключевые теоретические основы, потенциально объясняющие неравенство в использовании возобновляемых источников энергии Исландии и Гренландии. В дальнейшем определение ключевых преимуществ и недостатков этих теорий демонстрирует неспособность каждой из этих гипотез по отдельности в полной мере прояснить причины различий в развитии возобновляемой энергетики между рассматриваемыми странами.

Принимая во внимание данный концептуальный пробел, в исследовании впоследствии вводится концепция социального капитала. При этом утверждается, что он может стать связующим звеном между географическим, институциональным и культурным подходами и прогрессом в области возобновляемой энергетики, формируя в конечном итоге «триединство социального капитала».

Ввиду сложностей, возникающих с чётким определением понятия «социальный капитал», в следующем разделе настоящего исследования рассматриваются ключевые компоненты этого феномена. После этого они соотносятся с географическими, институциональными и культурными показателями, формируя таким образом «матрицу социального капитала». Эта «матрица» далее используется для анализа социального капитала в Исландии и Гренландии. В частности, при сопоставлении географических, институциональных и культур-

ных показателей стран в ходе исследования оценивается конечный уровень социального капитала в каждой из них. Дальнейшее сопоставление ожидаемых уровней социального капитала в Исландии и Гренландии позволяет произвести общую проверку гипотезы исследования.

В заключительной части настоящей статьи демонстрируется возможность дальнейшего использования «триединства социального капитала» при анализе текущих и прогнозируемых тенденций в области возобновляемых источников энергии, что в целом позволяет объяснить неудачи в развитии возобновляемой энергетики в областях, подходящих для её развития. Помимо демонстрации преимуществ данной концепции, в заключительной части статьи определяются её существенные ограничения, а также излагается альтернативная теория, объясняющая энергетическую ситуацию в Исландии и Гренландии. В заключение в исследовании содержатся предложения по дальнейшему совершенствованию подхода, основанного на принципе «триединства».

Обзор литературы

Классические теоретические основы. Согласно Д. Аджемоглу, «двумя основными кандидатами для объяснения фундаментальных причин различий в благосостоянии между странами являются география и институты» [5, с. 27]. В частности, сторонники институциональной гипотезы приписывают социальный успех наличию «хороших институтов, поощряющих инвестиции в развитие техники, человеческого капитала и более совершенных технологий» [Там же, с. 28]. В своей работе Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [6] анализируют Демократическую Республику Конго — бедную страну с богатыми природными ресурсами, но плохо функционирующими институтами. С другой стороны, сторонники географической парадигмы полагают, что «неблагоприятное географическое положение может не только нанести вред государствам, но и замедлить развитие и распространение технологий» [7, Sachs J., с. 145]. Чтобы проиллюстрировать эти принципы, такие исследователи, как Дж. Даймонд, приводят пример засушливого региона Африки к югу от Сахары⁸. Ввиду наличия реальных примеров, поддерживающих обе концепции, «в литературе, посвящённой эмпирическим исследованиям роста, ведутся постоянные серьёзные дебаты «институтов против географии» [8, Kourtellos A., Stengos T., Tan C., с. 1].

Для согласования теорий был предложен альтернативный подход: развивая идеи М. Вебера о протестантской этике, способствующей экономическому прогрессу, С. Ши и др. [9, с. 281] подчеркнули важность культурного аспекта для национального развития, предполагая, что «коммерческая культура оказывает значительное положительное влияние на экономические показатели». Пытаясь восполнить пробелы географического и институционального подходов, эта культурная гипотеза добавляет элемент персонализации, дополняя предыдущие подходы и предлагая исследователям третий вариант анализа национального развития.

⁸ Diamond J. *Guns, germs, and steel: The fates of human societies*. New York: W.W. Northon & Company, 1999.

Поскольку, согласно Э. Мо, «существует сильная и документально подтверждённая корреляция между энергетическим... и экономическим ростом и развитием» [10, с. 1730], развитие энергетики обычно рассматривается с учётом этих теорий. Таким образом, в данной статье исследуется прогресс в области возобновляемых источников энергии в Исландии и Гренландии с учётом этих трёх концепций.

География. Применительно к развитию энергетики Гренландии и Исландии географическая гипотеза традиционно приписывает успех стратегии Исландии в области возобновляемых источников энергии её географической уникальности. В частности, согласно Х. Кристьянсдоттир, «в большинстве районов Исландии можно найти геотермальные ресурсы» [1, с. 43], что делает этот источник энергии пригодным для использования во многих секторах: например, в муниципальном отоплении, производстве электроэнергии, сельском хозяйстве и рыболовном хозяйстве. Именно поэтому этот источник в настоящее время обеспечивает около 66% первичной энергии Исландии⁹. По мнению Дж. Гудмундссона, это возможно ввиду того, что «Исландия, вероятно, уникальна по своему геотермальному потенциалу» [11, с. 127], поскольку это одно из самых тектонически активных мест на планете, расположенное на границе Североамериканской и Евразийской тектонических плит.

С другой стороны, Гренландия полностью расположена на Североамериканской плите и не имеет столь же мощных геотермальных полей. Как показывают исследования Б. Франко, Г. Фетвайса и М. Эрпикума [12], большинство гренландских источников генерируют воду низкой или средней температуры (ниже 60°C), что не способствует их промышленному использованию. Кроме того, согласно Н. Стивенсу, Р. Элли и Б. Паризеку [13], весь геотермальный потенциал Гренландии не может быть задействован ввиду того, что большая часть её полей в настоящее время покрыта гренландским ледяным покровом (около 80% территории острова). Таким образом, несмотря на то, что Исландия и Гренландия имеют схожее местоположение, их физическая география существенно отличается, что выражается в невозможности развивать геотермальную энергию второй.

Несмотря на представленные аргументы, подчёркивающие уникальность развития исландской геотермальной энергетики, традиционная географическая гипотеза полностью не объясняет, почему Гренландия не разрабатывает альтернативные источники экологически чистой энергии. По мнению Р. Партла, «огромная масса льда, покрывающая Гренландию, в сочетании с крутыми горными склонами к морю делает гидроэнергетику перспективным ресурсом» [14, с. 544]. В частности, общий гидроэнергетический потенциал острова оценивается в диапазоне от 100 ГВт до 1 ТВт, «не только удовлетворяя энергетические потребности самой Гренландии, но и позволяя также осуществлять крупномасштабный экспорт энергии»¹⁰. Таким образом, несмотря на нехватку пригодных для промышленной эксплуатации

⁹ Arnorsson S., Axelsson G., & Saemundsson K. Geothermal systems in Iceland. *Jokull*, 2008, 58 (1), с. 269–302.

¹⁰ La Roche The Greenland hydropower as a source of electrolytic hydrogen. *International Journal of Hydrogen Energy*, 1977, 2 (4), с. 405–411.

геотермальных полей, потенциально Гренландия могла бы покрыть свои энергетические потребности гидроэлектроэнергией, популярной в странах Северной Европы.

Фактически большая часть электроэнергии, вырабатываемой в Норвегии и Исландии, поступает от гидроэлектростанций; по оценкам, около 98% электроэнергии в Норвегии вырабатывается за счёт воды¹¹. Аналогичным образом около 75,5% исландской электроэнергии производится с помощью тех же средств, а оставшиеся 24,5% приходятся на геотермальные источники¹². Это покрывает большую часть потребления первичной энергии в обеих странах¹³. В Гренландии, однако, около 80% используемой энергии по-прежнему приходится на импортируемые углеводороды¹⁴. С учётом крайне высокого спроса страны на собственные источники энергии, отсутствие условий для развития геотермальной энергетики не может объяснить отказ от использования географических преимуществ в пользу гидроэнергетики. Таким образом, традиционные положения географической гипотезы не полностью отражают сложную энергетическую ситуацию в Гренландии.

Институты. Сторонники институциональной гипотезы рассматривают успех Исландии в области возобновляемых источников энергии через призму скоординированной национальной энергетической политики, которая объединила всех производителей и потребителей энергии страны в одну систему. Действительно, создание всех энергетических проектов в Исландии регулируется разработанным правительством Генеральным планом по гидроэнергетическим и геотермальным энергетическим ресурсам (Генеральный план), представленным в 1999 г., «созданным по образцу Норвежского генерального плана по водным ресурсам» и первоначально разработанным для предварительной оценки воздействия предлагаемых мероприятий в области энергетики¹⁵. Включив все отдельные энергопроизводящие и потребляющие объекты в единую систему, контролируруемую национальным оператором электрических сетей Landsnet, Генеральный план стал основным документом, регулирующим развитие энергетики в Исландии¹⁶.

В отличие от Исландии, стратегия развития энергетики Гренландии определяется «Стратегией Королевства Дании для Арктики на 2011–2020 годы» (далее «Стратегия»), разработанной датским правительством для самой Дании, а также Гренландии и Фарерских

¹¹ Birkedal M. & Bolkesjø T. Determinants of regulated hydropower supply in Norway. *Energy Procedia*, 2016, 87 (1), с. 11–18.

¹² Orkustofnun. Hydro Power Plants in Iceland. URL: <http://www.nea.is/hydro-power/electric-power/hydro-power-plants/> (дата обращения: 11.27.2019).

¹³ Sovacool B. Contestation, contingency, and justice in the Nordic low-carbon energy transition, *Energy Policy*, 2017, 102 (1), с. 569–582.

¹⁴ Statistics Greenland. Greenland in figures 2018. URL: <http://www.stat.gl/publ/en/GF/2017/pdf/Greenland%20in%20Figures%202017.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).

¹⁵ Thorhallsdottir T. Strategic planning at the national level: Evaluating and ranking energy projects by environmental impact. *Environmental Impact Assessment Review*, 2007, 27 (6), с. 576.

¹⁶ Orkustofnun. Master Plan for hydro and geothermal energy resources in Iceland. URL: <http://www.nea.is/geothermal/master-plan/> (дата обращения: 22.07.2019).

островов¹⁷. Помимо выявления основных проблемных областей региона, раздел Стратегии о Гренландии посвящён главным образом разведке и добыче полезных ископаемых. По мнению Э. Уилсона [15], этот документ в целом повторяет положения Стратегии Гренландии в области минеральных ресурсов 2004 г., которые позднее были включены в стратегию Гренландии в области нефти и полезных ископаемых на 2014–2018 гг. По словам исследователя, хотя эти два документа были инициированы и приняты Наалаккерсуисутом (т.е. правительством Гренландии), они касаются исключительно минерального сырья и не охватывают возобновляемые источники энергии [Там же].

Такое недостаточное включение вопроса о возобновляемых источниках энергии в национальную повестку дня описывается сторонниками институциональной гипотезы как прямое следствие отсутствия гренландской государственности, т.е. наличие зависимости от Дании. Согласно Л. Люк и Дж. Таагхольт [16, с. 59], эта политическая зависимость в значительной степени усиливается экономической в форме «притока капитала из Дании» с целью правительственной поддержки разрозненных поселений острова. По мнению исследователей, Наалаккерсуисут, возможно, не уделил приоритетного внимания разработке национальной энергетической стратегии из-за отсутствия внутреннего финансирования.

Помимо отсутствия национальной стратегии развития энергетики, контролируемая государством национальная энергосистема Гренландии не обеспечивает подключения всех домашних хозяйств к государственным энергопроизводителям (т.е. пяти существующим гидроэлектростанциям), предоставляя половине населения возможность получения энергии путём сжигания отходов или импорта углеводородов¹⁸. Хотя потенциально это можно объяснить неблагоприятными географическими условиями, ни географическая, ни институциональная гипотеза не объясняют, почему автономные системы в Гренландии не получили активного развития. По мнению А. Буте, реализация таких энергетических решений в изолированных арктических сообществах может «снизить экономические, социальные и экологические издержки электроснабжения» [17, с. 1029]. Кроме того, наряду с обогащением минеральных ресурсов, это могло бы усилить экономическую основу независимости Гренландии.

Остров Эйгг, расположенный на Шотландских Внутренних Гебридских островах, наглядно иллюстрирует успех изолированного островного сообщества, которому удалось почти полностью избавиться от энергетической зависимости от импортируемых углеводородов за счёт инвестиций в малые возобновляемые источники энергии. Хотя на острове нет какой-либо отдельной институционально поддерживаемой стратегии развития энергетики, он удовлетворяет все свои потребности во внутреннем энергопотреблении: солнечная, ветровая и гидроэнергетика обеспечивают «надёжное круглосуточное электроснабжение жителей острова» [18, Chmiel Z. and Bhattacharyya S., с. 578]. Таким образом, в Гренландии по-

¹⁷ Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Kingdom of Denmark strategy for the Arctic 2011-2020. URL: <http://um.dk/en/foreign-policy/the-arctic> (дата обращения: 21.08.2019).

¹⁸ NORDREGIO. Green growth in Nordic Regions. URL: <http://www.nordregio.se/Global/Green%20growth%20in%20Nordic%20regions%2050/NordicGreenGrowth-pages.pdf> (дата обращения: 18.10.2019).

добного рода не крупномасштабные энергетические решения могут быть наиболее рентабельной альтернативой¹⁹.

Так же, как и на острове Эйгг, первые инициативы в области возобновляемых источников энергии в Исландии не были инициированы правительством. Фактически первая малая гидроэлектростанция была построена местным предпринимателем примерно за 20 лет до первого правительственного проекта по возобновляемым источникам энергии [1, Kristjansdottir H.]. Хотя изолированные общины Гренландии, возможно, не располагают средствами для таких инвестиций, они имеют возможность обратиться за финансовой поддержкой к датской системе целевых субсидий²⁰. Таким образом, институциональная гипотеза и отсутствие национальной стратегии в области возобновляемых источников энергии не могут в полной мере объяснить положение дел в стране.

Культура. Гипотеза, приписывающая различия в развитии энергетики культурному аспекту, в основном фокусируется на самобытности коренных жителей Гренландии и, как следствие, на различиях в традиционном образе жизни между исландскими европейцами и гренландскими инуитами. Действительно, согласно П. Коркоран [19, с. 106], «культура инуитов — это самая чистая из существующих охотничьих культур». Помимо охоты на оленей, моржей, тюленей и нарвалов, рыболовство является крупнейшим сектором национальной экономики страны²¹. В этом отношении, согласно Мазза, развитие энергетики ставит под угрозу «безопасность как существования коренных народов, так и их права на сохранение традиционной культуры и дифференцированной экономики» [20, с. 319].

В отличие от Гренландии, Исландия имеет более диверсифицированную экономику с более энергоёмкими отраслями. После Второй мировой войны к традиционному рыболовству добавилось производство алюминия. В 2016 г. Центральный банк Исландии заявил, что эти две отрасли генерируют около половины национального дохода²². Кроме того, большинство исландцев являются европейскими потомками скандинавов и кельтов (около 96%), тогда как большинство гренландцев являются коренными инуитами (около 88%)²³. Это могло бы определить особенности развития Гренландии как традиционного общества, не требующего значительных энергозатрат и не создающего угрозы для их образа жизни. С другой стороны, весьма вероятно, что промышленно развитая Исландия будет стремиться к энергоёмкому производству, не ставящему под угрозу ни одну отрасль.

¹⁹ NORDREGIO. Green growth in Nordic Regions. URL: <http://www.nordregio.se/Global/Green%20growth%20in%20Nordic%20regions%2050/NordicGreenGrowth-pages.pdf> (дата обращения: 18.10.2019).

²⁰ Smiths C., Justinussen J., & Bertelsen R. Human capital development and a social license to operate: Example from Arctic energy development in the Faroes Islands, Iceland and Greenland, *Arctic Energy*, 2016, 1 (1), с. 122-131.

²¹ IIED. Energy and minerals in Greenland. URL: <http://pubs.iied.org/pdfs/16561IIED.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).

²² Central Bank of Iceland. Economy of Iceland. URL: https://www.cb.is/library/Skraarsafn---EN/Economy-of-Iceland/2016/Economy_of_Iceland_2016.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

²³ Statistics Iceland. Population by sex, municipality, citizenship and age: 1 January 1998-2017. URL: http://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/lbuar/lbuar__mannfjoldi__3_bakgrunnur__Rikisfang/MAN04208.px (accessed: 06 December 2019) and Statistics Greenland. Greenland in figures 2018. URL: <http://www.stat.gl/publ/en/GF/2017/pdf/Greenland%20in%20Figures%202017.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).

Хансен и др. считают, что именно добыча полезных ископаемых, а не развитие возобновляемых источников энергии, является основной угрозой для традиционной культуры коренных народов, поскольку в силу своих масштабов и размаха она привела к «драматическим изменениям в жизни и культуре не только на уровне местных общин, но и в Гренландии в целом» [21, Hansen и др., с. 25]. Действительно, Гренландия чрезвычайно богата полезными ископаемыми, и её ресурсы потенциально могут добываться открытым способом²⁴. Поскольку такая добыча полезных ископаемых является чрезвычайно крупномасштабным предприятием, существующие в настоящее время малые гидроэлектростанции представляют значительно меньшую угрозу традиционному образу жизни коренного населения, чем добывающая деятельность, затрагивающая регион²⁵.

Если Гренландия в конечном счёте начнёт разработку проектов в области возобновляемых источников энергии, опасения и угрозы для общин коренных народов, существующих отраслей промышленности и других заинтересованных сторон могут быть устранены или сведены к минимуму с помощью стратегической экологической оценки. Такой процесс в настоящее время осуществляется и регулируется в Исландии Генеральным планом. Так, например, после тщательной оценки гидроэлектростанция Каурахнюкар была построена в районе, «рассматриваемом как периферийный не только географически, но и экономически» [22, Newson S., с. 162]. Поскольку страна имеет самую низкую плотность населения на планете, большинство гидроэнергетических проектов могли бы быть построены в изолированных районах, не создавая угрозы коренному образу жизни. Однако ввиду того, что это не произошло, традиционные постулаты культурной гипотезы не объясняют ситуацию в полной мере.

Альтернативный подход: структура социального капитала. Как было показано выше, несмотря на то, что каждая из традиционных теорий содержит ряд обоснованных аргументов в пользу конкретных факторов (география, институты или культура), ни одна из них не даёт полного объяснения пассивного развития возобновляемых источников энергии в Гренландии. В данном случае альтернативный подход мог бы потенциально развить их преимущества и интегрировать в единую, более комплексную структуру. В настоящей статье приводятся доводы в аргументы в поддержку того, что теория социального капитала может объединить эти три парадигмы, в конечном итоге связав их с перспективами развития возобновляемых источников энергии.

Согласно Дж. Хаубереру, концепция социального капитала была впервые введена в XIX в. и значительно развита в 1980-х гг. П. Бурдьё и Дж. Коулманом, которые впервые «систематически» использовали её [23, Hauberger J., с. 35]. Эта концепция обычно описывается как «ресурсы, встроенные во взаимоотношения между участниками» и представляет собой

²⁴ IIED. Energy and minerals in Greenland. URL: <http://pubs.iied.org/pdfs/16561IIED.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).

²⁵ Rasmussen R. Formal economy, renewable resources and structural change in West Greenland, *Groupe d'Etudes Inuit et Circumpolaires (GETIC) et l'Association Inuksiutiit katimajit inc.*, 2000, 24 (1), с. 41-78.

широкую основу, объединяющую личную мотивацию к сотрудничеству и продуктивные результаты такого взаимодействия [Там же, с. 50]. Хотя в большинстве работ этой тематики её связывают с политическим измерением и изучают её воздействие на взаимоотношения гражданского общества и народностей с правительством, в ряде недавних исследований эта концепция связывается с устойчивым развитием.

В своём исследовании влияния социального капитала на сельское хозяйство С. МакШейн и др. определяют его «важным для устойчивого развития сельского хозяйства» [24, с. 154]. Позже, исследуя реакцию людей на экологическую политику правительства, Т. Килона обнаруживает, что социальный капитал «безусловно является важным элементом для развития и поддержки экологических инициатив» [25, Cilona T., с. 219]. Кроме того, Р. Нанетти и К. Холгуин приходят к выводу, что социальный капитал «способствует достижению устойчивого развития» [26, с. 7]. Таким образом, если предположить, что возобновляемые источники энергии являются частью более широкого процесса достижения устойчивого развития, то высокий уровень социального капитала может быть соотнесён с более широкими перспективами развития возобновляемых источников энергии. Поскольку географическая, институциональная и культурная гипотезы сами по себе не могут объяснить текущую ситуацию с возобновляемыми источниками энергии в Исландии и Гренландии, настоящая статья заполняет этот концептуальный пробел путём интеграции этих структур в концепцию социального капитала в конечном счёте влияющего на развитие возобновляемых источников энергии.

Социальный капитал: пробел в научной литературе и интеграция географии, институтов и культуры. Как уже отмечалось, настоящее исследование объединяет традиционные теории, связанные с производством возобновляемой энергии, в рамках социального капитала. Несмотря на то, что отдельные представленные выше работы уже связывали конкретные постулаты каждой из этих теорий с социальным капиталом, всеобъемлющее исследование, объединяющее все три гипотезы в единую комплексную теорию, отсутствует. Именно поэтому настоящее исследование восполняет этот пробел в литературе, формируя «триединство социального капитала», который впоследствии соотносится с развитием возобновляемых источников энергии посредством уже существующих связей, описанных выше (см. рис. 1).

Рис. 1. «Триединство социального капитала».

В отношении географической гипотезы предполагается, что некоторые условия, связанные с социально-географическим измерением, оказывают значительное влияние на социальный капитал. В частности, М. Джонстон, С. Карагеоргис и И. Лайт, подчёркивают, что рост населения является «мощным вкладом в социальный капитал» [27, с. 1479]. Аналогичным образом, изучая сокращение численности населения в Нидерландах, Х. Эльсхоф и А. Бейли предполагают, что «существует вероятность, что последствия сокращения численности населения препятствуют созданию предпосылок для социального капитала» [28, с. 73]. Таким образом, можно предположить, что различные демографические показатели по-разному влияют на социальный капитал в Исландии и Гренландии.

В дополнение к росту численности населения некоторые исследователи называют расстояние и удалённость между населёнными пунктами альтернативным набором факторов, негативно влияющих на социальный капитал. Действительно, как показывают результаты исследования, проведенного Х. Вестлундом, Р. Руттен и Ф. Боекема [29, с. 965], «социальный капитал постоянно уменьшается с увеличением дистанцирования». Вот почему инвестиции в инфраструктуру действительно важны, поскольку «границы и барьеры изолируют территории, и... эта изоляция влияет на социальный капитал» [Там же, с. 966]. Таким образом, можно предположить, что потенциально более изолированная Гренландия имеет более низкий уровень социального капитала, чем Исландия, которая, как предполагается, имеет большую объединённость.

Несмотря на недостатки традиционных постулатов институциональной гипотезы, она также имеет взаимосвязь с социальным капиталом посредством влияния институтов на здоровье и благосостояние общества. Это объясняется тем, что применение силы и социальный капитал имеют «противоположную направленность»²⁶. В частности, согласно Р. Розенфельду, С. Месснеру и Е. Баумеру [30, с. 283], роль правоохранительных органов важна, поскольку «истощённый социальный капитал связан с высоким уровнем убийств». Следовательно, обнаружение более высокого уровня преступности в Гренландии по сравнению с Исландией может свидетельствовать о более низком уровне её социального капитала.

Помимо убийств, Н. Рекер и М. Мур также предполагают, что в странах с «более высоким уровнем социального капитала, разнообразия и плотности населения уровень самоубийств ниже» [31, с. 78]. В связи с этим уровень самоубийств является важным показателем неэффективности государственных институтов, которые потенциально могут пострадать в результате «сокращения финансирования служб охраны психического здоровья и сокращения объёма пожертвований в благотворительные организации»²⁷. Таким образом, другим показателем различия уровней социального капитала в Исландии и Гренландии могут быть их показатели самоубийств.

²⁶ Dinesen C. et al. Violence and social capital in post-conflict Guatemala. *Pan American Journal of Public Health*, 2013, 34 (3), с. 162.

²⁷ Hawton K. & Haw C. Economic recession and suicide: The association is clear but government response may limit its extent, *British Medical Journal*, 2013, 347 (79), с. 9.

Наконец, культурная гипотеза потенциально может быть связана с социальным капиталом и объяснить различия в моделях использования возобновляемых источников энергии Исландии и Гренландии с помощью двух конкретных характеристик: потребления алкоголя и миграционных особенностей населения. В первом случае чрезмерное потребление алкоголя «тесно связано со снижением показателей социального капитала»²⁸. В данном случае культурные особенности в основном связаны с инуитами, традиционно имеющими низкую толерантность к алкоголю, что обычно приводит к «резкому увеличению уровня потребления»²⁹. В то же время социальный капитал «положительно ассоциируется с вероятностью регулярного, но умеренного употребления алкоголя»³⁰. Таким образом, если потребление алкоголя в Гренландии значительно выше, чем в Исландии, это может указывать на более низкий уровень её социального капитала. С другой стороны, потребление алкоголя на среднем уровне потенциально может быть связано с высоким уровнем социального капитала.

Что касается миграционных признаков, Н. Спина [32, с. 1] считает, что отток населения «представляет собой угрозу социальному капиталу в общинах и сообществах, из которых уезжают мигранты». В этой связи предполагается, что традиционные кочевые и полукочевые общины имеют более низкий уровень социального капитала из-за сезонных перемещений населения³¹. Таким образом, выявление признаков кочевого образа жизни в Гренландии и Исландии могло бы дать информацию для оценки их уровней социального капитала, при этом страна, обладающая более высоким уровнем кочевничества, предположительно имеет более низкий объём социального капитала и наоборот.

Социальный капитал: определения и основные компоненты. Хотя понятие социального капитала стало популярным в последние десятилетия, оно по-прежнему представляет собой широкую концепцию, и различные исследователи по-разному понимают его основные черты. Так, Лин, Фу и Сунг предполагают, что «без чёткой концептуализации социальный капитал может вскоре стать универсальным термином, широко используемым в отношении всего, что является «социальным»» [23, Hauberer J., с. 34]. Для того чтобы избежать заблуждений, в данной статье проводится сравнительный анализ наиболее часто используемых определений социального капитала в научной литературе, после чего определяются основные компоненты этого понятия и даётся альтернативное определение, используемое в настоящем исследовании.

Шесть проанализированных определений социального капитала были отобраны в соответствии с популярностью исследовательских работ, в которых они были употреблены в трёх «самых популярных научных базах данных респондентов», то есть ScienceDirect, Scopus

²⁸ Theall K. et al. Social capital and the neighbourhood alcohol environment, *Health and Place*, 2009, 15 (1), с. 323.

²⁹ Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

³⁰ Koutra K. et al. Social capital and regular alcohol use and binge drinking in adolescence: A cross-sectional study in Greece, *Drugs-Education Prevention and Policy*, 2014, 21 (4), с. 299.

³¹ Petersen R. *Settlements, kinship and hunting grounds in traditional Greenland: A comparative study of local experiences from Upernavik and Ammassalik*. Copenhagen: Danish Polar Center, 2003.

и Google Scholar³². Выбор был также основан на самых высоких показателях авторских исследовательских индексов: h-Index, i10-Index и FWCI Index — трёх наиболее популярных³³. Сочетание этих критериев может быть представлено следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1

Определения социального капитала и их авторы

Авторы	Определение	Количество ссылок на базу данных по состоянию на 1 августа 2019 г.			Авторский исследовательский рейтинг		
		ScienceDirect ³⁴	Scopus ³⁵	Google Scholar ³⁶	h-Index ³⁴	i10-Index ³⁴	FWCI index ³³
П. Бурдьё [33, Bourdieu P., с. 248]	«Совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой <u>сетью</u> более или менее институционализированных <u>отношений</u> взаимного знакомства и признания».	309	127	38617	249	645	n.a.
Дж. Коулман [34, Coleman J., с. S98]	«Разнообразие различных образований, которые имеют сходство в двух аспектах: они все состоят из элементов <u>социальных структур</u> , и они способствуют совершению акторами определённые действия». «Социальный капитал присутствует в структуре <u>отношений</u> между акторами и среди акторов».	0	n.a.	39022	72	143	n.a.
Н. Лин [35, Lin N., с. 19]	«Инвестиции в <u>социальные отношения</u> с ожидаемой доходностью».	76	n.a.	8961	54	87	n.a.
А. Портес [36, Portes A., с. 6–7]	«Способность акторов получать выгоды ввиду членства в <u>социальных сетях</u> или других <u>социальных структурах</u> » (стр. 6) «Накопление обязательств других сторон в соответствии с нормой <u>взаимности</u> » (стр. 7).	0	4391	13735	113	315	51.32

³² Ahenkorah-Marfo M. Domain analytic approach to the use of academic databases by graduate students. *International Information and Library Review*, 2017, 49 (1), с. 1-10.

³³ Bertoli-Barsotti L. & Lando T. A theoretical model of the relationship between the h-index and other simple citation indicators. *Scientometrics*, 2017, 111 (3), с. 1415-1448.

³⁴ ScienceDirect. Peer-reviewed journals, articles and book chapters. URL: <http://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 01.08.2019).

³⁵ Scopus. Authors and papers. URL: <https://www.scopus.com/freelookup/form/author.uri> (дата обращения: 01.08.2019).

³⁶ Google Scholar. Citations. URL: <https://scholar.google.com/intl/en/scholar/citations.html> (дата обращения: 01.08.2019).

Р. Патнем [37, Putnam R., с. 19]	«Связи между отдельными лицами — <u>социальные сети</u> и вытекающие из них <u>нормы взаимности</u> и <u>надёжности</u> »	n.a.	n.a.	16676	80	183	n.a.
М. Вулкок [38, Woolcock M., с. 153]	«Информация, <u>доверие</u> и нормы <u>взаимности</u> , существующие в <u>социальных сетях</u> »	39	1801	5894	43	81	136.75

Как видно из табл. 1, наиболее популярное определение социального капитала, обращающее особое внимание на *сеть и отношения* (подчёркнуто), было предложено П. Бурдьё [33, с. 248]. Повторяя важность социальных сетей, второе по популярности определение, предложенное Портесом [36, с. 6–7], добавляет социальные структуры и отношения. Помимо упоминания взаимности, отношений, социальных структур и сетей, в определениях Дж. Коулмана [34, с. S98], Р. Патнема [37, с. 19] и М. Вулкока [38, с. 153] интегрирован компонент доверия (надёжности). Наконец, самое последнее определение, предложенное Н. Лином [35, с. 19], также подчёркивает важность социальных отношений. Следовательно, хотя в рассматриваемых определениях упоминаются одни и те же факторы, ни одно из них не включает все пять компонентов социального капитала. Восполнение этого пробела и их объединение позволит достичь одной из *целей исследования* и дать нам следующую картину (см. рис. 2).

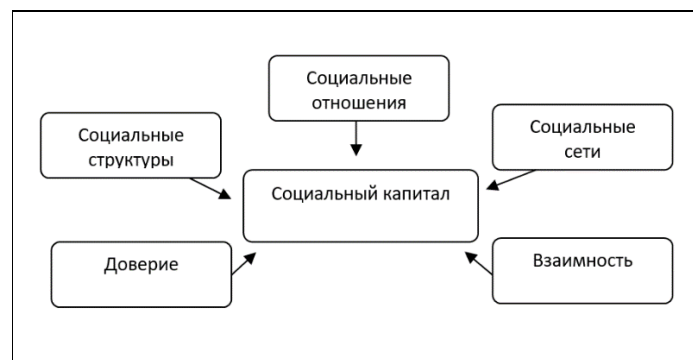

Рис. 2. Составляющие социального капитала.

Согласно Дж. Коулману [34, с. S98], следует также отметить, что «социальный капитал обладает продуктивностью, которая делает возможным достижение определённых целей, которые в его отсутствие были бы невозможны». Таким образом, комбинируя компоненты этого понятия с этой характеристикой, можно достичь ещё одной цели исследования, сформулировав следующее определение социального капитала: социальный капитал — это продуктивная форма капитала, состоящая из социальных структур, связей, отношений и сетей, основанных на доверии и взаимности. Поскольку это определение охватывает наиболее важные части концепции, оно используется в настоящем исследовании.

Социальный капитал: география, институты, культура и их влияние на основные компоненты. Как показано в части II.2.A, «триединство социального капитала» сопоставляет социальный капитал с двумя специфическими показателями каждой из традицион-

ных теорий, то есть темпом роста населения и расстоянием / разрозненностью в географической гипотезе, количеством убийств и самоубийств в институциональной, потреблением алкоголя и кочевничеством в культурной гипотезах. В части II.2.B, в свою очередь, описывается сам социальный капитал, состоящий из пяти ключевых элементов: социальных отношений, сетей, структур, доверия и взаимности. Следовательно, можно предположить, что в зависимости от уровня и степени каждого показателя каждый соответствующий компонент социального капитала будет рассмотрен определённым образом. В данном случае используется реализация цветового кода по принципу «светофора», где «зелёный» обозначает положительные изменения в компонентах социального капитала, «красный» обозначает отрицательные, а «жёлтый» — потенциальную вероятность изменений, что даёт следующую картину воздействия на социальный капитал (см. табл. 2):

Таблица 2

«Матрица социального капитала»: влияние показателей на основные компоненты

Факторы	Показатели	Уровень/степень	Социальные отношения	Социальные сети	Социальные структуры	Взаимность	Доверие	Общее воздействие на социальный капитал
География	Темпы роста населения	Высокий	Увеличение числа стимулов для развития социальных отношений	Расширение возможностей для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Создание более благоприятных условий для укрепления социальных структур	Возможность нарушения принципа взаимности	Потенциально неблагоприятное воздействие на доверие в случае высоких темпов роста численности населения	Умеренно позитивный
		Низкий	Меньшее число стимулов для развития социальных отношений	Уменьшение возможностей для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Менее благоприятные условия для укрепления социальных структур	Возможность стимулирования взаимности	Потенциально положительное воздействие на доверие (в случае низких темпов роста населения)	Умеренно негативный
	Расстояние, разделение / связь между населенными пунктами	Большое / плохая	Неблагоприятные условия для взаимодействия	Низкая возможность создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Более серьезные препятствия для создания и развития прочных социальных структур	Неблагоприятные условия для достижения значительного уровня взаимности	Менее благоприятные условия для установления доверия	Значительно негативный
		Малое / хорошая	Благоприятные условия для взаимодействия	Широкие возможности для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Расширение возможностей для развития прочных социальных структур	Благоприятные условия для достижения значительного уровня взаимности	Благоприятные условия для установления доверия	Существенно позитивный

Институты	Число убийств		Потенциально менее благоприятные условия для установления и развития социальных отношений	Потенциально менее благоприятные условия для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Потенциально менее благоприятные условия для формирования социальных структур	Низкий уровень взаимности	Низкий уровень доверия	Умеренно негативный
	Большое	Малое						
Институты	Число самоубийств		Неблагоприятные условия для установления и развития социальных отношений	Потенциально более благоприятные условия для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Потенциально поощряется создание всеобъемлющих социальных структур	Высокий уровень взаимности	Высокий уровень доверия	Умеренно позитивный
	Большое	Малое	Низкий уровень социальных отношений/взаимодействия	Менее благоприятные условия для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Неблагоприятные условия для создания и развития прочных социальных структур	Низкий уровень взаимности сопровождается большим числом самоубийств	Низкий уровень доверия в рамках общины/общество	Значительно негативный
Институты	Число самоубийств		Потенциально более высокий уровень социальных отношений/взаимодействия	Потенциально более благоприятные условия для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Благоприятные условия для развития прочных социальных структур	Небольшое число самоубийств сопровождается высоким уровнем взаимности	Повышение уровня доверия в рамках общины/общества	Умеренно позитивный
	Большое	Малое	Потенциально более высокий уровень социальных отношений/взаимодействия	Потенциально более благоприятные условия для создания сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Благоприятные условия для развития прочных социальных структур	Небольшое число самоубийств сопровождается высоким уровнем взаимности	Повышение уровня доверия в рамках общины/общества	Умеренно позитивный
Культура	Потребление алкоголя на душу населения		Чрезвычайно высокий уровень потребления и полное воздержание ухудшают продуктивные социальные отношения	Высокий и чрезвычайно низкий уровень потребления препятствует созданию сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Менее благоприятные условия для социальных структур с высоким уровнем потребления алкоголя и полным воздержанием	Чрезвычайно интенсивное и низкое потребление алкоголя создает менее благоприятные условия для взаимности	Риск и отсутствие потребления алкоголя связаны с более низким уровнем доверия	Значительно отрицательный, при чрезвычайно высоком и чрезвычайно низком уровне потребления алкоголя
	Высокий/низкий	Умеренный	Умеренное потребление способствует развитию социальных отношений	Умеренное потребление стимулирует создание сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Умеренное потребление способствует формированию социальных структур	Умеренное социальное потребление алкоголя поощряет взаимность	Умеренное потребление алкоголя способствует укреплению доверия	Значительное положительное значение в случае среднего потребления

Культурная самобытность кочевников/полукочевников	Да	Отрицательное воздействие на развитие общественных отношений за пределами общины	Ограниченные условия для создания социальных сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Препятствия для создания прочных социальных структур	Неблагоприятные условия для взаимодействия за пределами общины	Неблагоприятное воздействие на доверие к незнакомым людям, связанное с удаленностью и отсутствием прямого взаимодействия	Значительно негативный
	Нет	Расширение потенциальных возможностей для развития отношений за пределами общины	Создание более благоприятных условий для создания социальных сетей социального взаимодействия/нетворкинга	Потенциальное отсутствие барьеров для укрепления социальных структур	Расширение возможностей для обеспечения и развития взаимности за пределами общины	Потенциальное отсутствие препятствий для развития доверия	Умеренно позитивный

Как видно из «матрицы», *высокие темпы роста населения* имеют «умеренно положительное» влияние на социальный капитал, тогда как *низкие темпы роста населения* преимущественно *тормозят его развитие*. Это связано с тем, что рост населения стимулирует взаимодействие между людьми, в конечном итоге вынуждая их создавать связывающие социальные структуры, сети и отношения³⁷. Однако влияние этого фактора на доверие и взаимность не совсем очевидно, поскольку «рост населения может дестабилизировать как расовые, так и национальные порядки» и, таким образом, может препятствовать обоим факторам³⁸. Тем не менее, несмотря на некоторое предположительно негативное влияние на социальный капитал, *рост населения* по-прежнему считается «умеренно положительным» для его развития (три «зелёных» ячейки и две «жёлтые»).

В отличие от упомянутого фактора численности населения, *расстояние между населёнными пунктами и разобщённость инфраструктуры* обратно соотносится с *уровнем социального капитала*. Действительно, высокий уровень этих факторов связан с затруднённым взаимодействием, стеснёнными отношениями и снижением доверия³⁹. Аналогичным образом социальные структуры и взаимность легче установить при меньшем расстоянии и большей близости. Таким образом, большая дистанцированность поселений и несмежность связаны с более низким уровнем социального капитала, и наоборот (см. соответствующие «зелёные» и «красные» ячейки)⁴⁰.

Что касается институциональных факторов, количество *убийств «умеренно отрицательно»* связано с социальным капиталом в случае *большого числа* и «умеренно положи-

³⁷ Jacobs-Crisioni C. & Koomen E. Population growth, accessibility spillovers and persistent borders: Historical growth in West-European municipalities, *Journal of Transport Geography*, 2017, 62 (1), с. 80-91.

³⁸ Abascal M. Us & them: Black-white relations in the wake of Hispanic population growth', *American Sociological Review*, 2015, 80 (4), с. 791.

³⁹ Kang L., Jiang Q., & Tan C. (2017) Remarkable advocates: An investigation of geographic distance and social capital for crowdfunding', *Information and Management*, 2017, 54 (3), с. 336-348.

⁴⁰ Bogino-Larrambebere M. Non-motherhood: Between distance and reciprocity in kinship relationship. *Quaderns de l'Institut Catala d'Antropologia*, 2016, 21 (2), с. 60-76.

тельно», если оно невелико (три «красных» и две «жёлтых» ячейки против трёх «зелёных» и двух «жёлтых»). В Гренландии взаимность, доверие и социальные отношения либо страдают, либо выигрывают от высокого или низкого уровня убийств соответственно ⁴¹. Однако, как показывает пример Исландии, сетевые и социальные структуры могут не привести к каким-либо существенным различиям в случае увеличения числа убийств ⁴².

По мнению некоторых исследователей, большое количество самоубийств в таких северных странах, как, например, Финляндия, означает низкий уровень личной зависимости от государственных институтов и социальных структур, а также низкий уровень доверия и взаимности ⁴³. Другие, однако, не могут утверждать, что низкий уровень самоубийств оказывает существенное положительное влияние на создание сетей и укрепление социальных структур, в то же время доказывая это на примере высокого уровня самоубийств ⁴⁴. Таким образом, несмотря на то, что *высокий уровень самоубийств связан с абсолютно негативным воздействием на социальный капитал* (пять «красных» ячеек), *низкий уровень самоубийств является «умеренно положительным» для социального капитала* (три «зелёные» и две «жёлтые» ячейки).

Анализируя особенности алкогольного потребления в девяти разных странах, Дж. Нельсон и А. МакНолл приходят к выводу, что как чрезвычайно высокое, так и критически низкое потребление алкоголя препятствуют формированию социальных структур, укреплению доверия и созданию сетей социального взаимодействия / нетворкингу ⁴⁵. Однако умеренное употребление алкоголя, по их мнению, способствует всем этим параметрам. Аналогичным образом, исследование школ США демонстрирует, что отношения и взаимность укрепляются при умеренном потреблении алкоголя и ослабевают при чрезвычайно высоком и низком потреблении ⁴⁶. Таким образом, *чрезвычайно высокие и низкие показатели потребления алкоголя связаны с низким социальным капиталом, а средние — с высоким*.

Наконец, изучая кочевую культуру народа баджо на Филиппинах, Р. Хайфилд показывает, что миграционные культурные особенности обычно препятствуют установлению и развитию социальных отношений ⁴⁷. По мнению автора, эти особенности также затрудняют создание сетей социального взаимодействия и препятствуют появлению фактора взаимности. Однако отсутствие миграционных признаков не всегда может способствовать укреплению доверия и развитию социальных структур. Таким образом, наличие *кочевых черт* в культуре

⁴¹ Christensen M. et al. Homicide in Greenland 1985-2010. *Forensic Science, Medicine, Pathology*, 2016, 12/1, с. 40-49.

⁴² Baumer E., Wright R., and Gunnlaugsson H. (2002) Crime, shame, and recidivism, *The British Journal of Criminology*, 2002, 42 (1), с. 40-59.

⁴³ Titelman D. et al. Suicide mortality trends in the Nordic countries 1980-2009, *Nordic Journal of Psychiatry*, 2013, 67 (6), с. 414-423.

⁴⁴ Bae J. et al, Current interventions, strategies, and networking of adolescent suicide, *Journal of Korean Medical Association*, 2013, 56 (2), с. 100-110.

⁴⁵ Nelson J. & McNall, A. Alcohol prices, taxes, and alcohol-related harms: A critical review of natural experiments in alcohol policy for nine countries. *Healthy Policy*, 2016, 120 (3), с. 264-272.

⁴⁶ Long E., Barrett T., & Lockart G. Network-behaviour dynamics of adolescent friendships, alcohol use, and physical activity. *Health Psychology*, 2017, 36 (6), с.577-586.

⁴⁷ Highfield R. Marine nomad. *New Scientist*, 2011, 211 (2820), с. 24-25.

«значительно» отрицательно связано с социальным капиталом (пять «красных» ячеек), тогда как их отсутствие связано с ним «умеренно положительно» (три «зелёные» и две «жёлтые» ячейки).

Как было продемонстрировано, все пять компонентов социального капитала по-разному подвержены влиянию географического, институционального и культурного факторов. В частности, в зависимости от величины этих факторов, влияние на каждый из них будет либо «значительно положительным / отрицательным» (все ячейки «зелёные» / «красные»), либо «умеренно положительным / отрицательным» (большинство ячеек «зелёные» / «красные»). Интеграция и представление всех этих показателей в единой матрице не только восполняет упомянутый концептуальный пробел и пробелы в научной литературе, но и позволяет решить задачу настоящего исследования, заключающуюся в изучении того, как конкретные факторы влияют на определённые компоненты социального капитала, демонстрируя эффективный аналитический инструмент (см. Часть III).

Методология, анализ и ограничения

Метод исследования настоящей работы предполагает использование «матрицы социального капитала» (см. Часть II.2.C), сопоставляя шесть форм показателей в обеих странах, т. е. по два для каждой комплексной системы: географической, институциональной и культурной гипотез. В качестве количественных показателей используются прирост населения, количество убийств, самоубийств, уровень потребления алкоголя, в то время как в роли качественных показателей выступают — связность / разобщённость и кочевые / полукочевые культурные особенности. Основными источниками количественной информации для исследования являются национальные статистические базы данных — *Статистическое управление Исландии* для Исландии и *Статистическое управление Гренландии* с его подразделением *Statbank Greenland* для Гренландии, а также данные международных организаций — Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН). Аналогичным образом качественные данные получены в основном из отчётов международных межправительственных форумов, а также национальных и региональных научных органов: Арктического совета, Циркумполярной сети мониторинга и оценки популяции северных оленей (CARMA), Администрации дорог и прибрежных районов Исландии (IRCA). Наконец, анализ обоих типов данных дополняется углублёнными исследованиями конкретных тем, проведёнными такими исследователями, как Оге⁴⁸ и Мортенсен⁴⁹.

Как уже говорилось, шесть качественных и количественных косвенных индикаторов анализируются на основе «матрицы социального капитала». В зависимости от уровня или

⁴⁸ Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

⁴⁹ Mortensen B. Exploiting hydropower in Greenland: Climate, security of supply, environmental risks and energy-intensive industries, *The Yearbook of Polar Law*, 2015, 6 (1), с. 36-62.

наличия конкретных факторов определяется их общее влияние на социальный капитал. Например, в случае, когда Гренландия имеет высокий уровень самоубийств, общее влияние этого фактора будет определено как «*существенно негативное*» (см. правый столбец табл. 2). Точно так же, если прирост населения Исландии высокий, общее влияние на социальный капитал страны является «*умеренно положительным*».

Полученные результаты резюмируются в настоящей работе, определяя ожидаемый уровень социального капитала в Исландии и Гренландии по преобладающему типу воздействия на него, то есть большему количеству «умеренных» или «значительных» воздействий для страны. Например, если количество «умеренно положительных» эффектов в Исландии превышает количество «существенно положительных», окончательный расчётный уровень социального капитала страны будет «умеренно высоким». В качестве альтернативы, если показатели, демонстрирующие «существенно отрицательное» влияние на социальный капитал Гренландии, превышают количество показателей с «умеренно отрицательным» эффектом, общий уровень социального капитала будет оценён как «значительно низкий».

Хотя матричная демонстрация облегчает анализ ожидаемых уровней социального капитала в Гренландии и Исландии, она основана на специально разработанном определении социального капитала и его соответствующих компонентов (см. *Часть V.1.B*). Потенциальное искажение определений усугубляется ограничениями, налагаемыми сроками исследования. В данном случае дальнейшие исследования должны со временем повысить надёжность их результатов. И наконец, наиболее важным является тот факт, что, выявляя косвенные связи между географическими, институциональными и культурными показателями и социальным капиталом, анализ и структура сами по себе не демонстрируют причинно-следственной связи или корреляции между косвенными показателями и конечным уровнем социального капитала. Это вызвано нестатистическим характером исследования, обусловленным, главным образом, временными рамками, выделенными для его проведения. Статистический анализ, проведённый в ходе дальнейших исследований, может потенциально повысить значимость данной статьи и используемого в ней подхода.

Выводы и анализ

География. Как описано в Частях II и III, этот раздел демонстрирует результаты, касающиеся косвенных индикаторов социального капитала, относящихся к концепции «триединства». Таким образом, он отвечает исследовательской цели измерения их текущей величины. В Разделе IV.1, в частности, рассматриваются две особенности, связанные с географическими условиями: рост населения и расстояние / удалённость населённых пунктов. Демонстрируя разницу между двумя странами, раздел рассматривает возможные предпосылки для такого расхождения. Затем в работе анализируется их предполагаемое влияние на общий уровень социального капитала в Исландии и Гренландии.

Рост населения. В течение последних трёх десятилетий в Исландии наблюдались относительно стабильные темпы прироста населения, в то время как в Гренландии они колебались незначительно, не показывая экстремальной динамики⁵⁰. Однако за исследуемый период, несмотря на общую разницу в общей тенденции в пользу Исландии, население этой страны резко сократилось в 2008–2009 гг., что совпало с относительным его ростом в Гренландии (см. рис. 3). Такое снижение прироста населения Исландии можно объяснить глобальным финансовым кризисом и крахом исландской банковской системы в 2008 г.⁵¹. В частности, такое драматическое воздействие на экономику страны и общество могло быть связано с высокой степенью интернационализации исландской экономики. Кроме того, Сигухонссон и Микса отмечают, что банковское дело является «одним из структурных факторов» в исландском обществе, подчёркивая его значительный экономический вклад⁵².

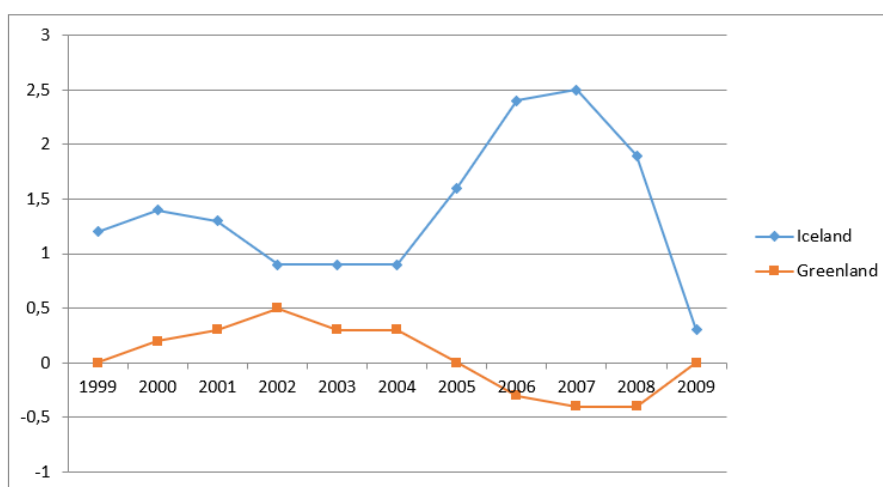

Рис. 3. Темпы роста численности населения в Исландии и Гренландии (1999–2009).

Более того, даже в 2016 г. — через восемь лет после кризиса — Центральный банк Исландии предполагал, что уровень банковского сектора в экономике в целом будет близок к 13%⁵³. Таким образом, «крах исландской банковской системы в октябре 2008 года означал конец шестилетнего экономического бума»⁵⁴. Следовательно, сокращение численности населения в 2008–2009 гг. в большей степени считается результатом экономических потрясений, а не конкретной социальной политики.

В то же время, как показывают примеры Финляндии, Исландии и Греции, большинство показателей здоровья и роста населения во всех трёх странах «продолжали улучшаться

⁵⁰ World Bank. Population growth (annual %). URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW> (дата обращения: 17.12.2019).

⁵¹ Ingimundarson. A crisis of affluence: The politics of an economic breakdown in Iceland. *Irish Studies in International Affairs*, 2010, 21 (1), с. 57.

⁵² Sigujonsson T. & Mixa M. Learning from the 'worst behaved': Iceland's financial crisis and the Nordic comparison. *Thunderbird International Business Review*, 2011, 53 (2), с. 222.

⁵³ Central Bank of Iceland. Economy of Iceland. URL: https://www.cb.is/library/Skraarsafn---EN/Economy-of-Iceland/2016/Economy_of_Iceland_2016.pdf (дата обращения: 19.12.2019).

⁵⁴ Ingimundarson. A crisis of affluence: The politics of an economic breakdown in Iceland. *Irish Studies in International Affairs*, 2010, 21 (1), с. 60.

после начала Великой рецессии»⁵⁵. Однако в Гренландии, несмотря на некоторые временные сдвиги в сторону медленного роста населения, ситуация кардинально не изменилась. Одним из наиболее важных факторов, повлиявших на это, было то, что «уровень младенческой смертности остаётся высоким по сравнению с населением соседних регионов»⁵⁶. Это означает, что население Гренландии не может увеличиваться из-за почти неизменного количества людей репродуктивного возраста. При этом экономические факторы имеют второстепенное значение. Таким образом, краткосрочному увеличению численности населения способствует профессиональная миграция, поскольку «из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы в Гренландии правительство пригласило специалистов из Дании для участия в процессе модернизации»⁵⁷.

Тот факт, что в Гренландии наблюдался некоторый рост населения, несмотря на глобальный финансовый кризис, в свою очередь, можно объяснить низкой интеграцией страны в мировую экономику в целом и медленным развитием её финансового сектора в частности. Действительно, по данным Naalakkersuisut, все услуги (включая банковские) составляют чуть менее десяти процентов экономики Гренландии⁵⁸. Поэтому последствия любых финансовых потрясений в принципе вряд ли в большой степени могут существенно повлиять на население страны.

Таким образом, динамика темпов роста населения с 1999 по 2009 г. подтверждает общую динамику населения в обеих странах. В частности, население Исландии продолжает *расти*, в то время как Гренландия относительно стабильна, причём периоды *очень медленного роста и спада* сменяют друг друга. Используя «матрицу социального капитала», можно было предположить, что чрезвычайно низкие темпы роста населения в *Гренландии* и высокие темпы прироста населения в *Исландии* означают «умеренно» *низкий* уровень социального капитала в первой стране (три «красных» ячейки и две «жёлтые» ячейки в табл. 2) и «умеренно» *высокий* во второй (три «зелёные» и две «жёлтые» ячейки в табл. 2).

Расстояние между населёнными пунктами, разрозненность и коммуникация.

Уникальные географические условия Гренландии с естественными преградами в виде фьордов, гор и территории, покрытой на большей своей части льдом, оставляют всего несколько возможностей для перемещения (в основном лодками и собачьими упряжками), полностью исключая железнодорожную и автомагистральную связь между городами [3, Gad U.]. Развитие инфраструктуры «в такой разрозненной структуре потребует огромных капитальных вложений и решения огромных технических задач» [39, Carruth S., с. 71]. В результате, развитие городской и региональной инфраструктуры представляет собой «воссоздание множе-

⁵⁵ Tapia-Granados J. & Rodriguez J. Health, economic crisis, and austerity: A comparison of Greece, Finland, and Iceland. *Health Policy*, 2015, 119 (7), с. 941.

⁵⁶ Friborg J. et al. A population-based registry study of infant mortality in the Arctic: Greenland and Denmark, 1973-1997. *American Journal of Public Health*, 2004, 94 (3), с. 452.

⁵⁷ Hamilton L. and Rasmussen R. Population, sex ratios and development in Greenland. *Arctic*, 2010, 63 (1), с. 49.

⁵⁸ Naalakkersuisut. Economy and industry in Greenland. URL: <http://naalakkersuisut.gl/en/About-government-of-greenland/About-Greenland/Economy-and-Industry-in-Greenland> (дата обращения: 19.01.2020).

ства мелких инфраструктур, а не непрерывную расширяемую систему» [Там же, с. 68]. Таким образом, из-за почти полной невозможности добраться до большинства пунктов назначения по суше, сообщаемость между населёнными пунктами является низкой и небезопасной при неблагоприятных погодных условиях.

Помимо разобщённости и, как следствие, низкой взаимосвязанности, расстояние между гренландскими поселениями существенно влияет на коммуникацию, поскольку в большинстве случаев оно больше, чем в других странах. Действительно, некоторые из небольших населённых пунктов имеют радиус доступности 50 км, в то время как в более крупные можно добраться только преодолев расстояние 100–150 км (см. рис. 4):

Рис. 4. Основные населённые пункты Гренландии и примерное расстояние между ними.⁵⁹

Как видно, хотя водный транспорт может облегчить передвижение между гренландскими поселениями, расстояние между ними всё же остаётся значительным. Кроме того, природные факторы, такие как айсберги, также могут затруднять передвижение вдоль побережья, толкая суда в сторону моря, тем самым увеличивая «риск оказаться в ловушке плохой погоды»⁶⁰. Таким образом, разъединённость и большие расстояния препятствуют коммуникации в Гренландии.

По мнению Х. Кристьянсдоттир [1], Исландия, напротив, представляет собой страну с очень похожими природными проблемами (например, фьорды и горы), но более мягкими климатическими условиями: большая часть территории остаётся в субарктической зоне, а Арктический Круг проходит только через остров Гримси. Поскольку около десяти процентов

⁵⁹ Arctic Council. Arctic Biodiversity Assessment: Status and trends in Arctic biodiversity. URL: <http://arcticcc.org/assets/resources/ABA2013Science.pdf> (accessed: 16 July 2017).

⁶⁰ Hamilton L. & Rasmussen R. Population, sex ratios and development in Greenland. *Arctic*, 2010, vol. 63, no. 1, с. 49.

территории покрыто ледниками, технические и инженерные проблемы страны, связанные с созданием инфраструктуры, по мнению данного исследователя, не столь серьёзны, как в Гренландии. С другой стороны, «сложная местность и непредсказуемая погода сделали развитие дорожной инфраструктуры ключевым компонентом стратегий регионального развития»⁶¹. Учитывая полное отсутствие железных дорог, страна обладает *разветвлённой дорожной сетью*, в значительной степени поддерживаемой государственными инвестициями⁶². Таким образом, в настоящее время большинство исландских поселений связаны основными магистралями, либо местными подъездными дорогами, что значительно *увеличивает связность* городов, посёлков и деревень (см. рис. 5):

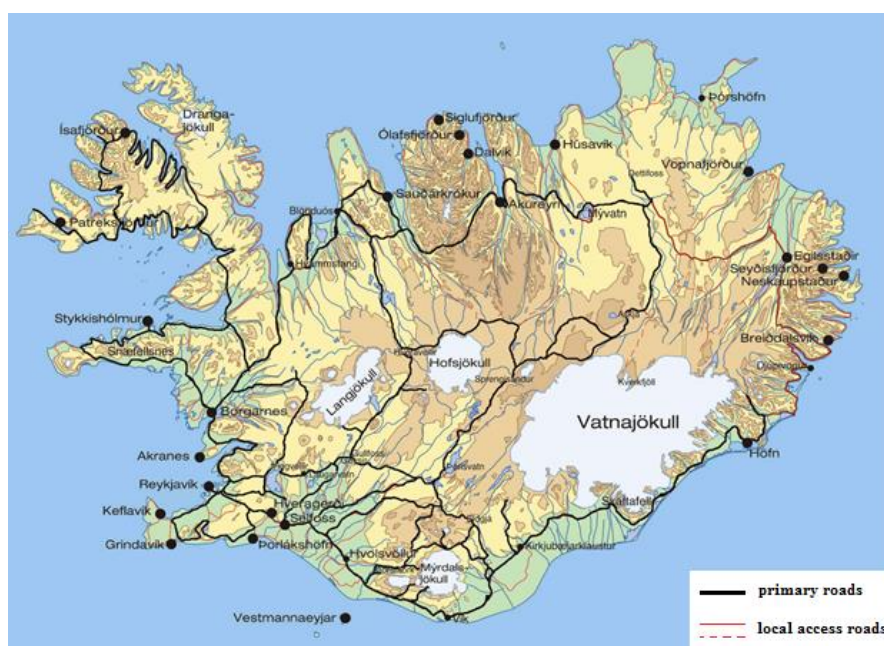

Рис. 5. Основные населённые пункты и дороги Исландии⁶³.

Помимо незначительной разъединённости, наибольшее расстояние между двумя отдельными поселениями в Исландии составляет 922 км (между Исафьордуром и Хёфном), а среднее расстояние составляет около 300 км. Хотя данные цифры несколько напоминают Гренландию, главное отличие состоит в том, что благодаря хорошо развитой дорожной сети до большинства городов и деревень можно добраться в течение нескольких часов с меньшим риском, связанным с потенциально неблагоприятными погодными условиями. Напротив, самые большие расстояния между населёнными пунктами в Гренландии измеряются тысячами километров, в условиях практически отсутствующего транспорта. Связь между исландскими населёнными пунктами намного лучше, чем в Гренландии, что в конечном итоге улучшает коммуникацию между гражданами.

⁶¹ Bjarnason T. The effects of road infrastructure improvement on work travel in Northern Iceland. *Journal of Transport Geography*, 2014, 41 (1), 2014, с. 229.

⁶² Karlsson V. Interregional migration and transportation improvements in Iceland. *International Regional Science Review*, 2015, 38 (3), с. 292-315.

⁶³ IRCA. The road system. URL: [http://www.road.is/vefur2.nsf/Files/RoadSystem2017/\\$file/vegakerfid2017-enska.pdf](http://www.road.is/vefur2.nsf/Files/RoadSystem2017/$file/vegakerfid2017-enska.pdf) (дата обращения: 16.01.2020).

Подводя итог, официальные данные подтверждают предположение о том, что сложная географическая структура Гренландии увеличивает разрозненность её ландшафта, создавая большие проблемы для передвижения и развития инфраструктуры, усугубляемые чрезвычайно большими расстояниями между населёнными пунктами и отсутствием инфраструктуры. Напротив, большое количество дорог, меньшие расстояния и менее разъединённая местность в Исландии значительно улучшают связи в этой стране. Таким образом, рассмотрение этих показателей посредством матрицы социального капитала демонстрирует, что применительно к *Гренландии* они оказывают «*существенно негативное*» влияние на *социальный капитал* (пять «красных» ячеек в табл. 2), тогда как в случае *Исландии* они демонстрируют «*существенно положительное*» влияние (пять «зелёных» ячеек в табл. 2).

Институты. Как и в предыдущем разделе, в этом разделе рассматриваются два количественных показателя успеха государственных институтов в Исландии и Гренландии: уровень убийств и уровень самоубийств. В дополнение к графическому представлению статистических данных в этой части объясняются возможные причины несоответствия. Наконец, рассматриваются последствия этого расхождения для социального капитала Исландии и Гренландии.

Уровень убийств. Что касается уровня убийств, ситуация в Исландии резко отличается от ситуации в Гренландии, где уровень преступности один из самых низких на планете — из-за «общинной социальной организации», опоры на социальное порицание, а также значительной социальной изоляции, которая «укрепляет и делает более прочными общинные связи и увеличивает эффект порицания»⁶⁴. На практике это, по-видимому, положительно влияет на уровень убийств: по данным УНП ООН, количество убийств на 100 000 жителей в течение исследуемого десятилетия было чрезвычайно низким: в 2003, 2006 и 2008 гг. не было зарегистрировано ни одного случая⁶⁵.

Общая криминальная статистика Гренландии, напротив, печально известна и демонстрирует один из самых высоких показателей убийств в мире. Действительно, несмотря на небольшое снижение за последние десятилетия, уровень убийств там заметно выше по сравнению с Данией и северной Европой⁶⁶. Графически, сопоставление статистических данных об уровне убийств за исследуемый период времени демонстрирует это несоответствие (см. рис. 6):

⁶⁴ Baumer E., Wright R., & Gunnlaugsson H. (2002) Crime, shame, and recidivism, *The British Journal of Criminology*, 2002, 42 (1), с. 54.

⁶⁵ UNODC. Homicide counts and rates. URL: <https://data.unodc.org/#state:0> (дата обращения: 06.02.2020).

⁶⁶ Christensen M. et al. Homicide in Greenland 1985-2010. *Forensic Science, Medicine, and Pathology*, 2016, 12/1, с. 40.

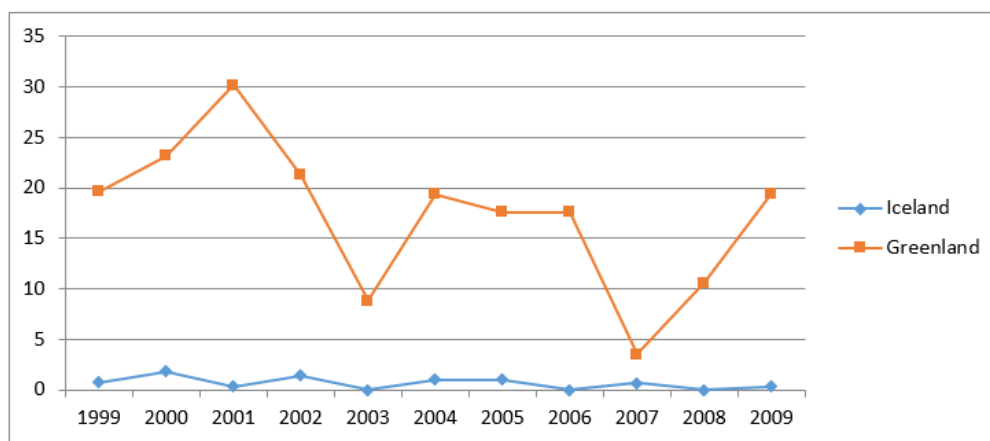

Рис. 6. Количество убийств на 100 000 жителей в Исландии и Гренландии (1999–2009 гг.)⁶⁷.

Хотя количество убийств в Гренландии в 2003 и 2007 гг. несколько снизилось, общая картина заметно отличается от Исландии. Такая разница может быть объяснена спецификой правоохранительной системы Гренландии, которая делает страну «единственным местом в мире, где людей ни за что не наказывают»⁶⁸. В этом смысле «нет уголовного кодекса, только уголовное законодательство» и «нет тюрем, только учреждения», так что система предполагает, что преступникам «помогают, а не наказывают»⁶⁹. Такое восприятие пенитенциарной системы является скорее исключением, чем правилом.

В Исландии же, напротив, «тюрьма или наказание никогда не рассматривались как уход, социальная помощь или терапия»⁷⁰. В этом смысле пять тюрем Исландии напоминают тюрьмы других стран Северной Европы. Однако, руководствуясь идеей о том, что «маленькие учреждения во многих аспектах функционируют лучше, чем крупные», все пенитенциарные учреждения в стране небольшие по численности (до 87 заключённых), с общим количеством в 138 мест на весь остров⁷¹.

Несмотря на утверждение Т. Лаппи-Сеппала, что самым большим достижением тюремной реформы в большинстве стран Северной Европы является «меньшее количество правонарушителей, находящихся под надзором, меньший уровень страха и требований к наказанию, более низкий уровень насилия и меньшее количество правонарушений против собственности», статистика убийств в целом демонстрирует незначительный успех этой политики в Гренландии⁷². Однако Исландию можно рассматривать как пример эффективных действий в этом вопросе. Поскольку, согласно Ф. Баумеру и др., показатели убийств в основном связаны с институциональными факторами и хорошо функционирующими национальными социальными программами, предполагается, что текущие тенденции сохранятся в

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Lauritsen A. Greenland's open institution — Imprisonment in a land without prisons. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2012, 13 (1), с. 47.

⁶⁹ Там же, с. 48.

⁷⁰ Baldursson E. Prisoners, prisons and punishment in small societies', *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2000, 1 (9), с. 9.

⁷¹ Там же, с. 7.

⁷² Lappi-Seppälä T. Penal policies in the Nordic countries 1960-2010. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2012, 13 (1), с. 85.

обозримом будущем, если коренные реформы не изменят правоохранительные системы в обеих странах⁷³. Поскольку в матрице социального капитала большое количество убийств считается «умеренно негативным» для запаса социального капитала, уровень социального капитала Гренландии низкий (три «красных» и две «жёлтых» ячейки в табл. 2). Вместе с тем уровень социального капитала Исландии, таким образом, должен быть высоким из-за низкого уровня убийств, который, как считается, «умеренно положительно» влияет на эту характеристику (три «зелёных» и две «жёлтых» ячейки в табл. 2).

Уровень самоубийств. Как и в случае с убийствами, показатели самоубийств в двух странах различаются. В частности, уровень самоубийств в Гренландии, по-видимому, один из самых высоких в мире, при этом число самоубийств резко возрастает среди инуитов. Это особенно тревожно, поскольку они составляют основу гренландского общества⁷⁴. В частности, суициды являются серьёзной социальной проблемой в сельской местности. Вот почему исследователи проводят параллель между таким особым географически обусловленным паттерном самоубийств и его инициаторами⁷⁵.

С географической точки зрения, большинство традиционных гренландских сообществ расположены в небольших поселениях, а не в крупных городах, что объясняет географическое несоответствие между ростом уровня самоубийств в городских районах и сельской местности⁷⁶. Действительно, по мнению исследователей, с тех пор как в 1950-х гг. началась модернизация Гренландии, большинство коренных общин пострадали от перехода от традиционного образа жизни (в основном охоты) к рыночной экономике, основанной на занятости. В этом отношении в сравнительном исследовании коренного населения Аляски и Гренландии П. Бьеррегард и С. Ларсен демонстрируют, что в обеих странах значительно более высокий уровень самоубийств зарегистрирован среди безработного населения, которое традиционно занимается охотой и рыболовством⁷⁷. Таким образом, по мнению исследователей, такой резкий сдвиг в сторону модернизации может вызвать суицидальные мысли у коренного населения, которое плохо адаптируется к условиям современного мира.

В Исландии, учитывая полное отсутствие коренных общин, ситуация более обнадеживающая. В частности, в период 1980–2009 гг. «в Исландии был зафиксирован самый низкий уровень самоубийств среди всех возрастов» среди стран Северной Европы⁷⁸. Хотя эта группа государств обычно считается подверженной высокому риску совершения суицидов, в

⁷³ Baumer E., Wright R., & Gunnlaugsson H. (2002) Crime, shame, and recidivism, *The British Journal of Criminology*, 2002, 42 (1), с. 40-59.

⁷⁴ Statistics Greenland. Greenland in figures 2018. URL: <http://www.stat.gl/publ/en/GF/2017/pdf/Greenland%20in%20Figures%202017.pdf> (дата обращения: 21.08.2019).

⁷⁵ Bjerregaard P. & Lynge I. Suicide: A challenge in modern Greenland. *Archives of Suicide Research*, 2006, 10 (2), с. 209-220.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Bjerregaard P. & Larsen C. Time trend by region of suicides and suicidal thoughts among Greenland Inuit. *International Journal of Circumpolar Health*, 2015, 74 (1), с. 1-8.

⁷⁸ Titelman D. et al Suicide mortality trends in the Nordic countries 1980-2009. *Nordic Journal of Psychiatry*, 2013, 67 (6), с. 418.

глобальном списке стран по количеству самоубийств на 100 000 жителей Исландия занимает среднее положение⁷⁹. По мнению Д. Лестера, это в первую очередь связано с законами об алкоголе 1980-х гг., разрешившими употребление крепкого пива. Следуя аргументам автора, санкционированная закупка спиртов средней крепости, а не крепких спиртных напитков, обеспечивала адекватное психологическое расслабление исландскому населению⁸⁰.

В Гренландии после абсолютного пика потребления в 1970–1980-х гг. были проведены аналогичные законодательные реформы, связанные с алкоголем, что привело к значительному снижению потребления алкоголя⁸¹. Однако этот показатель остаётся более высоким по сравнению с многими странами Северной Европы, и в большей степени он связан с пьянством, а не с социально допустимым употреблением алкоголя⁸². По мнению П. Бьеррегаарда и И. Линджа, такое несоответствие является важным фактором повышения вероятности самоубийства⁸³. Действительно, сравнение показателей самоубийств в Гренландии и Исландии даёт следующую картину (см. рис. 7)

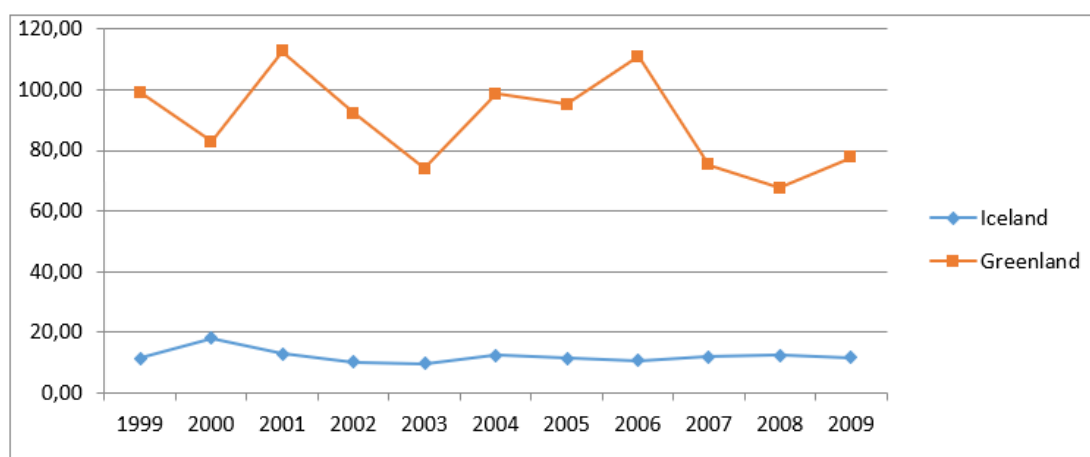

Рис. 7. Самоубийства на 100 000 жителей в Исландии и Гренландии (1999–2009).⁸⁴

Как видно на рис. 7, за исследуемый период (1999–2009 гг.) уровень самоубийств в Гренландии в несколько раз выше, чем в Исландии. Согласно матрице социального капитала, такие условия оказывают заметное *негативное* влияние на социальный капитал страны (пять «красных» ячеек). Исландия, в свою очередь, имеет относительно низкий уровень самоубийств, что должно иметь *умеренно положительное* влияние на её социальный капитал (три «зелёных» и две «жёлтых» ячейки).

Культура. В этой части основное внимание уделяется культурным особенностям Исландии и Гренландии, а потребление алкоголя на 100 000 жителей и наличие кочевых / по-

⁷⁹ OECD. Suicides. URL: <https://data.oecd.org/healthstat/suicide-rates.htm> (дата обращения: 07.03.2020).

⁸⁰ Lester D. Effect of changing alcohol laws in Iceland on suicide rates. *Psychological Reports*, 1999, 84 (3), с. 1158-1159.

⁸¹ Bjerregaard P. Development of a public health programme in Greenland. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2005, 33 (4), с. 241-242.

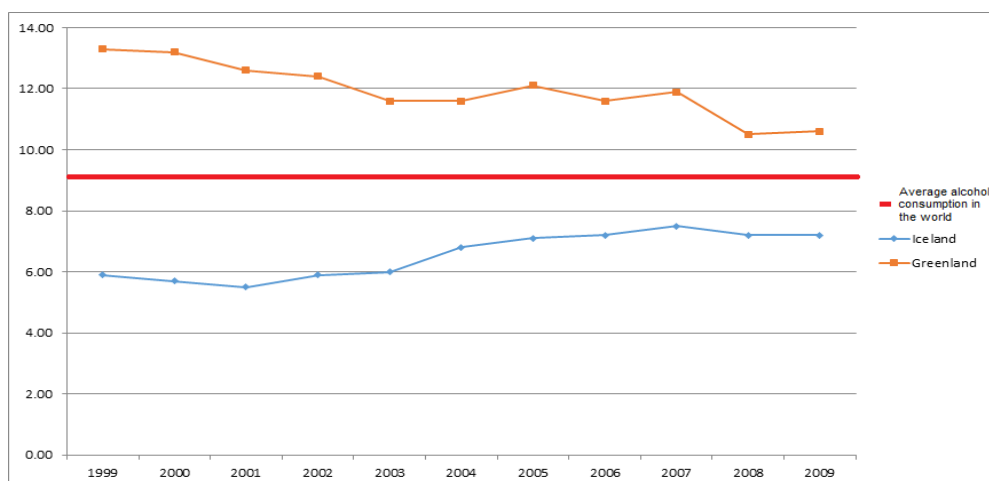
⁸² Там же.

⁸³ Bjerregaard P. & Lynge I. Suicide: A challenge in modern Greenland. *Archives of Suicide Research*, 2006, 10 (2), с. 209-220.

⁸⁴ OECD. Suicides. URL: <https://data.oecd.org/healthstat/suicide-rates.htm> (дата обращения: 07.03.2020).

лукочевых черт являются ключевыми показателями. Помимо наглядной демонстрации разницы между странами, культурная гипотеза выдвигает возможные причины этого. Кроме того, она выявляет, как эти особенности могут влиять на создание различий в размере социального капитала стран.

Потребление алкоголя. Потребление алкоголя в Гренландии выше, чем во многих странах Северной Европы. Однако нынешний уровень потребления значительно ниже, чем три десятилетия назад, когда он был в два раза выше, чем в Дании⁸⁵. Такое снижение может

свидетельствовать об эффективной законодательной и экономической политике, проводимой правительством, и являться следствием значительного повышения цен на алкоголь по сравнению с Данией, прежде всего за счёт налогообложения. Поскольку в обозримом будущем этот фискальный подход гренландского правительства кардинально не изменится, сокращение потребления алкоголя в Гренландии, вероятно, продолжится⁸⁶.

С другой стороны, в случае Исландии потребление алкоголя немного выросло с 1970–1980-х годов, после того как цены на крепкие спиртные напитки были снижены⁸⁷. Однако несмотря на это, указанный рост потребления оказался краткосрочным и в исследуемый период данный показатель практически стабилизировался (см. рис. 8).

Рис. 8. Потребление алкоголя на душу населения (литры чистого спирта в год) в Исландии и Гренландии (1999–2009 гг.)⁸⁸.

Хотя рис. 8. демонстрирует тенденцию к снижению в Гренландии и тенденцию к росту в Исландии, реальные эффекты этих паттернов несопоставимы, поскольку рост в Исландии (в отличие от Гренландии) вызван в основном с увеличением потребления лёгких алкогольных

⁸⁵ Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

⁸⁶ Bjerregaard P. Development of a public health programme in Greenland. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2005, 33 (4), с. 241-242.

⁸⁷ Jonsson R. & Kristjansson S. Alcohol policy and public opinion in Iceland, 1989-2012. *Nordic Studies on Alcohol and Drugs*, 2013, 30 (6), с. 539-549.

⁸⁸ OECD. Alcohol consumption. URL: <https://data.oecd.org/healthrisk/alcohol-consumption.htm> (дата обращения: 08.03.2020).

напитков подростками⁸⁹. Злоупотребление алкоголем среди подростков Гренландии является серьёзной проблемой, особенно для инуитов. Данные свидетельствуют, что это в первую очередь связано с более низким порогом устойчивости к алкоголю, более низкими показателями образования и высоким уровнем безработицы⁹⁰. Таким образом, хотя среднее потребление алкоголя в Гренландии снижается из-за высоких налогов, уровень подросткового потребления не сокращается.

Недопущение ситуации, аналогичной той, что была в Гренландии, было одним из движущих мотивов для увеличения возраста разрешённого употребления алкоголя в Исландии с 18 до 20 лет⁹¹. Гренландцы же могут покупать пиво и сидр с 16 лет, а крепкий алкоголь с 18⁹². Хотя цены на алкоголь в обеих странах высокие, Гренландия не придерживается монопольного подхода к продаже алкоголя внутри страны, поскольку, несмотря на государственную монополию на импорт алкоголя, контролируемого государственным KNI A/S, спиртные напитки и пиво можно покупать в обычных супермаркетах⁹³. Кроме того, большие объёмы алкоголя домашнего производства минимизируют эффект от чрезвычайно высоких цен на спиртосодержащие напитки в магазинах и барах⁹⁴. Таким образом, относительная доступность алкоголя может объяснить контраст между Исландией и Гренландией в рамках одного и того же периода времени (см. рис. 8).

Как описано выше, алкогольную промышленность Исландии организует ATVР — контролируемая государством монополия, которая управляет сетью *Vínbúð* — единственными специализированными магазинами, где можно приобрести крепкие напитки⁹⁵. Таким образом, хотя население большинства северных стран имеет тенденцию к неумеренному потреблению алкоголя, Исландия нивелирует это, снижая его доступность⁹⁶. Поскольку пьянство по-прежнему является большой проблемой в Гренландии, это может отражаться на общей структуре потребления алкоголя, представленной на рис. 8. Таким образом, анализируя этот показатель в странах через призму «матрицы социального капитала», можно сказать, что *Гренландия* обладает *низким уровнем социального капитала*, связанным с *высоким потреблением алкоголя* (пять «красных ячеек»). Напротив, *Исландия*, где *потребление*

⁸⁹ Asgeirsdottir T. & McGeary K. Alcohol and labour supply: The case of Iceland. *European Journal of Health Economics*, 2009, 10 (4), с. 455-465.

⁹⁰ Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

⁹¹ Bjerregaard P. Development of a public health programme in Greenland. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2005, 33 (4), с. 241-242.

⁹² Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

⁹³ Bjerregaard P. Development of a public health programme in Greenland. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2005, 33 (4), с. 241-242.

⁹⁴ Aage H. Alcohol in Greenland 1951-2010: Consumption, mortality, prices. *International Journal of Circumpolar Health*, 2012, 71 (1), с. 2.

⁹⁵ Arnarsson A., Kristofersson G., & Bjarnason T. Adolescent alcohol and cannabis use in Iceland 1995-2015. *Drug and Alcohol Review*, 2017, 1 (1), с. 1-9.

⁹⁶ Osterberg E. & Karlsson T. Trends in alcohol consumption and violence in the Nordic Countries 1960-2000. 2011, *Contemporary Drug Problems*, 38 (2), с. 311-330.

алкоголя приближается к *среднемировому* уровню, вероятно, имеет *высокий запас социального капитала* (пять «зелёных» ячеек).

Кочевые и полукочевые черты культуры. Что касается кочевых черт национальной культуры, Гренландия и Исландия представляют собой два разных ответа на глобальную модернизацию. В частности, несмотря на попытку Дании заставить гренландское общество следовать правилам рыночной экономики и интегрироваться в производственную систему, основанную на занятости, значительная часть населения по-прежнему ведёт традиционный образ жизни⁹⁷. По мнению У. Гада [3, Gad U.], учитывая отсутствие хорошо развитой промышленности и высокий уровень безработицы, при некоторой поддержке рыболовства, традиционная охота представляется естественной заменой, унаследованной от предков. В этом отношении более низкий общий уровень образования в Гренландии также можно рассматривать как фактор, способствующий безработице, стимулирующий дальнейшее вовлечение в традиционные виды деятельности⁹⁸.

Помимо отсутствия крупномасштабных производств и безработицы, С. Каррут [39] подчёркивает разъединённость и малый размер большинства гренландских поселений как факторы, способствующие сохранению охоты. Действительно, П. Коркоран, назвав культуру инуитов «самой чистой охотничьей культурой» [19, с. 106], заявляет, что коренное население проживает преимущественно в географически негородских районах, в отличие, например, от Нуук, с большим количеством датских эмигрантов. Действительно, «когда мы говорим о традиционном поселении в гренландском охотничьем обществе, мы имеем в виду зимнее поселение, которое занято с августа / сентября по апрель / май»⁹⁹. В этом смысле большая часть населения малых городов имеет полукочевые черты, мигрируя вместе с популяциями промысловых животных¹⁰⁰.

Помимо традиционного мелкого рыболовства вдоль побережья крупных поселений, гренландцы в основном охотятся на тюленей, нарвалов, атлантических моржей и северных оленей¹⁰¹. Таким образом, традиционный способ охоты предполагает не только переезд на летние охотничьи угодья, но и преследование добычи на десятки километров вдоль побережья или на открытой местности [19, Corcoran P. и др.]. Таким образом, графическое изображение летнего распределения основных промысловых животных даёт общее представление о предполагаемых сезонных особенностях миграции инуитов в соседние поселения (см. рис. 9):

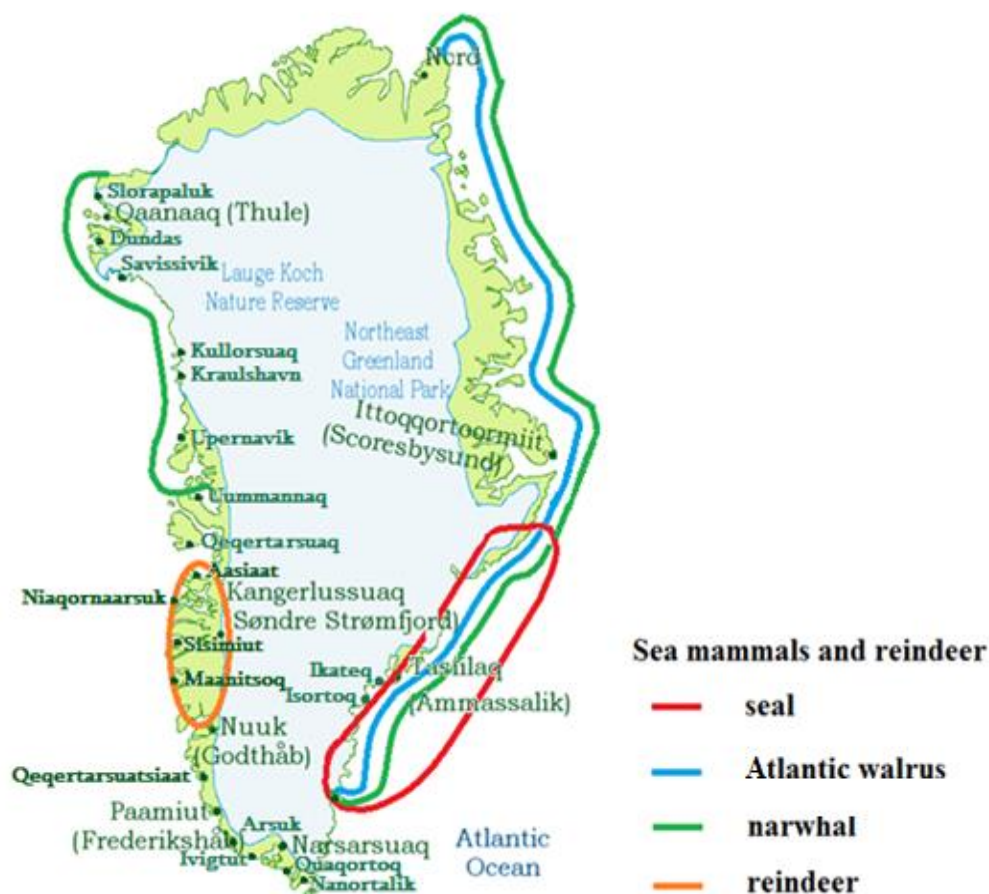
⁹⁷ Langgård K. & Pedersen K. *Modernization and heritage: How to combine the two in Inuit societies*, Nuuk: Atuagkat, 2013.

⁹⁸ Hamilton L. & Rasmussen R. Population, sex ratios and development in Greenland. *Arctic*, 2010, 63 (1), с. 49.

⁹⁹ Petersen R. *Settlements, kinship and hunting grounds in traditional Greenland: A comparative study of local experiences from Upernavik and Ammassalik*. Copenhagen: Danish Polar Center, 2003.

¹⁰⁰ Palsbøll P., Heide-Jørgensen M., & Dietz R. Population structure and seasonal movements of narwhals, *Monodon nonoceros*, determined from mtDNA analysis. *Heredity*, 1997, 78 (3), с. 284-293.

¹⁰¹ Hendriksen K. & Jørgensen U. Hunting and fishing settlements in Upernavik district of Northern Greenland challenged by climate, centralization, and globalization. *Polar Geography*, 2015, 38 (2), с. 123-145.

(Морские млекопитающие и северные олени: тюлени, атлантические моржи, нарвалы, северные олени).

Рис. 9. Летнее распределение основных промысловых морских млекопитающих и северного оленя в Гренландии (июнь – август)¹⁰².

Хотя не все гренландские инуиты ведут сезонный полукочевой образ жизни, эта традиционная культурная особенность всё ещё очень сильна¹⁰³. Напротив, Исландия — страна без коренного населения — представляет собой успешно модернизированное общество без сильных охотничьих традиций¹⁰⁴. Помимо отсутствия традиционного природопользования у населения, существенный переход от рыболовства к производству алюминия снизил общую потребность в сезонной мобильности¹⁰⁵. В частности, увеличение занятости в отдалённых районах за счёт перемещения к промышленным центрам (например, алюминиевого завода в Рейдарфьордюре) с сопутствующим развитием инфраструктуры (например, создание таких региональных университетов, как Университет Акурейри), значительно снизило городскую

¹⁰² CARMA. Circumpolar distribution. URL: <https://carma.caff.is/carma-interactive-map/circumpolar-distribution> (accessed: 17 January 2020), WWF. Seals in Greenland. URL: http://awsassets.wwfdk.panda.org/downloads/seals_in_greenland__wwf_report__dec_2013.pdf (дата обращения: 17.03.2020) and WWF. Mapping the changing Arctic landscape. URL: <http://wwf-arcticmaps.org/> (дата обращения: 17.03.2020).

¹⁰³ Hendriksen K. & Jørgensen U. Hunting and fishing settlements in Upernavik district of Northern Greenland challenged by climate, centralization, and globalization. *Polar Geography*, 2015, 38 (2), с. 123-145.

¹⁰⁴ Witherall R. From fish to aluminium: Iceland turns attention to energy intensive industries, *Aluminium Today*, 1998, 10 (5), с. 1-32.

¹⁰⁵ Karlsson V. Interregional migration and transportation improvements in Iceland. *International Regional Science Review*, 2015, 38 (3), с. 292-315.

миграцию внутри страны¹⁰⁶. В результате за десятилетний период 1998–2008 гг. рост населения наблюдался во всех регионах, за исключением двух малонаселённых на Северо-Западе.

Таким образом, анализ ситуации по матрице социального капитала даёт следующие результаты. Высокая значимость охотничьих традиций и полукочевой образ жизни в Гренландии оказывают «*существенно отрицательное*» влияние на социальный капитал (пять «красных» ячеек в табл. 2). С другой стороны, отсутствие коренных кочевых народов и относительно низкие тенденции к миграции в Исландии оказывают «*умеренно положительное*» влияние на социальный капитал (три «зелёных» и две «жёлтых» ячейки в табл. 2). Следовательно, можно предположить, что *гренландский социальный капитал* должен быть *низким*, а *исландский* — *высоким*.

Заключение

Как было показано, в Гренландии и Исландии разные условия для развития социального капитала. В частности, все связанные с Гренландией показатели либо умеренно, либо сильно отрицательно влияют на социальный капитал. Напротив, показатели Исландии сильно или умеренно связаны с социальным капиталом. Однако, поскольку величина комбинации факторов в каждом случае разная, запасы социального капитала в Гренландии и Исландии расходятся (см. табл. 3):

Таблица 3

Обзор основных показателей социального капитала, их номинального воздействия на него и его ожидаемого общего уровня в Исландии и Гренландии

Факторы	Показатели	Страна			
		Исландия		Гренландия	
		Уровень показателя	Номинальное воздействие на социальный капитал	Уровень показателя	Номинальное воздействие на социальный капитал
География	Темпы роста населения	Высокий	«Умеренно» положительный	Низкий	«Умеренно» отрицательный
	Расстояние между населенными пунктами и разобщённость	Незначительное расстояние/разобщённость, Хорошая связность	«Значительно» положительный	Значительное расстояние/разобщённость, Плохая связность	«Значительно» отрицательный
Институты	Количество убийств	Низкий	«Умеренно» положительный	Высокий	«Умеренно» отрицательный
	Количество самоубийств	Низкий	«Умеренно» положительный	Высокий	«Значительно» отрицательный
Культура	Потребление алкоголя на душу населения	Умеренный	‘Significantly positive’	Высокий	«Значительно» отрицательный
	Кочевые/полукочевые черты	Нет	«Умеренно» положительный	Да	«Значительно» отрицательный
Ожидаемый общий уровень социального капитала		«Умеренно» высокий		«Значительно» низкий	

¹⁰⁶ Bjarnason T. & Edvardsson I. University pathways of urban and rural migration in Iceland. *Journal of Rural Studies*, 2017, 54 (1), с. 244-254.

Как видно из таблицы, ожидаемый уровень социального капитала Исландии является «умеренно высоким» из-за большего присутствия конкретных факторов, оказывающих «умеренно положительное» влияние на его запас, например, высокий темп роста населения, небольшое количество убийств / самоубийств и отсутствие кочевых традиций. С другой стороны, прогнозируемый общий уровень социального капитала в Гренландии является «значительно низким» из-за преобладания показателей, оказывающих на него «сильное негативное» влияние: для страны характерны большие расстояния между её населёнными пунктами, сопровождающиеся плохой связью, и высокая разъединённость. Кроме того, в Гренландии, где значительная часть населения ведёт полукочевой образ жизни, наблюдается высокое потребление алкоголя и высокий уровень самоубийств. Таким образом, хотя предполагаемый уровень социального капитала Исландии не является исключительно положительным, он потенциально обеспечивает лучшую базу для развития возобновляемых источников энергии, чем в Гренландии, где предполагаемый уровень социального капитала является в максимальной степени отрицательным.

Как было продемонстрировано, полученные *результаты* в целом *подтверждают гипотезу исследования*, связывая более высокие оценки исландского социального капитала с продвинутым развитием возобновляемых источников энергии в стране и демонстрируя взаимосвязь прогнозируемо более низкого уровня социального капитала с торможением развития зелёной энергетики в Гренландии. Таким образом, *цель* исследования достигается и подтверждается доказательствами, объясняющими расходящиеся энергетические структуры стран на фоне географического, культурного и экономического сходства. Однако нестатистический характер статьи оставляет выводам их иллюстративную роль, не доказывая прямую причинно-следственную связь между компонентами «триединства» и уровнем социального капитала. Таким образом, дальнейшие исследования следует дополнить статистическим анализом.

Помимо анализа текущей ситуации в энергетической отрасли, концепция «триединства» может быть использована для планирования сценариев будущего развития возобновляемых источников энергии. Например, снижение потребления алкоголя в Гренландии и рост населения потенциально могут быть усилены государственной реформой правоохранительных органов и других государственных учреждений, направленной на снижение уровня самоубийств и убийств¹⁰⁷. Кроме того, с углублением урбанизации и развития инфраструктуры, обусловленных технологическим прогрессом и общими климатическими тенденциями (таяние ледников), взаимосвязи между общинами будут усиливаться¹⁰⁸. Как показывает «триединство социального капитала», если такие важные процессы будут иметь место, все три компонента социального капитала (географический, институциональный и культурный)

¹⁰⁷ Frantzen E. Indefinitely sentenced to Denmark — The return to Greenland. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2012, 13 (1), с. 57-68.

¹⁰⁸ Hendriksen K. & Jørgensen U. Hunting and fishing settlements in Upernavik district of Northern Greenland challenged by climate, centralization, and globalization. *Polar Geography*, 2015, 38 (2), с. 123-145.

будут усилены, что приведёт к увеличению его уровня и созданию благоприятных условий для реализации инициатив в области возобновляемых источников энергии.

Сопоставление основных структур, объясняющих общий экономический рост и развитие возобновляемых источников энергии (то есть географических, институциональных и культурных гипотез), по-видимому, является одним из основных преимуществ «триединства социального капитала». Хотя идея объединения географической и институциональной гипотез была представлена ранее, а концепции связывания культурной и географической, и институциональной с культурной гипотез получили дальнейшую поддержку, ни один из подходов не объединял все три. Текущий подход объединяет ключевые идеи каждой гипотезы, позволяя усилить их основные преимущества, а не противопоставлять их ключевые недостатки. Этот унифицированный подход устраняет пробелы в научной литературе, разъясняя и позволяя спрогнозировать сценарии использования возобновляемых источников энергии.

Ещё одним преимуществом использования «триединства» является относительная простота измерения его параметров. В частности, как видно, все данные, полученные для анализа, носят вторичный характер, т.е. сбор первичных данных не производился. Несмотря на то, что это можно рассматривать в качестве потенциального недостатка, получение первичной информации посредством интервью и опросов также связано со временными ограничениями, размером выборки и возможной предвзятостью интервьюируемых. Действительно, измерение социального капитала путём опроса фокус-групп об их доверии к своим соседям или правительству и т. д. — то есть некоторых из наиболее распространённых способов оценки социального капитала — потенциально может быть воспринято участниками негативно. Это, в свою очередь, либо исказит информацию, либо уменьшит размер выборки. Таким образом, результаты нельзя будет применить ко всему региону или стране. Вместе с тем использование вторичных данных позволяет избежать этих недостатков.

Хотя «триединство» в целом и «матрица социального капитала» в частности облегчают оценку ожидаемых уровней социального капитала в стране посредством рассмотрения конкретных географических, институциональных и культурных особенностей и тенденций, этот подход потенциально может быть раскритикован как слишком общий. Даже если «матрица социального капитала» демонстрирует, что предполагаемое влияние каждого фактора на социальный капитал имеет особую величину (например, рост населения имеет «умеренное» влияние, а разъединённость — «значительное»), точный уровень социального капитала в стране или регионе не может быть измерен этим инструментом. Хотя он потенциально полезен для стратегического планирования, его применимость для количественного анализа рисков, затрат и выгод в его нынешней форме ограничена.

Для устранения этого недостатка многие исследователи предлагают использовать универсальный индекс социального капитала, а не широкую целостную матрицу. Однако, хотя индекс социального капитала был введён на основе общенационального исследования для конкретных территориальных единиц, используемые переменные (например, участие в

политической жизни, членство в группах, явка избирателей и т.д.) подвергались резкой критике за то, что они не были применимы ко всем странам (например, Китаю, где низкое участие в политической жизни всё ещё ассоциируется с высоким социальным капиталом). Эта неоднозначность в отношении измерения социального капитала может быть в первую очередь связана с его размытым определением. Таким образом, несмотря на то, что данное исследование предприняло попытку дать комплексное определение этого понятия, включив в него ключевые особенности, упомянутые шестью наиболее цитируемыми исследователями, идеи других авторов могут выявить альтернативные признаки. В этом смысле метод, применяемый для определения социального капитала, является субъективным.

Литература

1. Kristjansdottir H. *Sustainable Energy Sources and Economics in Iceland and Greenland*. New York, Springer, 2015. 86 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-15174-8>
2. Hart G. Geography and Development: Development Beyond Neoliberalism? *Progress in Human Geography*, 2002, no. 26 (6), pp. 812–822.
3. Gad U. Greenland: A post-Danish Sovereign Nation State in the Making. *Cooperation and Conflict*, 2014, no. 49 (1), pp. 98–118.
4. Inaba Y. What's Wrong with Social Capital? Critiques from Social Science. *Global Perspectives on Social Capital and Health*, 2013, no. 1 (1), pp. 323–342.
5. Acemoglu D. Root Causes: a Historical Approach to Assessing the Role of Institutions in Economic Development. *Finance and Development*, 2003, no. 40 (2), pp. 27–30.
6. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York, Crown Business, 2012. 529 p.
7. Sachs J. Government, Geography, and Growth: True Drivers of Economic Development. *Foreign Affairs*, 2012, no. 91 (5), pp. 142–150.
8. Kourtellos A., Stengos T., Tan C. Do Institutions Rule? The Role of Heterogeneity in the Institutions vs. Geography Debate. *Economics Bulletin*, 2010, 30 (3), pp. 1–7.
9. Shi S., Huand K., Ye D., Yu L. Culture and Regional Economic Development: Evidence from China. *Papers in Regional Science*, 2014, no. 93 (2), pp. 291–299.
10. Moe E. Energy, Industry and Politics: Energy, Vested Interests, and Long-Term Economic Growth and Development. *Energy*, 2010, no. 35 (4), pp. 1730–1740.
11. Gudmundsson J. Utilisation of Geothermal Energy in Iceland. *Applied Energy*, 1976, no. 2 (2), pp. 127–140.
12. Franco B., Fettweis X., Erpicum M. Future Projections of the Greenland Ice Sheet Energy Balance Driving the Surface Melt. *Cryosphere*, 2013, no. 7 (1), pp. 1–18.
13. Stevens N., Alley R., Parizek B. Enhancement of Volcanism and Geothermal Heat Flux by Ice-Age Cycling: A Stress Modelling Study of Greenland. *Journal of Geophysical Research*, 2016, no. 121 (8), pp. 1456–1471.
14. Partl R. Power from Glaciers: The Hydropower Potential of Greenland's Glacial Waters. *Energy*, 1978, no. 3 (5), pp. 543–573.
15. Wilson E. Negotiating Uncertainty: Corporate Responsibility and Greenland's Energy Future. *Energy Research and Social Future*, 2016, no. 16 (1), pp. 69–77.
16. Lyck L., Taagholt J. Greenland: Its Economy and Resources. *Arctic*, 1987, no. 40 (1), pp. 50–59.
17. Boute A. Off-grid Energy in Remote Arctic Areas: An Analysis of the Russian Far East. *Renewable and Sustainable Reviews*, 2016, no. 59 (1), pp. 1029–1037.
18. Chmiel Z., Bhattacharyya S. Analysis of Off-Grid Electricity System at Isle of Eigg (Scotland): Lessons for Developing Countries. *Renewable Energy*, 2015, no. 81 (1), pp. 578–588.
19. Corcoran P. et al. *The Earth Charter in Action: Toward a Sustainable World*. Amsterdam, KIT Publishers, 2005.
20. Mazza M. Energy, Environment and Indigenous Rights: Arctic Experiences Compared. *The Yearbook of*

- Polar Law*, 2015, no. 7 (1), pp. 317–351.
21. Hansen A., Croal P., Vanclay F., & Skjervedal A. Managing the Social Impacts of the Rapidly-Expanding Extractive Industries in Greenland. *Extractive Industries and Society*, 2016, no. 3 (1), pp. 25–33.
 22. Newson S. This Changing World: Preserving Wilderness Versus Enabling Economic Change: Iceland and the Kárahnjúkar Hydropower Project. *Geography*, 2010, no. 95 (3), pp. 161–164.
 23. Hauberer J. *Social Capital Theory: Towards a Methodological Foundation*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 325 p. DOI: 10.1007/978-3-531-92646-9
 24. McShane C. et al. Connections: The Contribution of Social Capital To Regional Development. *Rural Society*, 2016, no. 25 (2), pp. 154–169.
 25. Cilona T. Sustainability, Territorial Resources and Social Capital. *International Journal of Sustainable Development Planning*, 2017, no. 12 (4), pp. 819–828.
 26. Nanetti R., Holguin C. *Social Capital in Development Planning*. New York, Palgrave Macmillan, 2016.
 27. Johnston M., Karageorgis S., Light I. Mexican Population Growth in New US Destinations: Testing and Developing Social Capital Theories of Migration Using Census Data. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2013, no. 39 (9), pp. 1479–1505.
 28. Elshof H., Bailey A. The Role of Responses to Experiences of Rural Population Decline in the Social Capital of Families. *Journal of Rural and Community Development*, 2015, no. 10 (1), pp. 72–93.
 29. Westlund H., Rutten R., Boekema F. Social Capital, Distance, Borders and Levels of Space: Conclusions and Further Issues. *European Planning Studies*, 2010, no. 18 (6), pp. 966–970.
 30. Rosenfeld R., Messner S., Baumer E. Social Capital and Homicide. *Social Forces*, 2001, no. 80 (1), pp. 283–309.
 31. Recker N. & Moore M. Durkheim, Social Capital, and Suicide Rates Across US Counties. *Health Sociology Review*, 2016, no. 25 (1), pp. 78–91.
 32. Spina N. Out-migration, Social Capital and the Cooperative Dilemma: Evidence from Bulgaria's Population Crisis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, 1 (1), pp. 1–17.
 33. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richard J.D., ed. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Bourgois, 1986, pp. 241–258.
 34. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *Culture and Economic Growth*, 1988, no. 1 (292), pp. 380–405.
 35. Lin N. *Social Capital: a Theory of Social Structure and Action*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2001. 292 p.
 36. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, 1998, no. 24 (1), pp. 1–24.
 37. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995, 6 (1), pp. 65–78.
 38. Woolcock M. Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework. *Theory and Society*, 1998, no. 27 (2), pp. 151–208.
 39. Carruth S. Developing Renewable Energy in Discontiguous Greenland: an Infrastructural Urbanism of Material Practices. *Journal of Landscape Architecture*, 2016, no. 11 (1), pp. 66–79.

Статья принята 02.06.2020.

УДК 378(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.220

Интернационализация профессионального образования в университетах стран-членов Арктического Совета *

© ПИТУХИНА Мария Александровна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: maria.pitukhina@gmail.com

Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия

Аннотация. Потенциал международного сотрудничества в Арктике сосредоточен в рамках влиятельной международной структуры — Арктического Совета, в котором Россия будет председательствовать в 2021–2023 гг. Статья посвящена оценке потенциала международного сотрудничества 15-ти арктических университетов в 7-ми странах-членах Арктического Совета с контингентом студентов не менее 3 600 человек (2 в США, 1 в Исландии, 5 в России, 2 в Финляндии, 2 в Швеции, 2 в Норвегии, 1 в Канаде). Потенциал международного сотрудничества арктических университетов представляется возможным оценить сквозь призму 10-ти количественных показателей, в числе которых количество иностранных студентов, принятых в университет; количество курсов, читаемых на английском языке; количество образовательных программ, по которым могут обучаться иностранные студенты; количество иностранных приглашённых учёных в университет и так далее. Благодаря массиву собранных статистических данных мы сможем дать объективную оценку как академической мобильности арктических университетов, так и уровню интернационализации профессионального образования.

Ключевые слова: академическая мобильность в Арктике, профессиональное образование, мониторинг, интернационализация, международное сотрудничество в Арктике.

Internationalization of Vocational Education in the Arctic Council Member-States' Universities

© Maria A. PITUKHINA, Doc. Sci. (Polit. Sci), Leading Researcher

E-mail: maria.pitukhina@gmail.com

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Abstract. Nowadays, the potential for international cooperation in the Arctic is concentrated within the framework of such an influential international structure as the Arctic Council, where Russia is presiding over soon in 2021–2023. The article is devoted to international cooperation evaluation of 15 Arctic universities from 7 Arctic Council member-states with a student contingent of at least 3,600 people (2 in the USA, 1 in Iceland, 5 in Russia, 2 in Finland, 2 in Sweden, 2 in Norway, 1 in Canada). It seems possible to evaluate international cooperation potential between Arctic universities through the prism of 10 quantitative indicators, including the number of international students admitted to the university; number of courses taught in English; number of educational programs for international students; a number of foreign scientists invited to the university, etc. We can evaluate both academic mobility within the Arctic universities and vocational education internationalization due to accumulated statistical data.

Keywords: academic mobility in the Arctic, vocational education, monitoring, internationalization, international cooperation in the Arctic.

* Для цитирования: Питухина М.А. Интернационализация профессионального образования в университетах стран-членов Арктического Совета // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 220–235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.220

For citation: Pitukhina M.A. Internationalization of Vocational Education in the Arctic Council Member-States' Universities. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 220–235. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.220

Введение

Арктика имеет свою специфику как в части особого географического положения и сложных природно-климатических условий, так и в части особых институциональных норм и организационных форм. В последнее время потенциал международного сотрудничества в Арктике сосредоточен в рамках влиятельной международной структуры — Арктического Совета, в котором Россия будет председательствовать в 2021–2023 гг. Время не стоит на месте, и 5 марта 2020 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия развития Арктической Зоны РФ на период до 2035 года¹. Министр иностранных дел Норвегии Инне Эриксен на конференции в Тромсё «Arctic Frontiers» в январе 2020 подчеркнула, что Швеция, Норвегия и Финляндия также планируют принять свои новые арктические стратегии в 2020 г.² Арктическая стратегия страны — это инструмент артикуляции своих геополитических интересов в Арктике.

При этом отметим, что наука и образование выступают в качестве одного из инструментов обеспечения геополитических интересов в макрорегионе [2, Павленко, Подоплёкин]. Так, в Кирунской Декларации отмечается не только возрастание инфраструктурного присутствия в Арктике, но и масштабный рост научно-исследовательского фактора³. Университеты (вузы) становятся инструментом, стимулирующим интеграционные процессы в Арктической зоне. Реалии глобализации и растущей международной взаимозависимости вызывают изменения в сфере образования с точки зрения того, чему и как учат в учебных заведениях по всему миру. Школы, колледжи, институты и университеты всё чаще берут на себя обязательство развивать международное сотрудничество. Все университеты мира без исключения, в том числе арктические, принимают участие в интернационализации по таким направлениям, как:

- налаживание дружеских отношений с иностранными вузами, студентами, преподавателями и сотрудниками;
- развитие на международном и межкультурном уровнях компетенций выпускников, обладающих знаниями, умениями и навыками, необходимыми для работы и жизни в современном мире;
- повышение качества образования и научных исследований и внедрение межкультурных инноваций в образование и профессиональную подготовку⁴.

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 25.05.2020).

² Arctic Frontiers 2020. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCRzEu-bKXMSorGUlqdBsphw> (дата обращения: 25.05.2020).

³ Кирунская декларация по случаю VIII Министерской сессии Арктического совета 15.05.2013. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/ecology/-/asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/110270 (дата обращения: 25.05.2020).

⁴ Песцов С.К., Толстоулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. URL:

В рамках исследования разрабатывается инструмент оценки потенциала международного сотрудничества в Арктическом макрорегионе — *Барометр оценки потенциала международного сотрудничества в Арктике*, включающий интегральную оценку международного сотрудничества в макрорегионе в целом и географическое распределение интенсивности сотрудничества в региональном разрезе.

Описание показателей для барометра

Барометр оценки потенциала международного сотрудничества в Арктике — это удобный инфографический инструмент, позволяющий знакомить всех заинтересованных лиц с ситуацией в области международного сотрудничества.

Методология *Барометра оценки потенциала международного сотрудничества в Арктике* включает в себя перечень из 10-ти количественных показателей, применяемых для анализа международного сотрудничества арктических университетов:

- количество реализованных проектов в рамках СБЕР, СМСС, АС за последние 5 лет;
- доля иностранных обучающихся от общей доли студентов;
- наличие крупных университетов и исследовательских центров, реализующих арктические исследования;
- число преподавателей и учёных, приглашённых для реализации образовательных программ, проведения исследований;
- доля студентов, направленных на обучение в иностранные вузы;
- количество иностранных студентов, принятых в университет;
- число образовательных программ (бакалавриат и магистратура) на английском языке для иностранных студентов;
- число курсов на английском языке;
- число международных партнёрств и членств вуза;
- общее число программ PhD с иностранными вузами.

Количественные данные по 10 показателям собирались из 3-х видов открытых источников:

- база данных по проектам в сфере экономики, инноваций, экологической и социальной сфере, поддержанных СБЕР, СМСС и Арктическим Советом;
- веб-сайты крупных арктических университетов (5 российских и 10 иностранных университетов с контингентом студентов не менее 3 600 человек⁵);

<http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=890c363f-f2dd-4a4f-bfb3-8499d3cb665e> (дата обращения: 25.05.2020).

⁵ Арктический университет в Тромсё. URL: <https://en.uit.no/startside>; Колледж Юкона. URL: <https://www.yukoncollege.yk.ca/>; Лапландский университет. URL: <http://www.ulapland.fi/EN/>; Мурманский государственный арктический университет. URL: <http://www.mshu.edu.ru/>; Мурманский государственный технический университет. URL: <http://www.mstu.edu.ru/>; Норд Университет. URL: <http://www.nord.no/en/>; Петрозаводский государственный университет. URL: <https://petsu.ru/en/>; Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. URL: <http://narfu.ru/>; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосо-

- сайт Университета Арктики — международной организации, объединяющей 174 участника, включая высшие учебные заведения и другие организации, преимущественно из арктических стран.

Так, основное сосредоточение международного сотрудничества Университета Арктики, как видно из рис. 1, приходится на Северную Европу (рис. 1). Отдельно стоит подчеркнуть, что наибольшую роль в деле становления и развития Университета Арктики играет Финляндия, что также отмечается в Барроузской Декларации 2010 г.: «С удовольствием отметим продолжающееся развитие Университета Арктики, выразим признательность Финляндии за административную поддержку Университета и воодушевим арктические государства и других партнёров поддержать развитие ключевых программ Университета»⁶.

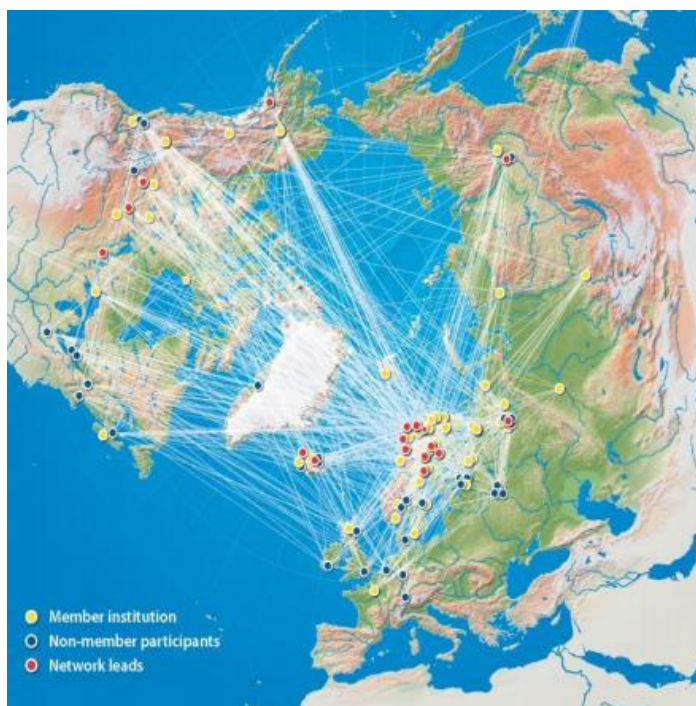

Рис. 1. Визуализация международного сотрудничества в Арктическом Университете: 1) учреждения-участники арктического сотрудничества; 2) партнёры, не являющиеся участниками арктического сотрудничества; 3) лидеры арктического сотрудничества.

Как следует из рис. 1, Россия значительно отстаёт по количеству контактных точек, что свидетельствует о недостаточной и даже вялой международной деятельности Российской Федерации в области науки, образования и развития человеческого капитала.

Однако с целью более глубокого понимания международной активности арктических университетов рассмотрим каждый из 10-ти предложенных показателей в отдельности.

ва. URL: <http://www.s-vfu.ru/>; Технический университет Лулео. URL: <https://www.ltu.se/?l=en>; Университет Аляска Анкоридж. URL: <https://www.uaa.alaska.edu/>; Университет Аляски в Фербенксе. URL: <https://www.uaf.edu/>; Университет Арктики. URL: <http://ru.uarctic.org/universitet-arktiki>; Университет Исландии. URL: <http://english.hi.is/>; Университет Оулу. URL: <http://www oulu.fi/university/>; Университет Умео. URL: <http://www.umu.se/english> (дата обращения: 25.05.2020).

⁶ Барроузская Декларация 2010. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Arctic%20Anthology%20Vol%203.pdf> (дата обращения: 25.05.2020).

Показатель № 1 «Количество реализованных проектов в рамках СБЕР, СМСС и Арктическом Совете за 2012–2017 годы». Данные о количестве реализованных проектов в рамках таких международных организаций, как СБЕР, СМСС и Арктический Совет за 5 лет были получены из материалов, аккумулированных в виде базы данных (рис. 2).

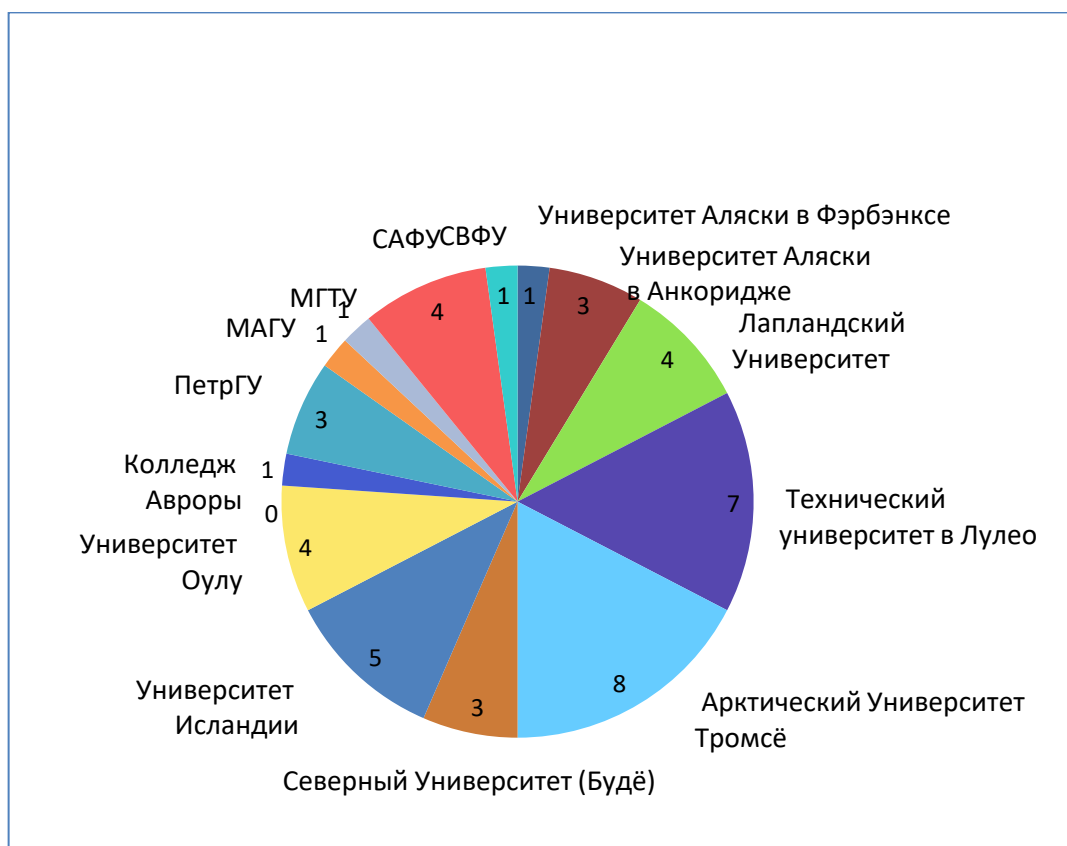

Рис. 2. Количество проектов, реализованных в рамках СБЕР, СМСС и Арктический Совет за последние 5 лет, 2012–2016 гг.

Из рис. 2 следует, что наибольшее число проектов в рамках международных организаций реализуется Арктическим университетом в Тромсё, Норвегия (8 проектов) и Техническим университетом в Лулео, Швеция (7 проектов). Далее следуют Университет Исландии, Университет Оулу, Лапландский университет и САФУ (Россия) с 4 проектами соответственно.

Показатель № 2 «Доля иностранных обучающихся от общей доли студентов» представлен на рис. 3. Как следует из рис. 3, лидером по числу иностранных студентов является Арктический университет в Тромсё (Норвегия) с 10%, второе место у Университета Исландии — 8,34%, далее следует Лапландский университет (Финляндия) — 6,4%. Российские арктические университеты, за исключением ПетрГУ (4,05%) и САФУ (4%), очень сильно «проседают» по данному показателю.

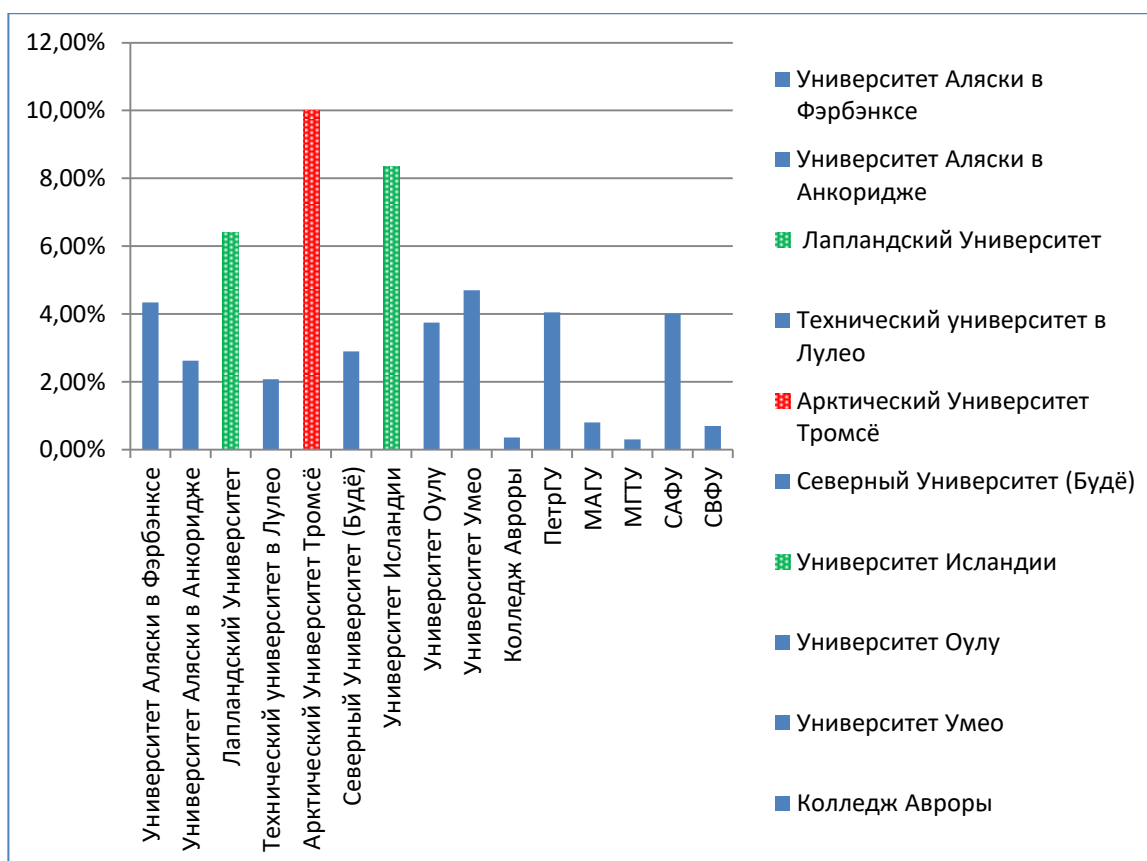

Рис. 3. Доля иностранных обучающихся от общей доли студентов в 2017 г.

Показатель № 3 «Наличие крупных университетов и исследовательских центров, реализуемых арктические исследования». В фокусе исследования принимают участие 15 арктических университетов, располагающихся за 66 градусами северной широты, то есть за Северным полярным кругом ($66^{\circ}33'44''$ ($66,5622^{\circ}$) к северу от экватора).

Также в фокусе исследования только крупные университеты (не филиалы) с контингентом студентов не менее 3 600 человек (табл. 1). Так, наиболее крупным арктическим университетом является Университет Умео с контингентом студентов 31 500 в 2017 г. Далее следуют Университет Аляски в Анкоридже (20 000), СВФУ (19 970), САФУ (17 228) и Университет Оулу в Финляндии (16 000).

Исключение в некотором роде составляет Канада, в ней располагаются только 2 колледжа за пределами 66 градусов: это колледж Авроры и Юкон колледж. Мы анализируем данные только Колледжа Авроры, так как он является колледж-университетом, поскольку предлагает степень бакалавра по социальной работе.

Таблица 1

Количество студентов, обучающихся в арктических университетах, 2017 г.

Название арктического университета	Количество студентов
Университет Умео	31 500
Университет Аляски в Анкоридже	20000
СВФУ	19970
САФУ	17228
Университет Оулу	16000
Университет Исландии	13782

Технический университет в Лулео	13000
Арктический Университет Тромсё	12000
Северный Университет (Будё)	12000
ПетрГУ	11230
МГТУ	11000
Университет Аляски в Фэрбэнксе	9870
Лапландский Университет	4685
МАГУ	3626
Колледж Авроры	559

Большую роль в интернационализации арктических вузов играют IT-технологии, в том числе их веб-сайты. Большинство веб-сайтов арктических вузов разработаны на английском языке (табл. 2). Исключение составляют вузы России, а также Технический университет в Лулео (Швеция) и Арктический Университет Тромсё (Норвегия).

Таблица 2

Главный язык веб-сайтов арктических университетов

Название арктического университета	Язык веб-сайтов арктических университетов
Университет Аляски в Фэрбэнксе	английский
Университет Аляски в Анкоридже	английский
Лапландский Университет	английский
Технический университет в Лулео	шведский
Арктический Университет Тромсё	норвежский
Северный Университет (Будё)	английский
Университет Исландии	английский
Университет Оулу	английский
Университет Умео	английский
Колледж Авроры	английский
ПетрГУ	русский
МАГУ	русский
МГТУ	русский
САФУ	русский
СВФУ	русский

Более глубинно понять показатель № 3 «Наличие крупных университетов и исследовательских центров, реализуемых арктические исследования» поможет также изучение количества упоминаний о сотрудничестве с российскими вузами в новостях за последний год (рис. 4). Были проанализированы новостные ленты 10-ти иностранных арктических университетов на предмет упоминания в них России.

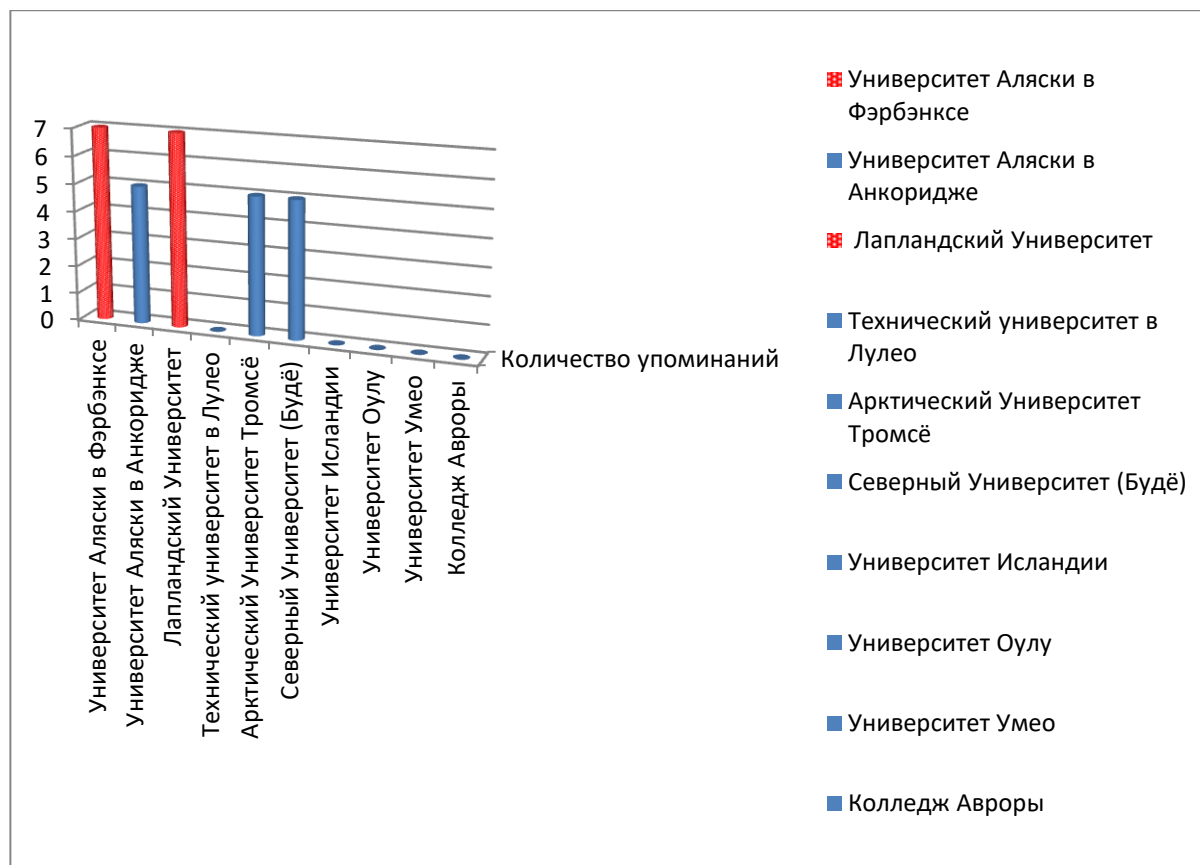

Рис. 4. Упоминания о сотрудничестве с Россией в новостной ленте вуза за год, 2017 г.

Как следует из рис. 4, лидерами по количеству упоминаний о сотрудничестве с Россией являются Университет Аляски в Фэрбэнксе (США) и Лапландский Университет — у них по 7 упоминаний в год. Второе место делят Университет Аляски в Анкоридже (США), Арктический университет в Тромсё (Норвегия) и Северный Университет Будё (Норвегия) — у них по 5 упоминаний в году. То есть налицо интерес к российским исследованиям со стороны США и Норвегии. У остальных 5-ти иностранных университетов, принимающих участие в данном исследовании, количество упоминаний о России сводится к нулю.

Показатель № 4 «Число преподавателей и учёных, приглашённых для реализации образовательных программ, проведения исследований». Безусловным лидером в данном показателе выступает Северо-восточный федеральный университет, который пригласил 72 иностранных учёных в 2017 г., второе место у ПетрГУ (37 учёных), у Университета Исландии — 35 учёных (рис. 5).

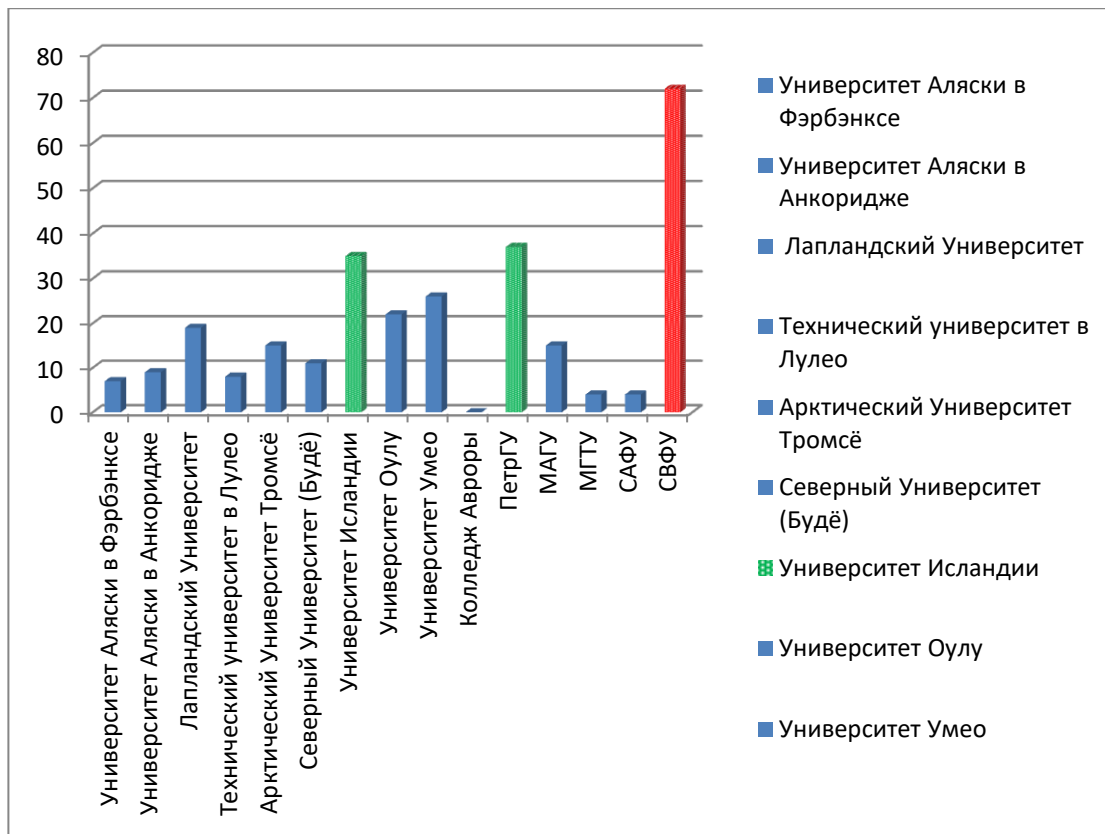

Рис. 5. Число преподавателей и учёных, приглашённых для реализации образовательных программ, проведения исследований, 2017 г.

Показатель № 5 «Доля студентов, направленных на обучение в иностранные вузы» представлен на рис. 6. Количественные данные были собраны по 5-ти российским арктическим вузам, так как они в основной своей массе являются закрытыми и не находятся в открытом доступе. Данный тип показателей относится к «специфическим» или труднодоступным показателям. Так, на веб-сайтах и в отчётах иностранных арктических университетов не удалось найти таких показателей.

Очевидным лидером по обмену студентами среди российских вузов является САФУ, который отправил за рубеж 368 студентов в 2017 г.

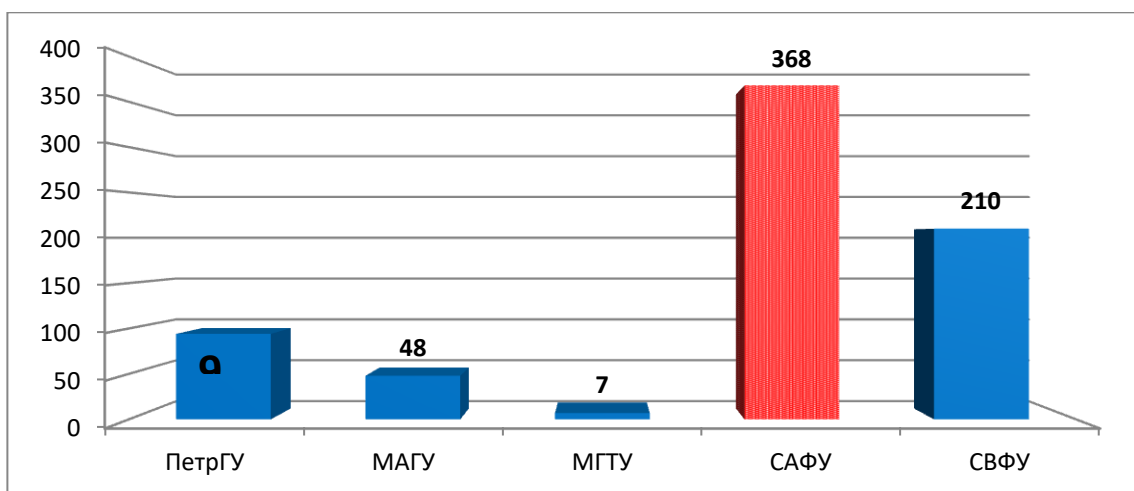

Рис. 6. Доля студентов, направленных на обучение в иностранные вузы, 2017 г.

Более широкое представление об обмене студентами в рамках арктических вузов изучаемых стран даёт рис. 7. Инфографика с веб-сайта Университета Арктики свидетельствует о существенных перетоках студентов по следующим направлениям:

- из норвежских вузов в российские;
- из финских вузов в канадские;
- о взаимном обмене студентами между США и Канадой;
- о взаимном обмене студентами между Канадой и Норвегией.

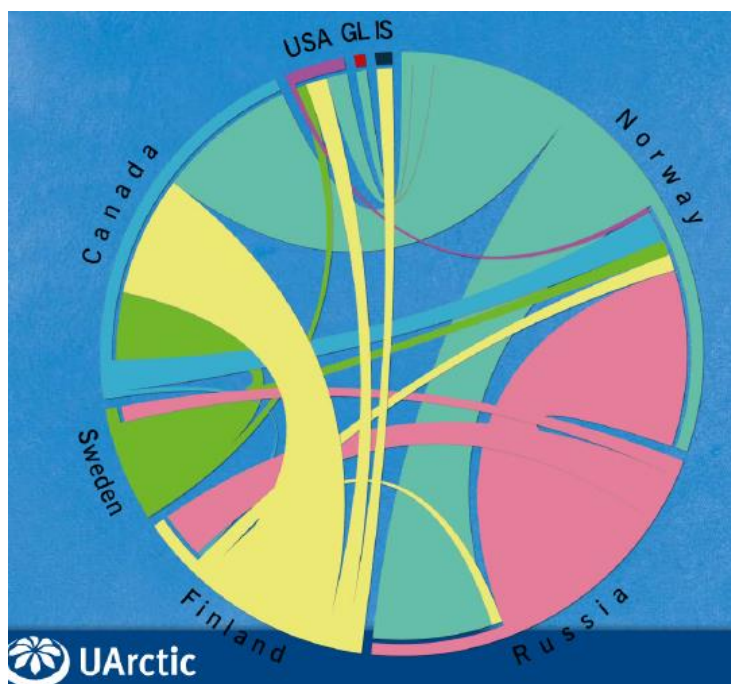

Рис. 7. Векторы обмена студентами в арктических университетах в 2017 г.

Количественный показатель № 6 «Количество иностранных студентов, принятых в университет» формализован в табл. 3, из которой следует, что наибольшее количество иностранных студентов принимают арктические вузы Северной Европы: Университет Умео, Арктический университет Тромсё и Университет Исландии. Среди российских вузов доминируют САФУ (706 студентов) и ПетрГУ (455 студентов).

Таблица 3

Количество иностранных студентов, принятых в арктические университеты в 2017 г.

Название арктического университета	Количество иностранных студентов, принятых в университет
Университет Умео	1480
Арктический Университет Тромсё	1200
Университет Исландии	1150
САФУ	706
Университет Оулу	600
ПетрГУ	455
Университет Аляски в Анкоридже	524
Университет Аляски в Фэрбэнксе	428
Северный Университет (Будё)	350
Лапландский Университет	300
Технический университет в Лулео	270
СВФУ	146

МГТУ	35
МАГУ	32
Колледж Авроры	2

Показатель № 7 «Число образовательных программ (бакалавриат и магистратура) на английском языке для иностранных студентов» представлен на рис. 8. Очевидным лидером по количеству программ обучения на английском языке является Университет Исландии — 49 программ, второе место у Университета Умео, Швеция (39 программ) и Арктического Университета Тромсё, Норвегия (35 программ). Среди российских вузов лидирует САФУ — 7 программ обучения на английском языке.

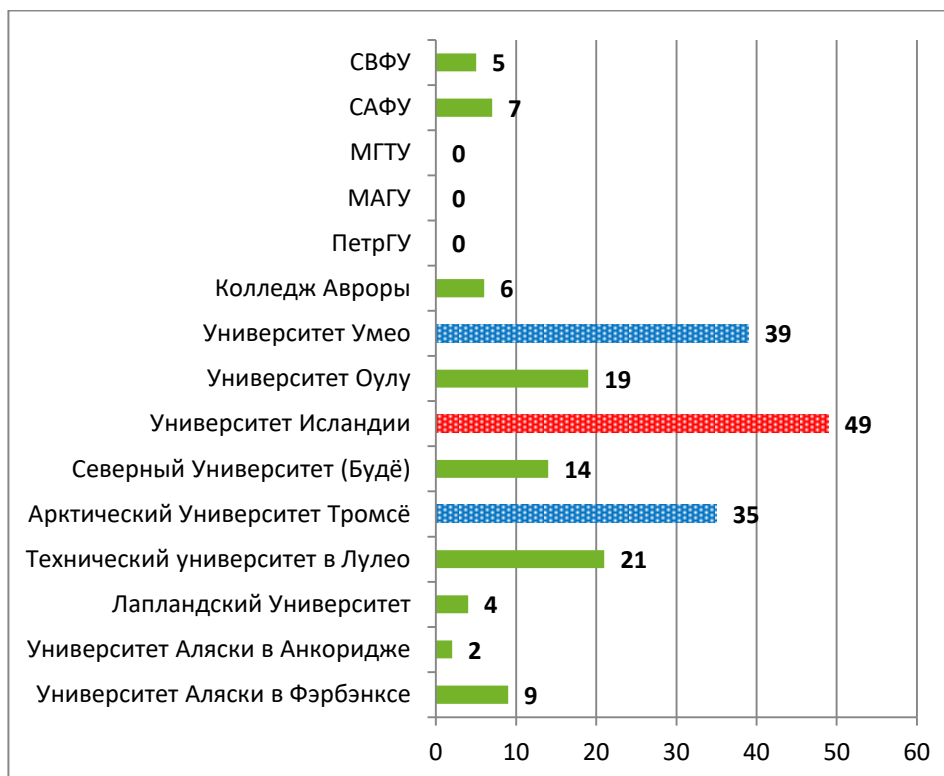

Рис. 8. Число образовательных программ (бакалавриат и магистратура) на английском языке для иностранных студентов, 2017 г.

Показатель № 8 «Число курсов на английском языке» прекрасно отображает уровень интернационализации того или иного университета. Так, в Университете Исландии читается 500 курсов на английском языке, в Университете Оулу — 486 курсов, а в Университете Тромсё — 350 курсов. Российским лидером снова выступает САФУ — 66 курсов (рис. 9).

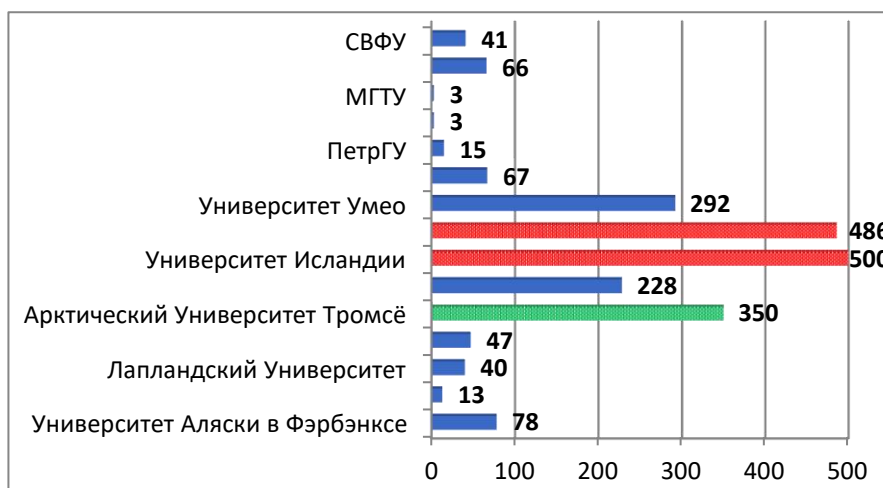

Рис. 9. Число курсов, читаемых на английском языке, в арктических университетах в 2017 г.

Показатель № 9 «Число международных партнёрств и членств вуза» наглядно представлен на рис. 10. Наибольшее количество партнёрств и членств, как один из признаков интернационализации, имеют Университет Умео (564 соглашения), Университет Исландии (400 соглашений) и СВФУ (142 соглашения).

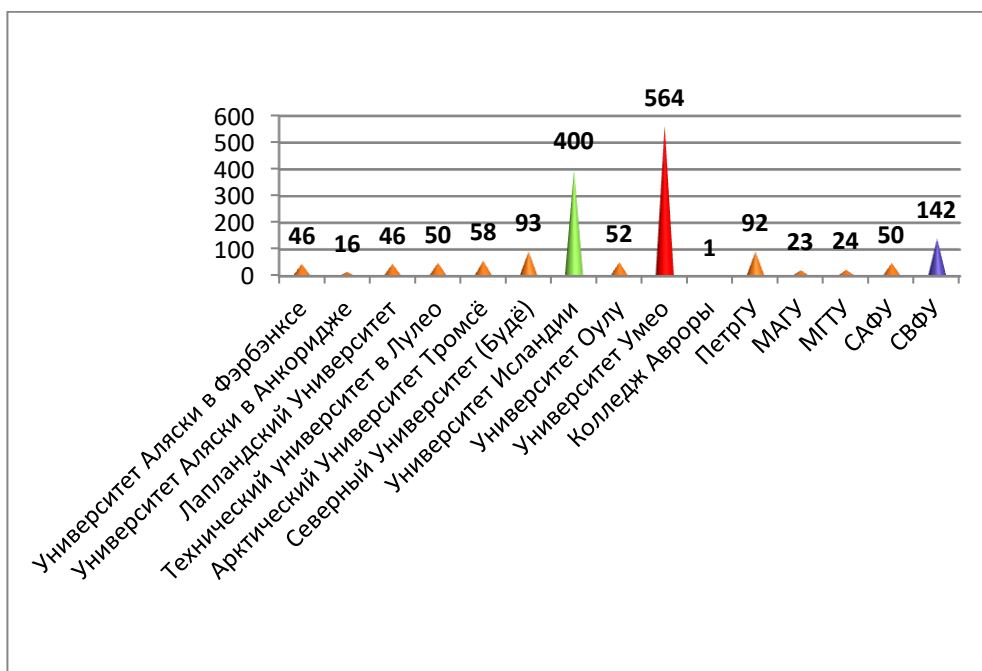

Рис. 10. Число международных партнёрств и членств вуза в 2017 г.

Показатель № 10 «Общее число программ PhD с иностранными вузами» отражает наивысшую степень интернационализации, так как он даёт представление о системе совместной подготовки кадров высшей научной квалификации в рамках PhD-программ.

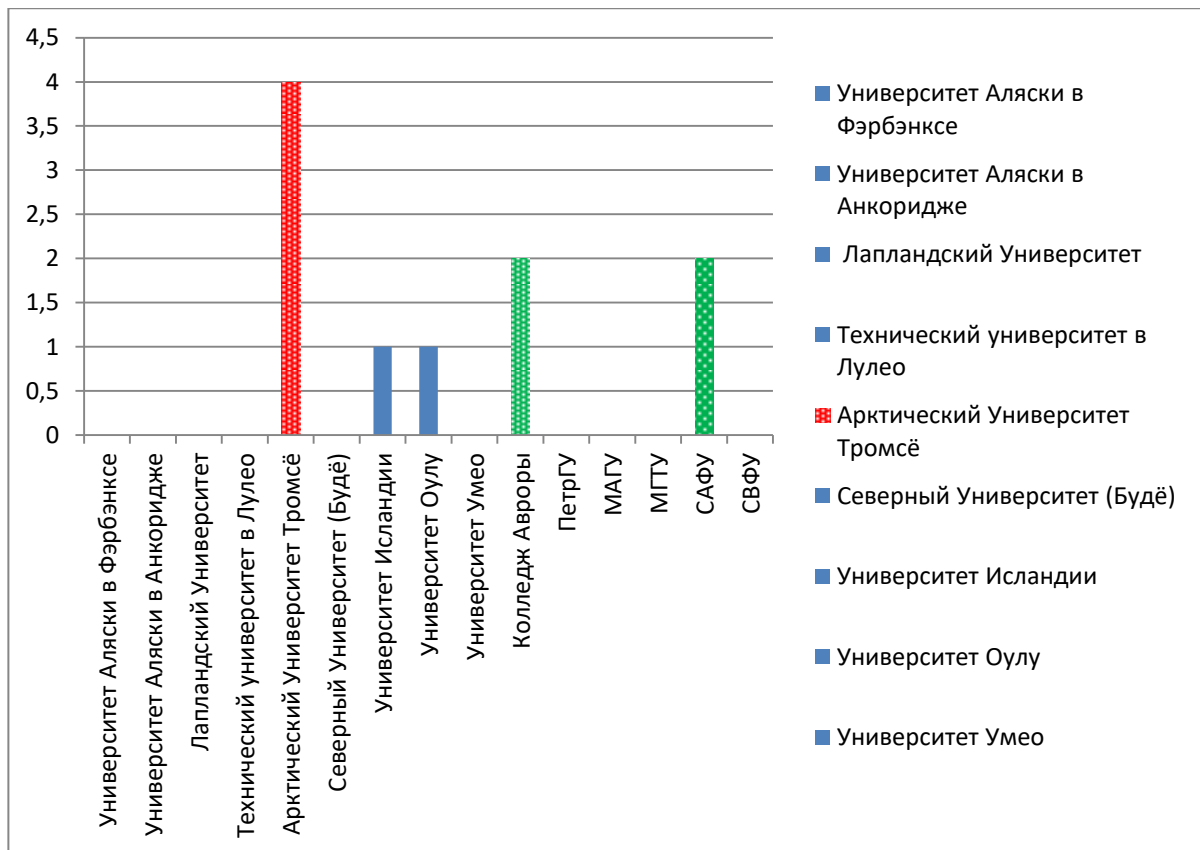

Рис. 11. Общее число программ PhD с иностранными вузами в 2017 г.

Как следует из рис. 11, лидером выступает Арктический Университет Тромсё с 4-мя PhD-программами, далее следует САФУ с 2-мя PhD-программами, у Университета Исландии и Университета Оулу по 1 программе PhD.

Таким образом, в рамках исследования был сформирован перечень из 10-ти показателей, далее были аккумулированы и проанализированы количественные индикаторы для выбранных показателей в разрезе 15-ти крупных арктических вузов за 2017 г.

Барометр оценки потенциала международного сотрудничества в Арктике

Методология кластеризации Арктических макрорегионов базируется на исследованиях А. Пилясова, который выделяет четыре модели арктической экономики — канадскую, американскую, европейскую и российскую [1, Замятина, Пилясов].

Основой кластеризации Арктических регионов по оценке потенциала международного сотрудничества выступает перечень из 10 показателей по интернационализации, включающий количество реализованных проектов в рамках СБЕР, СМСС, АС; наличие крупных университетов и исследовательских центров, реализующих арктические исследования; доля иностранных обучающихся от общей доли студентов; число преподавателей и учёных, приглашённых для реализации образовательных программ, проведения исследований; доля студентов, направленных на обучение в иностранные вузы; доля иностранных студентов, обучающихся в вузе; число образовательных программ на английском языке для иностран-

ных студентов; число курсов на английском языке; число международных партнёрств и членств; общее число программ PhD с иностранными вузами.

Количественные индикаторы 10-ти показателей были проранжированы при помощи баллов от 1 до 3, где 1 балл соответствовал бы низкому потенциалу международного сотрудничества, 2 балла — среднему потенциалу, 3 балла — высокому потенциалу. Благодаря бальному ранжированию удалось выявить низкий / средний / высокий потенциал международного сотрудничества различных университетов в Арктике (табл. 4). Кроме того, при осуществлении бального ранжирования принимались во внимание результаты последнего рейтинга мировых университетов топ-100, в который среди российских вузов вошёл только МГУ.

В результате бального ранжирования 10-ти различных показателей была сформирована табл. 4, демонстрирующая низкий / средний / высокий потенциал международного сотрудничества различных университетов в Арктике. Если сумма баллов университета составляет меньше 15 — это свидетельствует о его низком потенциале сотрудничества в международной сфере, от 15–20 баллов — о среднем потенциале, свыше 20 баллов — о высоком потенциале.

Таблица 4

Оценка потенциала международного сотрудничества в Арктике

Название арктического университета	Потенциал международного сотрудничества
Университет Аляски в Фэрбэнксе	низкий
Университет Аляски в Анкоридже	низкий
Лапландский Университет	средний
Технический университет в Лулео	средний
Арктический Университет Тромсё	высокий
Северный Университет (Будё)	средний
Университет Исландии	высокий
Университет Оулу	средний
Университет Умео	высокий
Колледж Авроры	низкий
ПетрГУ	средний
МАГУ	низкий
МГУ	низкий
САФУ	средний
СВФУ	средний

Очевидно, что Арктика Америки (США и Канады) демонстрирует низкий потенциал международного сотрудничества, Арктика Европы — высокий / средний, а Арктика России — средний / низкий. В целом потенциал международного сотрудничества в Арктике находится на среднем уровне.

Для более полной визуализации потенциала международного сотрудничества предлагается карта Арктики, позволяющая понять, какие регионы Арктики заинтересованы в международном сотрудничестве, а какие нет (рис. 12).

Рис. 12. Барометр оценки потенциала международного сотрудничества в Арктике.

Заключение

Исследование пятнадцати арктических вузов среди стран-членов Арктического Совета в 2017 г. продемонстрировало разные уровни интернационализации высшего профессионального образования. Арктика Америки (США и Канады) продемонстрировала низкий потенциал международного сотрудничества, Арктика Европы — высокий / средний, а Арктика России — средний / низкий. Целесообразно сделать следующий глобальный вывод для России: необходимо реализовать оптимальный переход из низкого потенциала в средний для университетов Мурманской области (МАГУ и МГТУ); из среднего потенциала в высокий для 3-х университетов европейского Севера России (ПетрГУ, САФУ) и восточной части российской Арктики (СВФУ). Рекомендации для российских университетов по переходу на следующий уровень интернационализации могут включать в себя следующие положения: заключать больше соглашений с иностранными вузами; разнообразить векторы обмена студентами и увеличить объёмы студенческого обмена; разработать программы обучения на английском языке (бакалавриат, магистратура); создать совместную программу подготовки кадров ВНК (PhD-программа); приглашать больше зарубежных учёных, исследователей; вести проекты в

рамках международных арктических организаций (СМСС, СБЕР, Арктический Совет); внедрять в обучение курсы на английском языке.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Жить? Работать? или Уехать? Благополучие молодёжи и жизнеспособность (пост)добывающих Арктических промышленных городов России и Финляндии».

Литература

1. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. Москва, ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
2. Павленко В.И., Подоплёкин А.О., Куценко С.Ю. Система фундаментальных научных исследований в Арктике и реализация геополитических интересов циркумполярных стран // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 86–92.

References

1. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Rossiyskaya Arktika: K novomu ponimaniyu protsessov osvoeniya* [Russian Arctic: Towards a New Understanding of Development Processes]. Moscow, LENAND Publ., 2018, 400 p.
2. Pavlenko V.I., Podoplekin A.O., Kutsenko S.Yu. *Sistema fundamental'nykh nauchnykh issledovaniy v Arktike i realizatsiya geopoliticheskikh interesov tsirkumpolyarnykh stran* [The System of Basic Research in the Arctic and the Geopolitical Interests of Circumpolar Countries]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2014, no. 4 (16), pp. 86–92.

Статья принята 25.05.2020.

УДК [316.422.42+316.653](470.11)(045)
DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.236

Оценка комфортности городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области *

© РУССОВА Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

E-mail: o.russova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© СМАК Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, социолог-аналитик

E-mail: smaktanya@gmail.com

ГАУ Архангельской области «Центр изучения общественного мнения», Архангельск, Россия

© ТАРАСОВ Иван Анатольевич, менеджер проектов

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

РБОО «Архангельский центр социальных технологий «Гарант», Архангельск, Россия

Аннотация. С 2016 г. в России проходит реализация приоритетной федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». За этот период на улучшение городской среды как в крупных, так и в малых городах по всей стране были потрачены значительные средства, за счёт которых были реализованы сотни проектов благоустройства. Насколько эти улучшения повлияли на субъективную оценку городской среды у горожан? Вовлечены ли жители в разработку этих проектов или они индифферентны к подобной тематике? Есть ли разница в оценке горожанами качества среды между малыми и средними городами, моногородами и многофункциональной агломерацией? Статья представляет собой частичный анализ данных комплексного исследования «Формирование комфортной городской среды в Архангельской области». Опрос проводился среди жителей пяти городов Архангельской области (n = 793). Использована методика оценки социального самочувствия. Исследованные города разнообразны по типологии численности и по преобладающей форме занятости населения. Результаты исследования демонстрируют заинтересованность жителей в подобных проектах. Оценка текущего состояния городской среды фиксируется как умеренно неудовлетворённое. Оценки жителей малых городов и моногородов принципиально не отличаются от оценок жителей большого города — областного центра.

Ключевые слова: город, городская среда, социальное самочувствие, индекс качества городской среды, трансформация городов, типы городов.

Assessment of the Comfort of the Urban Environment as a Factor in the Social Well-Being of Citizens of the Arkhangelsk Oblast

© Olga N. RUSSOVA, Cand. Sci. (Philos.), Associated Professor

E-mail: o.russova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Tatyana S. SMAK, Cand. Sci. (Sociol.), Sociologist-Analyst

E-mail: smaktanya@gmail.com

Public Opinion Research Center of Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russia

© Ivan A. TARASOV, Project Manager

E-mail: tarasovivanan@gmail.com

Regional charity NGO “Arkhangelsk centre of social technologies “Garant”, Arkhangelsk, Russia

* Для цитирования: Руссова О.Н., Смак Т.С., Тарасов И.А. Оценка комфортности городской среды как фактор социального самочувствия городских жителей Архангельской области // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 236–247. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.236

For citation: Russova O.N., Smak T.S., Tarasov I.A. Assessment of the Comfort of the Urban Environment as a Factor in the Social Well-being of Citizens of the Arkhangelsk Oblast. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 236–247. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.236

Abstract. Since 2016, Russia has been implementing the priority federal program “Formation of a Comfortable Urban Environment”. During this period, significant funds have been spent and hundreds of improvement projects implemented in the urban environment in both large and small cities across the country. How did these improvements affect the subjective assessment of the urban environment among citizens? Are the residents involved in the development of these projects, or are they indifferent to these topics? Is there a difference in assessing the quality of the urban environment by the citizens between small and medium cities, company towns and multifunctional metropolitan areas? The article is a partial analysis of a comprehensive study’s data, “The Formation of a Comfortable Urban Environment in the Arkhangelsk Oblast”. The survey was conducted among residents of 5 cities of the Arkhangelsk oblast (n = 793). The methodology for assessing social well-being is used. The cities studied are varied in the typology of size and the dominant form of employment. The results of the study demonstrate the interest of residents in implementation projects. Assessment of the current urban environment is recorded as moderately unsatisfied. Moreover, there is no fundamental difference in assessments of the urban environment’s current conditions in the opinions of residents of small and single-industry towns and citizens of a large, regional center city.

Keywords: *city, urban environment, social well-being, urban environment quality index, urban transformation, types of cities.*

Введение

Современные города представляют собой центры развития, аккумулирующие технологии, финансы, инфраструктуру, квалифицированные кадры. Одним из факторов привлечения данных ресурсов является качественная городская среда. Комфортность проживания является одним из самых значимых факторов обеспечения конкурентоспособности поселений, регионов и страны в целом. Городская среда — это не только ландшафты, но и качественное состояние её естественно-природных и рукотворных составляющих, уровень развитости информационного обмена, характер господствующей символики [1, Дридзе Т.М., с. 131]. Но если четверть века назад известный советский социолог Тамара Дридзе считала, что человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании занимают недостаточное место, то сегодня ситуация изменилась, несмотря на то, что представления о городе как объекте управления развиваются медленно, обладая колоссальной инерцией. А вместе с тем городская среда как средоточие цивилизации, с остановками, нередко с попятными движениями, эволюционирует пять тысяч лет [2, Глазычев В.Л., с. 259].

Примерно в этом смысле и в такой связи мы представляем себе город как социальную лабораторию. По мнению Роберта Парка, в наших современных городах цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента [3, с. 4].

Одним из таких социальных экспериментов можно считать реализацию приоритетного федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». Основная цель программы — создание условий для системного повышения качества и комфорта городской среды на всей территории России путём ежегодной реализации (в период с 2017 по 2020 гг.) комплекса первоочередных мероприятий по формированию современной комфортной го-

родской среды, реализации к 2020 г. 400 комплексных проектов по благоустройству и обучения 2 000 специалистов¹.

Интегральный индекс качества городской среды

Для оценки состояния городов в целом и отдельных его составляющих существуют различные методики и рейтинги, отличающиеся степенью дифференциации показателей и акцентом на социальные, культурные, политические, экономические, экологические или иные параметры. Среди зарубежных индикаторов можно выделить: Global City Indicators Programme, City Blueprint, European Green Capital Award, European Green City Index и другие. Среди многочисленных российских подходов к оцениванию и рейтингованию городов важно отметить генеральный индекс привлекательности городов Минрегиона РФ (до 2014 г.) и интегральный индекс качества городской среды Минстроя РФ.

Несколько лет Минстрой России занимается определением уровня качества городской среды муниципальных образований. Для этого используется методика расчёта интегрированного индекса, основанного на индексах качества городской среды². Результаты формирования Индекса используются в реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», национального проекта «Жилье и городская среда», в том числе для определения размера субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды.

Городская среда характеризуется совокупностью природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду обитания на определённой территории и определяющих комфортность проживания на этой территории. В настоящем документе понятие «городская среда» используется применительно к городам, городским округам, городским поселениям, а также к сельским поселениям.

Минстрой РФ совместно с госкомпанией «Дом.РФ» и консалтинговым бюро «Стрелка» рассчитали индексы качества городской среды 1 114 муниципальных образований за 2018 г. Индекс представляет собой цифровое значение состояния городской среды населённых пунктов, полученное в результате комплексной оценки количественных и поддающихся измерению показателей, характеризующих уровень комфорта проживания на соответствующей территории.

При расчёте индекса города определяются максимальные и минимальные абсолютные значения в массиве данных (в каждой из климатических и размерных групп) и для каждого бал-

¹ Стратегическое направление развития «ЖКХ и городская среда». URL: <http://www.minstroyrf.ru/trades/gorodskaya-sreda/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkkh-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 26.12.2019).

² Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. N 510-р «Методика формирования индекса качества городской среды». URL: <http://static.government.ru/media/files/wbRiqrDYKeKbPh9FzCHUwWoturF2Ud0G.pdf> (дата обращения: 26.12.2019).

ла определяется фиксированное абсолютное значение. Города разделены на десять климатических и размерных групп для корректного составления шкал оценки индекса города и их корректного сравнения. При отнесении города к соответствующей группе учитываются два показателя: географическое расположение города (неизменный фактор) и численность населения города (обновляется ежегодно).

Климатические группы определяются по следующим параметрам: города, расположенные на территории условно комфортного климата, и города, расположенные на территории дискомфорта.

За несколько лет использования методики расчёта индекса качества городской среды менялись подходы и количество индикаторов. Методика неоднократно корректировалась и дорабатывалась. Сегодня итоговый индекс включает оценку шести пространств по шести критериям. В числе пространств: жильё, дорожная сеть, озеленённые пространства, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, общегородское пространство. Каждое из пространств оценивается по следующим критериям: безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления. Таким образом, 36 индикаторов со значением от 0 до 10 баллов, максимальное возможное значение индекса города 360 баллов. Информация по 19 показателям берётся из открытых источников: сведения поисково-информационных картографических служб, данные географической информационной системы, космические снимки территорий, социальные сети. Остальные 17 показателей — это информация органов статистики и органов исполнительной власти.

По результатам произведённых Минстроем РФ расчётов индексов состояния городской среды в 1 114 населённых пунктах за 2018 г. среднее значение индекса качества городской среды по стране составило 163 балла. Доля городов с благоприятной городской средой по итогам года — 23%³. То есть 262 населённых пункта характеризуются благоприятной городской средой, а среда в остальных 852 городах в индексе обозначена как неблагоприятная.

В крупных городах в дискомфортных климатических зонах благоприятная среда сформирована в трёх городах арктического региона — Мурманске (зональная база освоения Арктики), Норильске и Северодвинске (районная (ареальная) база освоения Арктики), более низкие показатели в этой группе городов у Петропавловск-Камчатского, Якутска и Нефтеюганска.

³ Минстрой России обнародовал первый в стране индекс качества городской среды. <http://www.minstroyrf.ru/press/minstroy-rossii-obnarodoval-pervyy-v-strane-indeks-kachestva-gorodskoy-sredy/> (дата обращения: 26.12.2019).

Таблица 1

Индекс качества городской среды⁴

Характеристики ⁵		Архангельск	Северодвинск	Котлас	Новодвинск	Коряжма
Численность населения		349,7 тыс. — крупный город	183,3 тыс. — большой город	61,8 тыс. — средний город	38,4 тыс. — малый город	36,7 тыс. — малый город
Географическое расположение		условно комфортный климат	тяжёлые климатические условия	условно комфортный климат	условно комфортный климат	условно комфортный климат
Пространства	Жильё и прилегающие пространства	21	32	26	35	42
	Улично-дорожная сеть	32	38	25	25	38
	Озеленённые пространства	19	35	24	25	23
	Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	22	22	21	19	19
	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	25	31	35	28	31
	Общегородское пространство	31	27	23	33	30
Итоговый балл		150	185	154	165	183

Среди городов Архангельской области, участвовавших в исследовании «Формирование комфортной городской среды в Архангельской области»⁶, два города, Северодвинск и Коряжма, набрали более 50% максимально возможного количества баллов, что, согласно методике, характеризует среду в этих городах как благоприятную. В Архангельске, Котласе и Новодвинске набрано меньше половины от максимального количества баллов — среда характеризуется как неблагоприятная.

Главная задача Индекса — не рейтингование городов, а поиск тех проблем, которые нужно решать, чтобы дать старт обновлению городов и отслеживать эффективность программ развития городов. К 2024 г. ставится задача повысить среднее значение индекса городской среды на 30% и в два раза сократить число городов с неблагоприятной городской средой. На создание комфортной городской среды планируется потратить более 300 млрд

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. N 510-р «Методика формирования индекса качества городской среды». URL: <http://static.government.ru/media/files/wbRiqrDYKeKbPh9FzCHUwWoturf2Ud0G.pdf> (дата обращения: 26.12.2019).

⁵ Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/regions/3> (дата обращения: 26.12.2019).

⁶ Исследование выполнено в апреле 2019 года в рамках гранта РФФИ 18-411-290010 «Модели коммуникативного управления в развитии городского пространства (на примере Архангельской области). Опрос среди населения Архангельской области старше 18 лет (Архангельск, Северодвинск, Коряжма, Котлас, Новодвинск). Комбинированный метод сбора информации: полевое исследование в старших возрастных группах и онлайн опрос на платформе анкетирования САФУ в молодежных и средних возрастных группах. Объем выборки — 793 респондента. Статистическая ошибка не превышает 4,5%.

рублей⁷. Таким образом, оценка качества городской среды способствует повышению эффективности использования ресурсов города и задаёт направления долгосрочных стратегий развития. Но индекс становится реальным инструментом развития только если учитывает запросы населения, ритмы городов, позволяющих рассматривать город как целостную систему. При рассмотрении города как целостной системы необходимо осмыслить пространственные рамки, в которых существуют физические элементы города и природно-ландшафтные и созданные человеком, в которых с разной скоростью происходит изменение всех элементов существования города.

***Анализ данных комплексного исследования
«Формирование комфортной городской среды в Архангельской области»***

В одной из социологических концептуализаций города как самостоятельного феномена ключевым параметром, отличающим город от не-города, является его размер, выраженный в численности населения. Именно количество жителей с рядом других характеристик определяет качественный переход от сельского к городскому образу жизни, выраженному в большем количестве ежедневных интеракций с другими людьми, большей личной независимостью и т.д. Основу этой традиции заложил Г. Зиммель [4], и затем Чикагская школа развила её.

Эхо этого подхода мы до сих пор слышим в тех системах и индексах, оценивающих города, разделяя их по численности населения. Классическим примером является система оценки городов Минстроя и рассмотренный выше Интегральный индекс качества городской среды. Такой способ однозначно имел смысл в эпоху, когда статус города давал определённые налоговые или иные привилегии. Или в эпоху становления капитализма, когда количество рабочих рук могло однозначно указывать на роль и место города в системе разделения труда. Или в советский период плановой экономики, когда обеспечение города товарами и услугами отчасти определялось его численностью. Однако сейчас в исследованиях с применением больших данных мы можем увидеть, что, например, количество телефонных звонков в крупных городах непропорционально больше, чем в сельской местности, что свидетельствует о некотором качественном изменении при росте численности [5, Bettencourt LMA, Lobo J., Helbing D., Kuhnert C.]

Другой, отчасти дополняющей численность, характеристикой является форма занятости. Для городского населения характерно разнообразие форм деятельности от торговой, административной и индустриальной в конце 19 — начале 20 в. до сферы услуг и «креативной» экономики в начале 21 в. Общую идею, что форма социальности зависит от формы труда можно явно проследить до Карла Маркса и далее у мыслителей эпохи Просвещения. Но эта логика применительно к городам и городскому образу жизни оставляет открытым во-

⁷ Среда для жизни почти 77% городов России признана неблагоприятной. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/11/2019/5dbc369b9a7947df3790d55a> (дата обращения: 26.12.2019).

прос о том, есть ли существенная разница между городской социальностью, например, в нефтедобывающем моногороде и типичном многофункциональном областном центре.

Можно предположить, что способы жизни горожан крупного административного и торгового центра агломерации будут значительно отличаться от аналогичных маркеров у жителей небольшого промышленного моногорода. Следовательно, будут различия и их запросы, касающиеся городской среды — количества социальных учреждений, парков и зон отдыха, состояния общественной инфраструктуры и т.д. Можно ожидать, что при прочих равных удовлетворённость будет отличаться.

Но данные исследования «Формирование комфортной городской среды в Архангельской области» не обнаружили подобных закономерностей.

В фокусе комплексного исследования находились жители нескольких значительно отличающихся городов: Архангельск (крупнейший город АЗРФ, центр агломерации с административными, торговыми, отчасти промышленными и логистическими функциями), Северодвинск (большой по численности город с преимущественно промышленным значением, моногород), Котлас (малый город, имеющий административное значение), Новодвинск и Коряжма (малые промышленные моногорода). Анализ результатов представляется тремя группами: Архангельск, Северодвинск и средние и малые города. Одним из маркеров социального самочувствия является удовлетворённость жителей городов различными показателями комфортности городской среды.

Городская среда — интегральное явление, которое создаётся благодаря действию многих факторов. Важным фактором оценки качества городской среды для населения является безопасность города (включая безопасность его жизнеобеспечения и безопасность городской среды, общественную и личную безопасность). Уровень удовлетворённости безопасностью городской среды у жителей столицы региона значительно ниже, чем у жителей малых городов. Только каждый пятый житель Архангельска положительно оценил этот критерий.

Таблица 2

*Удовлетворённость безопасностью
(отсутствие открытых канализационных люков, неработающий уличных фонарей, ям на дорогах и т.д.)*

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	3,2	5,3	4,2
Скорее удовлетворён	15,7	29,1	43,5
Скорее не удовлетворён	33,7	33,6	31,8
Нет, не удовлетворён	46,4	31,4	18,2
Затрудняюсь ответить	1,1	0,7	2,3
Индекс⁸	-61,2	-30,7	-2,3

Экологическая безопасность часто понимается как состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия

⁸ Индексы рассчитываются по формуле: $k = A - B$, где A — это сумма «положительной» оценки (верхние пределы шкалы оценок), B — это сумма «отрицательной» оценки (нижние пределы шкалы оценок).

хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. При этом экологическая безопасность территории — существенный компонент общественной безопасности, поэтому муниципальная власть, особенно в городах с неблагоприятной экологической ситуацией, должна вырабатывать и реализовывать местную экологическую политику, увязанную с экологической политикой государства и направленную на охрану окружающей среды от неблагоприятных техногенных воздействий. Участники опроса продемонстрировали низкую удовлетворённость параметром сохранения и улучшения окружающей среды: 88% респондентов в Архангельске и 86% респондентов в Северодвинске не удовлетворены и скорее не удовлетворены данным показателем, в малых городах ситуация несколько спокойнее.

Таблица 3

*Удовлетворённость экологической безопасностью
(сохранение и улучшение окружающей среды)*

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	1,7	1,8	3,4
Скорее удовлетворён	8,1	10,7	16,9
Скорее не удовлетворён	30,5	34,9	29,6
Нет, не удовлетворён	57,2	51,3	46,1
Затрудняюсь ответить	2,5	1,3	4,0
	-77,9	-73,8	-55,4

Для формирования безопасной городской среды и имиджа города большое значение имеют архитектурно-пространственная организация безопасности общественных объектов и формирование в городе «защищающего пространства», которое должно иметь чётко обозначенные и ясно опознаваемые границы. В пределах такого пространства ведётся неформальное наблюдение за происходящими в нём событиями [6, Ильина И.Н., с. 74].

Таблица 4

Удовлетворённость наличием условий для приятных, безопасных, удобных пеших прогулок (пешеходные дорожки, тротуары, уличное освещение, скамейки и т.д.)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	5,6	8,4	10,9
Скорее удовлетворён	19,6	20,4	30,8
Скорее не удовлетворён	26,0	34,1	28,9
Нет, не удовлетворён	47,4	36,5	28,1
Затрудняюсь ответить	1,5	0,5	1,3
Индекс	-48,2	-41,8	-15,3

Важный вклад в общий уровень безопасности города вносит транспортная безопасность, включающая безопасность перевозки опасных грузов и безопасность дорожного движения.

Таблица 5

Удовлетворённость наличием развитой транспортной системы (развязка дорог, парковки, работа общественного транспорта и т.д.)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	10,1	10,5	6,8
Скорее удовлетворён	29,1	32,1	25,5
Скорее не удовлетворён	30,6	30,0	34,4
Нет, не удовлетворён	28,5	26,5	28,1
Затрудняюсь ответить	1,6	1,0	5,2
Индекс	-20,0	-13,9	-30,3

Доступность и разнообразие объектов социальной сферы является одним из конкурентных преимуществ городов над деревнями и крупных городов над малыми. При оценке социального самочувствия удовлетворённость доступностью таких объектов является важным показателем. Данные исследования этой характеристики противоречивы: с одной стороны, динамика удовлетворённости во всех наблюдаемых населённых пунктах имеет одно и то же направление — отрицательный индекс; с другой стороны, очевидны различия по типам городов: наибольшая удовлетворённость наблюдается в малых городах, наименьшая — в Архангельске, Северодвинск занимает срединное положение.

Таблица 6

Удовлетворённость комфортом
(доступность различных объектов социальной сферы для разных категорий населения)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	4,2	6,5	7,7
Скорее удовлетворён	30,2	37,1	36,3
Скорее не удовлетворён	31,5	36,6	39,3
Нет, не удовлетворён	31,2	18,4	11,3
Затрудняюсь ответить	2,9	1,4	5,4
Индекс	-28,3	-11,4	-6,6

Одним из главных трендов в трансформации городов является приоритетное развитие общественных пространств, которые всё больше приобретают статус многофункциональных. В современных городах, где активизируется развитие сферы услуг и креативных видов деятельности, общественные пространства легко трансформируются, приспосабливаясь под заданные функции (отдых, торговля, соревнования, социальные акции). Развитые общественные пространства создают высокое качество жизни в городе.

Таблица 7

Удовлетворённость современностью среды (наличие современной уличной, парковой, социально-досуговой и общественно-деловой инфраструктуры)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	6,2	4,2	4,1
Скорее удовлетворён	16,4	14,2	17,7
Скорее не удовлетворён	36,2	37,7	43,2
Нет, не удовлетворён	38,7	42,3	33,6
Затрудняюсь ответить	2,5	1,6	1,5

	-52,3	-61,6	-55,0
--	-------	-------	-------

Наличие в городе уникальных культурных объектов является важным условием успешного развития туризма и построения локальной идентичности. Часто, но не всегда, наличие таких мест связано с длительной или особой нетипичной историей поселения. Наши данные указывают на то, что в случае с обследованными городами эти предположения подтверждаются.

Таблица 8

Удовлетворённость наличием уникальных культурных объектов (памятники, достопримечательности, арт-объекты и т.д.)

	Архангельск	Северодвинск	Малые города
Да, удовлетворён	10,4	4,8	2,2
Скорее удовлетворён	37,4	20,4	26,6
Скорее не удовлетворён	27,8	35,3	32,9
Нет, не удовлетворён	20,8	35,4	34,9
Затрудняюсь ответить	3,5	4,1	3,4
	-0,9	-45,4	-39,0

Элементы природной среды, так же как и общественные пространства, являются, согласно современным теориям, важными инфраструктурными объектами в городе. Они не только выполняют экологическую и рекреационную функции, но и обладают способностью быть инфраструктурой для низовой гражданской активности. В случае с исследованными городами мы видим, что удовлетворённость наличием таких пространств обратно пропорциональна размеру населённого пункта, что, по-видимому, связано с большей вписанностью малых городов в природный ландшафт.

Таблица 9

Удовлетворённость насыщенностью городского пространства разнообразными элементами природной среды (парки, скверы, зоны отдыха и т.д.)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	4,5	6,7	6,0
Скорее удовлетворён	14,5	14,2	23,9
Скорее не удовлетворён	29,5	32,7	34,3
Нет, не удовлетворён	50,2	45,0	32,1
Затрудняюсь ответить	1,3	1,3	3,7
	-60,7	-56,8	-36,4

Оценка жителями защиты общественных пространств от вредных факторов среды не является типичным элементом, измеряемым индексом социального самочувствия. Однако в нашем случае этот фактор необходимо принять во внимание, так как он, с одной стороны, указывает на запрос жителей на наличие таких объектов, а с другой — на их недостаточное количество.

Таблица 10

Защита общественных пространств от вредных факторов среды (шум, пыль, загазованность и т.д.)

	Архангельск	Северодвинск	Средние и малые города
Да, удовлетворён	3,2	2,4	1,0
Скорее удовлетворён	10,6	14,9	14,0
Скорее не удовлетворён	31,2	39,2	38,6
Нет, не удовлетворён	51,4	41,3	40,1
Затрудняюсь ответить	3,6	2,3	6,3
	-68,8	-63,1	-63,8

Заключение

Во всех случаях ответы респондентов, сгруппированные по территориальному признаку, указывают на наличие общих тенденций. В то же время нельзя не сказать о наличии некоторых особенностей у наблюдаемых городов. Все индексы безопасности городской среды у жителей малых городов значительно выше, чем у жителей Архангельска и Северодвинска. Также жители малых городов в большей мере, чем жители Архангельска и Северодвинска, удовлетворены наличием озеленённых пространств: парков и скверов. При этом жители столицы региона больше остальных удовлетворены наличием общественно-деловой инфраструктуры и наличием культурных объектов, а северодвинцы — общественным транспортом.

Всё это позволяет говорить о том, что городская среда в каждом из исследуемых случаев занимает сходное положение в социальном самочувствии горожан. Безусловно, в каждом городе есть собственная специфика, связанная скорее с его планировочными решениями, географическим положением или историческим развитием. Но это не меняет целостной картины — жители больших и малых городов с разными формами занятости предъявляют к городской среде одни и те же требования и приблизительно одинаково оценивают состояние дел.

В свою очередь это позволяет предположить, что появление особой формы городской жизни проходит иначе, чем это было во времена классиков социологии. Разница между городом и не-городом, состоит, по-видимому, не в количестве жителей и не в преобладающей форме экономической деятельности, а в чём-то ином. Вслед за Julie-Anne Boudreau [7, Boudreau Julie-Anne] можно попробовать найти основания феномена городов в особых политических отношениях и местах их концентрации. Но для этого необходимо отказаться от ряда классических представлений.

Одним из главных результатов федерального проекта «Комфортная городская среда» является то, что даже после завершения масштабного финансирования он как тренд не прекратит своего существования, и в долгосрочной перспективе останутся идеи развития городской среды как общественного пространства.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований — проект N 18-411-290010 «Модели коммуникатив-

ного управления в развитии городского пространства (на примере Архангельской области)». Авторы благодарят инициатора проекта Алексея Григорьевича Деменева за интеллектуальную поддержку и организацию проводимых исследований.

Литература

1. Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131–138.
2. Глазычев В.Л. *Город без границ*. Москва: Издательский дом «Территория будущего». Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». 2011. 400 с.
3. Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2. № 3. С. 29–43.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3 (34). С. 1–12.
5. Bettencourt L.M.A., Lobo J., Helbing D., Kuhnert C., West G.B. Growth, Innovation, Scaling, and the Pace of Life in Cities // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104. № 17. Pp. 7301–7306. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0610172104>
6. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // *Экономика и управление народным хозяйством*. 2015. № 5 (164). С. 69–82.
7. Boudreau J.-A. *Global Urban Politics*. Polity Press, Cambridge, 2017. 248 p.

References

1. Dridze T. M. Chelovek i gorodskaya sreda v prognoznom sotsial'nom proektirovanii [Man and Urban Environment in Predictive Social Design]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1994, no. 1, pp. 131–138.
2. Glazychev V.L. *Gorod bez granits* [A City without Borders]. Moscow, "Territoriya budushhego" Publishing House. 2011, 400 p.
3. Park R.E. Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [City as a Social Laboratory]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2002, vol. 2, no. 3, pp. 29–43.
4. Zimmel G. Bolshie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life]. *Logos* [The Logos journal], 2002, no. 3 (34), pp. 1–12.
5. Bettencourt L.M.A., Lobo J., Helbing D., Kuhnert C., West G.B. Growth, Innovation, Scaling, and the Pace of Life in Cities. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2007, vol. 104, no. 17, pp. 7301–7306. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0610172104>
6. Ilyina I.N. Kachestvo gorodskoy sredy kak faktor ustoychivogo razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy [The Quality of the Urban Environment as a Factor of Sustainable Development of Municipalities]. *Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaystvom* [Economy and Management of the National Economy], 2015, no. 5 (164), pp. 69–82.
7. Boudreau J.-A. *Global Urban Politics*. Polity Press, Cambridge, 2017. 248 p.

Статья принята 26.12.2019.

УДК 316.752(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.248

Аксиологические предпочтения жителей карельской Арктики в современной социокультурной ситуации *

© СУВОРОВА Ирина Михайловна, доктор культурологии, доцент, профессор

E-mail: suvormih@list.ru

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Аннотация. Целью исследования является выявление иерархии ценностных доминант в аксиосфере жителей карельской Арктики, сложившейся под влиянием природных, социальных, экономических и культурно-исторических факторов. Используемая методология имеет комплексный характер и включает социологические, экономические опросники и анкеты, фокус-группы, глубинные интервью. Камеральный этап исследования основан на анализе результатов эмпирического этапа, проведённого в ходе комплексной научной экспедиции учёных Петрозаводского государственного университета летом 2019 г. в двух арктических районах Карелии. Важнейшим в исследовании является использованный кросс-культурный подход, основанный на сравнении результатов опроса респондентов из числа жителей карельской Арктики с «общекультурным профилем» Ш. Шварца, и выявление уровня валидности применённой психологической методики. В ходе исследования подтвердилась гипотеза автора о наличии особенностей в аксиологических предпочтениях жителей арктической зоны на уровне доминантных показателей. На этапе анализа и обобщения результатов эмпирического этапа установлена взаимосвязь проблемы сохранения человеческого капитала на территории арктических районов Карелии с выявленными ценностными доминантами здоровья и безопасности местных жителей. Особое внимание уделено влиянию современной социокультурной ситуации на формирование аксиосферы жителей арктической зоны, а также сделан вывод о необходимости комплексного научного подхода в определении перспектив развития социума на территории арктических районов.

Ключевые слова: Арктика, Карелия, ценность, аксиосфера, кросс-культурный подход, социокультурная ситуация, человеческий капитал.

Axiological Preferences of Residents of the Karelian Arctic in the Modern Sociocultural Situation

© Irina M. SUVOROVA, Doc. Sci. (Cultur.), Associate Professor, Professor

E-mail: suvormih@list.ru

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The study aims to identify the hierarchy of value dominants in the axiosphere of the Karelian Arctic residents, which has developed under the influence of natural, social, economic, and cultural-historical factors. The methodology used is complex and includes sociological, economic questionnaires, focus groups, and in-depth interviews. The study's cameral stage is based on an analysis of the empirical stage results conducted during a comprehensive scientific expedition of scientists of Petrozavodsk State University to two Arctic regions of Karelia in the summer of 2019. The most important in the study is the cross-cultural approach, based on comparing the results of a survey of respondents - the Karelian Arctic residents with the "general cultural profile" of S. Schwartz and identifying the level of validity of the applied psychological methodology. During the study, the author's hypothesis about features in the axiological preferences of the inhabitants of the Arctic zone at the level of dominant indicators is confirmed. At the stage of analysis and synthesis of the empirical stage results, the relationship of preserving human capital in the Arctic regions of Karelia with the identified value dominants of residents' health and safety is established.

* Для цитирования: Суворова И.М. Аксиологические предпочтения жителей карельской Арктики в современной социокультурной ситуации // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 248–260. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.248
For citation: Suvorova I.M. Axiological Preferences of Residents of the Karelian Arctic in the Modern Sociocultural Situation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 248–260. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.248

Special attention is paid to the influence of the current socio-cultural situation on the formation of the axiosphere of the inhabitants of the Arctic zone, and the conclusion is also made about the need for an integrated scientific approach in determining the prospects for the development of society in the Arctic regions.

Keywords: *Arctic, Karelia, value, axiosphere, cross-cultural approach, socio-cultural situation, human capital.*

Введение

Исследование ценностных предпочтений современников стало актуальной научной тематикой гуманитаристики XX в. Именно к концу минувшего столетия были апробированы в широком масштабе знаменитые методы изучения ценностей М. Рокича, А. Маслоу, Р. Инглхарта, Ш. Шварца [1, Schwartz S., с. 23–47] и другие. Данные аксиологические исследования применялись относительно отдельных обществ, стран и культур, охватывая большие территории и сообщества людей. Отдельные исследователи, такие как Р. Инглхарт [2], выстраивали своеобразный аксиологический хронотоп относительно конкретного общества (например, российского до перестройки и после перестройки), что позволяло проследить динамику ценностных предпочтений на протяжении определённого времени. Однако аксиологических исследований относительно жителей таких малонаселённых территорий как Арктика (в частности российская Арктика) наблюдается крайне мало как на рубеже веков, так и в современной науке.

Тем не менее, и в российском, и в международном научном сообществе сегодня признано, что устойчивое развитие Арктического региона невозможно без обеспечения социального благополучия жителей, о чём свидетельствуют и принятые в 2020 г. «Основы государственной политики РФ в Арктической зоне до 2035 года»¹. В «Основах», также как и во многих современных концепциях (например, в мегапроекте В.П. Федорова «Даёшь Арктику!» [3]), актуализируется задача увеличения численности населения российской Арктики (в том числе за счёт трудовой миграции) и улучшение условий жизнедеятельности жителей данного региона. Однако для реализации этой масштабной и сложной задачи необходимо не только знание природно-климатических и экономических характеристик территории, но также понимание психологических особенностей местных жителей, которые отражены в их ценностных приоритетах. Автором данного исследования предполагается, что ценностная сфера жителей Арктики, как особой природно-климатической и социально-экономической зоны, имеет свои специфические характеристики, которые возможно проанализировать на основе получения эмпирических данных. Междисциплинарный анализ полученных эмпирических данных по выявленным аксиологическим предпочтениям жителей Арктики может быть практически использован в составлении конкретных программ регионов по экономическому, медицинскому, образовательному и социально-культурному развитию.

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQ0WB1zjywN04OgKil1mAvaM.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).

Исследовательский интерес к данной тематике в современной гуманитаристике является актуальным с точки зрения политологии, конфликтологии, экономики, социологии. Так, отдельные экономические исследования на территории российской Арктики были сопряжены с аксиологической тематикой. Например, А.М. Максимов, А.В. Уханова рассматривали социокультурный компонент предпринимательского потенциала в арктических регионах России (Архангельская область и Ямало-Ненецкий автономный округ), связав его с ценностными доминантами личности. «Авторами статьи была сформулирована гипотеза о том, что существует специфический набор ценностей, характерный для индивидов с высокой склонностью к предпринимательству и отличающий их от остального населения определённой территории» [4, Максимов А.М., Уханова А.В., с. 736]. Однако выдвинутая гипотеза, по признанию самих авторов, не подтвердилась в ходе исследования, и оказалось, что у предпринимателей «отсутствуют отличия от остального населения в плане ценностных ориентаций» [4, с. 739]. Причинами отрицательной верификации своей гипотезы учёные называют общечеловеческую значимость терминальных и инструментальных ценностей для всех респондентов, вероятно, слабую чувствительность методики Рокича к культурным различиям, а также влияние процессов глобализации на современников. Данный опыт показывает, насколько тесно могут быть связаны экономические исследования с изучением ценностных ориентаций респондентов и насколько сложным является анализ эмпирических данных.

Однако культурологический подход к исследованию ценностных предпочтений предполагает комплексный характер, так как обусловлен целым рядом взаимосвязанных проблем. Во-первых, это проблема влияния топоса (буквально места) на формирование аксиосферы (ценностной сферы) респондентов. Во-вторых, это проблема сохранения человеческого капитала на территории российской Арктики в условиях крайнего Севера. В-третьих, это проблема влияния современной социокультурной ситуации на формирование ценностных ориентаций людей в условиях глобализации. Совокупность ценностных ориентаций личности можно представить в виде аксиосферы как сложноструктурированной системы иерархического типа, которая, несмотря на постоянную изменчивость, является стабильным мотиватором деятельности человека. Таким образом, ценностные доминанты в аксиосфере личности направляют деятельность человека в активное русло, формируя его образ жизни и его собственный человеческий капитал. Анализ аксиосферы жителей карельской Арктики с учётом заявленной проблематики оказался возможным благодаря проведённой комплексной научной экспедиции Гуманитарного парка опорного вуза Республики Карелия — Петрозаводского государственного университета — в июле 2019 г. в Лоухский и Кемский муниципальные районы, относящиеся к территории арктической зоны.

Методология исследования

Научное исследование проводилось в два этапа в 2019–2020 гг. Первый этап сбора эмпирического материала для комплексного исследования проводился среди совершенно-

летних жителей двух указанных районов. В комплексной методологии использовался опросник Ш. Шварца, углублённые интервью, фокус-группы и анкетирования. Поскольку кросс-культурный подход предполагает комплексное исследование социокультурной ситуации [5, Суворова И.М.], то в исследование включался инструментарий социологии, экономики, истории (факторный анализ, анкета самообразованию, опросник «Мотивация трудовой деятельности» и другие).

Второй этап камеральной обработки полученных эмпирических данных включал обобщение и анализ комплексного характера с учётом влияния социокультурной ситуации на личные ценностные предпочтения респондентов, а также применение кросс-культурного подхода в оценке валидности «общекультурного профиля» по методике Ш. Шварца.

В качестве респондентов были задействованы 130 жителей городов и посёлков Лоухского и Кемского районов в возрасте от 18 до 68 лет, из которых 97% являлись трудящимися. Количество избранных респондентов соответствует репрезентативному соотношению 100 респондентов на 20 000 жителей. Поскольку проект Гуманитарного парка «Способы сохранения человеческого капитала как актуальная проблема Республики Карелия» предполагал исследование трудящихся граждан, то подавляющее большинство респондентов были из числа занятых в разных социальных сферах и отраслях производства.

Влияние специфики Арктики на ценностные доминанты её жителей

Несмотря на то, что Арктика, как один из самых уязвимых в климатическом плане регионов мира, стала предметом активного научного исследования, она всё равно «является средоточием многочисленных и не до конца изученных процессов и обратных связей, действующих в климатической системе с участием воздушных масс, морского льда, специфической стратификации Северного Ледовитого океана, криосферы и биоты суши» [6, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И., с. 7]. К специфическим природным характеристикам региона можно также отнести «продолжительный период с отрицательными температурами воздуха, короткий вегетационный период, специфическую фотопериодичность. Следствием указанных природных особенностей является целый комплекс экономических проблем, например: удорожание развития промышленности и инфраструктуры, повышение энергетических затрат, предъявление особых требований к коммунальным системам населённых пунктов, моноресурсный характер экономики. Природная экстремальность усиливается периферийностью российского арктического региона, рассредоточенностью и низкой степенью изученности месторождений сырья и топлива на суше и в акваториях Северного Ледовитого океана, удалённостью промышленных центров от береговых баз снабжения, национальных и зарубежных рынков сбыта, недостаточным развитием транспортной, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры» [6, с. 10].

Собственно территория карельской Арктики, где проводилось комплексное аксиологическое исследование, включает в себя три района: Лоухский, Кемский и Беломорский. Лоухский муниципальный район является самым большим по территории в Республике Карелия и самым северным, а Кемский и Беломорский муниципальные районы имеют самую протяжённую морскую прибрежную линию. Природно-климатические и социально-экономические условия в этих районах полностью соответствуют вышеизложенному описанию. В ходе научного исследования выяснилось, что осознание своего бытия в экстремальных природных условиях находит прямое отражение в аксиосфере респондентов. Анализ результатов опросника по трудовой мотивации (автор — к.э.н., доцент ПетрГУ Конев И.П.) показал, что среди всех представленных на выбор ценностных ориентаций на первое место респонденты ставят ценность здоровья. Из факторов, влияющих на состояние здоровья, респонденты указывали питание (62%), здоровый образ жизни (52%), отсутствие стрессов (47%), экологическую ситуацию (37%). Учёные Института высоких биомедицинских технологий ПетрГУ выявили, что решающими факторами, сокращающими длительность жизни и отягощающими качество жизни, являются долгота северного светового дня и недостаток целого ряда минеральных веществ в организме. «Учёные ПетрГУ провели исследование, в ходе которого изучили содержания макро- и микроэлементов в организме жителей Карелии, проанализировав состав их волос. А затем сравнили полученные результаты с аналогичными показателями жителей средней полосы РФ. Оказалось, что у большинства молодых людей (20–25 лет), принявших участие в исследовании, — дефицит кальция, магния, натрия, а также жизненно необходимых микроэлементов кобальта и йода. У людей старше 60 лет был отмечен избыток в волосах токсичных ртути и свинца. А также дефицит более 10 элементов, среди которых кальций, магний, цинк, железо и так далее»².

Следовательно, жители арктического региона больше подвержены неблагоприятному влиянию природно-климатических условий на своё здоровье, нежели жители соседних регионов центральной России, а значит, приоритет ценности здоровья для них безусловен. Этот вывод коррелирует с результатом анализа аксиологического исследования по методике Ш. Шварца. В качестве безусловной доминантной ценности эти же респонденты на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных предпочтений выделили безопасность, которая в данной методике включает в себя надёжность, гармонию и стабильность общества, отношений и себя самого, безопасность семьи и государства, общественный порядок, чистоту, взаимную полезность. В данном случае можно предположить, что ощущение опасности респондентов со стороны природно-климатических условий усиливается нестабильностью, связанной с социально-экономическими рисками, поэтому сохранение здоровья и повышение собственной безопасности ценятся жителями карельской Арктики больше всего. В свою очередь здоровье и безопасность входят в состав человеческого капитала, сохранение которого является актуальной проблемой всей российской Арктики.

² Сайт ПетрГУ. URL: <https://petsru.ru/news/2019/52559/utchenye-petr-gu-sozd#t20c> (дата обращения: 12.07.2019).

Проблема сохранения человеческого капитала на территории российской и карельской Арктики

Проблематика человеческого капитала, исследованная в работах зарубежных учёных XX в. Т. Шульца, Г. Беккера, Л. Туроу, Дж. Кендрика, вошла в отечественную гуманитаристику в постперестроечное время. Но и сегодня данная проблематика не потеряла своей актуальности в разных отраслях науки: в социологии у И.А. Крутия и О.В. Красиной [7, с. 127–130], в экономической психологии у Я.М. Рощиной [8], у J.B. Avey и F. Luthans [9, с. 677–693], у A. J. Elliot и M. V. Covington [10, с. 73–92], в политической психологии у А.И. Юрьева, А.В. Селезневой, Е.П. Добрынина, И.С. Буриковой [11]. В каждой научной трактовке понятия человеческого капитала учитывается его многофакторность. Но в первую очередь понятие человеческого капитала напрямую связано с демографическим фактором. Собственно на территории всей российской Арктики «на 1 января 2018 г. общая численность постоянного населения арктических субъектов РФ составляла 7 800 тыс. чел., что на 23% меньше по сравнению с 1989 г. В числе ведущих этносоциальных тенденций следует отметить: отрицательное миграционное сальдо, интенсивность миграционного обмена, обусловленную широким распространением вахтового метода работы» [12, Соколова Ф.Х., Золотарев О.В., Максимова Л.А., Сибиряков И.В. с. 138]. Подобная же тенденция отмечается и на территории карельской Арктики. В частности, в Лоухском муниципальном районе, самом северном в Карелии, по данным местной администрации на январь 2019 г., проживало 11 459 жителей, что на 10,5% меньше, чем в 2014 г. и на 45% меньше, чем в 1989 г. В Кемском муниципальном районе, по данным местной администрации на январь 2019 г., проживал 14 561 житель, что на 12,1% меньше, чем в 2014 г. и на 25,3% меньше, чем в 2007 г.

Подобная негативная демографическая тенденция осложняется этнографическим компонентом, ведь «в арктической зоне значительно представительство автохтонных этнических групп, о чём свидетельствует конституционно-правовой статус территориальных образований. Отметим, что 6 из 9 арктических субъектов России созданы с учётом национального компонента: Республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Арктика — территория исконного обитания карелов, коми, якутов, там проживают 18 из 47 коренных малочисленных народов России» [12, с. 135]. И на территории Лоухского и Кемского муниципальных районов, по данным местных администраций, совместно проживают представители малых народов России (в Кемском районе — 5,8% карелов и 0,9 % финнов от всего числа; в Лоухском районе — 12,8% карелов от всего числа жителей). Причём в демографическом плане негативная тенденция уменьшения численности малых народов на территории карельской Арктики также сохраняется на протяжении последних 20 лет.

Безусловно, сохранение человеческого капитала напрямую связано с вложениями в образование и самообразование [13, Armstrong M.], здравоохранение [14, Vidal-Salazar M., Hurtado-Torres N., Matias-Reche F. с. 2680–2697], безопасность [15, Zacharatos A., Barling J.,

Iverson R.D., с. 77–93], потребительские потребности, профорIENTATION и культуру. Всё это является слагаемыми общей социокультурной ситуации в исследуемой зоне.

Проблема влияния современной социокультурной ситуации на формирование ценностных ориентаций жителей карельской Арктики

Социокультурная ситуация в карельской Арктике имеет значительные отличия от других районов республики. Экономические тенденции в двух соседних арктических районах (Кемском и Лоухском) также разнонаправлены: в Кемском районе, по данным органов местного самоуправления, за последние 5 лет количество предприятий выросло с 317 до 335, а в Лоухском за это же время — сократилось с 249 до 183, учитывая, что статус арктической территории подразумевает льготное налогообложение и условия инвестирования в развитие, а также ряд привилегий в социально-экономической сфере. Хозяйствующие субъекты таких отраслей, как лесозаготовка, деревообработка и горнодобывающая промышленность, ежегодно теряют профессионалов из-за трудовой миграции. Безусловно, помимо суровых природно-климатических условий, на эту негативную тенденцию влияет социокультурная реальность. Сформировавшаяся современная социокультурная ситуация на территории карельской Арктики значительно обусловлена историческими аспектами, анализ которых раскрывает особенности культуры, в контексте которых проходило становление наших современников.

Так, история Кемского района, находящегося на берегу Белого моря, связана с поморской культурой и Соловецким монастырём, бывшим в территориальном подчинении Кеми до 1930 г. По мнению А.П. Конкки, «древняя прибалтийско-финская этнокультурная основа, а также продолжавшийся в течение веков приток населения с западных волостей и связанные с этим процессы аккультурации и ассимиляции не могли не отразиться на антропологическом составе, языке и традиционной культуре местных жителей, создавших под влиянием специфической для славянского населения ориентации на морские промыслы и особенно сильного здесь старообрядчества свою, во многом уникальную культурную среду, позволяющую выделить поморов в отдельную этническую группу» [16, Конкка А.П., с. 43]. Сегодня туристическая привлекательность Кеми обусловлена статусом исторического города со своей архитектурной достопримечательностью — отреставрированным Успенским собором XVIII в. и возможностью относительно быстрой и удобной транспортировки до Соловецкого монастыря.

История Лоухского района связана в глубоком прошлом с проживанием на его территории племён саамов и карелов, а с XII в. — русских, которые традиционно для этих широт занимались охотой, рыбной ловлей, а с XVI в. — солеварением. В Лоухском муниципальном районе большинство объектов культурного наследия (103 из 141) имеют археологический статус и представлены на открытых пространствах. Также Лоухский край славится своими этнокультурными традициями, связанными с местными сказителями, чьё творчество воспроизводится в многочисленных фольклорных праздниках. Наибольшую туристическую привле-

кательность этому району придают его природные заповедные зоны и парки, поражающие своими масштабами и первозданностью. Однако по причине неразвитости инфраструктуры поток туристов не слишком велик.

О сокращении социокультурной инфраструктуры за последние десятилетия в карельской Арктике, по данным местных администраций, свидетельствует факт уменьшения числа общеобразовательных школ и детских садов, спортивных школ, центров культуры и творчества. Анализ опросника по трудовой мотивации выявил, что только 6% населения удовлетворены спортивной инфраструктурой своего района, только 12% респондентов могут реализовать свои таланты и способности и только 21% респондентов посещает местные культурно-массовые мероприятия. Следовательно, несмотря на богатые историко-культурные традиции, современные жители карельской Арктики не находят самореализации в культурной жизни своего района. Подобное положение дел в социокультурной сфере нашло своё выражение и в аксиологических предпочтениях респондентов.

Анализ результатов эмпирического исследования по методике Ш. Шварца выявил, что на уровне индивидуальных предпочтений одной из самых невостребованных ценностей у жителей карельской Арктики является ценность традиции, которая в данном контексте трактуется как принятие и соблюдение обычаев и идей традиционной культуры и религии, скромность, благочестие, умеренность. Схожую тенденцию в 2016 г. отмечали и архангельские коллеги: «Некоторые (12%) из респондентов предлагают избирательно подходить к традициям. Меньшинство опрошенных (14%) считает, что обряды и традиции не нужны, и при этом значительную часть этого меньшинства составляет молодёжь. Хотя опрошенные в возрасте от 18 до 44 лет в большинстве своём всё же стоят на позициях сохранения традиций» [17, Тамицкий А.М., Зайков К.С., с. 1409].

Подобная тенденция свидетельствует о несовпадении аксиосферы жителей российской Арктики с так называемым «общекультурным профилем» Ш. Шварца, который он выявил в ходе апробации своей методики в 83 странах мира. Данный факт позволяет применить кросс-культурный подход в общей оценке аксиосферы жителей карельской Арктики в данном исследовании. Целью применения данного подхода является валидизирующее исследование на основе сравнения «универсального набора ценностей» Ш. Шварца и ценностной сферы жителей конкретного региона, в данном случае карельской Арктики. Это исследование выявляет степень валидности, то есть меру соответствия аксиосферы респондентов арктической зоны «общекультурному профилю» Ш. Шварца.

В «универсальном наборе ценностей» Ш. Шварца по принципу убывания ценности распределены следующим образом: «доброта, самостоятельность, универсализм (понимание другого, высокая оценка другого, забота о благополучии всех людей и природы, мудрость, широта мышления, социальная справедливость, равенство, всеобщий мир, мир красоты, единство с природой), безопасность, конформность (воздержание от действий, которые могли бы нанести вред другим людям, общественному порядку или принятым социаль-

ным нормам, вежливость, послушание, самодисциплина, уважение к родителям и старшим), достижения, гедонизм, стимуляция (азарт, новизна, стремление к глубоким переживаниям), традиции и власть» [18, с. 48]. По мнению автора методики, ранжирование ценностей в аксиосфере респондентов имеет постоянный характер, несмотря на религиозные, этнические, политические и прочие культурные различия.

Опыт тридцатилетних исследований Ш. Шварца показал, что в первую тройку приоритетных ценностей входят доброта, самостоятельность и универсализм, а последние три позиции заняли гедонизм, стимуляция и власть, что, по мнению автора, вполне содействует наилучшему функционированию общества. «Ш. Шварц постулировал, что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе» [18, с. 47].

Анализ результатов по опроснику Ш. Шварца среди жителей карельской Арктики представлен, как и подразумевает методика, на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных предпочтений. Результаты на обоих уровнях по данной методике среди жителей Кемского и Лоухского районов схожи в определении абсолютной ценности — безопасности (о которой уже велась речь) и самой невостребованной ценности — власти, которая в данном контексте предполагает достижение социального статуса или престижа, контроля над людьми и ресурсами, социальную власть, богатство, поддержание имиджа. Данный результат свидетельствует об определённой личной и общественной инфантильности на фоне активно происходящих политических и экономических процессов в арктической зоне в целом. Сопутствующие факторы этой ситуации были отмечены и архангельскими учёными: «Наличие идейно-духовного вакуума, упадок духовной жизни, негативные социально-экономические условия жизни населения, которые приводят к страхам и фобиям, разочарованию в жизни» [17, Тамицкий А.М., Зайков К.С., с. 1409] вряд ли могут быть мотиваторами к реализации власти. Однако результат по данной ценности обнаруживает совпадение аксиосферы жителей двух карельских районов с «общекультурным профилем» Шварца, следовательно, не является исключением и подтверждает валидность методики.

Такое же подтверждение валидности опросника обнаружилось на уровне нормативных идеалов у респондентов обоих арктических районов в наборе менее востребованных ценностей (власть, стимуляция и гедонизм). Однако на уровне индивидуальных предпочтений в тройке самых невостребованных ценностей оказались власть, гедонизм и уже упомянутые традиции, что подтверждает валидность опросника на 66%.

В выборе самых предпочтительных ценностей на обоих уровнях респондентов двух районов лидирует уже указанная безопасность, что отличает аксиосферу жителей карельской Арктики от «общекультурного профиля» Ш. Шварца и является следствием природных и социально-экономических факторов. Две другие востребованные ценности отличаются и по районам, и по уровням. Так, в Кемском районе и на уровне нормативных идеалов, и на

уровне индивидуальных предпочтений востребованными оказались доброта и конформность, что совпадает с профилем Шварца на 33%. И, как свидетельствует ВЦИОМ, «Три четверти наших соотечественников (76%) считают себя добрыми с разной степенью уверенности. Своё окружение наши соотечественники также характеризуют как добрых людей — так считает три четверти россиян (75%), чаще этого мнения придерживаются россияне 18–24 лет (83%) и старше 60 лет (62%)»³. В этом отношении россияне в целом не отличаются от других макро- и микроэтносов и культур, подтверждая валидность методики Ш. Шварца.

В Лоухском районе респонденты среди востребованных ценностей на обоих уровнях указали помимо доброты и безопасности ещё универсализм, который по методике Ш. Шварца предполагает гармонию с людьми и природой, всеобщее благополучие. Можно предположить, что, проживая вдалеке от всех урбанизированных центров, жители этого арктического района больше ценят свою гармонию с суровой северной природой, ощущая эту непосредственную связь ежедневно. Это предположение подтверждается анализом опросника по трудовой мотивации, где 71% респондентов указали, что свободное от работы время они проводят на рыбалке, охоте и отдыхают на природе с семьёй.

Заключение

Таким образом, проведённое сравнение аксиосферы жителей карельской Арктики с «общекультурным профилем» Ш. Шварца подтвердило валидность данной методики в Кемском районе на 66%, а в Лоухском районе на 83%. Данный результат показывает, что ценностные предпочтения жителей арктического региона имеют значительные отличия от «общекультурного профиля», свойственного, по мнению автора методики, всем современным этносам и культурам. Эта аксиологическая разница обусловлена целым рядом проблем природно-климатического и социально-экономического характера. Следовательно, подтверждается мысль о том, что в условиях арктической зоны и сегодня, в условиях развитых технологий, человек чувствует себя незащищённым, одновременно ощущая опасность и приспосабливаясь к этой опасности (47% респондентов указали отсутствие стрессов как главный фактор, влияющий на здоровье). Становится ясным, что в эпоху глобализационных процессов арктическая зона требует к себе особого отношения как в экологическом, экономическом, политическом, так и в социальном направлении. В практическом плане результаты данного исследования показывают, что в Арктике особо актуальны здоровьесберегающие программы, в которых будут задействованы не только современные медицинские технологии, но и развитая физкультурно-спортивная инфраструктура. В перспективе удовлетворённая потребность в сбережении здоровья может повысить уровень собственной безопасности жителей Арктики, что качественно повлияет на модель поведения и образ жизни людей. В целом проведённое кросс-культурное исследование показало, что проблема сохранения человеческого капитала на территории карельской Арктики существенно отражается на аксиоло-

³ Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10164> (дата обращения: 08.06.2020).

гических предпочтениях её жителей, а решение данной проблемы возможно только с учётом комплексного научного подхода.

Литература

1. Schwartz S.H. Cultural Value Differences: Some Implications for Work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. № 48. Pp. 23–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.1999.tb00047.x>
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис (Политические исследования)*. 1997. № 4. С. 6–32.
3. Фёдоров В.П. Арктические преобразования // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 5–14. DOI: 10.15211/soveurope120180514
4. Максимов А.М., Уханова А.В. Социокультурный компонент предпринимательского потенциала в арктических регионах России // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 1. С. 735–739.
5. Суворова И.М. Влияние социокультурной ситуации на самообразование жителей карельских районов как фактор сохранения человеческого капитала // *Studia Humanitatis Borealis*. 2019. № 1. С. 30–36. DOI: 10.15393/j12.art.2019.3364
6. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // *Арктика и Север*. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
7. Крутий И.А., Красина О.В. Человеческий капитал: эволюция представлений // *Социологические исследования*. 2007. № 8. С. 127–130.
8. Рощина Я.М. Психологические составляющие человеческого капитала как фактор экономического поведения. Москва: ГУ ВШЭ, 2008. 56 с.
9. Avey J.B., Luthans F., Jensen S.M. Psychological Capital: a Positive Resource for Combating Stress and Turnover // *Human Resource Management*. 2009. Vol. 48. No. 5. Pp. 677–693. DOI: 10.1002/hrm
10. Elliot A.J., Covington M.V. Approach and Avoidance Motivation // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13, No 2. Pp. 73–92. DOI: 10.1023 / A: 1009009018235
11. Бурикова И.С., Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. Опыт психологического измерения человеческого капитала. Санкт-Петербург: «Русский запад», 2009. 139 с.
12. Соколова Ф.Х., Золотарев О.В., Максимова Л.А., Сибиряков И.В. Стратегические приоритеты и практические формы реализации этнополитики в арктических субъектах Российской Федерации // *Арктика и Север*. 2019. № 34. С. 133–158. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.133
13. Armstrong M. *Armstrong's Handbook of Performance Management: an Evidence-Based Guide to Delivering High Performance*. London: Kogan Page, 2014. 880 p.
14. Vidal-Salazar M., Hurtado-Torres N., Matias-Reche F. Training as a Generator of Employee Capabilities // *International Journal of Human Resource Management*. 2013. Vol. 23. No 13. Pp. 2680–2697. DOI: 10.1080 / 09585192.2011.610971
15. Zacharatos A., Barling J., Iverson R.D. High-Performance Worksystems and Occupational Safety // *Journal of Applied Psychology*. 2005. Vol. 90. No 1. Pp. 77–93. DOI: 10.1037/0021-9010.90.1.77
16. Конкка А.П. К вопросу об этническом составе западного Поморья // *Беломорье: нить времён: материалы Форума*. Беломорск, 25–26 сентября 2010 г. Петрозаводск: Verso, 2011. 143 с.
17. Тамицкий А.М., Зайков К.С. Традиции и верования жителей Российской Арктики: штрихи к социологическому портрету // *Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения: материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова / сост. С.В. Тевлина, С.В. Рябченко*. Архангельск: САФУ, 2016. С. 1405–1409.
18. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. No 2. С. 43–70.

References

1. Schwartz S.H. Cultural Value Differences: Some Implications for Work. *Applied Psychology: An International Review*, 1999, no. 48, pp. 23–47.
2. Inglehart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti I izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing Values and Changing Societies]. *Polis (Politicheskie issledovaniya)* [Polis. Political Studies], 1997, no. 4, pp. 6–32.
3. Fedorov V.P. Arkticheskie preobrazovaniya [Arctic Transformation]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2018, no. 1, p. 5–14. DOI: 10.15211/soveurope120180514
4. Maksimov A.M., Ukhanova A.V. Sotsiokul'turnyy komponent predprinimatel'skogo potentsiala v arkticheskikh regionakh Rossii [Cultural Component of Entrepreneurial Potential in the Russia's Arctic Regions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and entrepreneurship], 2020, no. 1, pp. 735–739.
5. Suvorova I.M. Vliyaniye sotsiokul'turnoy situatsii na samoobrazovaniye zhiteley karel'skikh rayonov kak faktor sokhraneniya chelovecheskogo kapitala [Impact of Sociocultural Situation on Self-Education of Residents of Karelian Districts as a Factor of Human Capital Preservation]. *Studia Humanitatis Borealis*, 2019, no. 1, pp. 30–36. DOI: 10.15393/j12.art.2019.3364
6. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Stsenarii razvitiya arkticheskogo regiona (2020–2035 gg.) [Scenarios for the Development of the Arctic Region (2020–2035)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 4–19. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
7. Krutiy I., Krasina O. Chelovecheskiy kapital: evolyutsiya predstavleniy [Human Capital: the Evolution of Ideas]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 8, pp. 127–130.
8. Roshchina Ya.M. *Psikhologicheskiye sostavlyayushchiye chelovecheskogo kapitala kak faktor ekonomicheskogo povedeniya* [The Psychological Components of Human Capital as a Factor of Economic Conduct]. Moscow, HSE Publ., 2008, 56 p. (In Russ.)
9. Avey J.B., Luthans F., Jensen S.M. Psychological Capital: a Positive Resource for Combating Stress and Turnover. *Human Resource Management*, 2009, vol. 48, no. 5, pp. 677–693. DOI: 10.1002/hrm
10. Elliot A.J., Covington M.V. Approach and Avoidance Motivation. *Educational Psychology Review*, 2001, vol. 13, no. 2, pp. 73–92. DOI: 10.1023 / A: 1009009018235
11. Burikova I.S., Konovalova M.A., Pushkina M.A., Yuriev A.I. *Opyt psikhologicheskogo izmereniya chelovecheskogo kapitala: monografiya* [Experience of Psychological Measurement of Human Capital]. 139 p. (In Russ.)
12. Sokolova F.Kh., Zolotarev O.V., Maksimova L.A., Sibiryakov I.V. Strategicheskie priority i prakticheskie formy realizatsii etnopolitiki v arkticheskikh sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii [Strategic Priorities and Forms of the Applying Ethnopolitics in the Arctic Areas of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 110–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.133
13. Armstrong M. *Armstrong's Handbook of Performance Management: an Evidence-Based Guide to Delivering High Performance*. London, Kogan Page, 2014, 880 p.
14. Vidal-Salazar M., Hurtado-Torres N., Matias-Reche F. Training as a Generator of Employee Capabilities. *International Journal of Human Resource Management*, 2013, vol. 23, no. 13, pp. 2680–2697. DOI: 10.1080 / 09585192.2011.610971
15. Zacharatos A., Barling J., Iverson R.D. High-performance Worksystems and Occupational Safety. *Journal of Applied Psychology*, 2005, vol. 90, no. 1, pp. 77–93. DOI:10.1037/0021-9010.90.1.77
16. Konkka A.P. K voprosu ob etnicheskom sostave zapadnogo Pomor'ya [On the Issue of the Ethnic Composition of Western Pomerania]. *Belomorye: nit' vremen: materialy Forum* [White Sea Area: Thread of Times: Proc. of the Forum. Belomorsk, September 25–26, 2010]. Petrozavodsk, 2011, 143 p.
17. Tamitskiy A.M., Zaikov K.S. Traditsii i verovaniya zhiteley Rossiyskoy Arktiki: shtrikhi k sotsiologicheskomu portretu [Traditions and Beliefs of Residents of the Russian Arctic: Strokes to a Sociological Portrait]. *Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: problemy i resheniya: materialy nauchnoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta imeni M.V. Lomonosova*. Ed. by S.V. Tevlina, S.V. Ryabchenko. Arkhangelsk, NARFU Publ, 2016, pp. 1405–1409.

18. Schwartz Sh., Butenko T., Sedova D., Lipatova A. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, vol. 9, no. 2, pp. 43–70.

Статья принята 10.07.2020.

УДК 94(470)''18/19''(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

Восточный Мурман: социальные аспекты колонизации в материалах экспедиций и путевых заметок II половины XIX — начала XX вв. *

© ТЕРЕЩЕНКО Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент

E-mail: tereschenko.elena@masu.edu.ru; ter_elena@inbox.ru

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен ряд социальных аспектов колонизации Восточного Мурмана (домашний быт, повседневный труд, религиозные верования, обучение в школе, досуг). Историкографический анализ позволил выявить специфику локальной (повседневной) истории колонизации Кольского полуострова. В работах А.П. Энгельгардта, А.Г. Слезкинского, С.Ю. Витте, С.О. Макарова, В.И. Немировича-Данченко, К.К. Случевского, Д.Н. Островского, А.К. Энгельмейера, В.И. Маноцкова, А.К. Сиденснера, Н.В. Романова, «Материалах по статистическому исследованию Мурмана» и других источниках приведены факты из личной и семейной биографии, обстоятельства переселения на Мурманский берег, бытовые условия, обстановка дома, особенности обучения и воспитания детей. Описания образа жизни переселенцев, зафиксированные в материалах экспедиций и путевых заметок, позволяют заключить, что социокультурная адаптация колонистов на Восточном Мурмане, создание здесь среды обитания человека (от промыслового стана к постоянным поселениям) во многом была связана с развитием института семьи. В целом история колонизации представляет собой уникальный опыт освоения Арктики — один из самых результативных в мировой истории, который важен для осмысления географии русского Севера.

Ключевые слова: Арктика, Кольский Север, Восточный Мурман, колонизация.

Eastern Murman: Social Aspects of Colonization in the Materials of Expeditions and Travel Notes of the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries

© Elena Yu. TERESHCHENKO, Dr. Sci. (Cult.), Associate Professor

Email: tereschenko.elena@masu.edu.ru; ter_elena@inbox.ru

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The article discusses several social aspects of the colonization of Eastern Murman (everyday life, daily work, religious beliefs, schooling, leisure). The historiographic analysis made it possible to identify the specifics of the local (everyday) history of the Kola Peninsula colonization. In the works of A.P. Engelhardt, A.G. Slezskinsky, S.Yu. Witte, S.O. Makarov, V.I. Nemirovich-Danchenko, K.K. Sluchevsky, D.N. Ostrovsky, A.K. Engelmeyer, V.I. Manotskov, A.K. Sidensner, N.V. Romanov, "Materials on the statistical study of Murman" and other sources provide facts from personal and family biography, the circumstances of resettlement to the Murmansk coast, living conditions, home furnishings, especially the education and upbringing of children. The descriptions of the migrants' lifestyle recorded in the materials of expeditions and travel notes allow us to conclude that the colonists' socio-cultural adaptation in Eastern Murman, the creation of a human habitat, was primarily associated with the development of the institution of the family. In general, the history of colonization is a unique experience in the development of the Arctic — one of the most productive in world history, which is vital for understanding the Russian North's geography.

Keywords: Arctic, Kola North, Eastern Murman, colonization.

* Для цитирования: Терещенко Е.Ю. Восточный Мурман: социальные аспекты колонизации в материалах экспедиций и путевых заметок II половины XIX — начала XX вв. // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 261–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

For citation: Tereshchenko E.Yu. Eastern Murman: Social Aspects of Colonization in the Materials of Expeditions and Travel Notes of the 2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 261–276. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.261

Введение

Изучению опыта освоения арктических территорий всегда придавалось большое значение. Особое внимание привлекает Мурманский берег, где был реализован проект колонизации, в результате которого на данной территории основаны новые населённые пункты, где сегодня проживают более 300 тыс. человек.

До середины XIX в. на Мурмане постоянные поселения отсутствовали. В 1868 г. Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега» [1, Энгельгардт А.П., с. 90]. Уже в следующем году на эту территорию прибыли 46 семей, а по данным 1899 г. на Мурманском побережье было образовано 40 колоний, в которых насчитывалось 2 185 жителей [2, Статистические исследования Мурмана. Колонизация, с. 1, 3]. В колониях возводятся православные храмы, часовни, открываются школы, фактории, коммерческие предприятия, развивается морская торговля.

Глобальные проблемы освоения арктических территорий широко представлены в теоретической литературе и СМИ [3–8]. Колонизации Мурманского берега Баренцева моря, вопросам реализации государственной политики посвящены работы И.Ф. Ушакова, Е.А. Ореховой, Р.А. Давыдова, В.И. Коротаева. Локальная специфика освоения арктических территорий в области семейной истории, биографических исследований рассмотрена в трудах П.В. Федорова, И.А. Разумовой. Тем не менее, анализ образа жизни переселенцев с позиций истории повседневности требует более пристального внимания: именно в этот период впервые на Мурманском побережье появились постоянные поселения и зарождались новые способы жизнедеятельности в экстремальных условиях севера.

Методология

«История повседневности — отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [9, Пушкарёва Н.Л., с. 6].

Так называемый «историко-антропологический поворот» в осознании событий прошлого начинается во второй половине XX в., изменяя взгляд на социальную историю. Единая универсальная картина мира распадается на множество частных, не менее значимых, явлений. В социологии и истории формируются теории повседневности. М. Маффесоли с постмодернистской позиции вводит в сферу научного анализа будничные явления [10, Maffesoli M.], Н. Элиас показывает, что повседневность является неотъемлемой частью любой социальной группы, а исторический процесс — это взаимодействие разнообразных социальных практик (труда, воспитания, политики и так далее)¹, А. Лефевр рассматривает субъективные переживания как часть общих моделей действительности [11, Lefèbvre H.]. Французские историки М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель включают в круг исследовательских проблем различные

¹ Элиас Н. Понятие повседневного // О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19175716> (дата обращения: 10.08.2020).

повседневные явления (быт, жилище, одежду, моду, деньги и т.д.) и переходят от политической истории к изучению истории в контексте психологических, демографических и культурных факторов [12, Бродель Ф.].

Учёные доказали, что в истории повседневности скрыт особый смысл, система ценностей, культурный код. Это наглядно показал на примерах из русской культуры Ю.М. Лотман [13, Лотман Ю.М.]. В конце XX в. начинают выходить научные публикации под общим названием «Microstorie». Учёные (К. Гинзбург, Д. Леви и другие) полагали, что история частного, индивидуального связана с общей идентичностью и достойна пристального внимания исследователей. В отличие от краеведения и этнографии, в истории повседневности особое внимание уделяется аналитической части исследования, изменению системы ценностей и роли конкретных личностей, создающих общую картину мира.

В данной статье основной метод исследования — историографический анализ. Объектом анализа является локальная (повседневная) история Восточного Мурмана в период перехода от временных сезонных становищ к постоянным поселениям. Собранный комплекс нарративной информации в дальнейшем может быть использован для уточнения особенностей освоения арктических территорий.

Источниками историографического анализа будут являться очерки, путевые заметки, мемуары, составленные путешественниками, писателями В. Немировичем-Данченко, К. Случевским, Д. Островским, А. Энгельмейером, Е. Львовым. Здесь можно увидеть красочные описания повседневной жизни, труда, досуга, образования, а также краткие диалоги с местными жителями. В данных источниках представлена авторская оценка жизни переселенцев, образные отступления, внимание к частному. В материалах экспедиций С.О. Макарова, Н.М. Книповича даются краткие упоминания о колониях Мурманского берега. Особую группу источников составляют публикации чиновников, посетивших Кольский Север (министр финансов С.Ю. Витте, архангельский губернатор А.П. Энгельгардт), а также географические и социально-экономические описания Мурманского берега, составленные по заказу Императорского Русского географического общества, Императорского вольного экономического общества Петербургской Академии наук, Архангельского общества изучения Русского Севера, Санкт-Петербургского Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, Главного гидрографического управления морского министерства, Комитета для помощи поморам Русского Севера, губернских администраций. Описания губерний составлялись по конкретному плану, где, как правило, указывалась численность населения, виды хозяйственной деятельности, религия, образование («Мурман», А.Г. Слезкинского, «Материалы по статистическому исследованию Мурмана» под редакцией Н.В. Романова). Все перечисленные источники — уникальные свидетельства жизни переселенцев, написанные участниками экспедиций на основе достоверных данных и со слов колонистов, подтверждающие, что на месте сезонных поселений образовались постоянные, с определённым количеством домов, конкретными жителями и семьями.

Колонии Восточного Мурмана

Восточный Мурман — территория побережья Баренцева моря к востоку от Кольского залива вплоть до мыса Святой Нос. По переписи 1608 г., здесь отмечено 29 становищ. Самые значительные поселения в начале XVII в. были в Гаврилово и Териберке. Постоянные поселения появляются только во второй половине XIX в.

По материалам статистического исследования Восточного Мурмана и Кольской губы 1902 г., на этой территории было 25 населённых пунктов (становищ и колоний): Восточная Лица, Харловка, Золотая, Рында, Шельпины, Гаврилово, Голицыно, Териберка, Мало-Оленье, Зарубиха, Тюва-губа, Трящина, Щербиниха, Захребетная, Зеленцы, Средняя Губа, Ваенга, Грязная Губа, Рослякова Губа, Белокаменная, Красная Щель, Сайда-Губа, Водвора или Оленья Губа, колония при Торос-островах, остров Кильдин [14, Материалы по статистическому исследованию..., с. 1]. В отличие от распространённых по всей России сёл и посёлков, на Мурманском берегу основными типами поселений были становища и колонии — сезонные и постоянные промысловые поселения на морском побережье.

В данной статье внимание будет сосредоточено на десяти колониях Восточного берега (Восточная Лица, Харловка, Рында, Шельпины, Гаврилово, Голицыно, Териберка, Золотая, Зарубиха, Мало-Оленье) и колонии Кильдин (рис. 1.).

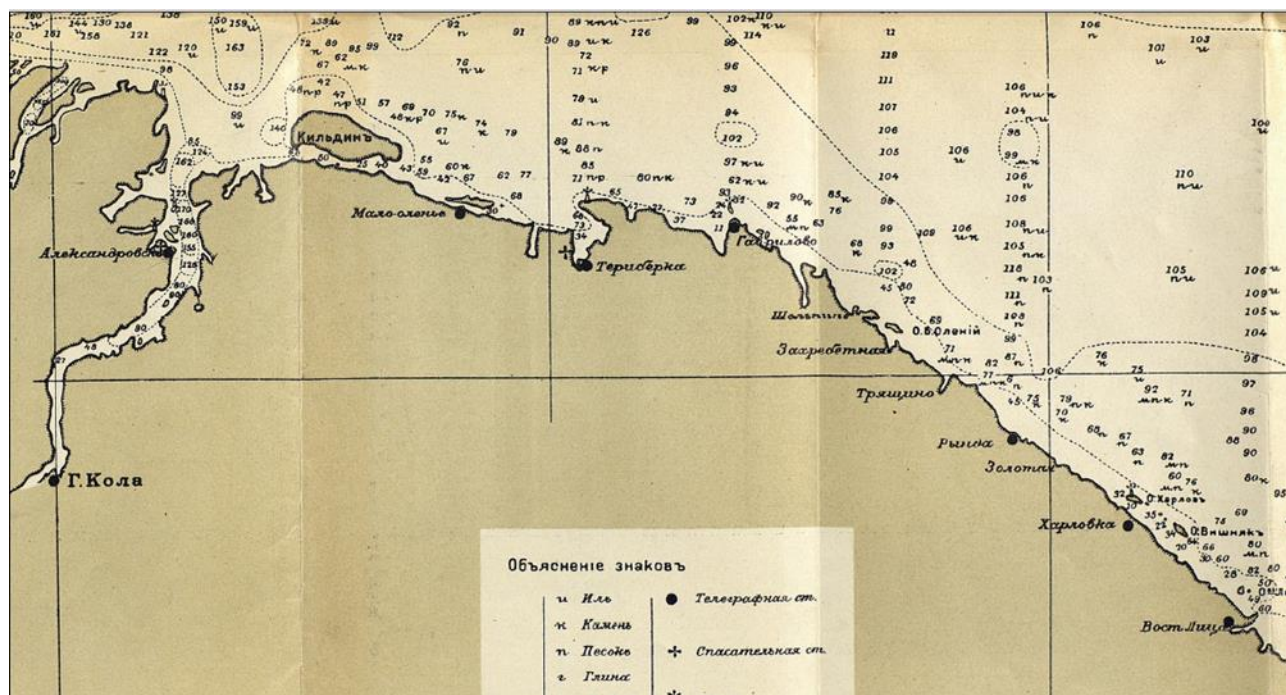

Рис. 1. Восточный Мурман. Фрагмент карты из книги Сиденснера А.К. «Описание Мурманского побережья» (Санкт-Петербург: Главное Гидрографическое Управление Морского Министерства, 1909).

Прежде чем сделать обзор колоний Восточного Мурмана, наметим ряд социальных аспектов, которые будем рассматривать. Это домашний быт, повседневный труд, религиозные верования, обучение в школе, досуг. Особое внимание будем обращать на указание конкретных фамилий и имён, родственные связи. В целом история повседневности включает в себя широкий круг феноменов, однако специфика данной местности в исследуемый пери-

од позволяет анализировать лишь те явления, которые зафиксированы в источниках. В частности, этнографические экспедиции по изучению русского населения здесь не проводились, так как колонизация имела временный характер. По этой же причине практически не фиксировалась внутренняя (стационарная) художественная культура (сказки, предания, прикладное искусство).

Из описаний мы узнаём время создания первых колоний. Важно, что указаны конкретные имена первых поселенцев: Василий Наумов, Дмитрий Дмитриев, Иван Петров, Илья Тарнах, Ефтюков, Иван Редькин, Дмитрий Семёнов, Еремей Бородкин, Иван Эриксон. Выбор места для поселения, как правило, зависел от мест промысла. Часто колонии образовывались недалеко от становищ, куда промышленники собирались каждую весну для ловли трески, палтуса, охоты на морского зверя. Как пишет П.В. Федоров, колонизация Мурмана была глубоко русским явлением, следствием традиции процесса освоения, который переходил время от времени на новые стадии — от сезонной формы к постоянному населению и от сельского к городскому образу жизни, «результатом внутреннего самобытного процесса, в ходе которого на Мурмане зарождались различные формы жизнедеятельности русского населения» [15, Федоров П.В., с. 42].

Приведём данные, указанные со слов колонистов из «Материалов по статистическому исследованию Мурмана» и книги Слезкинского А. Г. «Мурман». В ряде случаев они не совпадают (Лица, Шельпины) или уточняют друг друга (Рында). «От колонистов узнал, что колония Лица основана в 1880 г. Первым в ней поселился крестьянин Кемского уезда, дер. Кандалакши, Фома Редькин» [16, Слезкинский А.Г., с. 8]. «Первым колонистом, прожившим здесь зиму, был крестьянин из с. Кандалакши, Кемского уезда, Василий Наумов» [14, Материалы по стат. исслед., с. 4]; в Шельпино первым пришел в 1890 г. и «самовольно водворился финляндец Илья Тарнах; а в прошлом году поселился крестьянин Онежского уезда Ефтюков» [16, Слезкинский А.Г., с. 8], «первыми поселенцами колонии было семейство Даарнак: Вильгельм с женой, Марьей Ивановной» [14, Материалы по стат. исслед., с. 87]; колония Харловка образовалась в 1894 г., первым пришёл сюда крестьянин Кемского уезда из деревни Потьбозеро Дмитрий Дмитриев [16, Слезкинский А.Г., с. 13]. «Первым поселился в Рынде, в 1875 году, крестьянин Кемского уезда деревни Чернорецкой Иван Петров» [16, Слезкинский А.Г., с. 17]; «первыми колонистами были Иван Петров и Федор Липаев — ныне умершие. Позднее — Павел Лопинов и Корнильев» [14, Материалы по стат. исслед., с. 48]. «Гаврилово — это одна из старейших мурманских колоний — образовалось в 40-х годах; основателем её был крестьянин Кемского уезда, карел, Иван Редькин» [16, Слезкинский А.Г., с. 31]. Колония Кильдин основана в 1880 г. норвежцем Иваном Эриксоном. «С тех пор как поселился на Кильдине этот норвежец, никто не пожелал сюда переселиться; так-таки, он один и хозяйничает на Кильдине 15 лет, словно как владетельное лицо острова» [14, Слезкинский А.Г., с. 45]

И далее: колония Золотая возникла в 1898 г., когда поселился первый колонист, Алексей Васильевич Иванов-Аникеев, крестьянин Тунгудской волости, Кемского уезда деревни Машозера; второй колонист Матвеев поселился в августе того же года; Мало-Оленья, как колония, существует с 1898 года, первым поселенцем здесь был карел Луккоев из Ухтинской волости; Зарубихе первым постоянным жителем был крестьянин Нотозерского погоста Яков Федоров Абалаяев, который жил там до своей смерти в 1893 г.; первыми, изъявившими желание на переселение в Териберку, были крестьяне Ионьгамской волости Кемского уезда — Савин и Семенов [14, Материалы по стат. исслед., с. 30, 180, 192, 137].

Далее в истории заселения Восточного Мурмана сохранились имена поселенцев (жен, детей, братьев). Так, весной 1881 г. в Восточную Лицу приехал Фома Редькин с семьёй из семи человек. Василий и Иван потом поселились в Гаврилове, затем в Голицыно. Затем в Лице поселился Федор Немчинов из Кандалакши с семьей, Федор Семенов из Поньгамы, Сергей Жидких из Кандалакши. В источниках также описываются отдельные события из семейной истории. Так судьба семьи Луккоева из Мало-Оленья сложилась очень драматично: глава семьи умер, оставив жену с двумя детьми. Она ушла зимовать в Колу, затем в Вардё. Вернулась вдова Луккоева в Мало-Оленья с новым мужем Еремеем Бородкиным и двумя его детьми. Жена Арсения Симакова не смогла пережить первой зимы и умерла от цинги, оставив четверых детей, а он сам перебрался в Териберку. Степан Лопинцев из Зарубихи ждал обещанного пособия десять лет, затем переписался в кольские мещане [14, Материалы по стат. исслед., с. 5, 6, 180, 181, 193]. Восстановление семейно-родственных структур — важная научная задача, решение которой позволит персонифицировать историю и требует дальнейшего изучения.

В исследованиях Восточного Мурмана можно найти имена, место рождения, количество детей и отдельные эпизоды из жизни колонистов Ананьина, Стрелкова из Харловки, П.М. Иванова и Ан.Ст. Евстигнеева из Шельпины, Степана Лопинцева, Андрея Полежаева, Пономарёва, Медникова из Зарубихи, Демьяна Харчева. Эти данные дополняют и уточняют статистику. В частности, мещанин Кононов, приписавшийся в териберские колонисты 1870 г., «известен во всем поморье своими познаниями и опытносью в шкиперском деле, которые он приобрел частью в одном из местных шкиперских училищ, а части во время неоднократных шкиперских путешествий в Англию, Испанию, к берегам Средиземного моря» [17, Поленов А.Д., с. 24]. Фамилии колонистов зафиксированы также в «Анкетном обследовании мурманских рыбных промыслов», проведенном поморским отделом Архангельского общества изучения Русского Севера и опубликованном в 1913 г. Здесь можно познакомиться с ответами колонистов Колышнева М.Г. из Рынды, Королькова И.С. из Гаврилова, Пакулина А.И. из Териберки и других [18, Анкетное обследование, с. 12].

В работах писателей, побывавших на Мурмане, сохранилось немало упоминаний о внешнем виде и характере колонистов. К. Случевский в книге «По Северу России», характеризуя облик жителей Мурмана, описывает «их сермяжные одежды, их темные различней-

ших покровов шапки, сапоги, лапти, босые ноги» [19, Случевский К.К., с. 294]; Вас. И. Немирович-Данченко в книге «Страна холода» характеризует промысловиков как «выносливое и красивое племя, смелое, умное и предприимчивое» [20, Немирович-Данченко Вас. И., с. 95]. Отдельные эпизоды о жителях крайнего севера можно найти в книгах М. Пришвина и воспоминаниях К. Коровина. Краткая характеристика приведена в известной книге Е. Львова «По студёному морю: поездка на Север», где описывается экспедиция министра финансов С.Ю. Витте летом 1894 г. для строительства незамерзающего порта. «В Териберке начинает оседать чисто русская колония, и уже несколько десятков семей поселилось здесь прочно...». Министра финансов встретили около 800 человек, жители становища и колонии «все коренастые молодцы с окладистыми бородами, с серыми, умными и энергичными глазами... Вели себя с каким-то вселяющим уважение спокойным природным достоинством» [21, Львов-Кочетов Е.Л., с. 113].

Образ жизни колонистов, повседневные занятия, домашний быт

Поселенцы испытывали массу сложностей: отсутствие тёплого жилья, дров, строевого леса, не говоря уже об отсутствии связи, школы, церкви. Также большой проблемой было получить полагавшиеся ссуды и разрешение на поселение.

Говоря о трудностях колонизации, многие авторы выражают надежду на развитие этого процесса. С.О. Макаров в книге «Ермак во льдах» пишет: «Правительство делает всё, чтобы оживить Мурманский берег; еженедельно приходит пароход, держащий сообщение от Архангельска до Вардё, и во многих пунктах есть телеграфные станции [22, Макаров С.О., с. 58]. А в докладе Императорскому Вольному Экономическому Обществу в 1867 г. о способах колонизации Мурманского берега В.Л. Долинский уточняет: «Наклонность русских и даже сильная охота у них к переселениям и вообще к передвижениям, весьма хорошо известны каждому из нас, как из истории, так и из современного хода событий» [23, Беседы о Севере России, с. 239]. Писатель и публицист А. Энгельмейер отмечает, что «Мурман — это великая страна будущего, это целая область неисчерпаемых богатств и незамерзающих гаваней. Это необъятная почва для русской колонизации» [24, Энгельмейер А.К., с. 69].

В то же время встречаются резко отрицательные характеристики «Ещё большей жизненной несообразностью является колонизация этого побережья»; «В действительности, эти льготы оказались очень небольшими, по крайней мере для русских колонистов» [25, Маноцков В.И., с. 144, 150]. «Вообще следует сказать, что все льготы, дарованные русским колонистам Положением 1868 года, оказывались недостаточными в сравнении с теми препятствиями и хлопотливыми формальностями, которые приходилось преодолевать при получении права на переселение» [26, Сиденснер А.К., с. 18]. Многие исследователи указывают, что правительственные меры колонизации должны учитывать местные условия. «Заботы о водворении вовсе не ограничиваются выдачей колонисту пособия или постройкой ему хорошей избы», нужно «чтобы эти избы находились среди местности, удобной для жизни, для

устройства хозяйства», — сказано в докладе Н.А. Шаврова на заседании Санкт-Петербургского Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству [27, Шавров Н.А., с. 70].

Суровые условия жизни колонистов подтверждены в источниках конкретными примерами. В частности, в колонии Золотая дом колонистки вдовы Матвеевой представлял из себя сколоченный из досок небольшой сарай, приспособленный для жилья в летнее время. Зимой Матвеевы жили в стане одного промышленника. По словам колониста Аникеева-Иванова, стоимость постройки дома, несмотря на его незначительность, очень велика: «Нет рабочих рук, работаешь все сам и вместо промысла сидишь у избы». В Териберке первые годы были очень тяжёлые для переселенцев; «дома все распродали и обнищали из-за голода, на новом месте получили всего 150 рублей и то в три раза. Не было ни дома, ни скота. Муж (Савин) промышлял на море, дети были малые. Тяжело было и безлюдье зимой: ни церкви, ни людей». В Мало-Оленье первый год зима была снежная: «Из дверей домика приходилось подниматься по снежной лестнице в 1 сажень вышиной; окна также надо было отрывать после каждой метели. Однажды, путешествуя со всем семейством в Териберку за оленями, заблудились в метель, 3 дня и 3 ночи спасались в снежной яме под окуткой (под одеждой) и едва не погибли от холода. Когда вернулись домой, то едва нашли свою избу: её совсем занесло снегом» [14, Материалы по стат. исслед., с. 81, 82, 137, 180]. Но их неустроенный быт компенсировался твёрдостью духа и желанием жить и трудиться на этой земле.

Основная хозяйственная деятельность во всех колониях — рыбные промыслы. Практически все источники рассматривают данный вопрос. Семьи на Мурмане постепенно обжились, находили прибыльные занятия. Ловили треску, пикшу, палтуса, зубатку, камбалу. Основной промысел (тресковый) начинался в марте и заканчивался в начале октября. Осенью колонисты вязали сетки, занимались ремонтом жилищ, рубкой дров. Женщины летом были заняты домашним хозяйством, собирали ягель. «Занимаются женщины, главным образом, печением хлеба, и отчасти (большей частью наряду с хлебопечением) отвивкой тюков и стиркой белья [28, Романов Н.В., с. 14]. В Восточной Лице уже через два года семья Редькина переехала в новый дом. «Средства к жизни получает от звериного промысла, ...ловит сёмгу», Вильгельм Даарнак из Шельпино: «Средства к существованию были: летом ловля рыбы, зимою — караул фактории Савина. Весной промышляли зверя пополам с Савиным на его сетях. Жена его... поддерживает своё существование промыслом рыбы на уд и продажей молока летом, сдачей в аренду амбаров промышленникам, продажей шерсти с овец и оленей на мясо» [14, с. 6, 87].

У каждой семьи свои обстоятельства поселения на Мурманском берегу. В основном это нужда и желание свободной промысловой деятельности. Первые колонисты говорили: «От хорошей жизни сюда не пойдёшь», «Ели кору, люди пухли и умирали», «Шли поневоле, как в ссылку», но затем сюда приходят «из кабалы», в надежде на лучшую жизнь [29, Предварительный отчёт, с. 1]. Д. Дмитриева «из дома Кемского уезда погнала нужда: сгорел у не-

го дом, потом пала скотина. Харловку выбрал потому, что живал здесь по летам и раньше, имел знакомых промышленников, мог рассчитывать на их помощь». В Колонию Золотую «по словам Аникеева, его заставила переселиться нужда: большая семья, а земли для обработки мало, да и та плоха; плохи покосы. Ежегодно ездил на Мурман, тратил на дорогу рублей 20. Думал: переселюсь — не будет провозу». В Мало-Оленьи сын псаломщика из Ворзогор «раньше жил “чужой работой”, побывал, между прочим, в Петербурге!» В Зарубихе «крестьянин Пономарев из Колежмы, Кемского уезда ходил на промысел из покрута, семья велика, содержать было нечем, потому и решился “писаться”» [14, с. 20, 31, 181, 193].

Интерес представляют описания домов колонистов и общее впечатление учёных и путешественников от колоний. С одной стороны, участники экспедиций говорят о суровом климате, с другой — об основательности построек и обеспеченности жителей. Вот как описывает одну из колоний А. Слезкинский: «Против устья р. Харловки расположены колония и становище Харловка. Кругом высокие скалистые берега, лишённые всякой флоры, смотрят как-то таинственно, страшно. У подножия этих мрачных гигантов виднеются избы — там живут люди и за них становится крайне жутко; невольно думается, как они живут здесь, бок-о-бок с постоянно бушующим Ледовитым океаном?» [16, Слезкинский А., с. 12].

Многие колонисты начинали жить в сараях и землянках. Землянка строилась следующим образом: остов делали из ряда вбитых в землю тонких бревен-стоек; все это обкладывалось широкими кусками дерна, положенными горизонтально один на другой, так что слой земли достигает толщины 0,7 метра. Промежутки между стойками обшивались досками, но чаще между стойками оставалась земля. Потолка часто не было. Вместо него — только переплет из горизонтальных бревен, между которыми видна крыша, поддерживаются они переплетом из жердей. Крыша четырёхскатная, снаружи обложена дерном. «В землянке всегда пахнет землей. Но главное неудобство землянки — сырость; в старых землянках сырости меньше, в новых же, в которых дерн еще не просох, бывает очень сыро, а так как землянку часто приходится исправлять, заменяя старые куски дерна новыми, то сырость в землянках не переводится» [2, с. 116].

Но уже через несколько лет исследователи отмечали, что избы у колонистов новые, живут вообще зажиточно. В Восточной Лице «избы исключительно деревянные, прочные, уютные»; поселение Рында «выглядит порядочным, а некоторые избы даже свидетельствуют о зажиточности хозяев»; в Гаврилово «материально колонисты обеспечены. Дома у них прочные, хорошие, недостатка в жизненных припасах не имеют», в Галицыно «дома в колонии порядочные; живут колонисты без нужды — хватает и хлеба, и рыбы, и леса»; в Териберке «в общем, избы колонистов хорошие. Их безбедная жизнь привлекает немало переселенцев» [16, Слезкинский А., с. 11, 17, 32, 37, 42]. В колонии Кильдин «дом норвежского колониста Ивана Эриксона — образец мурманских построек. Дом деревянный, двухэтажный, с крыльцом, балконом и флагштоком, без фундамента, крытый дёрном. Дом теплый,

семейство большое, рослое, здоровое, приветливое. Живут зажиточно и чисто» [30, Островский Д.Н., с. 99].

«Типичный дом колониста 3–4 саж. в одну и другую стороны и 3–4 арш. вышины. Как правило, сначала ставилась маленькая избушка без сеней и надворных построек, к ней, потом, пристраивались сени; за ними новая, столь же маленькая или побольше избушка, хлев и прочие хозяйственные постройки. В Рынде у всех колонистов были маленькие деревянные, одноэтажные домики. Всего один дом имел по фасаду четыре окна, остальные по три и по два. У одного колониста домик обложен для тепла дерном. Часть домов снаружи обшита тесом. Один дом от другого построены на значительном расстоянии. На улице летом чисто и сухо. Промысловых станов около колоний мало. В Шельпино резко отличается от других дом колонистки Даарнак. Это типичный дом финляндца-колониста среднего достатка. Снаружи это длинное четырехугольное здание, в котором под одной крышей находятся и жилое помещение и проч. В Териберке дома колонистов и становщиков небольшие, одноэтажные, в три окна по фасаду, редко более. Иногда обшиты тесом. У колонистов, имеющих скот, под одну крышу с домом строятся и помещения для скота. Амбары часто при домах, часто отдельно, как и у становщиков. У всех отдельно устроены поварни» [14, с. 111, 50, 89].

Исследователи оставили нам описание внутреннего пространства дома колонистов. Типичный большой дом имеет две, иногда три комнаты помимо кухни. Вход в комнаты часто через кухню. В Рынде внутри домов стены или выкрашены, или оклеены обоями. «В общем внутренняя обстановка напоминает у одних — крестьянскую избу с длинными скамейками по стенам, некрашеным столом в переднем углу; у других — обстановку бедной мещанской комнатки в захолустном городке: деревянные, грубой работы стулья все-таки окрашены, как столы и стены. Крашенных полов нет». В Шельпино у колонистки Даарнак средину здания занимают сени, по одну сторону их — две комнаты для жилья, по другую — хозяйственные постройки. Первая от входа комната — кухня, она же столовая. Освещается она двумя окнами. «Здесь есть большая русская печь, которую топят ежедневно зимой и для печения хлеба и проч. Кроме неё камин, который топят ежедневно для тепла, варки пищи, кофе. Следующая за ней комната служит спальней и гостиной — это „чистая половина“. Освещается одним окном». В Териберке домики колонистов обыкновенно разделены перегородками на две половины. «Обстановка у состоятельных колонистов напоминает несколько городскую: стулья, скатерти. Но, как общее правило, в старых домах встречаешь лавки вдоль стен. Кровати далеко не у всех. В одной комнате вповалку спят все члены семьи» [14, с. 50, 89, 140].

Религиозные традиции, обучение в школе, досуг

Жители Восточного Мурмана практически все русские, православные, исключая Кильдин. Недаром этот берег именовался «русским». Православное колонистское население Восточного Мурмана было сосредоточено в приходах Ловозерском, Гавриловском, Териберском. Важным источником изучения социальной истории Восточного Мурмана явля-

ются метрические книги², содержащие официальные записи актов рождения, бракосочетания и смерти.

К Ловозерскому приходу относились колонии Рында, Золотая, Харловка и Восточная Лица. Весь приход растянулся не менее как на 300 вёрст. На это огромное пространство — один священник и один псаломщик. Церкви были в Рынде и Харловке, в Восточной Лице — часовня. Гавриловский приход включал в себя колонии Гаврилово, Голицыно, Шельпины, Захребетную и становище Трящину. В Гаврилово — церковь и часовня; в Шельпино — часовня. Церковь в Гаврилово построена в 1895 г., тогда же открыт и приход. Обе часовни очень старые (в Гаврилово основана в 1797 г., в Шельпино существует более 200 лет). Териберский приход образован в 1886 г., в него входят Териберка, Мало-Оленье и Зарубиха. Зимой сообщение затрудняется «непогодами, бездорожицей, отсутствием станций и подвод» [2, Статистические исследования Мурмана. Колонизация, с. 76].

В Рынде колонисты все русские, православные, переселились из Кемского уезда. В колонии сооружена маленькая церковь, где местным священником совершается церковная служба. «Храм посещается молящимися усердно, особенно зимою, когда колонисты менее заняты промыслами», в Харловке «колонисты из карел, православные, имеют церковь, которая скорее построена не для них, а для пришлых поморов». И колонисты, и особенно промышленники большей частью староверы, но строгой приверженности к своим обрядам нет. В церковь больше ходят колонисты, промышленники мало. На исповедь ходят не все; отчасти из-за того, что зимой священник не может приехать в колонию, а летом все заняты промыслом. В колонии Кильдин «все колонисты русские подданные, из норвежцев, говорят исключительно по норвежски, никаких отношений с русскими колонистами не имеют, а дела ведут в Норвегии» [16, Слезкинский А., с. 13, 19, 45].

Начальное образование в поселениях Восточного Мурмана получали дети в Териберке, Гаврилово. В Восточной Лице, Харловке, Голицыно жители в основном не умели писать, школы для детей отсутствовали, в Рынде были грамотные жители, но обучение детей не проводилось. На Восточном Мурмане всех грамотных насчитано 78 мужчин и 24 женщины, 18 мальчиков и 3 девочки. Наиболее грамотными среди колонистов являются недавно переселившиеся, успевшие научиться на месте своего прежнего жительства. Их дети, родившиеся на Мурмане, в большинстве случаев остаются вовсе неграмотными, несмотря на относительную зажиточность [2, с. 19].

В Восточной Лице «колонисты все почти неграмотные; да и заносить сюда грамоту некому; не заносят её даже и нижние чины, потому что колонисты освобождены от военной службы»; в Харловке «из взрослых грамоты никто не знает, — да очень трудно себе представить, чтоб она проникла и к детям их», в Рынде «есть кой-кто из грамотных, но выучились не в колонии, а на родине и передавать грамоту новому поколению не могут, так что последнее

² ГАМО «Коллекция метрических книг приходов и церквей Александровского уезда Архангельской епархии» (1783–1920 гг.) И-136

растет безграмотным»; в Гаврилово «при церкви имеется школа грамоты, в которой учится 6 мальчиков. Это доброе дело ведут священник и дьячок бесплатно, а учебные пособия покупаются насчет родителей»; в Голицыно «некоторые колонисты знают грамоту и именно те, которые переселились туда из Гаврилово, — но молодое поколение растет безграмотным» [16, Слезкинский А., с. 10, 14, 19, 32, 37].

В Териберке в школе грамоты «обучаются исключительно дети местных колонистов. Обучают: Закону Божию местный священник, по остальным предметам — псаломщик. Священник имеет домашнее образование, а псаломщик уволен из 1 класса духовной семинарии. Учащихся в школе было: в 1898/99 — 10 мальчиков. Курс— два года. Учебное время — с начала октября до начала апреля. Школа, по словам священника, ни в чем не нуждается. Но местные колонисты жаловались, что обучение в школе ведется очень неаккуратно: „непутёвое обучение ": день поучат, да два нет. Да и учат-то по малу: ребята соберутся и бегают около часу перед школой; их потом собирают в школу и учат около часу, а потом отпускают домой обедать. После обеда новая беготня и опять занятий не более часу, а потом и домой. Испытание двух учеников, Неронина, обучавшегося два года, и Синякова, обучавшегося 3 года, дало такие результаты: первый читал по складам; не особенно быстро читал и Синяков. Оба считают слабо. Молитв знают мало [14, Материалы по стат. исслед., с. 144].

В свободное время (поздней осенью и зимой) молодёжь вечерами собирается на посиделки и для веселья. С этой целью обыкновенно арендуют избу у какого-либо из не живущих здесь по зимам колонистов. В «Приложении к описанию колонии Гаврилово» описано как колонисты провели зиму 1899–1900 гг.: «Семейство (7 человек) зимой занимает 2 маленькие комнаты. Кроме самых необходимых, как: приготовление пищи, починка одежды, заготовка дров и пр., никаких занятий у вдовы и детей нет» [14, Материалы по стат. исслед., с. 127].

Праздничная культура — противоположность повседневной, однако все элементы праздника (праздничная одежда, еда, ритуалы, песни) в колониях практически не отличаются от будней. Под праздник на промысел не ездят. Летом по праздникам собираются поиграть в орлянку. В Рынде в праздники редко ездят на море, хотя под вечер и ловят наживку. «Ловили даже и днём на Преображение, в свой престольный праздник. Объясняется это отчасти тем, что среди промышленников много старообрядцев, отчасти тем, что здесь мало наживки. Пьянства не особенно много. Отчасти оно не бьёт в глаза и потому, что мало людей, что они разведены на значительном пространстве». «Зимою — хлеб черный; белый по праздникам». В Териберке праздники считаются днями отдыха. «На промысел не выезжают, если только праздник не застал на море. Развлечений летом нет никаких. К вечеру в праздничный день уже начинают работать— ловят наживку, наживляют яруса. Вообще говоря, население скромно и сдержанно — даже промышленники. Девять человек статистиков работали в праздничный день (вели опросы) и ни один не может пожаловаться на грубость даже со стороны пьяных» [14, с. 51, 112, 140, 141].

Таким образом, описания жизни переселенцев (повседневных занятий, обстановки дома, обстоятельств попадания в данную местность, религиозных традиций, обучения в школе, досуга), сохранившиеся в материалах экспедиций и путевых заметок позволяют увидеть важную роль отдельной личности и семьи в процессах адаптации к экстремальным условиям севера. Истории из жизни колонистов придают эмоциональную окраску происходящим событиям и формируют чувство сопричастности и ментального присвоения территории. Процесс образования колоний (строительство домов с прилегающими хозяйственными постройкам, повседневные занятия) — это уникальный опыт освоения арктических территорий. В целом реконструкция типичного помогает определить мотивацию конкретного человека и его семьи к жизни на севере, эволюцию системы ценностей и возможные сценарии будущего.

Заключение

Описанный в статье феномен зарождения культурной локализации на новом месте не смог сформироваться: проект колонизации в советский период реализовывался уже в другом формате. Тем важнее исследование проблем и итогов данного проекта, а также новых научных исследований и дискуссий на основе прочтения первоисточников. Формирование региональной целостности Восточного Мурмана происходило постепенно, вслед за заселением выходцами из разных областей. Новая территория присваивалась не только официально (путём начисления льгот) или символически (строительством церквей), но и в сознании самих переселенцев. Анализ корпуса научных текстов и материалов экспедиций даёт возможность проанализировать воспоминания очевидцев о специфике адаптации, семейной истории, событиях и окружающем пространстве в исследуемый период, а сбор данных о конкретных людях, упоминавшихся в источниках, является подготовительным этапом для масштабного изучения демографии и семейно-родственных структур Мурманского берега.

Благодарности и финансирование

Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 20-09-00008 «Русская Арктика: от становищ к "колониям" (адаптация, семья, культура)»

Литература

1. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки. Санкт-Петербург: Издательство А.С. Суворина, 1897. 258 с.
2. Статистические исследования Мурмана. Колонизация (по материалам 1899, 1900 и 1902 гг.) / Ком. для помощи поморам Рус. Севера. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1904. 291 с.
3. Авдони́на Н.С., Долгобородова С.О. Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times») // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178

4. Авдони́на Н.С., Водя́нникова О.И., Жу́кова А.А. Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 159–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159
5. Бхагват Д. Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 73–90. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
6. Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
7. Хайнинен Л. Обзор арктической политики и стратегий // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
8. Хейнинен Л. Арктика как пространство для междисциплинарности, устойчивого развития и мира // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 81–87. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.81
9. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
10. Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements) // Current Sociology. 1989. Vol. 37. № 1. Pp. 1–16.
11. Lefèbvre H. Everyday Life in the Modern World. L. Harper & Row, 1971. 210 p.
12. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. В 3-х т. Москва, 1986. Т. 1. 621 с.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство, 1994. 481 с.
14. Материалы по статистическому исследованию Мурмана. В 4 томах. Т. 2. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. Под ред. Н.В. Романова. 1902. XIX, 273 с.
15. Федоров П.В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск, МГГУ, 2014. 175 с.
16. Слезский А.Г. Мурман. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1897. 219 с.
17. Поленов А.Д. Отчёт по командировке на Мурманский берег. Санкт-Петербург, 1876. 56 с.
18. Анкетное обследование мурманских рыбных промыслов / Поморский отдел Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, Губернская типография, 1913. 18 с.
19. Случевский К.К. По Северо-Западу России. В 2 томах. Том 1. По Северу России. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1897. 456 с.
20. Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышенное. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1877. 260 с.
21. Львов-Кочетов Е.Л. По Студеному морю: поездка на Север: Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Нордкап, Тронхейм, Стокгольм, Петербург; с рисунками с натуры, исполненными художниками К.А. Коровиным и В.А. Серовым; дополнено в 2019 году работами художника А.А. Борисова и фотографа Я.И. Лейцингера. Мурманск: ИП Данилова Т.Н., 2019. 251 с.
22. Макаров С.О. «Ермак» во льдах. Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова, 1901. 508 с.
23. Беседы о Севере России в 3 отделении Императорского Вольного Экономического Общества: сборник докладов: В.Л. Долинский, В.Н. Латкин, М.К. Сидоров. Императ. Вольн. Экон. О-во; под пред. О.С. Лашкарева. Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1867. 461 с.
24. Энгельмейер А.К. По русскому и скандинавскому северу. Путевые воспоминания: в 4 частях. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 210 с.
25. Маноцков В.И. Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. Архангельск: Типолитография С.М. Павлова, 1897. 193 с.
26. Сиденснер А.К. Описание Мурманского побережья. Санкт-Петербург: Главное Гидрографическое Управление Морского Министерства, 1909. 272 с.
27. Шавров Н.А. Колонизация, ее современное положение и меры для русского заселения Мурмана. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1898. 98 с.
28. Романов Н.В. Организация и программа статистических работ на Мурмане в 1902 году. Архангельск, 1902. 22 с.

29. Предварительный отчёт по исследованию колонизации и промыслов Мурманского берега отрядом статистиков, командированных на средства Комитета для помощи Русского Севера. Санкт-Петербург: Типография И. Гольдберга, 1900. 57 с.
30. Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России: Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора. Санкт-Петербург: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. 146 с.

References

1. Engel'gardt A.P. *Russkiy Sever: putevye zapiski* [Russian North: Travel Notes]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo A.S. Suvorina, 1897, 258 p. (In Russ.)
2. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. Kolonizatsiya (po materialam 1899, 1900 i 1902 gg.)* [Statistical Studies of Murman. Colonization (Based on Materials from 1899, 1900 and 1902)]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1904, 291 p.
3. Avdonina N.S., Dolgoborodova S.O. Osveshchenie geopoliticheskoy problematiki v kontekste temy osvoiniya Arktiki v amerikanskom mediadiskurse (na primere materialov gazety «The New York Times») [Covering Geopolitical Problems in the Context of the Arctic Exploration in the American Media Discourse (Based on The New York Times Content Analysis)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 178–191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178.
4. Avdonina N.S., Vodyannikova O.I., Zhukova A.A. Osveshchenie problem Arkticheskogo regiona v sovremennoy mezhdunarodnoy zhurnalistike: primery i osobennosti [The Problems of the Arctic Region in Modern International Journalism: Examples and Features]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 134–138. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159
5. Bhagwat J. Rossiya i Indiya v Arktike: neobkhodimost' bol'shey sinergii [Russia and India in the Arctic: A case for greater synergy]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 73–90. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.73
6. Korchak E.A. Dolgosrochnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva arkticheskikh territoriy Rossii [The Arctic Territories of Russia: Long-Term Dynamics of the Social Space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
7. Heininen L. Obzor arkticheskoy politiki i strategiy [Overview of Arctic Policies and Strategies]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
8. Heininen L. The Arctic Region as a Space for Trans-disciplinary, Resilience and Peace. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 69–73. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.81.
9. Pushkareva N.L., Lyubichankovskiy S.V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossiyskoy filosofskoy shkole [“Everyday Life History” in Modern Historical Research: from School of the Annals to the Russian Philosophical School]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 7–21.
10. Maffesoli M. The Sociology of Everyday Life (Epistemological Elements). *Current Sociology*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 1–16.
11. Lefèbvre H. *Everyday Life in the Modern World*. L. Harper & Row, 1971, 210 p.
12. Brodel' F. Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Structures of Everyday Life: Possible and Impossible]. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV — XVIII vv. V 3-kh t.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 18th Centuries]. Moscow, 1986, vol. 1, 621 p. (In Russ.)
13. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th - Early 19th Century)]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1994, 481 p. (In Russ.)
14. Romanov N.V., ed. *Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. V 4 tomakh. T. 2. Vyp. 1. Opisanie koloniy Vostochnogo berega i Kol'skoy guby* [Materials on Statistical Research of Murman. In 4 Vol. Vol. 2. Iss. 1. Description of the Colonies of the East Coast and the Kola Bay]. 1902, XIX, 273 p. (In Russ.)
15. Fedorov P.V. *Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika* [Cultural Landscapes of the Kola North: Structure and Historical Dynamics]. Murmansk, MSHU Publ., 2014, 175 p.

16. Slezskinskiy A.G. *Murman* [Murman]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1897, 219 p. (In Russ.)
17. Polenov A.D. *Otchet po komandirovke na Murmanskiiy bereg* [Report on a Business Trip to the Murmansk Coast]. Saint Petersburg, 1876, 56 p.
18. Anketnoe obsledovanie murmanskikh rybnnykh promyslov [Questionnaire Survey of Murmansk Fisheries]. Arkhangelsk, Gubernskaya tipografiya, 1913, 18 p.
19. Sluchevskiy K.K. *Po Severo-Zapadu Rossii. T. 1: Po Severu Rossii* [In the North-West of Russia. Vol. 1: In the North of Russia]. Saint Petersburg, Izdanie A. F. Marksa, 1897, 456 p. (In Russ.)
20. Nemirovich-Danchenko V.I. *Strana kholoda: vidnoe i slyshennoe* [The Land of Cold: Seen and Heard]. Saint Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa, 1877, 260 p. (In Russ.)
21. L'vov-Kochetov E.L. *Po Studenomomu moryu: poezdka na Sever: Yaroslavl', Vologda, Arkhangel'sk, Murman, Nordkap, Tronkheym, Stokgol'm, Peterburg; s risunkami s natury, ispolnennymi khudozhnikami K.A. Korovinym i V.A. Serovym; dopolneno v 2019 godu rabotami khudozhnika A.A. Borisova i fotografa Ya.I. Leytsingera* [On the Cold Sea: a Trip to the North: Yaroslavl, Vologda, Arkhangelsk, Murman, North Cape, Trondheim, Stockholm, Petersburg; with Drawings from Nature, Performed by Artists K.A. Korovin and V.A. Serov; Supplemented in 2019 by the Works of the Artist A.A. Borisov and Photographer Ya.I. Leuzinger]. Murmansk, Danilova T.N. Publ., 2019, 251 p.
22. Makarov S.O. «*Ermak*» vo l'dakh [“Ermak” in the Ice]. Saint Petersburg, Tipografiya E. Evdokimova, 1901, 508 p. (In Russ.)
23. Lashkarev O.S. *Besedy o Severe Rossii v 3 otdelenii Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva* [Conversations about the North of Russia in the 3rd Branch of the Imperial Free Economic Society]. Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1867, 461 p. (In Russ.)
24. Engelmeier A.K. *Po russkomu i skandinavskomu severu. Putevye vospominaniya* [Through the Russian and Scandinavian North. Travel Memories]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya, 1902, 210 p. (In Russ.)
25. Manotskov V.I. *Ocherki zhizni na Kraynem Severe. Murman* [Sketches of Life in the Far North. Murman]. Arkhangelsk, Tipolitografiya S.M. Pavlova, 1897, 193 p. (In Russ.)
26. Sidensner A.K. *Opisanie Murmanskogo poberezh'ya* [Description of the Murmansk Coast]. Saint Petersburg, Glavnoe Gidrograficheskoe Upravlenie Morskogo Ministerstva, 1909, 272p. (In Russ.)
27. Shavrov N.A. *Kolonizatsiya, ee sovremennoe polozhenie i mery dlya russkogo zaseleniya Murmana* [Colonization, its Current Situation and Measures for the Russian Settlement of Murman]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1898, 98 p. (In Russ.)
28. Romanov N.V. *Organizatsiya i programma statisticheskikh rabot na Murmane v 1902 godu* [Organization and Program of Statistical Work on Murman in 1902]. Arkhangelsk, 1902, 22p. (In Russ.)
29. *Predvaritel'nyy otchet po issledovaniyu kolonizatsii i promyslov Murmanskogo berega otryadom statistikov, komandirovannykh na sredstva Komiteta dlya pomoshchi Russkogo Severa* [Preliminary Report on the Study of Colonization and Fisheries of the Murmansk Coast by a Detachment of Statisticians Sent on a Mission to the Committee to Help the Russian North]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Gol'dberga, 1900, 57 p.
30. Ostrovskiy D.N. *Putevoditel' po Severu Rossii: (Arkhangel'sk. Beloe more. Solovetskiy monastyr'. Murmanskiiy bereg. Novaya zemlya. Pechora)* [Guide to the North of Russia: (Arkhangelsk. White Sea. Solovetsky Monastery. Murmansk Coast. New Land. Pechora)]. Saint Petersburg, Izdanie Tovarishchestva Arkhangel'sko-Murmanskogo parokhodstva, 1898, 146 p. (In Russ.)

Статья принята 20.08.2020.

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор искусств, научный сотрудник отделения Крайнего Севера, Норвежский институт по изучению культурного наследия.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор социальных наук, заслуженный профессор Лапландского университета (Финляндия), приглашенный профессор САФУ имени М.В. Ломоносова, редактор «Арктического ежегодника».
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор кафедры географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, доцент кафедры политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), доктор географических наук, доцент кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, доктор исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем, эксперт Российской академии наук. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, научный руководитель Института географии РАН. Почётный президент Русского географического общества. Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удо-

- стоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала "Арктика и Север", ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
 18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, советник председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН», научный руководитель Института проблем промышленной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.
 19. Пилясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга». Председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. Заместитель председателя секции по экономике Совета по Арктике и Антарктике Совета Федерации. Член Президиума Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы.
 20. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
 21. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, внешний совместитель кафедры мировой политики МГИМО МИД РФ.
 22. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
 23. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года,

07 мая 2020 года.

Веб-версия доступна по ссылке: <http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Благодарности Acknowledgments

Редакция сетевого научного журнала «Арктика и Север» выражает благодарность ученым, коллегам, консультантам, внесшим значительный вклад в развитие журнала в 2020 году:

1. Григорьев Михаил Николаевич, ООО «Гекон», научный совет при Совете Безопасности
2. Гудев Павел Андреевич, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
3. Гуртов Валерий Алексеевич, Петрозаводский государственный университет
4. Дрегало Александр Алексеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
5. Журавель Валерий Петрович, Институт Европы РАН
6. Зайков Константин Сергеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
7. Каторин Игорь Вячеславович, администрация губернатора Архангельской области
8. Кефели Игорь Федорович, Центр геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
9. Кондратов Николай Александрович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
10. Котляков Владимир Михайлович, Институт географии РАН
11. Лукин Юрий Федорович, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
12. Маслобоев Владимир Алексеевич, Институт проблем промышленной экологии Севера ФИЦ КНЦ РАН
13. Пашков Александр Михайлович, Петрозаводский государственный университет
14. Петров Андрей Николаевич, Центр междисциплинарных исследований Арктики, отдаленных и холодных территорий
15. Пилясов Александр Николаевич, АНО «Институт регионального консалтинга», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
16. Пластинин Александр Викторович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
17. Сабуров Александр Алексеевич, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
18. Севастьянов Дмитрий Викторович, Санкт-Петербургский государственный университет
19. Сергиенко Людмила Александровна, Петрозаводский государственный университет
20. Сергунин Александр Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет
21. Степанова Вера Владимировна, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
22. Репневский Андрей Викторович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
23. Тодоров Андрей Андреевич, ИМЭМО РАН
24. Ульяновский Виктор Иванович, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
25. Фаузер Виктор Вильгельмович, Коми научный центр Уральского отделения РАН.

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2020. № 41

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна
Ответственный секретарь — Кузнецова Елена Геннадьевна. E-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru
Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru
Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.
E-mail: e.kotlova@narfu.ru
Размещение на сайте — Кузнецова Елена Геннадьевна

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года
Свидетельство о перерегистрации — Эл № ФС77-78458 от 08 июня 2020 года
Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17
Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»
Электронный адрес редакции: e.g.kuznetsova@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 24.12.2020

ARCTIC and NORTH, 2020, no. 41

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.
Executive secretary — Kuznetsova E.G. E-mail: e.g.kuznetsova@narfu.ru
Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru
Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru
Placement on the webpage by E.G. Kuznetsova

Registration certificate Эл No. ФС77-42809 from November 26, 2010
Re-registration certificate Эл No. ФС77-78458 from June 08, 2020
Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
Address of the founder: Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
Address for correspondence: “Arctic and North” journal, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia
E-mail address of the editorial office: e.g.kuznetsova@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 24.12.2020